

Мои

Воспоминанія

Е. А. НАРЫШКИНОЙ
(РОЖДЕН. КНЯЖНЫ КУРАКИНОЙ)

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Е. А. НАРЫШКИНОЙ.

(Рожден. княжны Куракиной).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Государственная Типографія.

1906.

ГЛАВА I.

ОИ самая дальнія воспоминанія переносятъ меня въ Парижъ, гдѣ мой отецъ состоялъ первымъ секретаремъ посольства при Николаѣ Дмитриевичѣ Киселевѣ. Намъ было четверо дѣтей, изъ коихъ мой братъ Борисъ и я были старшіе—а двое младшихъ родились въ Вѣнѣ, гдѣ началась заграничная дипломатическая карьера нашего отца. Кромѣ того, самый старшій изъ насъ умеръ годовалымъ ребенкомъ, къ великому горю нашихъ родителей. Это былъ первый Борисъ,—второго, также Бориса, мой отецъ назвалъ при рожденіи *l'enfant de la consolation*, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ во все время своей слишкомъ короткой жизни. У насъ было политическое дѣтство. Съ раннихъ лѣтъ насъ окружали интересы общественнаго характера. Общительность моего отца и то обстоятельство, что посланникъ не былъ женатъ, способствовали сосредоточенію въ нашемъ домѣ дипломатическаго кружка. При моей крайней впечатлительности, присутствуя при разговорахъ и разсужденіяхъ, я безъ усилія запоминала отрывки рѣчей, облики извѣстныхъ лицъ. Въ моемъ воображеніи проходитъ цѣлая вереница личностей, тѣмъ или инымъ ознаменовавшихъ себя.

Вотъ старая графиня de Valence, дочь знаменитой въ свое время графини de Genlis. Она уже была замужемъ во время первой французской революціи, ея имя упоминается въ мемуарахъ того времени. Мы, дѣти, были друзьями ея правнуковъ и бывали у нихъ по вечерамъ, играя и рѣзвась въ то время, какъ наша мать, сидя съ ней въ гостиной въ небольшомъ кружкѣ лицъ, слушала, какъ умная и живая француженка рассказывала эпизоды изъ блестящей придворной жизни при Маріи Антуанетѣ и какъ вихрь революціи привелъ ее въ тюрьму Conciergerie, откуда она вышла на свободу, а не на гильотину только благодаря смерти Робеспьера. Отрывки этихъ рассказовъ долетали и до ушей шестилѣтней дѣвочки и запечатлѣвались въ ея воображеніи съ легкостью и вѣрностью фотографической пластинки. Къ тѣмъ же годамъ относится веселый день, проведенный мною у M-me Récamier. Не знаю, по какому случаю ей вздумалось дать дѣтскій дневной балъ, въ своемъ помѣщеніи въ Abbaye au Bois. Помню, какъ меня одѣвали, какъ coiffeur завилъ мои волосы бумажными папильотками и прижегъ ихъ щипцами такъ, что моя голова сдѣлалась кудрявой, какъ у барашка, и надѣлъ круглый вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ (primevères), и какъ я стояла на столѣ, пока оправляли мое бѣлое кисейное платье. Помню, что я была представлена старой дамѣ и старому господину, и, много лѣтъ спустя, громкія имена M-me Récamier и Chateaubriand получили для меня свое значеніе, которое, понятно, было отъ меня скрыто тогда. Съ поздравленіемъ на Новый Годъ и на Пасху

мама возила меня къ старой тетушкѣ княгинѣ Багратіонѣ. Она была дочь извѣстной красавицы графини Литта (племянницы князя Потемкина и сестры моей прабабушки княгини Голицыной). Она жила въ собственномъ своемъ домѣ въ Faubourg St. Honoré съ большимъ садомъ, который доходилъ до Avenue Gabriel въ Champs Elysées. Рослый швейцаръ съ булавой и въ треугольной шляпѣ встрѣчалъ посѣтителей у подъѣзда въ глубинѣ широкаго двора. Въ комнатахъ съ крѣпкимъ запахомъ духовъ царила тропическая жара, такъ несвойственная парижскимъ домамъ. Въ большой гостиной, слабо освѣщенной и убранной массой пальмъ и другихъ растеній, сидѣла хозяйка, всегда одѣтая въ бѣлыя прозрачныя платья, подбитыя розовымъ или голубымъ шелкомъ, съ такими же туфлями на миньятюрныхъ ногахъ. Сама она была блѣдна съ тонкими чертами лица и казалась изваянной изъ бѣлаго воска. Длинные бѣлокурыя букли окружали ея лицо. Она никогда не носила чепца. Мнѣ она казалась какимъ то волшебнымъ существомъ вродѣ феи и я чувствовала всегда извѣстную робость въ ея присутствіи. Совсѣмъ другое чувство вселяла во мнѣ другая пожилая дама Марья Яковлевна Нарышкина, рожденная княжна Лобанова-Ростовская, другъ юности моей бабушки княгини Голицыной. Онѣ вмѣстѣ были свитными фрейлинами при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Она очень любила мою мать, которую звала по имени. Съ нами была ласкова, щедра и добра, какъ настоящая бабушка и мы ее также любили. Помню еще знаменитую княгиню Ливенъ. Разъ

въ годъ, 6 Декабря, мы ее всегда видѣли въ церкви по случаю именинъ Государя, но ея имя часто произносилось у насъ. Ея значеніе было большое и въ ея салонѣ собирались по воскресеньямъ всѣ политическіе дѣятели того времени, всѣ дипломаты и государственные люди, въ числѣ которыхъ неизмѣнно былъ первый министръ Гизо.

Въ 1845 году мы совершили нашу первую поѣздку въ Россію, со времени нашего переселенія за границу. Мой отецъ, не имѣя отпуска на все лѣто, рѣшилъ, что мама уѣдетъ сначала съ нами раннею весною и будетъ ждать у матери своей, княгини Анны Александровны Голицыной, пріѣзда его, чтобы вмѣстѣ отправиться къ его отцу, князю Борису Алексѣвичу, жившему въ своемъ Орловскомъ имѣніи Куракинѣ. Онъ проводилъ насъ до Гавра, такъ какъ путешествіе наше должно было совершиться моремъ, но и до Гавра изъ Парижа пути сообщенія далеко не достигали еще въ то время современной быстроты. Желѣзная дорога шла только до Руана, а потомъ приходилось слѣдовать по Сенѣ на пароходѣ. Въ Гаврѣ къ намъ присоединилась графиня Аппони, урожденная графиня Бенкендорфъ, подруга моей матери, которая вмѣстѣ съ нами ѣхала въ Россію, и, дождавшись благопріятной погоды, на третій день мы сѣли на пароходъ „Amsterdam“ и отплыли въ дальній путь.

До сихъ поръ не изгладилось во мнѣ впечатлѣніе ужаснаго путешествія по Сѣверному морю. Впрочемъ, оно было только субъективно ужасно, такъ какъ никакой опасности намъ не грозило. Море было бурное, высокія сѣрыя

волны колыхались, пѣнясь до предѣловъ сѣраго же горизонта, сливаясь съ нимъ. Я страшно была больна морскою болѣзнью и трое сутокъ не выходила изъ каюты, гдѣ всѣ наши вещи попадали и катались по полу отъ качки. Наконецъ, я выползла, увидѣла кучку людей, смотрѣвшихъ пристально на голубую отдаленную линію. Это была Данія. Зная уже исторію Христофора Колумба, я вообразила себя имъ и съ восторгомъ закричала: „terre, terre“, какъ въ моей дѣтской книгѣ Колумбъ закричалъ, впервые увидя Америку. Въ Копенгагенѣ мы вышли на сушу; я была безумно рада, почувствовавъ подъ собой твердую почву. Мы были приняты посольствомъ, насъ угощали, катали, занимали, показали садъ Тиволи и вечеромъ мы возвратились въ свой плавучій домъ. Море утихло и приняло голубой цвѣтъ, слѣдующіе дни мы проводили на палубѣ. Нашъ пароходъ везъ первыя устрицы, которыя потомъ продавались на биржѣ; по этому случаю биржа дѣлалась весною въ Петербургѣ сборнымъ мѣстомъ, куда съѣзжалось все элегантное общество. Ъли устрицы и любовались красивыми заморскими птицами и животными, также приходившими съ первой навигаціей. На нашемъ пароходѣ везлись такіе же пассажиры. Мы бѣгали по палубѣ и играли въ прятки между высокими корзинами съ устрицами и потомъ посѣщали друзей нашихъ, сидящихъ въ клѣткахъ, дивныхъ попугаевъ и милыхъ гримасницъ обезьянокъ. Графиня Аппони была все время съ нами. Это была очаровательная молодая женщина, прекрасная музыкантша. Помню, какъ разъ она сѣла за фортепіано въ каютъ-компаніи

и запѣла. Никогда не забуду моего впечатлѣнія отъ ея голоса. Она пѣла модный романсъ Алябьева „Соловей, мой соловей“ и пѣла прекрасно. Я была внѣ себя отъ восторга; до сихъ поръ вижу ее, красивую и тонкую съ бѣлокуроыми сбитыми буклями по обѣимъ сторонамъ лица, съ ея изящными руками, украшенными кольцами, окруженную маленькимъ обществомъ нашихъ спутниковъ, внимательно слушавшихъ ея дивный голосъ. Я увѣрена, что никто глубже меня не восчувствовалъ его прелесть; этотъ моментъ былъ открытіемъ для меня такъ сильно развившагося въ послѣдствіи очарованія музыкой. Между тѣмъ мы подходили уже къ концу нашего плаванія. Намъ объявили, что на другой день въ первомъ часу будемъ въ Кронштадтѣ. Утромъ я просыпаюсь и чувствую, что стоимъ. Воображая, что мы уже пріѣхали, я съ радостью спрашиваю о томъ одѣвавшую меня дѣвушку, но оказывается, что мы окружены льдинами и не можемъ двигаться. Выбѣгаю на палубу и вижу, что вдали виднѣется Кронштадтъ, но между нимъ и нами огромное замерзшее пространство. Попытавшись безуспѣшно пробить себѣ дорогу между льдинами и достигши только того, что переломалось одно колесо парохода, которое пришлось чинить, мы принуждены были стоять на мѣстѣ. Мало по малу, истощались наши запасы провизіи и особенно прѣсной воды. Капитанъ рѣшилъ повернуть обратно на Ревель и тамъ заpastись всѣмъ нужнымъ. Помню, съ какою медленною осторожностью мы пробивались между льдинами, пока не пришли въ открытое голубое море. Въ Ревелѣ мы вышли на берегъ

и цѣлымъ караваномъ ходили по городу и за городъ. Была прелестная погода, травка и первые цвѣты меня восхищали. Графиня Аппонина оставила въ Ревелѣ и поѣхала къ своему отцу графу Бенкендорфу въ имѣніе Фаль и оттуда проѣхала въ Петербургъ на лошадахъ, мы же возвратились на нашъ пароходъ. Ледъ былъ разсѣянъ вѣтромъ или растаялъ и мы пришли благополучно безъ новаго инцидента въ Кронштадтъ. Меня поразила масса таможенныхъ чиновниковъ, высадившихся на наше судно, какъ только мы причалили, на нихъ были одѣты длинныя сѣрыя шинели съ зелеными воротниками и они писали, писали безъ конца. Меня это зрѣлище крайне удивило, часы проходили, а они все писали и писали. Наконецъ, прибыли на пароходъ старшій братъ моей матери князь Александръ Федоровичъ Голицынъ съ младшимъ братомъ княземъ Борисомъ Федоровичемъ и сталъ объясняться съ чиновниками. Подѣйствовало ли его вліяніе или работа ихъ кончилась, но насъ отпустили и мы сѣли на маленькій пароходъ, который насъ доставилъ въ Петербургъ. Трудно мнѣ описать очарованіе и трепетъ, которые овладѣли мною по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ столицѣ. Золотой куполъ Исаакіевского собора, стрѣлка Адмиралтейства выступали изъ голубого тумана и блестѣли подъ солнечными лучами. Мы стояли на палубѣ и слѣдили, какъ, мало по малу, волшебный городъ обозначался все яснѣе и яснѣе въ своихъ очертаніяхъ. Онъ мнѣ казался прекраснымъ, сердце мое билось. Церковныя зданія, подобія которымъ я никогда не видала (такъ какъ въ

Парижъ у насъ была только домовая церковь), казались мнѣ почему-то родными. Всей душой я стремилась къ моей незнакомой родинѣ, которую я инстинктивно любила, не дѣтскою, необъяснимою любовью.

Бабушка, княгиня Анна Александровна Голицына, встрѣтила насъ со слезами радости. Мы узнали, что всѣ въ Петербургѣ страшно беспокоились о насъ. Вышедшій изъ Гавра послѣ „Амстердама“ пароходъ „Le Tage“, исполнявшій, попеременно съ первымъ, рейсы до Кронштадта, прибылъ наканунѣ, а объ „Амстердамѣ“ свѣдѣній не было; опасались, что мы потерпѣли крушеніе, можетъ быть, даже и погибли, такъ какъ никто не зналъ о нашей задержкѣ льдинами и заѣздѣ въ Ревель. Насъ окружила многочисленная родня. Всѣ насъ ласкали, любовались нами и нашимъ заграничнымъ видомъ и парижскимъ акцентомъ, заставляли насъ пѣть французскія дѣтскія пѣсни; къ счастію, въ насъ слабо былъ развитъ микробъ тщеславія, а то бы мы могли въ сильной мѣрѣ имъ заразиться. Со стороны моего отца главнымъ лицомъ была Татьяна Борисовна Потемкина, сестра его матери княгини Елизаветы Борисовны, урожденной княжны Голицыной. Эта замѣчательная женщина заслуживаетъ того, чтобы о ней была написана особенная біографія. Другъ Императоровъ Александра и Николая Павловичей, она употребляла свое вліяніе и высокія связи исключительно для пользы страждущихъ и обездоленныхъ. Въ одномъ письмѣ къ Государю Николаю Павловичу она такъ выражается: „Sire, je tremble, en Vous écrivant, mais j'ai encore plus peur de la veuve

et de l'orphelin et c'est ce qui me décide à Vous adresser ma requête". Государь былъ такъ тронутъ этими словами, что далъ ей разрѣшеніе прибѣгать къ нему лично во всѣхъ случаяхъ и предложилъ ей пріѣзжать „когда Онъ будетъ ей нуженъ“ во Дворецъ Великой Княгини Маріи Николаевны, куда онъ самъ пріѣзжалъ каждый день къ двумъ часамъ во время обѣда своихъ внуковъ. Татьяна Борисовна широко пользовалась этимъ разрѣшеніемъ и, въ продолженіе всего царствованія Николая Павловича, Государь никогда не отказывалъ ей въ своей всесильной помощи. Онъ имѣлъ доброту и терпѣніе тутъ же разбирать всѣ приносимыя ею прошенія и собственноручно писалъ свои резолюціи. Понятно значеніе и вліяніе, которыя она имѣла, и сколько запутанныхъ и долго тянувшихся дѣлъ она такимъ образомъ привела къ справедливому и милостивому окончанію. Домъ ея былъ на Милліонной, когда то принадлежалъ онъ князю Александру Борисовичу Куракину, который давалъ въ немъ блестящіе балы въ присутствіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны. При Татьянѣ Борисовнѣ, онъ былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ іерархамъ нашей церкви и всѣмъ нуждающимся всѣхъ концовъ Россіи. Ея глубокое благочестіе и состраданіе ко всѣмъ видамъ людского горя привлекало къ ней массу лицъ. На каждодневные большіе обѣды съѣзжались, попеременно, все обширное родство, друзья, высшія должностныя лица и всегда бывало нѣсколько пріѣзжихъ, которымъ она давала у себя пріютъ и щедрое гостепріимство, помогая имъ въ устройствѣ дѣлъ, приведшихъ

ихъ въ столицу. Это разнородное общество встрѣчалось за пышномъ столомъ на почвѣ своеобразной христіанской простоты. Первоклассный французскій поваръ и многочисленные ливрейные лакеи свидѣтельствовали о привычкѣ хозяевъ къ широкой барской жизни, преимуществу которой они одинаково дѣлили со всѣми. Съ членами Царской Фамиліи Татьяна Борисовна была въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ, хотя и отказалась со времени первой молодости отъ участія въ придворныхъ церемоніяхъ и вечернихъ выѣздовъ. Она нерѣдко принимала ихъ у себя въ Петербургѣ, въ Гостилицахъ, Святыхъ Горахъ (Харьковской губерніи) и въ Крыму, во всѣхъ этихъ мѣстахъ у нея были роскошно обставленныя имѣнія.

Она была одна изъ первыхъ красавицъ своего времени и сохранила въ пожилыхъ годахъ свои прелестныя черты и ласкающее, доброе выраженіе глазъ, въ которыхъ свѣтилась ея любвеобильная душа. Она была первой предсѣдательницей Петербургскаго Дамскаго Тюремнаго Комитета, это дѣло ее глубоко интересовало и она вложила въ него все свое сердце, посвятивъ ему болѣе тридцати лѣтъ. Я счастлива, что мнѣ пришлось продолжать основанное ею дѣло, вслѣдствіе назначенія меня Государемъ Императоромъ Александромъ III Предсѣдательницей этого Комитета въ 1884 году. На насъ, дѣтей, она также излила свою ласку и любовь и мы отъ души подпали ея обаянію. Мы сблизились еще съ семействомъ дяди моего князя Александра Борисовича Куракина, брата моего отца, съ женой княгиней Маріей Александров-

ной, урожденной графиней Гурьевой, и дѣтьми ихъ Лизой и Борисомъ; Анатолій былъ еще младенцемъ. Мы составляли съ ними какъ бы одну семью и въ послѣдствіи, живя вмѣстѣ, мы считали ихъ родными братьями и сестрами. Я сохранила глубокую сердечную благодарность за радушіе и теплоту, съ которой встрѣтила насъ наша далекая незнакомая намъ родина. Думаю, что это впечатлѣніе способствовало къ развитію врожденнаго въ насъ патріотизма.

Бабушка, у которой мы жили въ Павловскѣ, была для насъ очень добра, она занималась съ нами, рисовала для насъ сама фигурки, которыя мы раскрашивали, и читала вслухъ „*Les Veillées du Château M-me de Genlis*“. Я страшно любила эти повѣсти и мнѣ пріятно было знать, что *Pulchérie*, о которой шла рѣчь, была та самая графиня *de Valence*, которую мы такъ хорошо знали. По приѣздѣ отца, мы уѣхали съ нимъ въ Орловскую губернію къ нашему дѣдушкѣ. Теперь, когда путешествіе совершается такъ быстро, въ удобныхъ спальныхъ вагонахъ, трудно себѣ представить всю сумму утомленія, которая выпадала на долю путешественниковъ, предпринимавшихъ столь дальній путь. Мы ѣхали въ двухъ дорожныхъ каретахъ; въ первой двухмѣстной помѣщались родители и одинъ изъ насъ попеременно на скамеечкѣ; въ другой большой четырехмѣстной остальные дѣти съ няней и Каролиной Карловной, камеръ-юнгфрой моей матери. Моя гувернантка *Miss Hunter* осталась въ Парижѣ. Надъ обоими экипажами помѣщались большіе чемоданы во весь

размѣръ крышъ кареты, а сзади были мѣста для мужской прислуги. Эти рыдваны были крайне тяжелы и тащились шестериками изъ самаго Петербурга. Было жарко, пыльно, утомительно до невозможности и казалось, что длилось бесконечно, но все имѣетъ конецъ, и мы пріѣхали въ Москву, гдѣ остановились въ нашемъ фамильномъ Куракинскомъ домѣ. Помню этотъ пріѣздъ поздно вечеромъ, какъ я старалась размять ноги, прыгая въ этихъ знакомыхъ впослѣдствіи комнатахъ. Намъ подали чай съ калачами, которые я увидѣла въ первый разъ, и кипячеными сливками, что показалось мнѣ отвратительнымъ. Между тѣмъ, мой отецъ, увидѣвъ фортепіано, тотчасъ сѣлъ за него и сталъ играть прелюдію. Какъ теперь вижу эту маленькую сцену—моя мать, разливающая чай въ описанной обстановкѣ, тутъ же управляющій Соловьевъ и мой отецъ, играющій на дребезжащихъ клавикордахъ и поющій модный тогда романсъ „Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ, ты мнѣ милъ навсегда“... Еще длинный бесконечный путь уже не по шоссе, а по грунтовымъ дорогамъ, и, наконецъ, пріѣхали въ Куракино къ важному и внушающему трепетъ старому князю. Онъ жилъ постоянно въ деревнѣ. Слишкомъ избалованный жизнью съ колыбели, единственный представитель славнаго рода, наслѣдникъ огромныхъ имѣній, онъ вступилъ въ жизнь подъ сѣнью высокаго государственнаго значенія своего отца и дяди, но извлекъ мало пользы отъ этихъ преимуществъ. Онъ былъ несомнѣнно уменъ и обладалъ высокой культурой, равно какъ и музыкальнымъ талантомъ,

но всѣ эти дарованія давали ему только поводъ къ презрѣнію другихъ и питали его непомѣрную гордость. Женившись рано по страсти на прекрасной княжнѣ Елизаветѣ Борисовнѣ Голицыной, мать которой происходила отъ старшей владѣтельной вѣтви царей Грузинскихъ, онъ, черезъ годъ, уже открыто измѣнялъ ей съ извѣстной актрисой *M-me Georges* и тѣмъ приводилъ свою жену въ отчаяніе. Она была страстная, артистическая натура, серьезно образованная подъ вліяніемъ ученаго итальянскаго аббата, приглашеннаго въ домъ, какъ воспитателя ея братьевъ, но грубоватыя натуры трехъ молодыхъ повѣсь мало его интересовали, а всѣ старанія свои онъ сосредоточилъ на развитіи богато одаренной молодой дѣвушки, въ которой нашель благодарную почву. Самъ перворазрядный классикъ, онъ читалъ съ ней въ подлинникъ произведенія латинскихъ философовъ. Она знала въ совершенствѣ итальянскій и французскій языки и писала на нихъ свободно въ стихахъ и прозой. Поэтическая натура ея проявлялась съ одинаково выработанной техникой въ литературѣ, музыкѣ, живописи. Сохранились ея прелестные стихи и портретъ ея дѣтей и сестры Татьяны Борисовны, писанные ею миниатюрой и пастелью. Въ пожилыхъ уже годахъ и больная она еще играла наизусть съ удивительной бѣгlostью и чувствомъ концерты Моцарта и Фильда. Она много страдала въ своей недолгой брачной жизни: можетъ быть, ея оскорбленная страстная натура не устояла бы противъ искушеній, если бы она не нашла опору въ невѣдомомъ для нея доселѣ новомъ

міръ. У нея, воспитанной философъ, котораго духовный санъ выражался одной сутаной, религія занимала мало мѣста въ жизни. Въ эту пору она коротко познакомилась съ французскими эмигрантами, графомъ de Maistre, Princesse de Tarrende и другими, дѣятельно занимавшимися вмѣстѣ съ іезуитами католической пропагандой. Благодаря имъ, ея жаждущая душа познала суть христіанства, и естественно она переняла также и форму, въ которой явились предъ ней высокія утѣшительныя истины, и она перешла въ римско-католическую вѣру. Она оставила свѣтъ и успѣхи въ немъ и предалась всѣмъ существомъ вновь созданному религіозному чувству, на которомъ основала свою жизнь. Но этотъ кризисъ явился слишкомъ поздно для ея расшатанныхъ нервовъ; натянутые до послѣдней степени, они не выдержали новаго сильного напора и развивающаяся постепенно психическая болѣзнь обрушилась на нее всею своей тяжестью. Столько дарованій, прелести, ума, таланта все было сметено неумолимымъ недугомъ и двадцати шести лѣтъ роду она перестала жить сознательной жизнью, сохраняя въ своемъ прозябаніи лишь проблески памяти о прежнихъ дняхъ....

Дѣдушка принялъ насъ съ удивительнымъ волненіемъ. Когда, вышедши изъ второй кареты, вслѣдъ за нашими родителями, опередившими насъ, мы прошли черезъ длинную анфиладу въ кабинетъ, мы увидѣли его стоящимъ на кофѣняхъ посреди комнаты и громко благодарящимъ Бога, приведшаго насъ къ нему. Всѣ были въ слезахъ. Были ли эти восторги искренни?..

Безъ сомнѣнія. Онъ чувствовалъ сильно, но онъ такъ окружилъ себя раболѣпствомъ и лестью, въ атмосферѣ которой онъ игралъ роль какого то сверхъ-человѣка, что привычка къ сосредоточію всѣхъ интересовъ на себѣ взяла свое, и его жизнь, не смотря на наше присутствіе, осталась попрежнему помпозно одинокой.

Намъ отвели особый небольшой каменный домъ. Въ такомъ же точно домѣ помѣщался дядя, князь Александръ Борисовичъ, пріѣхавшій представить въ первый разъ свою жену, княгиню Марію Александровну (послѣ, однако, 8-лѣтняго супружества). Общій садъ соединялъ эти дома, и въ немъ были устроены для насъ первыя видѣнныя нами русскія качели.

Строгій этикетъ былъ установленъ въ Куракинѣ. Утромъ, посылалось узнавать о здоровьѣ князя, и, до возвращенія посланнаго, иногда долго задержаннаго, нельзя было идти гулять, такъ какъ это было бы признакомъ малаго интереса къ просимымъ свѣдѣніямъ. Къ обѣду, къ 5 часамъ передъ нашими домами подавались двѣ коляски съ четверней цугомъ для выѣзда въ большой домъ. Къ этому времени мама и тетя нарядно одѣвались, и мой отецъ былъ во фракѣ. Разумѣется, мы всегда шли пѣшкомъ, и наши экипажи слѣдовали за нами. Послѣ торжественнаго и пышнаго обѣда, насъ отпускали, и мы ѣздили кататься по окрестностямъ.

Помню, какъ мой отецъ поднималъ свою высокую сѣрую шляпу, отвѣчая на привѣтствія встрѣчаемыхъ крестьянъ, а дядя только кивалъ своей покрытой кавалергардской фуражкой го-

ловою и смѣялся надъ поклонами своего брата. Вечеромъ, въ десять часовъ, большіе опять бывали у отца на ежедневномъ концертѣ изъ собственныхъ музыкантовъ, на который они получали каждый разъ особое приглашеніе. Въ паркѣ были разные храмы и бесѣдки, между прочими, храмъ философіи довольно несообразно былъ окруженъ двѣнадцатю пушками. Каждый день, за полчаса до обѣда, палили изъ одной изъ нихъ, а въ торжественный моментъ, когда садились за столъ, раздавался второй выстрѣлъ. Въ дни нашихъ именинъ, палили изъ всѣхъ пушекъ по чину, для насъ, внуковъ, обходился кругъ одинъ разъ, т. е. было двѣнадцать выстрѣловъ; для второго поколѣнія два раза, а для самого князя три раза, т. е. было тридцать шесть выстрѣловъ.

Онъ былъ окруженъ обществомъ управляющихъ, главныхъ и другихъ секретарей, всякаго рода фаворитокъ, которыя интриговали между собою, сплетничали на дѣтей и обкрадывали его ужаснымъ образомъ. Многіе изъ нихъ и потомство ихъ имѣютъ до сихъ поръ дома и имѣнія, нажитые безъ особаго труда.

Иногда, при насъ, говорилось о разныхъ инцидентахъ, касавшихся этого міра, и, чтобы мы не понимали, о комъ шла рѣчь, звали дѣдушку *Le Grand Voisin*. Но мы прекрасно понимали и сами стали звать его этимъ именемъ.

Всѣ они исчезали при появленіи семьи. Иногда только мы ихъ встрѣчали на нашихъ катаньяхъ, при чемъ замѣчалось, что ихъ лошади и коляски были лучше тѣхъ, которыя намъ отпу-

скались. Конечно, мы только впоследствии узнали, кто были эти незнакомцы.

Тогда, вся обстановка поражала насъ исключительно своею странностью. Воспитаннымъ, какъ европейскія дѣти, намъ казалось, что мы перенесены въ какое-то отдаленное царство, гдѣ мы стали какими-то царьками и, какъ будто, переживали волшебную сказку на яву. Думаю, что мой дѣдъ переживалъ ту же сказку и наполнялъ пустоту своей жизни самопоклоненіемъ и мелочнымъ этикетомъ, который подчеркивалъ его величіе.

Съ ранней молодости онъ привыкъ къ большому свѣту и сохранилъ въ одиночествѣ всѣ привычки изящной жизни. Ни на одинъ моментъ онъ не опустился. Карьера его началась блистательно. Двадцати лѣтъ онъ сопровождалъ отца своего, назначеннаго чрезвычайнымъ посломъ для присутствія на свадьбѣ Наполеона съ Маріей-Луизой, тогда какъ его дядя князь Александръ Борисовичъ уже состоялъ въ Парижѣ постояннымъ посломъ, такъ что всѣ трое князей Куракиныхъ были представителями Россіи на этомъ торжествѣ. Онъ очень рано былъ сенаторомъ и въ этомъ званіи произвелъ ревизію въ Сибири. По возвращеніи своемъ, можетъ быть, по преувеличенному представленію о своихъ заслугахъ, а можетъ быть и по основательнымъ причинамъ, онъ счелъ себя обиженнымъ и не по достоинству оцѣненнымъ и, не перенеся этого укола своему самолюбію, демонстративно оставилъ службу, и удалился въ свое имѣніе, гдѣ сталъ будировать Дворъ. Вѣроятно, онъ ждалъ, что его вызовутъ, но

этого не случилось, и, не будучи сорока лѣтъ отъ роду, онъ обрекъ себя на одиночество. Человѣка его характера и его привычекъ жизнь въ отдаленной деревнѣ, какъ-бы роскошно она ни была обставлена, не могла удовлетворить. Думаю, что взятая на себя роль владѣтельной особы до нѣкоторой степени заглушала его тоску. Онъ много читалъ и писалъ огромныя письма прекраснымъ французскимъ слогомъ, гдѣ представлялъ себя мудрецомъ, отрѣшившимся отъ шума и свѣта и вкушающимъ спокойствіе уединенія. Но въ этихъ письмахъ слишкомъ ясно сквозить горечь и неудовлетворенное самолюбіе. Въ окружающемъ его обществѣ онъ встрѣчалъ одну лесть и раболѣпную покорность, и чувство своего огромнаго умственнаго превосходства надъ ними питало въ немъ презрѣніе къ людямъ и сознаніе, что онъ созданъ изъ иного, чѣмъ большинство изъ смертныхъ, тѣста. Полагаю, что онъ былъ глубоко несчастенъ. Къ тому же, денежныя дѣла его запутывались, пришла роковая минута, когда обнаружилось, что онъ состоялъ должникомъ 12 милліоновъ. Полное раззореніе было на волоскѣ. Оно было только устранено вліяніемъ кн. Анны Александровны Голицыной, моей бабушки, благодаря связямъ которой было установлено надъ куракинскими имѣніями попечительство. Не смотря на это учрежденіе, князь Борисъ Алексѣевичъ былъ мало стѣсненъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ. Конечно, нѣкоторыя изъ имѣній пришлось продать, но то, что оставалось, было еще значительно, и мы видѣли въ Куракинѣ, что образъ жизни его былъ широкъ попрежнему.

Послѣдніе годы онъ ѣздилъ въ Пятигорскъ на лѣченіе. Что такое были эти поѣздки съ самаго Куракина на долгихъ, съ своими лошадыми и экипажами, съ остановкой каждую ночь—трудно теперь вообразить. Впереди ѣхалъ фургонъ съ поварами, кухонной и серебряной буфетной посудой; за нимъ дормёзъ князя и цѣлый караванъ съ секретарями, камердинерами, съ фавориткой и ея штатомъ. Замыкался обозъ другимъ фургономъ, гдѣ помѣщалась складная мебель, чуть не на цѣлую комнату. Желѣзная кровать съ зелеными шелковыми занавѣсками, ширмы, столики, всѣ принадлежноти для туалета изъ серебра. И такимъ образомъ ѣхали до Пятигорска каждое лѣто и осенью возвращались оттуда. Въ послѣднюю такую поѣздку, осенью 1850 г. на обратномъ пути, онъ долженъ былъ остановиться въ Харьковѣ и тамъ тяжело занемогъ. Къ счастью его, въ Харьковѣ одновременно пріѣхала свояченица его Татьяна Борисовна Потемкина, возвращающаяся изъ своего Святогорскаго имѣнія. Они въ продолженіе многихъ лѣтъ не видѣлись, такъ какъ отношенія между княземъ и семьей его несчастной жены были почти прерваны. Но, узнавъ объ его болѣзни, она тотчасъ же отправилась къ нему. Съ ней былъ состоящій при ней докторъ, М. Patenôtre. Состояніе князя было настолько серьезно, что она рѣшилась не покидать его. Для умирающаго присутствіе Татьяны Борисовны было какъ Богомъ посланное. Ея глубокая религіозность нашла доступъ къ его душѣ и пробудила въ ней источникъ добра, заглушенный его эгоистиче-

скимъ самопоклоненіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изящность ея и умный разговоръ окружили его природной атмосферой, отъ которой онъ отвыкъ, но которую не могъ забыть. Онъ внималъ ея словамъ и принялъ съ радостью выписаннаго ею настоятеля Святогорскаго монастыря, отца Арсенія. Его бесѣды и молитвы тронули его до того, что онъ далъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, поступить въ число братіи управляемаго имъ монастыря.

Но не суждено было ему исполнить этотъ обѣтъ. Онъ тихо скончался, примиренный со своею совѣстью, съ теплыми выраженіями благодарности и любви ко всѣмъ окружающимъ и къ отдаленнымъ своимъ дѣтямъ.

Такъ какъ, въ силу обѣта, его считали какъ бы поступившимъ въ монастырь, его отпѣвали какъ монашествующаго, и онъ погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ. Ему было 66 лѣтъ.

Послѣ пребыванія въ Куракинѣ, мой отецъ долженъ былъ возвратиться въ Парижъ, а мы съ мама остались въ Россіи до осени. Обратное путешествіе было длинное и трудное. Въ октябрѣ, при холодномъ вѣтрѣ и бурномъ морѣ, изъ Кронштадта до Любека, потомъ въ Гамбургъ, оттуда почему то въ Амстердамъ, въ Антверпенъ и, наконецъ, до Парижа на лошадяхъ. Удивляюсь, какъ молодая женщина, какъ мама, могла справиться со всѣми хлопотами столь дальняго пути, въ такое время года и съ четырьмя дѣтьми, изъ коихъ старшему было 7 лѣтъ, а младшему 3 года. Съ нами также ѣхалъ нашъ новый учитель Константинъ Васильевичъ Васильевъ, только что окончившій

университетъ и съ радостью принявшій предложение поступить къ намъ, такъ какъ путешествія за границу были сопряжены тогда съ большими затрудненіями и расходами.

Уроки съ нимъ начались безотлагательно по нашемъ приѣздѣ. Я уже умѣла бѣгло читать и писать по русски и по французски съ 4-хлѣтняго возраста, а, спустя годъ, я выучилась тому же по англійски съ моей гувернанткой. Новѣйшіе педагоги находятъ, что ребенка слѣдуетъ начинать учить гораздо позднѣе, но мой опытъ показаль, что раннее развитіе, когда оно не насильственно, не приноситъ никакого вреда здоровью. Напротивъ, я думаю, что одновременное развитіе физическихъ и умственныхъ способностей вполне нормально и даетъ всему существу гармоничное уравниженіе. Мама сама выучила меня, почти шутя, моимъ первымъ познаніямъ. Вмѣстѣ съ уроками священной исторіи по книжкамъ Г-жи Зонтагъ обучалась первымъ двумъ правиламъ ариѳметики, составляя сложеніе и вычитаніе изъ служившихъ намъ, вмѣсто цифръ, шоколадинокъ, которыя я, послѣ урока, съѣдала. Съ прибытіемъ Константина Васильевича, начались болѣе систематическіе уроки. Я училась вмѣстѣ со старшимъ братомъ Борисомъ, очень способнымъ мальчикомъ, такъ что мое вниманіе поддерживалось его вниманіемъ и быстротою его отвѣтовъ; Константинъ Васильевичъ былъ рѣдкій учитель, все, чему я выучилась съ нимъ, осталось на всю жизнь основаніемъ послѣдующихъ, приобрѣтенныхъ знаній. Онъ читаль намъ свой собственный курсъ по всѣмъ предметамъ и умѣль возбудить

въ насъ интересъ къ нимъ. Напр., проходя исторію Греціи, мы во время другого урока, русскаго языка, переводили съ французскаго на русскій языкъ мѣста изъ „Voyage du jeune Anarchasis en Grèce“, и историческіе факты получали жизненную окраску, сообщенную описаніями аббата Barthélémy. Меня очень занимали рассказы о философскихъ школахъ, особенно нѣкоторыя положенія софистовъ. Само собою разумѣется, что эти познанія были крайне поверхностны, но все же ихъ характеръ былъ переданъ вѣрно. Я получила отъ нихъ зародыши понятія о движеніи человѣческой мысли. Я тоже очень любила мифологію и плѣнялась рассказами о похожденіяхъ греческихъ боговъ; мы рисовали ихъ атрибуты и были очень довольны, когда узнавали ихъ въ аллегорическихъ картинахъ и статуяхъ. Русскую исторію мы любили и отлично знали даже удѣльную систему съ переплетавшейся генеалогіей разныхъ князей и имѣли ясно въ умѣ хронологическій порядокъ ихъ. Лѣтомъ, къ пополненію нашихъ знаній, мы читали отрывки изъ Карамзина, а также Иліады, въ переводѣ Гнѣдича. Въ этомъ году пріѣхалъ въ Парижъ назначенный при посольской церкви молодой священникъ Іосифъ Васильевичъ Васильевъ. Его имя сдѣлалось извѣстнымъ, какъ одно изъ самыхъ блестящихъ среди нашего духовенства. Онъ былъ сразу радушно принятъ моими родителями и былъ единственнымъ нашимъ законоучителемъ и первымъ духовникомъ. Онъ положилъ непоколебимое основаніе моей религіозной жизни своими пре-

красными еженедѣльными уроками, которые онъ въ продолженіе 7-ми лѣтъ неукоснительно давалъ намъ. Мы знали догматы нашей вѣры, какъ маленькіе богословы. Пространный катехизисъ Филарета не казался намъ сухимъ при объясненіяхъ батюшки. Тексты мы, наперерывъ, отчеканивали наизусть и переводили ихъ по русски. Богослуженіе, исторія церкви, раздѣленіе церквей, различіе между ними, все это намъ интересно преподавалось. Живя въ католической странѣ и имѣя протестантскихъ англійскихъ гувернантокъ, мы чувствовали потребность имѣть свое и гордиться имъ. Обрядная сторона была не сложна. На нее обращалось мало вниманія. Праздники мы знали только двенадцатые. Вообще, не отягощали насъ внѣшними правилами, но то, что мы имѣли, того мы держались крѣпко. Одинъ эпизодъ можетъ служить тому примѣромъ. Графиня de L'Aigle, внучка графини de Valence, предложила взять меня со своими дочерьми, моими подругами Mathilde и Geneviève на дѣтскій дневной праздникъ, на который я была приглашена. Это былъ день Крещенскаго сочельника. Мама отпустила меня, упомянувъ только, что, не смотря на сочельникъ, она не хочетъ лишиться меня удовольствія. Я была крайне живая дѣвочка и очень любила выѣзды. Тамъ мнѣ было очень весело. Послѣ игръ и всякихъ удовольствій, дѣтей усадили за большой столъ, уставленный всякими сладостями. Я была большая лакомка, но, не смотря на это, я отказалась отъ шоколада и всего, что мнѣ предлагали, исключая компота и постнаго чая, котораго я

не могла терпѣть, потому что я знала, что сочельникъ былъ для насъ постный день. Вечеромъ мама видѣла графиню de L'Aigle, которая спросила у нея: не больна ли я была, такъ какъ я ничего не ѣла, кромѣ чая безъ сливокъ. Мама объяснила ей причину моего воздержанія. Графъ сказалъ: „Mais tous ces petits gâteaux étaient maigres.“ И мама объяснила ему различіе между нашимъ постомъ и католическимъ, и оба они очень удивились, что дѣвочка семи лѣтъ такъ хорошо знаетъ и исполняетъ уставы своей церкви, а также, что такіе уставы существуютъ у схизматиковъ.

Меня начали учить на фортепьяно. Музыку я всегда очень любила и прилагала всѣ старанія, чтобы научиться хорошо играть. Я всегда слушала съ восхищеніемъ, когда, по окончаніи урока, моя учительница играла ту пьесу, которую я съ трудомъ разбирала. Музыка всегда имѣла для меня глубокій смыслъ, который я старалась передать въ неуклюжихъ стихахъ. То, что я называла этимъ именемъ, и другія сочиненія были часто для меня источникомъ горькихъ слезъ. Братъ и сестра ими овладѣвали и читали громко, съ паѳосомъ, смѣясь надъ ними. Конечно, мои произведенія другого не стоили, но для меня они изливались изъ самаго *sanctum sanctorum* моей души, и я придавала имъ свое личное значеніе. Кончалось тѣмъ, что я набрысывалась съ кулаками на моихъ критиковъ, плакала, сердилась, меня наказывали, увѣщевали, я каялась, но не исправлялась, такъ какъ я была очень вспыльчивая, и все таки продолжала писать стихи.

Лѣто проводили мы въ живописныхъ и милыхъ мнѣ по воспоминаніямъ окрестностяхъ Парижа. Разъ былъ нанятъ Château de la Jonchère близъ Bougival. Это былъ прекрасный домъ съ большимъ садомъ не далеко отъ Сены, по которой мы катались на лодкѣ. А съ другой стороны дома простирался дивный лѣсъ изъ каштановыхъ деревьевъ. Другой разъ, когда мы жили въ St. Germain, мой отецъ былъ приглашенъ герцогомъ Омальскимъ на охоту въ знаменитый Forêt. Онъ поѣхалъ верхомъ и взялъ съ собою моего брата Бориса, которому было только девять лѣтъ и который, на своей маленькой лошаdkѣ, слѣдовалъ за охотой въ продолженіе 5-ти часовъ. Мы были очень горды этимъ его подвигомъ.

Такъ засталъ насъ 1848 годъ. Уже съ нѣкоторыхъ поръ чувствовалось броженіе въ политическомъ мірѣ, и разговоры принимали все увеличивавшійся тревожный оттѣнокъ. Не берусь написать объективно исторію февральской революціи. Здѣсь мѣсто только личнымъ моимъ воспоминаніямъ, и потому коснусь историческихъ фактовъ только, насколько они отражались въ моихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ. Дня за два до катастрофы, мои родители были вечеромъ въ Тюлерійскомъ дворцѣ. Король, снисходя къ буржуазному духу своего правленія, упростилъ, насколько могъ, этикетъ, обычный при всѣхъ дворахъ. Такъ, предоставлялось извѣстнымъ лицамъ пріѣзжать вечеромъ, безъ приглашенія и по своему личному усмотрѣнію, и уѣзжать, не дожидаясь, чтобы ихъ отпустили. Послѣ званаго обѣда или вечера, такой визитъ

былъ обязательнѣнъ. Государь Николай Павловичъ не разрѣшалъ русскимъ путешественникамъ представляться къ французскому двору, и такъ какъ никто изъ членовъ посольства не былъ женатъ, кромѣ моего отца, то моя мать была единственная русская дама, бывшая въ Тюлери при Орлеанахъ. Въ этотъ день вся Королевская семья была спокойна и радостна. Король долго говорилъ съ моимъ отцомъ, гуляя съ нимъ по комнатамъ, а мама сидѣла съ Королевою и Принцессами вокругъ стола, гдѣ каждая изъ нихъ, имѣя передъ собою подсвѣчникъ изъ севрскаго фарфора съ абажуромъ, держала въ рукахъ работу. Такова была обычная обстановка этихъ вечеровъ. Въ предшествующіе дни были волненія по случаю банкета, который желали устроить въ Champs Elysées въ честь Blanqui. Банкетъ былъ только что разрѣшенъ на 21 февраля, и всѣ думали, что этимъ достигнется успокоеніе умовъ. 20 февраля мы, какъ всегда, встрѣтились съ своими подругами въ Champs Elysées и, уходя, говорили, прощаясь: „Demain nous ne viendrons pas, parce qu'il y aura une révolution“. Намъ казалось забавно и важно произнести это грозное слово, не сознавая его значенія. Но, такъ какъ банкетъ долженъ былъ имѣть мѣсто въ Champs-Elysées, то насъ заранѣе предупредили, что въ этотъ день мы не пойдемъ туда гулять. 21 февраля, во вторникъ утромъ, мама готовилась идти съ сестрой на курсы M. Colart, гдѣ мы учились общимъ предметамъ и особенно французскому языку. Но ей сказали, что улицы полны толпой. Мы просидѣли дома цѣлый день.

Мой отецъ отправился въ посольство и послалъ намъ оттуда два раза извѣстія тревожнаго характера. По улицамъ слышны были уже крики: („долой Короля“) „à bas le roi, à bas Guizot“, уличные мальчишки били окна, толпа приняла угрожающій видъ и начала врываться въ дома и въ оружейныя лавки, чтобы ихъ ограбить. Вечеромъ, у насъ должно было быть маленькое собраніе, но, конечно, никто не пріѣхалъ. На другой день, состояніе еще ухудшилось. Мы узнали, что національная гвардія побраталась съ инсургентами и что строятся баррикады. Такъ какъ у моего отца были ружья и дорогіе кавказскіе кинжалы и сабли, то утромъ этого дня ихъ зарыли въ саду вмѣстѣ съ серебряными вазами и потомъ сравняли землю. Мы, дѣти, усердно топтали это мѣсто, думая принести свою долю пользы нашей оборонѣ. Муниципальная гвардія была еще вѣрна Королю; происходили стычки и раздавались выстрѣлы, и говорили уже о раненыхъ и убитыхъ въ отдаленныхъ кварталахъ. У насъ близъ Champs-Élysées все было тихо, но всѣ были очень возбуждены. Со всѣхъ сторонъ приносили намъ вѣсти, все болѣе и болѣе тревожныя. Знакомые всякихъ категорій то и дѣло входили и выходили отъ насъ, и нѣкоторые русскіе, оставшіеся въ отеляхъ, искали у насъ защиты. Многіе собирались уѣхать изъ Франціи.

На третій день, въ четвергъ, 23-го, пронеслась вѣсть объ отреченіи Короля въ пользу внука, графа Парижскаго, съ регентствомъ его матери, герцогини Орлеанской, и о бѣгствѣ его съ остальной семьей въ Англію. Оставшаяся въ

Парижѣ, герцогиня Орлеанская, отправилась съ сыномъ въ Палату, во время засѣданія, чтобы представить народу новаго Короля. Но, при ужасномъ смятеніи, молодой графъ Парижскій (нашъ ровесникъ) чуть не былъ задушенъ, и герцогиня мать съ трудомъ спаслась съ нимъ и должна была послѣдовать за прочими членами Королевскаго дома въ Англію.

Послѣ этого событія республика была провозглашена, и временное правительство учреждено. Толпа ринулась въ опустѣвшій Тюлерійскій дворецъ. Бѣгство Королевской семьи было такъ внезапно, что все сохраняло еще слѣды ихъ ежедневной жизни. Много было сдѣлано опустошеній и расхищено драгоценностей. Инсургенты въ блузахъ надѣвали на себя парадныя атласныя и бархатныя платья Принцессъ, покрытыя дорогими кружевами, и ихъ наколки и шляпы на свои головы. Въ этомъ безобразномъ видѣ они выбѣгали на улицу. Тронъ былъ взятъ и сожженъ въ саду. Несшіе его рабочіе, которые, какъ французы, всегда имѣютъ *le mot pour rire*, говорили между собою; „*ce sera la première fois, que le trône aura eu le soutien du peuple*„.

Положеніе было критическое. Къ счастью, Ламартинъ, участвовавшій во временномъ правительствѣ, сталъ его центромъ и своимъ краснорѣчіемъ сумѣлъ удержать порядокъ. Его обаяніе было замѣчательно, и способность импровизировать рѣчи поразительна. Депутатіи за депутатіями являлись къ нему безостановочно, требуя каждая для себя извѣстныхъ правъ. Каждую онъ умѣлъ отпустить спокойной и доволь-

ной. Его рѣчь лилась широкой и блестящей, и французы, плѣняемые формою, какъ древніе афиняне, были побѣждены ею.

Мы, дѣти, были окружены этой политической атмосферой и принимали въ ней участіе по своему. Имена главныхъ лицъ были знакомы намъ, и предметы вождельнѣй депутацій, обсуждаясь при насъ, открывали намъ существованіе волнующихъ до сихъ поръ современниковъ соціальныхъ вопросовъ.

Константинъ Васильевичъ принималъ живѣйшій интересъ въ развивающихся событіяхъ. Симпатіи его не были тайныя, и мои родители сочли нужнымъ просить его умѣрить выраженіе ихъ при насъ. Онъ повиновался, но молчаливый протестъ его мы отгадывали, когда въ разговорахъ при немъ касались ежедневныхъ дѣлъ. Онъ бывалъ въ клубахъ и на собраніяхъ рабочихъ, что не могло не интересовать молодого чело-вѣка. Внѣшнимъ образомъ онъ выражалъ свои симпатіи куреніемъ камфарныхъ папиросъ, рекомендованныхъ, какъ панацею противъ заразы, ярымъ республиканцемъ докторомъ Распайлемъ, впервые открывшимъ тогда существованіе микро-организмовъ.

Очень скоро Парижъ принялъ свой обычный видъ. Только въ Champs-Élysées, куда мы по прежнему ходили каждый день, появились группы, чело-вѣкъ по сорока, въ блузахъ, которые добродушно и вяло счищали едва замѣтную травку въ аллеяхъ. Для этой работы достаточно было бы одного мальчика. Это были рабочіе, оставшіеся безъ работы, которые, въ силу новаго принципа: *le droit au travail*, получали отъ казны

два франка въ день за этотъ трудъ. Часто мы встрѣчали разныя депутаціи, идущія въ ратушу съ своими петиціями, и иногда символическія колесницы, гдѣ дѣвицы въ трико и балетныхъ кисейныхъ платьяхъ, между гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ, изображали ту или другую гражданскую добродѣтель (*vertu civique*). Я заглядывалась на эти колесницы и завидовала этимъ дамамъ въ ихъ парадированіи, не замѣчая, что онѣ дрожали отъ холода въ своихъ легкихъ костюмахъ, при рѣзкомъ мартовскомъ вѣтрѣ. На многихъ площадяхъ города сажали тополи, называемые *arbres de la liberté*. Военныя церемоніи сопровождали такія насажденія, и священники благославляли ихъ и кропили святой водой. Увы, если бы теперь вздумали возобновить такія церемоніи, то священники не были бы призваны участвовать въ нихъ.

При внѣшнемъ затишьѣ, умы волновались, и всѣ утопіи развивались въ брошюрахъ, въ рѣчахъ, въ страстныхъ разговорахъ и попадали, наконецъ, подъ карандашъ „*Cham'a*“ въ его остроумныя карикатуры. У насъ ихъ было нѣсколько тетрадей. Признаюсь, мы больше черезъ нихъ познакомились съ именами *Proudhon*, *Considérant*, *Enfantin* и проч., и съ предлагаемыми ими рецептами для блага человѣчества. Всѣ разговоры были проникнуты этими темами. Никакого правительства не существовало, спокойствіе поддерживалось привычкой, но не властью. Однако масса безработныхъ рабочихъ увеличивалась и представляла большую опасность, тѣмъ болѣе, что броженіе среди нихъ

росло, а средства на поддержаніе ихъ истощались. На парадѣ, на Марсовомъ полѣ, 10 Мая, крайняя партія выкинула красный флагъ и хотѣла провозгласить анархію. Тутъ красно-рѣчь Ламартина опять сослужило свою службу. Отстаивая трехцвѣтный флагъ, свою пламенную рѣчь онъ заключилъ: „Le drapeau tricolore a fait le tour du monde, tandis que le drapeau rouge n'a fait le tour que du Champ de Mars“.

Волненіе успокоилось до іюня мѣсяца, когда возстаніе вспыхнуло съ небывалою яростью и наступили ужасныя, такъ называемыя „journées de juin“.

Мы въ это лѣто не ѣздили на дачу, ожидая каждую минуту отозванія посольства. Всѣ наши вещи заранѣе были уложены. Въ продолженіе трехъ дней буквально все мужское населеніе Парижа было на баррикадахъ, сражаясь въ томъ или другомъ лагерѣ. Всѣ лавки были закрыты, въ каждомъ домѣ пробавлялись имѣющейся провизіею. Всѣ женщины трепетали за судьбу своихъ мужей, или сыновей и всѣ, мы въ томъ числѣ, щипали корпію для раненыхъ и изготовляли компрессы и бинты. Не было различія состоянія или положенія, сыновья пэровъ и герцоговъ дрались наравнѣ съ другими. Постоянно слышенъ былъ отдаленный гулъ артиллерійскихъ снарядовъ и бой барабана учащеннымъ темпомъ, называемымъ „la générale“. Фантастическіе рассказы съ ужасомъ передавались. Вдругъ мы узнали, что убитъ Монсиньеръ Affre, архіепископъ Парижскій. Это извѣстіе произвело огромное впечатлѣніе. Дѣйствительно,

этотъ достойный пастырь, проникнутый высокою своего призванія, появился на баррикадахъ во время сраженія, съ увѣщаніемъ прекратить братоубійственную рѣзню. Онъ палъ, сраженный пулею, неизвѣстно кѣмъ направленною, но кровь его не была пролита даромъ. Окруженный инсургентами и солдатами, которые со слезами цѣловали его руки, онъ умеръ съ утѣшеніемъ, что долгъ свой онъ свято исполнилъ и что жизнь свою онъ отдалъ за братьевъ своихъ. Послѣ его смерти, битва прекратилась и инсургенты сдались. Вспоминая этотъ эпизодъ, я невольно грустно сравниваю поступокъ Monseigneur Affre съ апатіей, проявленной нашимъ духовенствомъ во время мятежа въ Петербургѣ, 9-го января 1905 г. Какъ высоко могли поставить себя наши іерархи, выступая посредниками между обманутыми рабочими и православнымъ Царемъ. Во время всеобщаго смятенія, одно духовенство спало мертвымъ сномъ. Изъ среды его одно только имя прославилось. . . . имя Гапона. Ни одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ іерарховъ и самыхъ популярныхъ священнослужителей не поднялъ голоса, не пришелъ къ этимъ бѣднымъ овцамъ, чтобы помочь имъ разобраться въ коварныхъ совѣтахъ, которыми ихъ искушали и толкали на гибель. Ни одинъ не выступилъ, чтобы остановить ихъ во время въ этотъ роковой день. Чѣмъ бы рисковали они? . . Рабочіе были безоружны, а, если бы пуля революціонера и нашла бы одного изъ нихъ, то онъ бы умеръ, подобно архіепископу Парижскому, мученикомъ своего христіанскаго призванія. Но этого бы не случилось. Агита-

торы поняли бы, что такое злодѣяніе обратило бы противъ нихъ самихъ весь гнѣвъ народа и что ихъ дѣло было бы проиграно надолго.

Такая апатія не составляетъ характернаго явленія въ традиціяхъ русскаго духовенства. Вспомнимъ имена Св. Сергія, митрополитовъ—Алексія, Филиппа, Гермогена и современнаго намъ Филарета. Всѣ они принимали участіе въ вопросахъ, волновавшихъ общество. Даже, въ дни описываемаго мною дѣтства не было той пассивности передъ свѣтскою властью, которая развилась особенно въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Послѣдній пунктъ въ катехизисѣ Филарета, упраздненный въ новѣйшихъ изданіяхъ, былъ слѣдующій: на вопросъ, что должно дѣлать, если повелѣніе правителей явно противорѣчитъ Закону Божію, стоялъ отвѣтъ: надо сказать, какъ Апостолы сказали Синедріону: Судите сами, кого мы должны слушаться болѣе, васъ или Бога.

Такой отвѣтъ предполагаетъ независимость въ сужденіяхъ и руководство своею совѣстью, а не однимъ слѣпымъ повиновеніемъ.

Духовный наставникъ нашъ, Іосифъ Васильевичъ, въ открытой перепискѣ съ епископомъ Нантскимъ, заявившемъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ паствѣ, что въ православной церкви Государь есть глава церкви, убѣжденно и убѣдительно доказывалъ, въ рядѣ писемъ, ошибочность этого понятія. То же самое писалъ и исповѣдывалъ ученый аббатъ Гетте, перешедшій изъ католичества въ православіе. Но съ 1880 г. свѣтское вліяніе все болѣе и болѣе преобладало въ рѣшеніи всѣхъ религіозныхъ вопросовъ и это давленіе привело духовенство къ атрофіи своихъ

жизненных силъ. Мы стоимъ теперь на рубежѣ новаго порядка вещей и среди кризиса, который можетъ или возродить насъ, или ввергнуть въ пучину страшныхъ бѣдствій. Откуда явится принципъ возрожденія нашего? . . . По моему крайнему убѣжденію, одна церковь можетъ дать его, но она должна сама пробудиться и одухотвориться. Въ настоящемъ ея состояніи, мы вправѣ спросить, какъ у пророка Іезекіила предъ сухими костями: „Сыне человѣче, оживутъ ли кости сіи?“ Пророкъ отвѣчалъ: „Господи Боже, ты вѣси сіе. Кости ожили и сдѣлались живымъ организмомъ“. Надо пламенно молиться, чтобы тотъ духъ, который совершилъ это чудо въ видѣніи вѣщаго Пророка, проникъ бы въ дѣйствительности во всѣ прекрасныя, но безжизненные формы нашей великолѣпной обрядности, и чтобы символы привели наконецъ къ великимъ идеямъ, которымъ они служатъ прообразами.

Но возвратимся къ моему дѣтству. Послѣ умиротворенія, начали готовиться къ избранію президента республики. Лѣто было удушливое, воздухъ въ Парижѣ испорченъ міазмами человеческой крови, мы поблѣднѣли и утомились и были рады ухъхать въ сентябрѣ въ Діеппъ, на морскія купанья. Морской воздухъ оживилъ насъ. Я была въ восторгѣ отъ бушующаго моря, разбивающаго свои пѣнящіяся волны о скалы, и любила оглушительный ревъ моря при сильномъ вѣтрѣ.

Все общество сходилось на пляжъ, было много знакомыхъ, и, разумѣется, толковали исключительно о политикѣ. Вся Европа была охвачена пламенемъ революціи. Въ Италіи король Карль

Альбертъ воевалъ съ австрійцами. Мы встрѣчали каждый день мать его, княгиню Монлеаръ, съ которой мои родители много разговаривали. Это была высокая, полная женщина, съ мужскимъ голосомъ и съдыми усиками. Ее сопровождалъ всегда хромою и тщедушный мужъ ея, много ниже ея ростомъ. Она была по рожденію эрцгерцогиней австрійской, и Monsieur Monléart состоялъ при ней, въ качествѣ слишкомъ приближеннаго секретаря. Разъ, во время одного свиданья, находясь въ опасности быть открытымъ, онъ бросился изъ окна ея комнаты и сломалъ себѣ ногу. Отсюда его хромота. Вслѣдствіе происшедшаго скандала, она вышла за него замужъ; онъ получилъ титулъ князя, а она отрѣшилась отъ своего царственнаго сана и перешла въ частную жизнь. Впослѣдствіи, послѣ ея смерти, онъ женился на богатѣйшей англичанкѣ, которая желала красоваться его титуломъ, но, онъ, взявъ деньги, не удовлетворилъ ея тщеславію и держалъ ее на ногѣ морганатической супруги. Когда она умерла и онъ былъ обладателемъ всего ея богатства, уже въ глубокой старости, онъ женился въ третій разъ, на ровесницѣ моей, одной изъ первыхъ подругъ моего дѣтства, Félicie de la Tremoille, несмотря на то, что она годилась ему во внучки, или въ правнучки. Мѣсяца черезъ три онъ умеръ самъ, оставивъ ей все свое состояніе. Она надѣла легкій элегантнѣйшій трауръ и стала жить широкой свѣтской жизнью. Я была такъ возмущена ея поступкомъ, что не хотѣла возобновить знакомства съ ней и потеряла ее изъ виду.

Изъ впечатлѣній Діеппа выдается поѣздка на

развалины Château d'Arques, гдѣ Генрихъ IV одержалъ одну ихъ своихъ знаменитыхъ побѣдъ, послѣ которой онъ писалъ герцогу Крильонскому: „rends toi, brave crillon; nous avons combattu à Arques et tu n'y étais pas„. День былъ дивный, чисто лѣтній, мы долгое время плыли по рѣкѣ, въ большой лодкѣ, которой управляли гребцы. Рѣка извивалась живописно, между полями, лугами и лѣсами, мѣняя постоянно картину, мимо которой мы проходили. Я всегда была глѣбоко отзывчива къ красотамъ природы и до сихъ поръ чувствую отголосокъ восхищенія этого дня. Старый замокъ стоялъ на горѣ, оттуда открывался дивный видъ. Мое воображеніе старалось представить себѣ героическую битву, какъ ее передаютъ на картинахъ, и бѣлый панашъ короля, ведущій своихъ воиновъ къ побѣдѣ. Онъ былъ тогда однимъ изъ моихъ историческихъ любимцевъ.

Въ слѣдующемъ году, Константинъ Васильевичъ насъ оставилъ. Вспоминаю о немъ съ глубокой благодарностью. Онъ положилъ основательное начало нашимъ наукамъ и, главное, вселилъ въ насъ охоту учиться. Мнѣ было десять лѣтъ, когда онъ уѣхалъ. Мы прошли съ нимъ всю русскую грамматику и синтаксисъ, географію, которой я не любила, всю древнюю исторію и средневѣковую до Магомета, русскую исторію до Петра Великаго, и всю ариеметику до кубическихъ корней. Кромѣ того имѣли первоначальныя понятія объ естественной исторіи, физикѣ и ботаникѣ. По-французски мы учились на курсахъ Monsieur Colart, гдѣ французскій языкъ былъ главнымъ предметомъ,

также преподавалась французская и всеобщая исторія и географія и немного ариѣметики, что было только повтореніемъ того, что мы учили по-русски.

Начиная въ первомъ году съ элементовъ языка, доходили постепенно на этихъ курсахъ до филологической законченности его. Методъ былъ вполнѣ наученъ. По смерти Monsieur Colart, эти курсы перешли къ репетитору нашему, товарищу его, Monsieur Rémy. Когда мы, вполсѣдствіи, переѣхали жить въ Петербургъ, то великая княгиня Елена Павловна спрашивала мама про этотъ методъ ученія и такъ была заинтересована имъ и нашими тетрадями, которыя она пожелала видѣть, что поручила M-lle Troubat, находящейся въ Парижѣ, изучить систему ихъ и другихъ однородныхъ учрежденій, съ цѣлью устроить что нибудь подобное въ Петербургѣ. Тогда гимназіи еще не существовали у насъ. Извѣстные курсы M-lle Troubat хотя много разнились съ парижскими, все таки были устроены въ подражаніе имъ.

Мой отецъ былъ артистъ въ душѣ. Въ La Jonchère онъ занимался скульптурой, а въ этомъ году, онъ былъ поглощенъ живописью. У него была большая мастерская Rue du Faubourg du Roule, гдѣ онъ проводилъ все свое свободное время за огромными картинами. Сколько онъ написалъ нашихъ портретовъ въ разныхъ позахъ и костюмахъ, особенно портретовъ моей матери! Между прочимъ, копію во весь ростъ картины Horace Vernet, изображающей кн. Витгенштейнъ, рожденную кн. Ба-

рятинскую, въ средневѣковой обстановкѣ, возвращающуюся съ охоты. Съ разрѣшенія княгини и самого художника, точная копія, написанная моимъ отцомъ, была только измѣнена портретами лицъ. вмѣсто княгини, моя мать изображена главнымъ лицомъ, а въ окружающей группѣ мы всѣ фигурируемъ, вмѣсто членовъ семейства Витгенштейнъ. Помогаль моему отцу живописецъ Витковскій. Онъ былъ однимъ изъ доморощенныхъ крѣпостныхъ живописцевъ моего дѣда. Отецъ замѣтилъ его во время нашего пребыванія въ Куракинѣ и, плѣненный его талантомъ, испросилъ ему вольную и привезъ его съ собою въ Парижъ, гдѣ Horace Vernet, по просьбѣ его, согласился принять его въ число своихъ учениковъ.

Мой отецъ любилъ общество талантливыхъ людей. Онъ бывалъ иногда у Alexandre Dumas въ его Château de Monte-Cristo недалеко отъ St. Cloud. Его живо интересовали вопросы магнетизма, ясновидѣнья и проч., которые тогда только что появились, и мы часто слышали имена барона du Potet, Marcillac, Alexis Didier и др. Моя мать не одобряла этого занятія и тщательно насъ устранила отъ всякаго вліянія ихъ.

Въ этомъ году вся Европа страшно волновалась. Одинъ Государь Николай Павловичъ стоялъ какъ величественный колоссъ, непоколебимый среди разъяренной бури. Его обаяніе было огромное, и мы были горды за Россію. Венгерская кампанія окружила Его новымъ престожемъ.

Мы жили въ это лѣто въ прелестномъ мѣстѣ

Villeneuve l'Etandg близъ Ville d'Avray. Эта дача принадлежала когда-то герцогинѣ Ангулемской (дочери Людовика XVI) и была оставлена ею одному изъ вѣрныхъ слугъ въ ея изгнаніи, графу Decases. Семейство это жило въ самомъ château среди обширнаго парка, имѣющаго въ окружности 200 десятинъ. А мы нанимали домъ на краю его. Никогда не видѣла я болѣе роскошной и рѣдкой растительности: огромныя тюльпановыя деревья (Tulipiers) изъ рода платановъ, съ цвѣтами, похожими на тюльпаны, магноліи, каталпа, великолѣпныя орѣховыя деревья съ ихъ освѣжающей тѣнью. Тамъ было большое озеро и надъ рѣкой, протекающей черезъ паркъ, каменный мостъ, покрытый вьющимися пурпуровыми цвѣтами. На берегу большія бѣлыя и розовыя акаціи съ ихъ гроздьями душистыхъ цвѣтовъ, цѣлыя рощицы каштановыхъ деревьевъ съ ихъ сладкими плодами, которые мы осенью подбирали и пекли. Собирали также массу земляники и грибовъ, которыхъ никто не трогалъ, считая ихъ ядовитыми. Все это было перемѣшано съ широкораскинутыми изумрудными лугами. Всей этой роскошью добрая мать-природа щедро одарила счастливыхъ дѣтей, жившихъ среди ея богатствъ.

Decases не обладали достаточными средствами, чтобы содержать этотъ огромный паркъ въ строгомъ порядкѣ. Кромѣ ближайшихъ мѣстъ около ихъ дома и нашего, все было нѣсколько запущено. Но это придавало еще болѣе прелести нашему милому саду. Впослѣдствіи во время второй имперіи, Наполеонъ купилъ эту дачу и давалъ въ ней блестящія празднества. Нашъ

паркъ граничилъ съ огражденной частью парка St. Cloud и черезъ небольшую дверь въ каменной оградѣ можно было проникнуть въ него. Осенью, моя мать получила извѣстіе о трагической смерти брата, князя Сергѣя Ѳеодоровича. Онъ нечаянно застрѣлился на охотѣ у родственника своего, Виктора Владиміровича Апраксина, въ имѣніи Брассово, принадлежащемъ теперь Великому Князю Михаилу Александровичу. Два года передъ тѣмъ, онъ женился на княжнѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ Щербатовой, но, въ усугубленіе горя, она только что уѣхала съ матерью къ сестрѣ кн. Васильчиковой, и по дорогѣ узнала о катастрофѣ, разбившей ея жизнь. Вся семья была въ отчаяніи. Моя мать раздѣляла его глубоко. Сначала она хотѣла уѣхать немедленно въ Россію, но, уступая совѣтамъ своей матери, она рѣшила повременить отъѣздомъ и дожидаться весны.

Итакъ, весной 1850 г., мы, во второй разъ, отправились на родину и опять моремъ, въ этотъ разъ, изъ Дюнкирхена. Съ нами ѣхалъ нашъ учитель Ал. Ив. Поповицкій, смѣнившій Константина Васильевича. Занятія наши не прекращались, гдѣ-бы мы ни были. У насъ никогда не было каникулъ, но лѣтомъ мы учились только до завтрака, т. е. до часа. Мы не знали напряженія, спѣшныхъ приготовленій къ экзамену, ни долгаго ничегонедѣланія въ остальное время. Мы всегда были заняты и никогда не утомлены. Кромѣ воскресенья и двенадесятыхъ праздниковъ, мы не учились только: второй день Пасхи, 6 Декабря, день именинъ Государя, въ дни рожденія и именинъ нашихъ

родителей и каждый изъ насъ праздновалъ свои собственные именины и день рожденія. Такой порядокъ было бы невозможно завести въ Петербургѣ. Онъ показался бы тамъ суровымъ, но мы нисколько не тяготились имъ. Не было дѣтей болѣе насъ живыхъ и веселыхъ, и времени оставалось у насъ довольно для всевозможныхъ игръ и движеній на воздухѣ. Болѣе всего, наша мать ненавидѣла праздность и распущенность, а особенно всякій видъ притворства и лжи. Мой отецъ говорилъ ей иногда смѣясь: „Vous avez un amour exagéré de la verité„. Думаю, что принятая въ отношеніи насъ система способствовала къ усвоенію нами постепенно и безъ скачковъ того, что намъ преподавалось. Обученіе наше было только одна изъ сторонъ общаго воспитанія, приучавшая насъ къ внѣшней и нравственной дисциплинѣ и чувству отвѣтственности, т. е. къ развитію совѣсти.

Мы провели это лѣто у бабушки, кн. Анны Александровны, въ Павловскѣ, на дачѣ Лярскаго. Первый моментъ свиданья послѣ недавней утраты, былъ, конечно, тяжелъ и много было пролито слезъ. Но для насъ, дѣтей, снова повѣяло родной радушной лаской, какъ въ послѣдній нашъ пріѣздъ. Мы познакомились съ нашими молодыми тетями, вышедшими замужъ за послѣдніе годы, съ женами кн. Александра Θεодоровича, впослѣдствіи принявшаго имя своего дѣда, князя Прозоровскаго, Марьей Александровной, рожденной Львовой, и кн. Давида Θεодоровича, красавицей Вѣрой Аркадіевной, рожденной Столыпиной, и со вдовой оплаки-

ваемаго кн. Сергѣя Ѳеодоровича, Ольгой Алексѣвной. Всѣ они проводили по нѣскольку недѣль съ нами.

Кн. Марья Александровна Куракина прїѣзжала очень часто съ дѣтьми, съ которыми мы крѣпко сдружились. Онѣ жили на дачѣ Волконскихъ на островахъ. Всѣ гостили у насъ по нѣскольку дней сряду, и мы также ѣзжали къ нимъ. Было много смѣху, игръ и забавъ всякаго рода. Большіе иногда принимали участіе въ нашей вознѣ. Вмѣстѣ со всѣми Куракиными мы поѣхали на нѣсколько дней въ „Гостилицу“ къ тетущкѣ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной. Тамъ было много народу, какъ всегда. Домъ былъ великолѣпенъ, и садъ удивительно живописенъ, съ большимъ обрывомъ, раздѣлявшимъ его, и ключами холодной, какъ ледъ, воды, съ фонтаномъ и большимъ озеромъ, и содержался въ совершенствѣ. Въ этотъ разъ мы не поѣхали къ дѣдушкѣ, такъ какъ онъ самъ собирался въ Пятигорскъ на свое, какъ оказалось, послѣднее пребываніе.

Осенью, мы уѣхали обратно въ Парижъ, и, къ большой радости, увезли съ собою Куракиныхъ. Тетя была больна и приняла предложеніе нашихъ родителей поселиться на зиму у насъ. Дядя не могъ оставить свой полкъ, и прїѣхалъ много позже.

Чувство тяжелой скорби давило мое сердце, когда мы прощались съ родными, которыхъ я очень полюбила, особенно бабушку, и когда съ палубы парохода „Владиміръ“ я грустно глядѣла на берегъ родной земли, постепенно исчезающей въ туманѣ сѣраго осенняго горизонта.

Лежа въ каютѣ изъ за морской болѣзни, я подбирала риѣмы, чтобы выразить мое настроеніе въ русскихъ стихахъ, но выходило ужасно нескладно.

Русскій языкъ не былъ моимъ природнымъ языкомъ. Мы всегда говорили и переписывались по-французски, съ гувернантками по-англійски. Я его знала, какъ хорошо преподаанный иностранный языкъ. О народной жизни мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Когда мы учили наизусть стихи Кольцова, напр.

Ну тащися, сивка.
приходилось учителю разъяснять смыслъ почти каждаго слова, и все-таки мы не имѣли яснаго представленія о жизни, такъ далеко стоящей отъ нашего кругозора. Но я страстно, инстинктивно любила все русское. Зачитываясь христоматіей Галахова, я знала наизусть почти всѣ стихи въ ней, отрывки изъ Полтавы, Руслана и Людмилы и проч., восторгалась геройствомъ нашего народа въ отечественную войну, увлекалась записками Михайловскаго-Данилевскаго. Исторія Пересвѣта и Ослябя, монаховъ, идущихъ на бой противъ угнетающихъ насъ татаръ, выраженія „Святая Русь“ „Христолюбивое воинство„ представляли моему уму соединеніе идеи церкви и отечества.

Мнѣ казалось, что наша армія должна быть, какъ фаланга святыхъ, вродѣ армій первыхъ христіанъ при Константинѣ, и что, подобно ей, она должна быть осѣнена святымъ знаменемъ креста, съ обѣщаніемъ: Симъ побѣдиши.

Эту врожденную любовь ко всему русскому я отношу къ атавизму, оставшемуся во мнѣ

отъ долгаго ряда предковъ, всегда имѣвшихъ близкое соприкосновеніе съ народомъ. Вспоминая разсужденіе нашего геніальнаго писателя по поводу русской пляски Наташи, въ его художественномъ романѣ „Война и Миръ“, думаю, что во мнѣ происходило что нибудь подобное.

Отецъ мой пріѣхалъ сюрпризомъ къ намъ въ Штеттинъ, къ большой нашей радости. Вмѣстѣ мы уѣхали въ Берлинъ, гдѣ остановились на нѣсколько дней и скоро пріѣхали въ Парижъ. Но только что мы устроились дома, какъ случилось тревожное извѣстіе о здоровьи моего дѣда и отецъ, глубоко пораженный, почти тотчасъ же собрался назадъ въ Россію. Однако, не засталъ уже въ живыхъ своего отца и почти сразу уѣхалъ въ Харьковъ, чтобы поклониться его могилѣ. Его отсутствіе было продолжительное. Дѣла было страшно запутаны. Приходилось платить огромные долги, особенно по дарственнымъ записямъ. Попечительство все еще длилось. Лѣтъ пятнадцать оно еще продолжало свои дѣйствія до конечной ликвидаціи всѣхъ долговыхъ обязательствъ.

Насъ всѣхъ облекли въ глубокой трауръ, и мама понятно никуда не выѣзжала. Мы же продолжали нашу дѣтскую жизнь, сдѣлавшуюся еще оживленнѣе отъ присутствія трехъ лишнихъ гостей. Вмѣстѣ съ ними насъ было семеро, и они раздѣляли всѣ наши обычныя забавы. Я продолжала учиться съ Борисомъ и подвигаться на курсахъ Monsieur Rémy. Разъ, намъ дали какъ тему сочиненія, описаніе событія, наиболѣе поразившаго насъ въ нашей жизни. Одна дѣвочка описала

какъ у нея вырвали зубъ, Olga de Lagrenée о видѣнныхъ ею пирамидахъ, а сестра ея Gabrielle о Китаѣ, гдѣ отецъ ихъ былъ посланникомъ. Я же написала о первомъ нашемъ приѣздѣ въ Россію и о чувствахъ, волновавшихъ меня тогда. Мое сочиненіе имѣло неожиданный для меня успѣхъ. Вѣроятно, оно было написано тепло. Его читали вслухъ при всеобщемъ одобреніи. Мама переписала его и послала въ Петербургъ къ бабушкѣ. Другой разъ, намъ задали писать во время урока о лѣтнемъ вечерѣ, предоставивъ намъ для сего 20 минутъ. Никакая тема не могла быть для меня симпатичнѣе, такъ какъ я любила природу и чувствовала глубоко ея прелесть. Я быстро написала свое сочиненіе, которое и въ этотъ разъ оказалось лучше прочихъ, M. Rémy прочиталъ его съ видимымъ одобреніемъ, расхвалилъ, и, въ заключеніе, сказалъ смѣясь: „et qu'on nous dise après cela, que les Russes sont des Cosaques!“

Но, не всегда была такая удача. Намъ давали самыя разнообразныя темы, напр., по случаю того, что президентъ принцъ Наполеонъ, желая оградить себя отъ возможности постройки баррикадъ, на что употреблялись крѣпкіе, кубическіе камни парижской мостовой, началъ вездѣ замѣнять эту мостовую родомъ шоссе подъ названіемъ макадама, намъ задали писать діалогъ: „Le macadam et le pavé“. Сколько помнится мнѣ, мой успѣхъ былъ сомнителенъ.

Кажется, я не сказала въ этихъ бѣглыхъ запискахъ, что главные кандидаты на выборы въ главы государства были: принцъ Людовикъ-На-

полеонъ и суровый республиканецъ Каваньякъ, какъ президенты республики, и герцогъ Бордосскій, котораго легитимисты мѣтили въ короли, подъ именемъ Генриха V-го. Всюду распространялись гимны и статьи въ честь каждаго изъ этихъ кандидатовъ отъ ихъ приверженцевъ, и столько же насмѣшекъ надъ ними со стороны ихъ политическихъ враговъ. Такъ вспоминалось, что, при первой высадкѣ въ Boulogne, въ царствованіе Луи-Филиппа принцъ Наполеонъ, желая произвести впечатлѣніе на умы народа, выдумалъ приручить орла, который прилеталъ на его плечо во время гулянья на пляжѣ. Масса каррикатуръ изображала этотъ инцидентъ. Много позже, въ 1870 году, во время агоніи второй имперіи, Рошфоръ упомянулъ объ этомъ эпизодѣ въ первой своей рѣчи, по избраніи своемъ въ депутаты одного изъ парижскихъ округовъ. Вотъ подлинныя его слова, произнесенныя въ палатѣ: „Le chef de l'état a cru devoir ricaner quand on a appelé mon nom à l'audience. Si ridicule que je sois je ne me suis jamais promené sur la plage de Boulogne avec un aigle sur mon épaule et un morceau de lard dans mon chapeau“. Несмотря, на всѣ сарказмы, Наполеонъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ и укоренился на своемъ посту, все болѣе и болѣе принимая положеніе царственнаго лица. Предчувствовалась уже возможность Имперіи. Съ русскимъ посольствомъ Наполеонъ былъ особенно предупредителенъ, по политическимъ своимъ расчетамъ, страстно желая сближенія съ нашимъ Государемъ, и моя мать, какъ единственная

дама посольства, была окружена его вниманіемъ.

Лѣтомъ мы опять жили въ нашемъ прелестномъ Villeneuve l'Etang. Мои родители нерѣдко ѣздили оттуда на обѣды къ президенту, проводившему осень въ St. Cloud. Тетя уѣхала на лѣченіе въ Пиренеи, а ея дѣти остались у насъ. Намъ подарили маленькую лошадку съ экипажемъ, каждый изъ насъ попеременно былъ ея хозяиномъ и имѣлъ право ея править и приглашать сѣдоковъ. Мы ѣздили на ней каждый день въ St. Cloud на купанье въ Сенъ. У насъ тоже былъ осель Charlotte. Моя мать любила безконечныя прогулки пѣшкомъ. Изъ нашего дома черезъ дивныя лѣса, почва которыхъ была покрыта лиловыми цвѣтами вереска (bruyère), мы доходили иногда до Версаля и возвращались обратно, остановившись тамъ у знакомыхъ. Мы брали съ собой Charlotte, и, попеременно, садились на нее, отдыхая какъ бы на передвижной скамейкѣ. Мама же все время шла своимъ ровнымъ шагомъ, восхищаясь движеніемъ, воздухомъ, природой.

Въ теченіе всего лѣта бывали въ окрестностяхъ Парижа такъ называемыя fêtes. Особенно красивы были эти fêtes въ St. Germain и въ St. Cloud. Между рядами лавокъ, изящно убранныхъ игрушками, пряниками, sucre d'orge'ами, лотереями, были игры всякаго рода, балаганы съ разными представленіями, кухни на воздухѣ, гдѣ чисто и аппетитно приготавливали разныя фритюры и знаменитую galettes du Gymnase. При каждомъ новомъ испеченіи ея раздавался звонокъ, и всѣ, отвѣчая на него, получали за

10 сантимовъ кусокъ, уголь котораго былъ завернуть въ бумагу для сохраненія перчатокъ, и выдавался поварами въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ. И все было весело, полно добродушія и остроумія, безъ всякой толкотни. Вечеромъ бывали для народа балы на лугахъ. Мы иногда смотрѣли, какъ танцовали. Моему отцу такъ понравился этотъ родъ веселья, что онъ устроилъ такіе *bals champêtres* у насъ, на широкой луговинѣ, около дома. Были также фейерверки. Вообще онъ любилъ простой народъ и легко сообщался съ нимъ. Несмотря на республиканскія вѣянія, они всѣ были очень почтительны къ намъ.

Въ это лѣто пріѣхало въ Парижъ семейство Кутузовыхъ. Графиня, рожденная Рибопьеръ, была близкая родственница моей матери. Они поселились въ *Ville d'Avray*, въ недалекомъ разстояніи отъ насъ, и мы видѣлись ежедневно. Сыну ихъ, Сашѣ, было 5 лѣтъ. Я начала учить его азбукѣ и письму и впослѣдствіи говорила ему, что онъ мнѣ обязанъ основаніемъ своихъ знаній. Къ графинѣ Кутузовой пріѣхала ея сестра, графиня *Brassier de St. Simon*, которую звали Мими. Мужъ ея былъ Прусскимъ посланникомъ въ Швеціи. Онѣ обѣ прекрасно пѣли. Это лѣто было особенно музыкально и къ намъ собирались почти каждый вечеръ. Балабинъ, товарищъ моего отца (впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ), имѣлъ прекрасный слухъ и игралъ безконечно наизусть. Мой отецъ тоже. Князь Алексѣй Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ только что смѣнилъ другого секретаря, князя Алексѣя Борисовича Лобанова, родственника и

друга моего отца (впослѣдствіи онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ). Княгиня Дондукова была великолѣпная піанистка, одна изъ первыхъ ученицъ Гензельта. Я восхищалась всей этой музыкой, особенно, когда милая и плѣнительная графиня Кутузова пѣла своимъ прекраснымъ контральто. Меня тоже заставляли играть. Конечно, съ технической стороны, мой талантъ былъ въ зародышѣ, но я имѣла своеобразное пониманіе и чувство музыкальных мотивовъ, и княгиня Дондукова говорила, слушая меня: какъ это странно: она играетъ, какъ большая. Нѣкоторыя изъ моихъ пьесъ мой отецъ заставлялъ меня повторять до пяти разъ сряду, такъ нравилось ему мое исполненіе ихъ. Надо сказать, что музыка служила мнѣ въ то время проводникомъ смутныхъ волненій, наполнявшихъ мою душу непонятной тревогой. Я читала съ моей матерью мой первый романъ. Это былъ добродѣтельный дѣвическій романъ—но, все-таки, романъ, и онъ открылъ неисчерпаемый источникъ мечтаній и желаній какого-то неописуемаго счастья. Досуга для мечтаній и самосозерцанія у насъ было мало, такъ какъ правило моей матери было то, что дѣвочки должны быть настолько заняты, чтобы не имѣть времени думать. Но въ перерывахъ между уроками я бѣгала въ садъ, садилась на качели и, мягко покачиваясь, предавалась своимъ грѣзамъ. Что понимала я въ любви?... Конечно ничего; такъ какъ нельзя было имѣть воображенія болѣе чистаго и невиннѣе моего. Но мнѣ казалось, что это таинственное слово открываетъ доступъ ко всѣмъ блаженствамъ міра,

подобно тому, какъ другое слово—смерть, въ моемъ представленіи, должно было приподнять завѣсу на всѣ блаженства другого міра. Это послѣднее впечатлѣніе родилось во мнѣ давно. Читая въ любимой мною христоматіи Галахова письмо Жуковского о смерти Пушкина, когда передъ его застывшимъ навсегда ликомъ, онъ готовъ спросить у него: „что видишь другъ“?.... И надъ этимъ вопросомъ мое воображеніе напрягало всѣ усилія, стараясь проникнуть въ неразрѣшимую тайну. Любви я не знала, и смерти еще никогда не видѣла и мечты мои роились въ пустомъ пространствѣ моей неначинавшейся еще жизни.

Около того времени родилась у графини Кутузовой дочь Марія. Теперь она состоитъ камеръ-фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Мой отецъ былъ восприемникомъ вмѣстѣ съ графиней Brassier и мы, дѣти, присутствовали при крестинахъ. Въ этомъ же году пріѣхало въ Парижъ семейство Паниныхъ, близкихъ друзей моихъ родителей. Графъ Викторъ Никитичъ слишкомъ извѣстный государственный человѣкъ, чтобъ я о немъ распространялась. Онъ былъ тогда министромъ юстиціи. Графиня была слаба здоровьемъ и по этой причинѣ осталась два года въ Парижѣ съ дѣтьми—четырьмя дочерьми и сыномъ. Мы сблизились съ ними на всю жизнь. Моя подруга была вторая дочь Eugénie, прелестное существо, похищенное смертью отъ чахотки въ 1869 году. Старшая, Ольга, впоследствии графиня Левашева, была блистательнаго ума и недюжинныхъ способностей. На курсъ M. Rémy, куда онъ поступили, слѣдуя

нашему примѣру, она была впереди всѣхъ и была объявлена hors de concours. Онѣ были старше меня, и потому ходили на курсы высшіе, чѣмъ мои, а двѣ послѣднія на низшіе. Графиня Левашева хорошо памятна всему Петербургу. Ея приемы въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ и въ прелестномъ загородномъ имѣніи „Осиновая Роща“ собирали вокругъ нея лучшія силы петербургскаго общества. Она много читала и была болѣе другихъ въ курсѣ современной политики. Ея правдивость, горячность убѣжденій приобрѣли ей нѣсколько искреннихъ друзей и заставляли уважать ее даже тѣхъ, которые не раздѣляли ея слишкомъ либеральныхъ мнѣній. Она скончалась весною 1904 г. послѣ короткой болѣзни, въ которой она проявила всю свою силу духа и христіанскую непоколебимую вѣру. Ея смерть горестно отозвалась въ моемъ сердцѣ. Болѣе пятидесяти лѣтъ постоянныхъ дружескихъ отношеній связали насъ неразрывными узами. Изъ всей многочисленной семьи Паниныхъ осталась теперь третья дочь, графиня Комаровская, и вдова сына, графа Владиміра Викторовича, вышедшая замужъ вторымъ бракомъ за Петрункевича. Единственная наслѣдница огромнаго состоянія Паниныхъ, дочь ея, вышедшая замужъ за Половцова и послѣ развода съ нимъ принявшая опять свою дѣвическую фамилію, графиня Софья Владиміровна Панина употребляетъ все свое богатство и молодую жизнь на дѣла широкой соціальной благотворительности.

Зимою мы часто видѣлись съ Паниными. Куракины взяли квартиру въ нашемъ домѣ. У нихъ, у насъ, у Паниныхъ, у Кутузовыхъ бы-

вали дѣтскіе балы. Какъ мы веселились на этихъ незатѣйливыхъ вечерахъ и какъ усердно танцовали подъ звуки музыки неизмѣннаго нашего тапера поляка Шиманскаго! На одномъ изъ нихъ я помню молодого кавалергарда Пашкова, приглашеннаго старшимъ его товарищемъ, моимъ дядей княземъ Александромъ Борисовичемъ. Изъ учтивости онъ сдѣлалъ со мною и двоюродной сестрой Лизой нѣсколько туровъ вальса. Впослѣдствіи я его знала проповѣдникомъ христіанскаго ученія и основателемъ секты Пашковцевъ. Но объ этомъ послѣ.

Между многочисленными нашими обычными гостями княгиня Меньшикова выдѣлялась своимъ блестящимъ умомъ. Мой отецъ любилъ съ ней разговаривать и смѣяться. Блестки остроумія каждаго изъ нихъ составляли фейерверкъ живыхъ рѣчей. Чтобы не мѣшать ихъ перекрестному огню, когда княгиня Меньшикова у насъ обѣдала, мама насъ отправляла наверхъ, что также было заведено, когда давали званые обѣды. Въ эти дни мы появлялись въ гостиной послѣ десерта. Былъ тоже веселый и остроумный двоюродный братъ моей матери, кн. Сергѣй Григорьевичъ Голицынъ, прозванный Өирсомъ, съ своей женой, рожденной графиней Езерской. Мы были дружны съ его сыномъ Гри-Гри и съ дочерьми Жюли и Мари. Онѣ были воспитаны въ религіи и національности ихъ матери, тогда какъ сыновья были православные и воспитывались въ Россіи. Кузины приходили къ намъ на уроки рисованія. У насъ былъ отличный учитель Daméry школы Paul De-loroche.

Князь сочинялъ стихи, романсы и былъ прекраснымъ музыкантомъ.

Нерѣдко, послѣ обѣда онъ бралъ аккорды на фортепіано, находилъ по слуху аккомпаниментъ къ русскимъ романсамъ и направлялъ хоръ, въ которомъ участвовали онъ самъ, его жена, гр. Брассье и гр. Кутузова, и все было гармонично и мило. Меня русскіе мотивы приводили въ восторгъ.

Лѣто мы провели въ окрестностяхъ С. Жермена, на дачѣ подъ названіемъ *Maison Verte*. У насъ былъ очень большой садъ съ горкой, откуда открывался прелестный видъ на покатую плантацію виноградниковъ и на широкую даль. Въ саду былъ павильонъ, служащій намъ учебной комнатою. Отъ него спускался огородъ, куда разрѣшалось намъ бѣгать между уроками. Изъ за насъ поселилась въ это лѣто въ С. Жерменѣ княгиня Марья Аркадіевна Вяземская съ своими дѣтьми. Мужъ ея, князь Павелъ Петровичъ, сынъ знаменитаго поэта, князя Петра Андреевича, былъ членомъ посольства въ Гаагѣ. Она должна была оставить этотъ городъ вслѣдствіе погрѣшности въ этикетѣ, которую она, по разсѣянности, совершила, именно: на Пасхальной заутрени она подошла къ кресту прежде королевы Анны Павловны. По придворнымъ и дипломатическимъ понятіямъ это составляетъ *une épornité*. Королева была такъ ошеломлена этимъ поступкомъ, что потеряла обычное у царственныхъ лицъ самообладаніе и громко ей сдѣлала выговоръ. Вслѣдствіе сего, княгиня уѣхала изъ Гааги, а князь тамъ остался до передачи мѣста своему преемнику. Впослѣдствіи,

я была готова благословлять королеву за этотъ инцидентъ, такъ какъ онъ привелъ меня къ сближенію съ старшей дочерью княгини отъ перваго ея брака, Маріей Бекъ. Это была моя первая сознательная дружба, которой я предалась со всей восторженностью моей натуры, встрѣтивши, наконецъ, въ другой душѣ отголосокъ всѣхъ своихъ пламенныхъ мечтаній. Мери, какъ ее звали, была рѣдко одаренная личность. Очень молодой она вышла замужъ за графа Ламздорфа и умерла 27 лѣтъ отъ роду, оставляя за собою долгій слѣдъ поэтическихъ воспоминаній. Князь Петръ Андреевичъ посвятилъ ей нѣкоторые изъ своихъ лучшихъ стиховъ, объ ней писали некрологи и память ея является какъ бы окруженной ореоломъ поэзіи и грусти. Тогда она была милая дѣвочка 13 лѣтъ, веселая и живая, одѣтая очень просто какъ и мы, и безъ всякихъ претензій на свѣтскость. Только въ нашихъ интимныхъ бесѣдахъ, когда мы вмѣстѣ упивались стихами Ламартина и нѣкоторыхъ англійскихъ поэтовъ, можно было узнать ея природное настроеніе. Сестра ея, Вѣра, была болѣе *terre à terre*. Она подружилась съ моей сестрой и дружба эта длится до сихъ поръ, несмотря на то, что она почти всегда живетъ за границей, поселившаяся здоровья ради въ Арко, на берегу Гардскаго озера. Она вышла за князя Горчакова, и сынъ ея успѣлъ уже жениться, развестись съ женой и жениться во второй разъ.

Мери и Вѣра были дѣти перваго брака Маріи Аркадьевны, рожденной Столыпиной и родной сестры Вѣры Аркадьевны, сдѣлавшейся моей тетей по выходѣ замужъ за брата моей матери

князя Давида Теодоровича Голицына. Онъ обѣ были выдающейся красоты, равно какъ и третья сестра Екатерина Аркадьевна Кочубей, умершая въ молодыхъ годахъ. Отъ второго брака были тогда двѣ миленькія дѣвочки, одна будущая графиня Шереметева, а другая Александра Павловна Сипягина. Мы видѣлись каждый день, устраивали спектакли съ ними и съ другимъ семействомъ, англичанами Blount, съ которыми мы были давно дружны и которые жили лѣтомъ въ С. Жерменѣ. Было большое удовольствіе выбирать пьесы, распредѣлять роли, сходиться на репетиціяхъ. Въ верхнемъ этажѣ нашего дома была комната подъ библіотеку, гдѣ было удобно устраивать сцену. Мы писали декорации съ помощью одного художника М. Bunout. Все это было страшно весело. Послѣ одного изъ такихъ представленій у насъ былъ настоящій балъ, гдѣ мы, подростки, танцевали вмѣстѣ со взрослыми. Была иллюминація, фейерверкъ, ужинъ. Между гостями былъ князь Лобановъ, очень пріятный и умный морякъ, сдѣлавшій кругосвѣтное путешествіе на своей яхтѣ и принеший съ собой интересный альбомъ съ рисунками собственнаго издѣлія. Его яхта стояла въ Гаврѣ и онъ устроилъ на ней *partie de plaisir*, на которую пригласилъ нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ мою мать, но она отказалась отъ этой поѣздки, и мой отецъ отправился одинъ. Помню умный разговоръ князя Лобанова, когда онъ сидѣлъ съ нашей матерью, въ нашемъ саду подъ роскошною сѣнью вѣкового дуба, распустившагося передъ домомъ.

Въ это лѣто я начала два раза въ недѣлю ѣздить

верхомъ. Это было и долго оставалось для меня первымъ удовольствіемъ. Мы ѣздили втроемъ: мои оба брата и я. У Бориса была своя лошадь, которая выдѣлывала удивительные прыжки. Для меня и для Оеди нанимались лошади въ *manège d'amateurs* нѣкогого Ravelet на террасѣ. Мы ѣздили одни, безъ всякаго присмотра и исчезали въ огромномъ *forêt* на два часа и болѣе. Удивляюсь, что наша мать не боялась отпустить насъ такимъ образомъ, не зная даже, въ какую сторону мы поѣдемъ. Иногда ѣздили до *Malmaison*, иногда до маленькаго города *Poissy*, откуда привозили коробки съ извѣстнымъ мѣстнымъ лакомствомъ, называемымъ *sucre-tors*. Коробки эти купцы привязывали къ нашимъ сѣдламъ. Какъ мы любили наши поѣздки. Намъ было такъ безгранично весело, что онѣ оставили во мнѣ яркое воспоминаніе до сихъ поръ. Гигантскія деревья, окаймляющія зеленыя и широкія дороги, по которымъ было такъ удобно и мягко скакать галопомъ, простирались далеко, далеко, исчезая въ синевѣ какъ бы океана деревьевъ. Не очень давно, въ 1901 году, сопровождая Ихъ Величества въ ихъ поѣздкѣ въ Компіень, я получила то же впечатлѣніе отъ тамошняго лѣса, который напомнилъ мнѣ столь знакомую моему дѣтству *Forêt de St. Germain*. Вблизи отъ него былъ прекрасный *Château Du Val*, принадлежащій герцогинѣ *De Poix*. Катаясь съ нашей матерью въ коляскѣ, мы заѣзжали къ ней и любовались ея роскошными цвѣтами. Бывали также въ *Chambourcy* у герцогини *De Gramont*, очень важной, красивой и ласковой дамы, пріятель-

ницы моей матери. Наша гувернантка, Mrs Hall была прежде при ея уже взрослыхъ дочеряхъ. Это составляло родъ связи между нами, несмотря на большую разницу въ годахъ.

Графиня Кутузова провела у насъ съ дѣтьми нѣсколько недѣль, во время отсутствія своего мужа. Ея присутствіе всегда приносило оживленіе и музыкальный элементъ. Я такъ желала пѣть и такъ обрадовалась, когда она, испробовавъ мой голосъ, обнадежила меня, сказавъ, что онъ годится для пѣнія. Но увѣ ничего изъ него не вышло. Думаю, что я испортила зачатокъ его, если онъ и существовалъ, утомивъ его прежде времени. Бѣгая къ фортепьяно во всѣ свободныя минуты, я пѣла всѣ большія аріи и романсы, которые мнѣ попадались, у насъ ихъ была большая коллекція, и я вдохновлялась словами столько же какъ и мотивами.

Въ моемъ изученіи французскаго языка я въ то время дошла до сложныхъ правилъ стихосложенія. Это познаніе было мнѣ очень полезнымъ, такъ какъ оно дало рамки моимъ поэтическимъ „твореніямъ“, и я стала выражать свои мечты въ правильной формѣ.

Осенью, къ намъ пріѣхала подруга дѣтства моей матери, Марья Сергѣевна Бутурлина, рожденная княжна Гагарина съ дѣтьми. Они были воспитаны на русскій ладъ, т. е. были разнузданы, недисциплинированы и непослушны до нельзя. Но были добрыя дѣти, особенно Сергѣй, старшій и любимецъ матери. Они гостили у насъ нѣкоторое время.

Между тѣмъ, политическая жизнь не останавливалась. Уже 2 декабря 1851 г. принцъ Наполеонъ совершилъ свой *coup d'état* и провозгласилъ себя пожизненнымъ президентомъ. По странной случайности, какъ и наканунѣ февральской революціи, мои родители провели въ Елисейскомъ дворцѣ вечеръ 1 декабря. Президентъ оставлялъ по временамъ своихъ гостей и уходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ, какъ оказалось, онъ давалъ распоряженія на слѣдующій день. Потомъ возвращался въ залы и разыгрывалъ роль любезнаго хозяина. Самообладаніе его было удивительное. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о готовящемся событіи. На другой день было масса арестовъ, и войска энергично и жестоко подавляли несуществующій бунтъ, призракъ котораго былъ нуженъ президенту какъ предлогъ, чтобъ сбросить всѣ ограниченія и утвердить свою власть.

Отъ пожизненнаго президентства до Имперіи— шагъ былъ невеликъ и мало по малу правительство подготовляло общество къ этой мысли.

Нашъ посланникъ, Николай Дмитріевичъ Киселевъ, былъ вызванъ въ Петербургъ для личнаго доклада и совмѣстныхъ соображеній, и мой отецъ остался въ Парижѣ, какъ повѣренный въ дѣлахъ. Осенью 1852 г. президентъ предпринялъ путешествіе по югу Франціи. Почва была подготовлена и его всюду встрѣчали съ энтузіазмомъ и крикомъ „Vive L'Empereur!“ Въѣздъ его въ Парижъ былъ настоящимъ триумфомъ. Онъ принималъ всѣ оваціи съ видимымъ удовольствіемъ и довершилъ общій восторгъ провозглашеніемъ, что „L'Empire c'est la Paix„.

Никогда слово, которое, по выраженію Таллейрана, дано человѣку для того, чтобы скрывать свою мысль, не оправдало болѣе этого назначенія и не выражало менѣе правды. Вмѣсто обѣщаннаго мира, со времени наступленія Имперіи, безпрерывныя войны привели Францію къ большому триумфу сначала и къ Седанской катастрофѣ впослѣдствіи. По принятіи Императорской короны вопросъ поднялся: подъ какимъ именемъ будетъ царствовать новый обладатель Франціи? Louis Napoléon I указывало бы на основаніе новой династіи, что разрушило бы престижъ Наполеоновской идеи. Съ другой стороны имя Наполеона III противорѣчило рѣшенію вѣнскаго конгресса, упразднившего навсегда династію Наполеоновъ, такъ какъ выбранная новымъ Императоромъ цифра III подразумѣвала существованіе непосредственно послѣ Наполеона I права на царство герцога Рейхштадтскаго, называемаго Наполеономъ II. Поэтому было не мало толковъ и споровъ въ дипломатическомъ мірѣ и вокругъ насъ. Мой отецъ, въ своихъ депешахъ, горячо ратовалъ за признаніе совершившагося факта и за дарованіе согласія на избранное новымъ Императоромъ имя. Предсталъ вслѣдъ затѣмъ очень важный вопросъ о титулованіи его другими Монархами. Перепишю поэтому поводу нѣсколько строкъ изъ моего дневника, написаннаго въ 1854 г. по возвращеніи нашемъ въ Россію по поводу разговоръ о наступившей Крымской войнѣ.

27 Septembre 1854.—Hier soir on a causé au salon de la guerre. On aurait pu l'éviter avec la France, c'eût été un ennemi de moins.

Papa raconte qu'à un bal à St. Cloud, Napoléon III ayant pris Kisselëff à part dans l'embrasure d'une fenêtre lui dit: Ecoutez, si votre maître répond aux avances que je lui fais, s'il me donne le titre de frère, je suis prêt à être pour lui un ami fidèle. Alors je m'arrangerai avec l'Angleterre pour laquelle j'ai de l'éloignement, mais s'il m'humilie s'il me traite comme il a traité mon prédécesseur, je me jette dans les bras de l'Angleterre et je ne réponds plus des conséquences.— Kisselëff, pendant son séjour à Pétersbourg, voulant plaire au comte Nesselrodé qui haïssait les Bonaparte avait combattu les bonnes dispositions de l'Empereur Nicolas, et il avait conseillé de n'user que de politesse en lui donnant le titre d'ami. Le lendemain de sa conversation de St. Cloud, il reçoit la dépêche qui donnait ce titre à l'Empereur des Français. Il s'y attendait, puisque, c'était lui qui l'avait conseillé. Il en fut au désespoir, mais cela ne servit à rien et il dut communiquer à Napoléon l'ordre de son souverain dont toute la Russie déplore les funestes conséquences.

Но мы забѣгаемъ впередъ. Начинаясь образовываться дворъ, этикетъ, мундиры, волненіе поэтому и выборы первыхъ придворныхъ чиновъ носили характеръ поспѣшности и какого то водевильнаго переодѣванія. Придворные обычаи, если имѣютъ какую либо цѣнность, то въ силу традиціи и какъ символы чего-то установленнаго вѣками. Ново-испеченная важность заставляла улыбаться лицъ, привыкшихъ къ старымъ монархіямъ и критики и насмѣшекъ было много въ первое время. Сравнивали новый дворъ съ дворомъ Императора Сулука и королевы То-

маре, царствовавшими надъ какими то отдаленными африканскими островами и захотѣвшими устроить свои дворы по европейски. Было много каррикатуръ по этому счету. Однако Государь Николай Павловичъ, признавъ Наполеона, разрѣшилъ русскимъ по желанію представляться къ новому двору. Моя мать составляла списки дамъ и представляла ихъ. Въ эту зиму пріѣхало въ Парижъ семейство Воронцовыхъ. Графиня Александра Кирилловна, дочь Маріи Яковлевны Нарышкиной, была подругой дѣтства моей матери. Съ ней были ея дѣти Илларионъ Ивановичъ, нынѣшній намѣстникъ Кавказа, тогда товарищъ моего брата Бориса, и графиня Ирина Ивановна, только что помолвленная за кн. Паскевичемъ. Моя мать предложила графинѣ представиться и получила отъ нея слѣдующій отвѣтъ, который я и теперь помню, какъ все помню:— „*Ma chère Julie, ni mon mari, ni moi, ni ma fille, ni ma nièce, ni le pr. Paskévitch, nous ne voulons être présantés à sa majesté Soulouque I, и проч. и проч. въ этомъ духѣ.*

Однако, въ послѣдствіи, она перемѣнила намѣреніе и пожелала поѣхать къ Императору. Мама ее представила. Наполеонъ любезно сказалъ ей: *vous arrivez de Berlin, madame. Comment avez-vous trouvé le roi de Prusse?* Она отвѣтила: *Sire, c'est toujours la même chose, c'est une petite boule sur une grosse boule.*—Онъ улыбнулся и сказалъ: *Alors c'est une brioche?*—Ей такъ понравился этотъ отвѣтъ, что онъ сразу попалъ въ число ея любимцевъ. Съ тѣхъ поръ она вездѣ его восхваляла и о Сулукѣ не

было больше рѣчи. Вотъ какіе пустяки способствуютъ общественному мнѣнію.

Уже съ предшествующаго года пріѣхала въ Парижъ гр. Монтихо съ дочерью. Она была вдова испанскаго гранда, очень родовитаго, но, не знаю, по какимъ обстоятельствамъ лишившагося своего богатства. Сама была ирландка, не изъ особенно аристократической фамиліи. Говорили про нее, что она умна и что она хочетъ пройти въ парижское высшее общество. Дочь ея, молодая Евгенія, была замѣчательной красоты. Ею уже восторгался герцогъ Омальскій, когда онъ ѣздилъ въ Испанію на бракосочетаніе брата своего, герцога Монпансье, съ испанской инфантой, и написалъ съ нея портретъ, верхомъ, въ андалузскомъ костюмѣ, на фонѣ скалистыхъ горъ. Этотъ портретъ впослѣдствіи красовался въ витринахъ всѣхъ магазиновъ художественныхъ вещей.

Она рѣзко отличалась отъ типа современныхъ ей парижскихъ дѣвицъ. Она ѣздила верхомъ, вела дружбу съ мужчинами и была близка съ дамами довольно двусмысленной репутаціи. Между ними главная ея подруга была маркиза de Contades, дочь фельдмаршала de Castellane, оставившаго интересные мемуары за долгій періодъ времени, начиная съ кампаніи 12 года. Она имѣла вообще огромный успѣхъ. Приглашенная съ матерью на пребываніе въ замкѣ Compiègne, она была центромъ вниманія особенно Императора Наполеона, который сильно влюбился въ нее.

Не рѣшаясь жениться на ней, такъ какъ онъ не терялъ еще надежды связать себя родственно

съ царскими домами, онъ сдѣлалъ ей предложеніе, которое она съ негодованіемъ отвергнула. Ея другъ, M-me de Contades, которой она повѣрила этотъ эпизодъ, высказала ей свое неодобреніе, прибавивъ: „Eh, ma chère, il vaut mieux avoir un remords qu'un regret“. Но событія показали, что ей не о чемъ было сожалѣть, такъ какъ скоро потомъ манифестомъ было объявлено о помолвкѣ ея съ Императоромъ. Ей было тогда 26 лѣтъ. Рѣшеніе Наполеона и его прокламація, гдѣ онъ назвалъ себя *parvenu*, чтобъ сравняться съ избранной его сердца, произвели огромную сенсацію. Бракосочетаніе совершилось въ соборѣ Notre Dame. Мои родители, конечно, присутствовали при церемоніи. Мы же смотрѣли кортежъ изъ Лувра, куда намъ даны были билеты, и видѣли въ окно парадной кареты молодую Императрицу, блѣдную отъ волненія и прекрасную въ своемъ бѣломъ платьѣ, сидящую рядомъ съ своимъ супругомъ въ генеральскомъ мундирѣ.

Изъ впечатлѣній этой послѣдней зимы, проведенной въ Парижѣ, хочу отмѣтить еще мое глобокое восхищеніе отъ игры знаменитой Рашель. Меня повезли смотрѣть ее въ трагедіи Marie Stuart Lebrun (подражаніе Шиллеровской трагедіи). Какъ мнѣ выразить мой восторгъ! Я впивалась въ нее глазами, слѣдила за ея движеніями и жестами. Передо мною воскресала, какъ живая, поэтическая королева Шотландіи, ея сцена съ Елизаветой, въ началѣ сдержанная и перешедшая въ бурный потокъ негодованія, кончившійся нравственнымъ униженіемъ властной соперницы и словами: „Leicester était

là, j'étais reine à ses yeux". А вслѣдъ за тѣмъ мѣсть, заключеніе, Марія Стюартъ вся въ черномъ, палачъ, эшафотъ, все это произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе. Въ послѣднемъ актѣ я плакала. Я страстно всегда любила драматическія представленія.

Однако, мало по малу грозныя тучи собирались на политическомъ горизонтѣ. Крымская война надвигалась. Конференціи для отвращенія ея не увѣнчались успѣхомъ. Въ нашей семейной обстановкѣ совершались также перемѣны. Къ крайнему нашему удивленію, великая княгиня Елена Павловна предложила моей матери черезъ графа Рибопьера назначеніе гофмейстериной при дочери ея великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было странно, что великая княгиня, которую моя мать такъ давно не видала и никогда близко не знала, такъ какъ всѣ придворныя милости исходили отъ большого двора и личныхъ отношеній съ Императрицей Александрой Феодоровной, вдругъ вспомнила о такъ далеко проводящей свою жизнь супругѣ парижскаго секретаря посольства. На выраженное Ея Высочеству въ этомъ смыслѣ замѣчаніе моей тетушкой кн. Чернышевой, великая княгиня отвѣтила: „Il y a longtemps que je l'espionne„.

Въ дипломатической карьерѣ моего отца совершался также переломъ. Ему предлагали одинъ изъ двухъ постовъ посланника въ Гаагѣ или въ Лиссабонѣ. Пришлось бы во всякомъ случаѣ оставить Парижъ и, можетъ быть, закабалить себя за границей на долгіе годы. Вмѣстѣ съ этимъ наслѣдство послѣ моего дѣда значитель-

ное, но запутанное и обремененное огромными долгами, равно какъ и необходимость дать русское образованіе моему брату Борису, указывали на неотложность возвращенія въ Россію. Отвѣтъ на предложеніе великой княгини былъ тотъ, что, не предрѣшая еще его въ окончательной формѣ, мы приѣдемъ лѣтомъ въ Петербургъ, для выясненія этого и прочихъ вопросовъ, связанныхъ съ нашимъ дальнѣйшимъ мѣстопробываніемъ. И вотъ, при полной неопредѣленности будущаго, одно только стало для насъ ясно, это неизбежность разрыва съ прошедшимъ и съ настоящимъ. Я чувствовала нетерпѣніе и любопытство къ будущему, но сердце мое сжималось отъ тоски при мысли, что все, что я знала, къ чему привыкла и что составляло мою жизнь, исчезнетъ безслѣдно. Мнѣ трудно даже было реализовать такую перемену. Въ двухъ нашихъ поѣздкахъ въ Россію мы были въ гостяхъ. Нашъ home съ своими привязанностями и корнями былъ въ Парижѣ. И будемъ ли мы еще жить въ Россіи, куда насъ влекло наше патріотическое чувство, или въ новой какой нибудь странѣ, гдѣ все чужое и ничто насъ не прельщало? . . .

Мы уѣхали $11\frac{1}{23}$ Іюня 1853 г. Чтобы передать мои чувства, выпишу опять нѣсколько строкъ изъ моего дневника, написаннаго въ Петербургѣ, спустя три года послѣ этого дня.

„Lundi, 11 Juin 1856,—Voilà aujourd'hui trois ans que nous avons quitté Paris. Et cette idée me mène droit au souvenir de cette journée pleine d'agitation, de joie, de regret. Je me vois assise dans la бесѣдка de notre jardin pensant

comme je fixe les yeux sur la maison où nous avons vécu tant d'années que je ne la reverrai peut-être plus jamais de la vie. Et puis cette foule de personnes qui vont et viennent pour prendre congé de nous, l'arrivée au chemin de fer avec papa et le baron Felkersam qui nous ont reconduits et, enfin, le dernier sifflet, le signe du départ et le souvenir du sentiment amer qui crispa mon coeur pendant que chaque secousse de la locomotive nous éloignait de Paris, Paris ville charmante, qui a été témoin de mon enfance, qui renferme tous mes souvenirs les plus vagues, les plus lointains, ne te reverrais-je-jamais?... Parfois, j'espère, parfois je crois ce bonheur impossible et toujours après y avoir pensé, j'anticipe sur la réalisation de ce désir, l'un des plus chers de mon coeur et je me figure alors ce que je ferais journellement si la joie de débarquer à Paris pouvait m'arriver.

Да, хорошо помню этотъ день, и какъ я выбѣжала въ садъ и сидѣла въ бесѣдкѣ, и съ грустью смотрѣла на нашъ милый домъ, котораго уже я не видѣла болѣе, такъ какъ я нашла его скрытымъ и перестроеннымъ, когда въ послѣдствіи навѣстила старое мѣсто. Я сорвала въ эту послѣднюю минуту вѣтку пеларгоніи и бережно взяла ее съ собой, до сихъ поръ сохраняя ее какъ послѣднюю реликвию моего счастливаго дѣтства.

О мое милое дѣтство! Вспоминаю о тебѣ съ благодарностью и любовью. Много оно дало мнѣ, много заложило во мнѣ того, что помогло мнѣ, въ послѣдствіи, когда жизнь, къ которой моя

страстная натура стремилась съ такимъ увлеченіемъ и такими требованіями счастья, открылась мнѣ въ своей реальной дѣйствительности и съ своими преградами. Благодаря насажденіямъ въ дѣтствѣ привычки къ нравственной дисциплинѣ, культивированію совѣсти и воли, не въ смыслѣ упрямаго своеволія, но какъ силы, доходящей, если нужно, до самоотреченія, я достигла того, что къ концу моей жизни я могу передать моимъ дѣтямъ безъ изъяна ту монументальную репутацію моей матери и моей бабушки, подѣ сънью которой я начала свою самостоятельную жизнь.

Въ Парижѣ у насъ была картина, писанная пастелью моей матерью. Я ее очень любила и засматривалась на нее. Она изображала женскую фигуру, задумчиво сидящую на берегу моря, при закатѣ солнца. Это была копія съ картины современнаго художника, не помню его имени, и носила заглавіе *Mélancolie*. Я всегда старалась угадывать предметы думъ этой мечтательницы въ зеленомъ шарфѣ. Много позднѣе, въ Петербургѣ, когда мнѣ было 18 или 19 лѣтъ, переживая впечатлѣнія дѣтства, я вспомнила объ этой любимой мною картинѣ и написала слѣдующіе стихи:

J'aime le soir la rêverie
Au bruit des flots
Lorsque l'âme se sent saisie
D'un doux repos,
A l'heure pâle où la nuit sombre
Couvrant les eaux,
Répand son silence et son ombre
Sur les coteaux,

Alors de mon âme s'envole
Un long soupir
Echo plaintif douce auréole
Du souvenir
Et du passé l'aimé visage
S'offre a mes yeux
Illusion, charmant mirage
Don précieux,
Qu' avec bonheur mon rêve accueille
Ses premiers ans
Fleur charmante, mais qui s'effeuille
Presqu'en naissant
Où l'enfant lève sur la vie
Son regard pur
Plein du reflet de poésie
D'un ciel d'azur,
Où de sa limpide innocence
La blanche fleur
S'allie avec la jouissance
De son bonheur.
Et j'aime errer dans ce domaine
De pureté
Pour oublier la lourde chaîne
Réalité.
Alors mon ame libre heureuse
Sort de prison
Et dans sa course aventureuse
Fuit la raison.
De l'ange de la poésie
J'entends l'accord
Et mon âme se sent saisie
D'un doux transport.
Oh! laissez-moi la chère ivresse
D'un rêve aimé,

Laissez le envelopper sans cesse
Mon coeur charmé,—
Et lorsqu'a la tristesse obscure
Il est dispos
Qu'il vienne ouïr ce que murmure
Le bruit des flots.

И теперь, съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ тогда, мнѣ отрадно возстановить передъ собою эти первыя страницы моей многозаботной жизни, и перенестись отъ современной тяжелой дѣйствительности къ смѣющимся, ласкающимъ воспоминаніямъ о первыхъ годахъ моего бытія.

ГЛАВА II.

такъ, мы уѣхали изъ Парижа. Наша первая довольно длинная остановка была въ Берлинѣ, гдѣ только что скончалась на 31 году своей жизни прелестная наша тетя кн. Вѣра Аркадьевна Голицына. Дядя нуждался въ утѣшеніи и поддержкѣ сестры своей (нашей матери), съ которой былъ особенно друженъ съ ранняго дѣтства. Мы вмѣстѣ уѣхали въ Штеттинъ, а оттуда моремъ въ Петербургъ. Наши спутники на пароходѣ были между прочими вдова и дѣти только что скончавшагося знаменитаго поэта Жуковского. Онѣ были въ большомъ траурѣ какъ и мы. Г-жа Жуковская была очень ко мнѣ добра и много со мною разговаривала. Впослѣдствіи я часто встрѣчалась съ дѣтьми, такъ беззаботно игравшими на палубѣ парохода. Какъ разыгралась жизнь ихъ, расскажу, если придется довести мои записки до времени, когда жизнь насъ снова соединила. Другимъ путешественникомъ былъ Андрей Николаевичъ Карамзинъ, мужъ прекрасной Финляндки M-me Aurore, бывшей въ первомъ замужествѣ за богачемъ Демидовымъ. Онъ былъ блестящъ и

пріятень и говорилъ изящнымъ русскимъ языкомъ, къ чему я не привыкла, такъ какъ свѣтскій разговоръ я до сихъ поръ всегда слышала французскій. Полтора года спустя онъ погибъ въ сраженіи съ турками подъ Силистрією, въ одной несчастной рекогносцировкѣ, куда завлекла его отвага, можетъ быть, недостаточно провѣренная техническимъ знаніемъ. Чувствовалось и тогда приближеніе тяжелой войны. Одна изъ неудавшихся попытокъ къ устраненію ея была, между прочимъ, Австрійская миссія Графа Guilay, ѣхавшаго одновременно съ нами со всѣмъ своимъ штабомъ съ цѣлью предложить Государю посредничество Австріи для улаженія конфликта. Всѣ эти Австрійцы были въ высшей степени элегантны въ своихъ свѣтлыхъ блестящихъ мундирахъ. Мама знала нѣкоторыхъ изъ нихъ и самого Графа, со времени Вѣнскаго нашего пребыванія, поэтому было много разговоровъ на тему общихъ воспоминаній, причемъ избѣгались жгучіе вопросы политики. На этотъ разъ пріѣздъ нашъ на родину былъ скромнѣе предыдущихъ. Всѣ уже разъѣхались на лѣтнія пребыванія. Мы, остановившись на нѣсколько часовъ въ пустомъ домѣ Татьяны Борисовны Потемкиной (сама она была въ Святыхъ Горахъ), потомъ отправились въ Павловскъ, гдѣ ожидала насъ бабушка. Пріѣздъ нашъ, какъ и все это лѣто, имѣетъ въ моихъ воспоминаніяхъ сѣренькій, тусклый оттѣнокъ. Послѣ нашихъ дивныхъ лѣтнихъ мѣстопробываній въ окрестностяхъ Парижа, деревянная дачка, занимаемая бабушкой, показалась намъ страшно мизерной. Было тѣсно, неудобно, не изящно, не

свободно, такъ какъ мы все время были на глазахъ и бабушка слышала каждую фальшивую ноту моихъ музыкальныхъ упражненій. Рояль стоялъ въ ея гостиной, что меня страшно стѣсняло. Мы вяло учились съ Александромъ Ивановичемъ, такъ какъ не имѣли учебной комнаты, и онъ самъ былъ разсѣянъ заботами объ устройствѣ своего служебнаго положенія. Собственно, онъ не былъ педагогомъ. Его единственный предметъ былъ литература, что впрочемъ вполне совпадало съ моими вкусами. Мы проходили съ нимъ теорію словесности Чистякова, и исторію словесности по Плаксину. Тамъ было много выдержекъ разныхъ сочиненій и по этому руководство это мнѣ нравилось. Только эти два пункта выступаютъ свѣтлыми точками въ общемъ туманѣ, покрывающемъ для меня это время. Единственнымъ развлеченіемъ нашимъ были нескончаемыя прогулки пѣшкомъ отъ 8 до 10 час. утра съ бабушкой и столько же вечеромъ съ мамой. Гдѣ была наша лошадка, нашъ оселъ, всѣ наши удовольствія, комедіи, верховая ѣзда, гдѣ были всѣ наши милые друзья! Мы были совершенно одни, никого не знали и не видѣли, день слѣдовалъ за днемъ въ безсодержательномъ однообразіи. Куракины были въ Пиренеяхъ, гдѣ тетя лѣчилась на водахъ. Всѣ прочіе наши товарищи на своихъ мѣстахъ. Осенью стало еще хуже, было холодно, сыро, неприглядно и мы были рады, когда переѣхали въ октябрѣ въ Петербургъ, гдѣ мои родители рѣшили поселиться, принявъ предложеніе великой княгини.

Я съ нетерпѣніемъ ждала, когда устроится

наша жизнь, но, увы, на первых порах действительность не оправдала моих надежд. Была взята большая квартира на Царицыномъ лугу, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ Принцу Ольденбургскому. До передѣлки его мы занимали весь бель-этажъ во всю длину дома. Комнаты были большія, но до крайности холодныя и всѣ были проходныя, составляющія длинную анфиладу. Мой отецъ мало обращалъ вниманія на неудобство для всендневной жизни и былъ доволенъ тѣмъ, что мѣста было много для развѣшиванія картинъ. Мой братъ Борисъ помѣщался въ бальномъ залѣ, вся изъ faux marbre съ лѣпными работами, раздѣленномъ на двѣ половины ситцевыми занавѣсками. Занятія мои вмѣстѣ съ нимъ прекратились и потеря его сообщничества была для меня большимъ лишеніемъ. Естественно, что жизнь наша не могла войти разомъ въ свою колею. Моя мать должна была освоиться съ придворной жизнью, очень содержательной въ то время, особенно въ Михайловскомъ Дворцѣ, возобновить прежнія знакомства, сдѣлать массу новыхъ, вступить опять въ среду обширнаго родства, отбывать такъ называемые *devoirs de famille*, между которыми бабушка занимала первое мѣсто. Дѣла были запутаны, наслѣдство обременено большими долгами, между тѣмъ переселеніе наше, устройство всего дома требовало сильныхъ расходовъ; къ тому же, необходимо было безотлагательно установить уроки моихъ братьевъ въ виду всей ихъ будущности. Къ намъ же поступила Елизавета Алексѣевна Гусева или *Coussette*, какъ мы ее звали. Воспитаніе свое она

получила въ институтѣ, основанномъ прабабушкой моей княгиней Голицыной, въ имѣніи своемъ Зубриловкѣ (Саратовской губерніи) для дочерей мѣстныхъ дворянъ. Поэтому она сохранила большую преданность бабушкѣ, рекомендовавшей ее моей матери. Она была очень добрая и религіозная женщина и мы ее любили, но весь складъ ея ума, воспитаннаго въ средней чиновничьей средѣ, былъ до того чуждъ намъ, что мы постоянно впадали въ недоумѣніе отъ ея взгляда на вещи. Мы ходили съ ней каждый день гулять по улицамъ Петербурга, которыя казались намъ такими пустынными и скучными послѣ оживленія парижскихъ, такъ что мало извлекали удовольствія отъ нашихъ прогулокъ. Холодъ казался мнѣ нестерпимымъ, вообще мы плохо переносили перемену климата и часто болѣли первое время. Мало по малу, я разочаровалась въ моемъ прежнемъ восхищеніи Петербургомъ. Первое разочарованіе касалось области церкви. Мы знали только одинъ храмъ и одного священника, облеченнаго, въ нашихъ глазахъ, всѣмъ престижемъ своего высокаго служенія. Здѣсь я была поражена пренебрежительнымъ тономъ, съ которымъ говорили о духовныхъ лицахъ, вульгарностью ихъ самихъ, открытыми разговорами о требахъ (о которомъ мы не имѣли понятія), общей халатностью въ отправленіи богослуженія, возней съ просфорами и свѣчами, безцеремоннымъ хожденіемъ взадъ и впередъ сторожей во время службы и массой незнакомыхъ мнѣ обрядовъ и обычаевъ, которые считались какъ бы сутью религіи, а для меня они

были соблазнъ, такъ какъ много позднѣе я поняла ихъ смыслъ и значеніе. Второе разочарованіе касалось отношенія къ людямъ. Крѣпостное право существовало въ полности. Помню, какъ послѣ одного семейнаго обѣда одинъ изъ моихъ дядей сказалъ мимоходомъ другому: „Я купилъ повара“. Тотъ спросилъ самымъ невозмутимымъ образомъ: „съ семьей“? Первый подтвердилъ: „съ семьей“ и все тутъ . . .

Я не вѣрила своимъ ушамъ. Какъ? Неужели такія вещи произносятся и дѣлаются въ Россіи, на Святой землѣ русской! До нашего отъѣзда изъ Парижа появилась надѣлавшая много шума книга „Хижина дяди Тома“. Изъ романа составлена была драма и мой отецъ повезъ на нее брата Бориса. Много по этому поводу приходилось намъ слышать разговоровъ, единодушно клеймившихъ рабство, и вотъ, у насъ, среди насъ, такое же рабство существуетъ. Однородное съ этимъ впечатлѣніе я испытала, когда, въ самый день Рождества Христова пронесся слухъ, что предв. дворянства былъ ночью убитъ своими крѣпостными людьми за его крайне жестокое обращеніе съ ними. Несчастные шли на лютую казнь, принеся себя въ жертву, чтобы освободить прочихъ отъ свирѣпости своего господина. Что же могла быть за жестокость, вынудившая этихъ смиренныхъ людей на такой поступокъ?

Наконецъ, въ Апрѣлѣ, когда снѣгъ сошелъ съ Марсова поля, я увидала изъ оконъ происходившее на немъ ученіе солдатъ и рекрутъ. Боже мой, что это было за зрѣлище! Я до того никогда не видѣла, чтобы били людей;

выразить мое негодованіе, отчаяніе, позоръ, нѣтъ словъ. Я бросилась въ другую комнату, закрыла лицо въ подушки дивана, не хотѣла поднять лица на свѣтъ Божій. Итакъ, вотъ Христолюбивое воинство. Вотъ Православная Россія, вотъ моя фаланга воиновъ Христовыхъ. Весь мой патріотизмъ исчезъ и я стала думать о миломъ Парижѣ, какъ объ утраченномъ раѣ. . . .

Внѣшняя наша жизнь постепенно устраивалась. Для развитія моихъ музыкальныхъ способностей рѣшено было пригласить знаменитаго учителя Гензельта. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ одинъ вечеръ и, видя предъ собой застѣнчивую дѣвочку, сначала сказалъ, что пошлетъ одного изъ своихъ учениковъ, чтобы приготовить меня для его уроковъ. Однако, пожелалъ послушать меня. Я играла, какъ всегда, наизусть, но дурно, потому что волновалась. Не смотря на то, онъ нашелъ, вѣроятно, во мнѣ признаки таланта и сразу рѣшилъ заняться со мной самъ. Уроки начались со слѣдующей недѣли и продолжались четыре года. Я была горда моимъ учителемъ, но какъ трепетала въ ожиданіи его уроковъ, съ какимъ стараніемъ разыгрывала трудные этюды и пьесы! Какъ счастлива была, когда онъ меня хвалилъ! Я не могла выносить, когда онъ сидѣлъ около меня и, нахмуренный, слѣдилъ за моими пальцами, изрѣдка покрикивая: „Falsch!“ или „Legato,“ тогда я отвратительно играла, какъ самая бездарная ученица; зато, когда онъ расхаживалъ по комнатѣ и, улыбаясь, поговаривалъ: „très bien, charmant“ и особенно, когда онъ заявлялъ, что ему доставляетъ удовольствіе слышать мое

исполненіе его собственныхъ сочиненій, я была внѣ себя отъ восторга, и чувствовала сама, что играю увѣренно и со смысломъ. Раза два въ годъ Гензельтъ устраивалъ у себя концерты, въ которыхъ мы съ нимъ являлись единственными исполнителями. Я играла первую партію, а онъ на другомъ роялѣ партію оркестра. Такъ исполняли мы: Concert-Stück Вебера, концерты Мендельсона, Quintette и Septuor Hummel, этюды Краммера, Moschelés Шопена и пьесы самого Гензельта: „Si oiseau j'étais“ „Poème d'Amour“ и другія. Собирался ареопагъ знатоковъ музыки изъ числа моихъ родныхъ. Эти концерты были праздникомъ для моего отца. Я же страшно волновалась, и дни и ночи до концерта при моей нервности были прямо мучительны. Но, потомъ, какъ довольна я была, видя радость Гензельта при моихъ успѣхахъ, и, принимая похвалы и критику моихъ слушателей. Между ними одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ для меня былъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, двоюродный братъ моего отца. Онъ прославился своимъ хоромъ пѣвчихъ, которыхъ образовалъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Дѣйствительно, онъ достигъ съ ними поразительныхъ результатовъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ равно извѣстенъ своимъ необузданнымъ нравомъ и сумасбродными выходками, отъ которыхъ страдала его семья и онъ самъ; такъ какъ, несмотря на большое состояніе, съ которымъ онъ началъ жизнь, одно время онъ былъ принужденъ выступить передъ публикой въ качествѣ дирижера оркестра. Герценъ вѣрно рисуетъ его фізіономію въ своихъ мемуарахъ,

называя его Юпитеромъ Олимпійскимъ, изъ за великолѣпной классической головы его, которая возвышалась надъ колоссальной фигурой.

Къ нашей большой радости, Панины также воротились этою осенью въ Петербургъ. Ихъ домъ на Караванной не былъ окончательно устроенъ и они провели эту зиму въ домѣ Министерства Юстиціи. Съ ними мы могли говорить о милой Парижской жизни и они были единственные наши старые друзья посреди всѣхъ новыхъ знакомствъ. Между послѣдними мы сблизились тѣсною дружбою съ Давыдовыми, или, какъ они стали называться, два года спустя, Орловыми-Давыдовыми. Наши подруги были Марія и Евгенія, или Женинька, какъ мы ее звали. Послѣдняя вышла очень рано замужъ за Петра Алексѣевича Васильчикова и скончалась еще очень молодой, оставивъ своихъ пятерыхъ дочерей на попеченіе матери своей графини Ольги Ивановны. Старшая Марія олицетворяла съ раннихъ лѣтъ типъ христіанской отроковицы и этотъ характеръ она сохранила въ послѣдующемъ развитіи ея жизни. Благодаря общественному положенію ея родителей и ихъ богатству, домъ ихъ былъ нерѣдко открытъ для блестящихъ свѣтскихъ пріемовъ. Бывали у нихъ балы и великолѣпные концерты съ Итальянскими пѣвцами. Marie являлась на эти вечера кроткая и со всѣми любезная, безъ застѣнчивости, со спокойнымъ достоинствомъ, окруженная какъ бы ореоломъ нравственной чистоты и чувствовалось, что она была въ мірѣ, но не отъ міра. Дѣйствительно, вся жизнь ея была уже сосредоточена въ любви къ Богу и

къ ближнимъ. Широкая благотворительность ея бабушки, княгини Барятинской, создала извѣстную общину сестеръ милосердія ея имени. Графиня Ольга Ивановна приняла, по наслѣдству, попеченіе объ этой Общинѣ и много расширила ее, находя въ дочери дѣятельную помощницу въ исполненіи своихъ предначертаній. Кромѣ того, пользуясь, по разумной добротѣ своихъ родителей, обширными личными средствами, она имѣла свое независимое поле дѣйствій въ области многосторонней благотворительности. Всѣ стороны ея жизни, даже занятія искусствами, пѣніе, живопись, имѣли одно общее направленіе, которое придавало всему строу плѣнительную для меня цѣльность. Во мнѣ также религіозная нота была развита, но я ее не всегда слышала въ бушеваніи всѣхъ притягивавшихъ меня другихъ голосовъ, смыслъ которыхъ былъ неизмѣненъ—стремленіе къ земному счастью. Въ атмосферѣ, окружающей Marie, я искала и находила поддержку этой бѣдной заглушаемой нотки, и моя, тогда уже тревожная, душа успокаивалась на время. Само собою разумѣется, что эти чувства развились вполнѣ съ послѣдующими годами—тогда насъ только влекла другъ къ другу взаимная симпатія. Въ домѣ, каждый изъ членовъ нашей семьи находилъ соотвѣтствующаго себѣ товарища. Борисъ былъ друженъ съ сыновьями-близнецами Владиміромъ и Анатоліемъ. Они всѣ трое поступили вмѣстѣ юнкерами въ Кавалергардскій полкъ и вмѣстѣ были произведены въ офицеры. Мой отецъ былъ пріятелемъ графа, а моя мать, со времени первой молодости, была близка съ

графиней, сестрой княгини Витгенштейнъ, которую мы такъ часто видѣли въ Парижѣ.

Кромѣ долголѣтнихъ дружескихъ отношеній, ихъ соединяла общность основныхъ принциповъ, руководящихъ жизнью каждой изъ нихъ.

Изрѣдка насъ возили на дѣтскіе балы. Насъ всюду звали, по дружбѣ и уваженію къ моей матери. Дѣвочки, которыхъ мы встрѣчали, представляли для меня собой новый типъ. Онѣ были элегантны и нарядны, какъ настоящія маленькія дамы, и умѣли говорить свѣтскимъ жаргономъ о свѣтскихъ вещахъ. Въ этомъ отношеніи я признавала ихъ безусловное превосходство надо мною; ихъ апломбъ, миленькія манеры, легкій флиртъ съ пажамъ, рассказы и смѣшки были для меня недостижимы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствовала, что никогда не заговорила бы при нихъ о томъ, что наполняло мою голову и мое сердце, такъ что моя роль съ ними была довольно пассивная. Я даже не умѣла отчетливо отвѣчать на ихъ вопросы о томъ, что происходитъ въ Михайловскомъ Дворцѣ, такъ какъ до сихъ поръ мало этимъ интересовалась. Впрочемъ, мы скоро познакомились и съ придворной обстановкой. Великая Княгиня Елена Павловна, заинтересовавшаяся уже, какъ я выше сказала, нашими уроками, пожелала видѣть насъ самихъ. По ея приглашенію, мама привезла насъ съ сестрой въ верхнюю церковь Дворца ко всенощной въ страстную пятницу. По окончаніи службы, мы были представлены и, послѣ короткаго разговора, получили приглашеніе пріѣхать къ Пасхальной заутрени.

Со времени смерти Михаила Павловича, Ве-

ликая Княгиня не ѣздила на обычные большіе выходы въ Зимнемъ Дворцѣ. Вотъ почему служили Пасхальное богослуженіе у себя дома. Великая Княгиня Екатерина Михайловна должна была особенно беречь себя и осталась съ матерью. Служба началась въ 10¹/₂ часовъ заутренней въ музыкальной гостиной. Присутствовали обѣ Великія Княгини, лица Свиты, потомъ священникъ отправлялъ ту же службу въ верхней церкви, по окончаніи чего, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ, наполнявшихъ храмъ, онъ спускался въ нижнюю церковь, куда къ обѣднѣ являлись Великія Княгини. Въ этотъ промежутокъ времени мы сидѣли въ роскошныхъ гостиныхъ, пили чай и разговаривали. Послѣ обѣдни, Великая Княгиня обошла всѣ столы, приготовленные для служащихъ и ихъ семействъ на всемъ протяженіи галлерей, окружающей монументальную лѣстницу. За ней несли большія блюда съ фарфоровыми яйцами, которыя она раздавала по пути, а передъ ней шелъ священникъ, окропляя Св. водой приготовленное разговѣніе. Послѣ этого, мы сѣли за столъ. Меня вся эта придворная пышность поразила своею внушительностью и грандіозностью, и это впечатлѣніе было вполне справедливо, такъ какъ Михайловскій Дворецъ сохранилъ дольше другихъ Дворовъ величавыя традиціи прежняго времени.

Весною мой отецъ уѣхалъ съ братьями въ деревню, куда мы съ мама должны были прибыть послѣ ожидаемаго Великой Княгиней Екатериной Михайловной рожденія ея перваго ребенка. Это событіе произошло 29 Іюня,

но, къ глубокому горю молодой матери, роды были крайне тяжелы и маленькій принцъ Николай умеръ спустя нѣсколько часовъ послѣ своего появленія на свѣтъ.

Мы оставались въ городѣ до половины Юля. Мама уѣзжала на цѣлый день на Каменный Островъ—мы обыкновенно пріѣзжали за ней и иногда Великая Княгиня предоставляла въ наше распоряженіе свой большой катеръ, на которомъ мы объѣзжали красивые острова, окаймляющіе Неву своею свѣжею зеленью. Такъ какъ въ то время пароходы еще не сновали по всѣмъ направленіямъ, то катеръ нашъ, управляемый опытными гребцами—матросами, слѣдовалъ безъ препятствій и безъ опасности для своего пути. Эти вечернія рѣчныя катанія были дивно хороши, особенно, когда съ Елагинской Pointe открывалось широкое пространство, освѣщенное блескомъ солнечнаго заката. Въ это лѣто мы познакомились съ фрейлинами баронессой Эдитой Ѳеодоровной Раденъ, Елизаветою Павловною Эйлеръ и Hélène Staal. Послѣдняя была, по красотѣ своей, украшеніемъ Михайловскаго Дворца, равно какъ и другая красавица, фрейлина Великой Княгини Екатѣрины Михайловны Эленъ Штрандманъ (впослѣдствіи, графиня Толь), ихъ звали, *die beiden Helenen*. Были еще двѣ пѣвицы, состоявшія при Великой Княгинѣ: Анна Карловна Фридбургъ, вышедшая замужъ черезъ нѣсколько лѣтъ за пьяниста Лешитицкаго и Александра Доримидонтовна Соколова, дочь нашего священника въ Берлинѣ. Голосъ первой былъ дивный, по *timbr'u*, контральто, у второй былъ звуч-

ный сопрано. Обѣ получили законченное музыкальное образованіе и ихъ чудные голоса въ дуэтахъ, или соло, доставляли истинное артистическое наслажденіе слушателямъ. Надъ всѣми этими дѣвицами была пожилая дама г-жа Гельмерсонъ, которую звали *la Gouvernante des Demoiselles d'honneur*. У нея собирались къ обѣду и иногда вечеромъ. Намъ приходилось бывать у нея часто, когда пріѣзжали за мама, и ожидали, пока она не освободится. Онѣ всѣ были добры и внимательны къ намъ, такъ что я передъ ними не стѣснялась, играла мои пьесы на фортепьянахъ и нерѣдко съ восхищеніемъ слушала пѣніе, которое репетировалось для исполненія въ присутствіи Великой Княгини.

Въ это лѣто Рубинштейнъ сочинилъ на всѣхъ дамъ рядъ музыкальныхъ пьесъ-портретовъ ихъ. Коллекція эта составляетъ *Album de Kamennoi Ostrof*. Въ Іюль мы съ большою радостью уѣхали въ наше Тверское имѣніе Степановское. Изъ Твери пришлось ѣхать 80 верстъ по отвратительнымъ дорогамъ. За нами посланы были двѣ подставы и не смотря на то, что остановки нигдѣ не было, путь нашъ показался безконечнымъ и утомительнымъ. Но, зато какое пріятное родное впечатлѣніе мы получили, прибывъ на мѣсто. Уже на границѣ нашего имѣнія отецъ нашъ встрѣтилъ насъ съ братьями, управляющимъ и служащими, и, взявъ мама въ свой экипажъ, открылъ дорогу къ дому, котораго еще не видно было за густыми деревьями парка. Борисъ сѣлъ въ нашу карету и, сообщивъ мнѣ, что онъ нашелъ для меня верховую лошадь,

указывалъ намъ мѣстность по пути. Вотъ широкій прудъ, на немъ стоитъ яхта, украшенная трехцвѣтными значками. У пристани нѣсколько лодокъ разной формы, вдали виднѣются мосты съ китайскими павильонами. Потомъ, огибая паркъ, проѣзжаемъ мимо широкой еловой аллеи, въ концѣ которой мелькаетъ домъ, а надъ нимъ флагъ съ нашимъ гербомъ. Усталыя лошади скачутъ мимо оранжерей и другихъ построекъ и, наконецъ, завернувъ въ большой дворъ, останавливаются у каменнаго подъѣзда. Масса народа насъ встрѣчаетъ и кидается къ намъ съ привѣтствіями. Это все дворовые очень многочисленные въ этомъ имѣніи, хотя ихъ было менѣе однако, чѣмъ въ Куракинѣ, гдѣ жилъ мой дѣдъ. Потомъ отецъ водить насъ по всему дому. Мы въ восторгѣ. Столько простора, изящества, столько фамилныхъ портретовъ, огромная библіотека, и всѣ хлопчутъ вокругъ насъ и любятъ насъ, не зная еще насъ, въ силу какой то связи, установленной трехвѣковыми постоянными добрыми отношеніями. Мы съ своей стороны идемъ на встрѣчу имъ всѣмъ сердцемъ. И это впечатлѣніе не было мимолетнымъ. Чѣмъ дольше мы жили въ деревнѣ, тѣмъ глубже мы чувствовали эту связь. Я ощущала, наконецъ, то родное представленіе объ отечествѣ, въ которомъ такъ была обманута въ Петербургѣ. Со времени отъѣзда нашего изъ Парижа, я могла сравнить себя съ деревцомъ, вырваннымъ съ корнями изъ своей почвы и дрожащимъ въ сухой холодной атмосферѣ. Здѣсь же деревцо нашло свое питаніе и корни его принялись въ родной землѣ.

Одной изъ первыхъ заботъ моего отца было устройство школы, для чего онъ привезъ книгъ и разныхъ приспособленій для взаимнаго обученія по Ланкастерскому методу. Школа была основана, но всѣ таблицы и проч. остались безъ употребленія, такъ какъ учитель, конторскій писарь Константинъ Ворошнинъ не понималъ обученія иначе, какъ по азамъ. Священникъ былъ приглашенъ для уроковъ по Закону Божию и какъ бы то ни было, дѣти всетаки получали образованіе. Мы очень интересовались этимъ дѣломъ и потому невыразимо были поражены, когда пріѣхавшіе однажды къ намъ изъ Зубцова предводитель дворянства и судья высказали, что грамота мужику не только не нужна, но и вредна и, что не слѣдуетъ образовывать его. Такое разсужденіе мы слышали въ первый разъ, но увы, не въ послѣдній! Мы перестали удивляться, но остались при своемъ мнѣніи и продолжали дѣйствовать, согласно ему.

Война между тѣмъ разыгрывалась, тяжелая, грозная, полная неожиданныхъ разочарованій. Наша военная мощь таяла передъ удивленными взорами Европы и нашимъ собственнымъ недоумѣніемъ. Боже мой, какія страданья пришлось испытать нашему бѣдному сѣрому войску, дурно вооруженному, дурно содержимому, дурно предводительствуемому, беззавѣтно отдающему свои силы и жизнь. Дворъ былъ въ Гатчинѣ въ эту осень. Съ тревогой ожидалось пріѣздовъ фельдъегерей, скакавшихъ день и ночь на перекладныхъ по непроѣзднымъ дорогамъ, чтобы привезти извѣстія о нашихъ пораженіяхъ. Одинъ флотъ поддерживалъ старую славу русскаго ору-

жія. Имена Черноморскихъ Адмираловъ Лазарева, Корнилова, Нахимова произносились съ патріотическою гордостью. Государь страдалъ неимовѣрно. Онъ страшно переѣнился за послѣднее время. Молодые великіе князья Николай, и Михаилъ Николаевичи были посланы на войну: Отпуская Ихъ, Императрица грустно говорила „*Toutes les familles ont là tout ce qu'elles ont de plus cher. Nous devons aussi y envoyer les nôtres*“. Грусть царила въ Петербургѣ. Въ гостиныхъ обличали, спорили, судили и рядили, пѣвторыя: „*Voilà l'éducation du corps des Pages et du Champ de Mars*“ и цитировали слова Великаго Князя Константина Павловича, который говорилъ, что война портитъ солдата, назначеніе котораго, по его мнѣнію, было вѣроятно выдѣлывать удивительную шагистику на парадахъ. Великая Княгиня Елена Павловна не предавалась безплодному нытью. Ея живой умъ и горячее сердце искали средства къ уменьшенію страданій. Узнавъ объ ужасномъ состояніи нашихъ военныхъ госпиталей, она задумала окружить нашихъ мучениковъ христіанскимъ культурнымъ элементомъ, замѣнъ единственной помощи, имѣющейся у нихъ въ лицѣ грубыхъ военныхъ фельдшеровъ. Такъ зародилась Крестовоздвиженская Община Сестеръ Милосердія. Только при Ея исключительно высокомъ положеніи и счастливомъ сочетаніи съ нимъ Ея широкаго ума, при Ея неутомимой энергіи и стойкой волѣ удалось Ей преодолѣть всѣ препятствія, которыя она встрѣтила на пути, главнымъ образомъ со стороны военной администраціи. Ближайшимъ Ея совѣтникомъ и руко-

водителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Николай Ивановичъ Пироговъ, а помощницей въ исполненіи Ея предначертаній,—Ея фрейлина баронесса Раденъ. Этотъ первый починъ дѣятельности Сестеръ Милосердія на театрѣ войны уяснилъ необходимость присутствія женскаго элемента въ тяжелыя минуты народной жизни и получилъ широкое и блестящее развитіе, справедливо прославившее русскую женщину. Переносясь въ эту уже отдаленную отъ насъ эпоху, я поражаюсь той огромной эволюціи въ идеяхъ, совершившейся за этотъ промежутокъ времени, а въ данномъ случаѣ, въ сферѣ столь естественной для женщины, какъ оказаніе помощи ближнимъ.

Двоюродный братъ моей матери, князь Александръ Владиміровичъ Голицынъ, находился со своимъ полкомъ на войнѣ. Его молодая жена, узнавъ о формированіи отрядовъ Крестовоздвиженскихъ Сестеръ, обратилась къ Великой Княгинѣ за разрѣшеніемъ присоединиться къ нимъ. Дѣйствительно, послѣ обычнаго испытанія, она отправилась, въ качествѣ сестры, и проработала въ Севастополѣ до конца. Надо было слышать всѣ вопли негодованія, вызванные въ обществѣ ея поступкомъ. Находили его неприличнымъ, упрекали ее за то, что она бросала „un devoir direct“, гоняясь за приключеніями. Надо сказать, что этотъ пресловутый *devoir* состоялъ въ ухаживаніи за своей *belle-mère*, больной въ теченіи 20 лѣтъ хроническимъ ревматизмомъ, окруженной въ своемъ домѣ нѣжнымъ попеченіемъ дочери и уходомъ цѣлаго сонма разныхъ компаніонокъ. Дѣтей же у молодой княгини

не было, вслѣдствіе чего, получивъ согласіе своего мужа, она считала себя вправѣ располагать нѣсколькими мѣсяцами своей жизни. Но не такъ судило общество и, къ удивленію моему, много очень достойныхъ, добрыхъ и религіозныхъ членовъ семьи. Когда она воротилась, объ ней говорили какъ о женщинѣ, совершившей проступокъ. Она не отвѣчала и не оправдывалась, только иногда приговаривала: „Позоръ мой—крестъ мой.“ Я должна сказать, что мать моя не присоединяла своего голоса къ общему гвалту и даже помогла ей завязать необходимыя для нея сношенія съ Михайловскимъ Дворцомъ. Я же возмущалась ея преслѣдователями и считала ее за героиню. Теперь трудно повѣрить, что такое обычное явленіе какъ вступленіе въ ряды сестеръ милосердія, могло вызвать подобный протестъ. Въ идеяхъ совершается прогрессивная эволюція, а жизнь человѣка есть воплощеніе его идей; вотъ почему такъ важна строгая провѣрка источника этихъ руководящихъ идей и освѣщеніе ихъ не временнымъ, но вѣчнымъ міровоззрѣніемъ....

Этою зимою скончался Государь Николай Павловичъ—Его исполинская натура, подкошенная неутѣшныхъ горемъ, не выдержала напора короткой болѣзни — бронхита, и 18 Февраля Его Царское страдальческое сердце умолкло навсегда. Приведу опять нѣсколько строкъ изъ моего дневника, написаннаго въ этотъ день.

Vendredi 18 Février 1855. Quel désastre!

quel coup de foudre vient fondre sur nous, sur la Russie entière! On est encore à se demander: est il vrai que l'Empereur soit mort? Mon Dieu est-ce possible? est-ce compréhensible? Ce coup si inattendu est un de ceux qui nous apprennent le mieux à ne pas compter sur notre fragilité humaine..... Nous avons appris cette catastrophe de la manière la plus subite. Ce matin en allant nous promener, nous avons passé chez grand-maman. „Savez-vous, nous dit-elle, que l'Empereur est fort mal? Nous ne nous en doutions pas,—nous savions il est vrai, que l'Empereur était grippé depuis quelques jours, mais l'idée du danger ne se présentait même pas à notre esprit. La veille nous avions diné chez les Demoiselles d'honneur du Palais Michel et elles n'avaient pas la moindre inquiétude. Le bulletin que grand-maman nous montra disait: „Положение Его Величества весьма опасно. Nous quittâmes grand-maman le coeur plein de tristesse et nous nous entretenions en marchant sur le quai de ce triste sujet. Arrivées à la hauteur du Palais, nous retournâmes sur nos pas, à peine en avions nous fait quelques uns dans cette direction que nous vîmes un jeune officier sortir du Palais en traîneau de louage, troublé, le visage plein de larmes; en descendant sur la Néva il cria au будочникъ qui se trouvait à côté de nous; „Государь сейчасъ скончался“. Il était midi et demi, l'ame de l'Empereur Nicolas avait quitté son corps depuis 10 minutes. Longtemps les paroles que nous venions d'entendre nous parurent incompréhensibles—nous restions à

nous quatre immobiles comme des statues. Enfin le будочникъ rompit le silence—il fit le signe de la Croix et dit: „Государь померъ, дай Богъ ему Царство Небесное“, et il alla à sa будка communiquer la nouvelle à son camarade. Nos pleurs coulèrent. Pauvre Empereur, il a fallu que bien des tourments aient miné ce corps si robuste pour qu'une grippe l'ait mené à la mort. Nous passâmes chez grand-maman pour lui dire ce que nous savions, nous essayions de croire que nous avions mal entendu,—bientôt Boris arrivé de son régiment ne nous laissa plus de doutes. M-lle Euler nous donna des détails sur les derniers moments de l'Empereur. Il s'est senti mal hier soir à 11 heures. A 4 h. du matin, il a reçu l'Extrême Onction. La grande Duchesse Hélène que le C-te Adlerberg était venu avertir est allée au Palais à 5 heures. Dès que l'Empereur a su qu'elle était arrivée il la fait appeler, et lui a dit. „Ah! M-me Michel, merci, merci d'être venue et il lui a fait un signe avec la main pour lui dire qu'il s'en allait. Plus tard quand il ne pouvait plus parler, quelques minutes avant sa mort, alors que toute l'Auguste famille était rassemblée, il regarda la Grande Duchesse Héritière et reporta ensuite ce regard sur l'Impératrice. Il ne dit pas un mot, mais l'expression de ce regard était telle que toute l'Assemblée en frémit“.

Мама была въ то время съ Великой Княгиней Екатериной Михайловной въ Мекленбургъ-Стрълицкѣ, откуда онѣ поспѣшили пріѣхать, при извѣстіи о несчастіи.

Новое царствованіе открывалось при тяжелыхъ обстоятельствахъ. Симпатичный образъ молодого Государя давалъ всѣмъ надежды на болѣе либеральное теченіе въ правительственныхъ сферахъ. Еще ничего не было предпринято, но говорилось уже свободнѣе, указывали на всѣ прорѣхи, на невозможный архаизмъ нашихъ учреждений и прежде всего на необходимость отмѣны крѣпостнаго права. Колоколъ Герцена начиналъ проникать всюду и волновать умы. Между тѣмъ, Севастополь продолжалъ бороться на жизнь, или на смерть.

Почти одновременно съ общимъ трауромъ, насъ постигло новое семейное горе. Въ началѣ Марта дядя князь Давидъ Ѳеодоровичъ Голицынъ уѣхалъ въ свое Саратовское имѣніе Зубриловку. Послѣ холодной снѣжной зимы оттепель сразу наступила и превратила дороги въ сплошную непролазную грязь, а тронувшіяся рѣки въ бурные потоки или даже озера. Сопровождалъ дядю камердинеръ его Михаилъ Кирсановъ. Доѣхавъ съ невыразимыми усиліями до рѣчки Прони, Рязанской губерніи, путешественники съ недоумѣніемъ увидали, что рѣчка эта широко разлилась, снеся всѣ мосты и что устроена тутъ была лодочная переправа. Дулъ сильный вѣтеръ и смеркалось. Лодочникъ не совѣтывалъ пускаться въ путь при такой непогодѣ. Пока они совѣтывались, подоспѣлъ другой экипажъ, въ которомъ сидѣли мужъ, жена и ребенокъ съ кормилицей и лакеемъ на козлахъ. На пустомъ берегу не было пристанища—путешественники рѣшили не останавливаться и приказали лодочнику приготовляться. Всѣ сѣли въ лодку. Что слу-

чилось потомъ, мы точно никогда не могли узнать. На противоположномъ берегу сквозь сгустившіяся уже сумерки замѣтили, что лодка опрокинулась. Крестьяне спустили свою лодку и стали грести по направленію къ мѣсту катастрофы. Долго искали они тщетно, наконецъ, нашли окоченѣвшаго отъ холода человѣка. Онъ былъ въ обморокѣ, его привели въ избу и положили на печь. Когда черезъ нѣкоторое время онъ пришелъ въ себя, то первыя слова его были: „А гдѣ другіе?“ и на вопросъ: „развѣ еще есть?“ онъ отвѣчалъ: „ихъ было много.“—Не смотря на темную наступившую уже ночь, отправились на новыя поиски, но безуспѣшно. Утромъ опять вышли на рѣку и вотъ у холмика, выступавшаго посреди разлива, нашли, наконецъ, тѣла погибшихъ, волна ихъ привела всѣхъ вмѣстѣ къ ихъ общей могилѣ. Это случилось 18 Марта 1855 г. Понятно горе всей нашей семьи особенно бѣдной бабушки, которая теряла второго сына въ неожиданной катастрофѣ. Сообщенія были медленны тогда; мы узнали о совершившемся только спустя нѣсколько дней. Мои дяди выѣхали на мѣсто происшествія, чтобы принять необходимыя мѣры и собрать тѣ скудныя подробности, которыя можно было получить отъ мѣстныхъ жителей. При покойномъ былъ найденъ портретъ его жены, писанный масляными красками ею самою, съ которымъ онъ никогда не разставался, но портфель съ крупной суммой денегъ исчезъ—между тѣмъ, по свидѣтельству главнаго управляющаго, онъ везъ съ собою 60.000 р. Вмѣстѣ съ симъ, разговаривая съ представителемъ по-

лиціи князь Борисъ Θεодоровичъ вдругъ увидѣлъ на рукѣ своего собесѣдника кольцо, принадлежавшее его покойному брату. На замѣчаніе его о семъ, тотъ смутился, тотчасъ же снялъ кольцо съ пальца и, передавая его, объяснилъ, что онъ нарочно надѣлъ его, чтобы не потерять и возвратить по принадлежности.

Чтобы утѣшить бѣдную бабушку въ ея тяжеломъ горѣ, мама рѣшила провести лѣто съ нею, и, такъ какъ придворныя ея обязанности притягивали ее къ Каменному Острову, то взята была по близости дача въ Лѣсномъ. Мой отецъ ѣздилъ по имѣніямъ. Братъ Борисъ былъ въ первый разъ въ лагерномъ сборѣ съ полкомъ и Одея былъ частью въ пансіонѣ, частью съ нами. Не могу сказать, чтобы это пребываніе имѣло для меня много прелести. Дача была посредственная. Красотъ природы въ Лѣсномъ мало, жизнь была однообразная и для насъ дѣвочекъ одинокая. Но для меня внѣшняя форма ея имѣла второстепенное значеніе. Моя жизненность была такъ велика, что она создавала свою область фантазіи и мечты, помимо всего окружающаго. Съ этого времени, какъ мнѣ кажется, начинается то раздвоеніе жизни, которое было моимъ удѣломъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, до той поры, пока, достигши, наконецъ, пристани, я могла собрать аккордъ изъ бывшихъ такъ часто болѣзненныхъ диссонансовъ. Вотъ что я писала по этому поводу въ моемъ дневникѣ:

25 Juin 1855. Quelles délices je trouve à rêver toute éveillée! On se laisse emporter par l'imagination dans les champs brillants de l'ave-

nir, du passé, on se crée mille images riantes ou tristes selon la disposition du moment. On se figure des situations, des mots, des gestes, des sourires, des expressions, des contenance; l'illusion est si parfaite qu'on en rit ou on en pleure selon les sujets et on aime à y rester tant il y a de charmes dans les vagues tableaux qu'on se représente dont on fait partie, et quand ils s'envolent, l'imagination en crée d'autres aussi brillants aussi illusoire. D'autres ont-ils senti comme moi ce charme mystérieux? Voilà une question, que je me pose souvent et que je ne saurais résoudre, je crois que oui, car je ne suis ni plus folle, ni plus poète que d'autres. Avec l'âge je suis bien sûre que mes chimères s'envoleront quand des intérêts sérieux viendront occuper mon esprit.—Pourquoi ne pas en jouir avec délices maintenant qu'elles me restent encore.

J'ai lu autrefois un conte de Lelio intitulé „la reine Mab“. C'est cette reine qui apparaît toutes les nuits à une pensionnaire nommée Lina et qui la mène au milieu de toutes les splendeurs, que peut enfanter la plus riche imagination. Ma fée à moi: c'est l'illusion revêtue des couleurs de la vérité et c'est elle qui me présente des images réelles et charmantes.

Я мечтала о войнѣ, я желала быть Jeanne d'Arc, чтобы спасти мою родину, или я представляла себѣ упоеніе властью надъ сердцами людей посредствомъ музыки, поэзіи, вдохновеннаго слова. Я читала запоемъ стихи Victor Hugo, чувствовала сама потребность стихотворствовать. Между массой забытыхъ мною, вспо-

минаю одно изъ моихъ сочиненій, передающее довольно вѣрно мое настроеніе. Вотъ оно.

Rapide est l'éclair qui sillonne
En déchirant les sombres cieux.
Quand le tonnerre qui résonne
Accompagne ses feux,
Rapide elle est la jeune fille
Qui vole vers l'objet aimé,
Rapide est l'étoile qui file
Dans l'abîme insondé
Et le coursier que rien n'arrête
Vole rapide au son du cor,
Mais le coup d'aile du poète
Est plus rapide encore!

Я также читала съ увлеченіемъ историческія книги, между прочимъ, обширный трудъ Чезаря Канту, переведенный съ итальянскаго на французскій языкъ: „Исторія ста лѣтъ отъ 1750 до 1850 г.“. Эта книга произвела на меня сильное впечатлѣніе, чему служить доказательствомъ то, что послѣ 50 лѣтъ я ее еще хорошо помню. До тѣхъ поръ, я знала исторію французской революціи изъ учебниковъ и современныхъ мемуаровъ, гдѣ факты, конечно, передавались въ исключительной окраскѣ. Въ первый разъ цѣльная картина ея внѣшней и внутренней стороны представилась моему сознанію и я поняла глубокое значеніе этого всемірнаго кризиса.

Въ Августѣ добрая великая княгиня Елена Павловна предложила моей матери привезти насъ съ собой въ Ораніенбаумъ, куда Дворъ перекочевалъ на нѣсколько дней. Несмотря на мою мечтательность, я любила дѣйствительность еще болѣе, когда она была при-

влекательна; четыре дня, проведенных мною въ Ораніенбаумѣ, были для меня восхитительны. Тамъ мы нашли огромное общество, умное, пріятное, артистическое. Князь и княгиня Одоевскіе, графъ Владиміръ Соллогубъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, братъ его Николай Дмитріевичъ, бывший начальникъ моего отца въ Парижѣ, баронъ Бруновъ, нашъ бывший посолъ въ Лондонѣ, все люди извѣстные и блестящіе собесѣдники. Die beiden Helenen были центромъ веселыхъ группъ, серьезные разговоры сосредоточивались около баронессы Раденъ, а сентиментальные окружали Lise Euler; было много музыки и дивнаго пѣнія. Мнѣ было очень пріятно попасть вдругъ въ число взрослыхъ и пользоваться своей маленькою долею вниманія. Дома я была безмолвной, застѣнчивой дѣвочкой и никогда не смѣла проговориться о моихъ мысляхъ. Сидя по цѣлымъ вечерамъ, съ работою въ рукахъ, около стола, гдѣ возсѣдала бабушка, я слышала сквозь мои обычные мечтанія рассказы ея о быломъ времени, о тогдашнемъ придворномъ мірѣ, объ оригинальностяхъ вельможъ, съ которыми наша семья состояла въ родствѣ и традиціонной дружбѣ. Благодаря моей рѣдкой произвольной памяти, рассказы эти запечатлѣвались въ ней механически, такъ что я, зная хронику этой отдаленной эпохи, какъ будто бы жила въ ея время. Каково бы ни было содержаніе моей замкнутой жизни, на постороннихъ я, конечно, производила впечатлѣніе недодѣланнаго подростка, потому понятно, что первое вступленіе мое въ волшебный міръ свѣтскаго общенія было для меня очаровательно.

Въ то время устраивали для Великой Княгини Екатерины Михайловны прелестный Китайскій дворецъ, гдѣ во время оно жила Императрица Екатерина II. Съ тѣхъ поръ онъ пришелъ въ упадокъ, нынѣ возстановлялся въ прежней роскоши и артистическомъ вкусѣ, и на слѣдующій годъ уже былъ готовъ для помѣщенія въ немъ. Мы гуляли по широкимъ аллеямъ грандіознаго парка и восхищались видомъ на море съ павильона Кательной горы, откуда уже при помощи телескопа можно было видѣть за Кронштадтомъ непріятельскія суда, стерегущія наши берега. Мы провели въ Ораніенбаумѣ день рожденія Великой Княгини Екатерины Михайловны 16 Августа. По этому случаю исполнена была Кантата, слова которой сочинилъ графъ Соллогубъ, музыку князь Одоевскій, Пропѣта же она была пѣвицами Фридбергъ и Соколовой съ хоромъ. Вотъ какъ она начиналась:

On dit que les arts d'Italie
Au nord s'en allant voyager
Crurent retrouver leur patrie
Sous les splendeurs d'un oranger:
Le séjour de la poésie
Au nord dit on donna raison
Le soleil seul par jalousie
Resta pour garder la maison и проч. и проч.
(два послѣдніе стиха относятся къ погодѣ, которая была дождливая).

На слѣдующій день мы отбыли, какъ и прибыли, на Императорскомъ пароходѣ до Елагинской пристани. Описавъ подробно всѣ инци-

денты нашей поѣздки въ своемъ дневникѣ, я кончаю такъ:

..... nous vogueons pas une vague n'agite la mer. M-r Arsénief (впослѣдствіи адмиралъ Дмитрій Сергѣевичъ) nous offre du thé,—nous en prenons avec plaisir,—on rit, on cause, on s'amuse. Notre aimable capitaine apporte plusieurs volumes de caricatures. On se les partage, on les regarde, on rit encore, on s'amuse toujours. Tout à coup un matelot semblant sortir de dessous terre présente un plateau chargé des plus beaux fruits. On est enchanté, on s'écrie—„Mais c'est une féerie vraiment“. On mange des fruits, ils sont exquis. On remercie le galant capitaine. Tout à coup on aperçoit Elaguine devant soi. Quoi, déjà! s'écrie-t-on. Oui déjà, la traversée est finie, le beau rêve aussi. En montant en calèche, les grandes demoiselles d'Oranienbaum redeviennent les petites bûches des Forestiers. Adieu grandeurs! adieu honneurs! Effacez vous devant les leçons, les exercices de Henselt et leur suite, étonnés d'être restés quatre jours sans fonctionner!

Жестокая война все еще продолжалась. Малаховъ Курганъ стоялъ послѣднимъ отважнымъ борцомъ за честь родины. Я читала только что появившіеся Севастопольскіе рассказы графа Л. Н. Толстого и сердце сжималось отъ энтузіазма и отъ боли при описаніи этой геройской эпопеи. Наконецъ, 26 Августа войска удалились, оставивъ непріятелю одни окровавленные развалины, какъ писалъ въ своемъ донесеніи князь Горчаковъ. Послѣ этого событія миръ былъ близокъ, и несмотря, на угнетающую скорбь,

чувствовалось облегченіе вслѣдствіе прекращенія столькихъ адскихъ страданій. Что касается до меня, то жизнерадостность моя очень быстро взяла свое. Въ эту зиму мнѣ было особенно весело. Мы постоянно видѣлись съ нашими друзьями Орловыми-Давыдовыми, Паниными и Куракиными, давно уже возвратившимися въ Петербургъ. Кромѣ нихъ, наше постоянное общество составляли Гри-Гри Голицынъ (уже камеръ-пажъ) товарищъ Бориса, юнкеръ Кавалергардскаго полка, князь Долгорукій (родители коего были въ Полтавской губерніи) и студентъ университета Иванъ Ивановичъ Рюминъ. Мы играли комедію, что я любила больше всего. У Куракиныхъ была устроена сцена, мы исполняли двѣ пьесы Скриба: „La demoiselle à marier“ и „Le menteur Veridique“. Послѣ спектакля мы танцевали. Вообще часто бывали танцевальные вечера, на которыхъ я безумно веселилась. За мною ухаживали и это мнѣ страшно нравилось и моя голова была полна разговорами и воспоминаніями о бальныхъ эпизодахъ, которые я лихорадочно записывала въ моемъ дневникѣ, не имѣя никого, кому могла бы повѣрить свои восторги. Великая Княгиня Елена Павловна также приглашала меня на свои маленькіе вечера. На одномъ изъ нихъ была исполнена *Kinder Symphonie*, родъ музыки, впервые вступившей тогда въ моду. Основаніе составляло фортепьяно Лешетицкаго съ аккомпаниментомъ квартета музыкантовъ и при томъ игралъ цѣлый оркестръ изъ дѣтскихъ инструментовъ, долженствовавшихъ изображать пѣніе птицъ. Нужно было только знать счетъ и слѣ-

доть по нотамъ, чтобы выступить во время. Мнѣ тоже дали какой то инструментъ, который долженъ былъ изображать перепелку, и пришлось руководить двумя моими сосѣдками, которыя не умѣли твердо считать такты. Пока я стояла за моимъ пюпитромъ, ко мнѣ подошла дама, которая стала любезно говорить со мною. Сначала я ее не узнала, но въ теченіе разговора поняла, что это была Императрица Марія Александровна. На этомъ же вечерѣ я была представлена великимъ княгинямъ Александрѣ Іосифовнѣ и Маріи Николаевнѣ. Всѣ были ко мнѣ чрезвычайно ласковы и добры, такъ что я не чувствовала робости.

Весною мы были приглашены на пребываніе въ Каменно-Островскій дворецъ. Мы тамъ оставались нѣсколько недѣль до переѣзда въ Ораніенбаумъ, гдѣ Китайскій дворецъ только что былъ отдѣланъ, а для свиты былъ построенъ Кавалерскій домъ при дворцѣ. Въ этомъ домѣ помѣщались мы, фрейлина Штрандманъ, адъютанты герцога, состоявшій при немъ генераль Баумгартъ, гофмейстеръ князь Мещерскій (немного позже) и были устроены помѣщенія для гостей. Весь домъ блестѣлъ свѣжестью и отличался комфортомъ. Мы всѣ завтракали и обѣдали вмѣстѣ въ кавалерской залѣ, гдѣ также происходили изрѣдка вечернія собранія, на которыя пріѣзжала Великая Княгиня со своимъ Супругомъ, а мама принимала. Анна Карловна Фридбергъ уже вышла замужъ за Лешетицкаго. Музыкальный элементъ на этихъ вечерахъ состоялъ изъ пѣнія г-жи Соколовой и моей игры, что меня всегда смущало, тѣмъ болѣе, что я

играла наизусть. Но чаще всего собранія происходили въ Китайскомъ или Большомъ дворцѣ у Великой Княгини Елены Павловны. Тамъ общество было очень многолюдное и оживленное. Гостилъ поочередно князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, нѣкоторые дипломаты, графъ Кейзерлингъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, графъ Киселевъ, а постоянно пребывали: Одоевскій, нѣсколько нѣмецкихъ принцевъ изъ родни Великой Княгини, между ними веселый принцъ Николай Нассаускій (впослѣдствіи женившійся на дочери Пушкина г-жи Дуббельтъ) и также великая герцогиня Веймарская, Марія Павловна, приглашенная присутствовать на коронаціи, назначенной на 26 Августа. Эта принцесса была другомъ юности моей бабушки княгини Голицыной бывшей фрейлины Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Поэтому она пожелала видѣть внуку ея старой подруги и я была представлена ей на первомъ же вечерѣ. Она также была въ большой дружбѣ съ нашимъ дѣдомъ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, который даже умеръ, гостя у ней въ Веймарѣ. Тѣло его было перевезено, по желанію Императрицы, изъ Веймара въ Павловскъ, гдѣ оно покоемъ въ церкви подъ памятникомъ, сооруженнымъ ему Государыней, съ надписью: „Другу Супруга моего“.

Собранія въ Большомъ дворцѣ происходили въ большой круглой залѣ, называемой Японской, оттого въ шутку звали наши оба дворца „la Chine et le Japon“. Я всегда была приглашаема на нихъ и очень веселилась. Играли съ большимъ оживленіемъ въ *petits jeux*. Особеннымъ

успѣхомъ пользовалась игра подъ названіемъ la Poste, гдѣ приходилось перебѣгать постоянно изъ одного мѣста въ другое. Кромѣ того была музыка и велись умные разговоры, къ которымъ я прислушивалась съ наслажденіемъ. Довольно часто Великая Княгиня Екатерина Михайловна брала меня съ собой, для обратной ѣзды въ „Китай“. Тутъ началось мое сближеніе съ этой высокой душой, которое никогда не прерывалось.—Меня рѣшили не представлять еще официально ко Двору во время коронаціи. Конечно, мнѣ было жаль, тѣмъ болѣе, что мои ровесницы дебютировали въ это время и я не могла не сознавать, что, по моему развитію, я заслуживала того, чтобы меня не считали уже ребенкомъ, но я такъ привыкла къ дисциплинѣ, что не смѣла роптать даже мысленно. Одной изъ причинъ этого рѣшенія была та, что, по состоянію здоровья Великой Княгини Екатерины Михайловны, неизвѣстно было еще, поѣдетъ ли она въ Москву или нѣтъ? Еслибъ нашли эту поѣздку для нея опасной, то мама осталась бы при ней и эта переменна отразилась бы также и на моей судьбѣ. Вообще, мы были дрессированы въ безусловномъ повиновеніи. Приведу одинъ примѣръ. Однажды, за завтракомъ одинъ изъ нашихъ кавалеровъ, зная мою страсть къ верховой ѣздѣ, предложилъ мнѣ свою лошадь. Съ разрѣшенія мама, я съ радостью приняла его предложеніе и Эленъ Штрандманъ стала давать мнѣ совѣты, какъ лучше, скорѣе и дешевле устроить мой верховой костюмъ. Я была въ восторгѣ отъ мысли, что мнѣ предстоитъ это любимое мое удовольствіе и, придя

въ мою комнату послѣ завтрака, я ходила взадъ и впередъ, обдумывая съ восхищеніемъ, какъ привести его къ скорѣйшему исполненію. Надо сказать, что въ Ораніенбаумѣ къ намъ не ѣздили учителя, но росписаніе уроковъ существовало: въ 2 часа (мы завтракали въ 1 часъ) я должна была заниматься англійскимъ языкомъ. Было 10 минутъ третьяго. Дверь отворилась. Вошла мама. Я остановилась посреди моего шаганія. Мама спросила: „Que faites vous?“ Я отвѣчала, смущенная: „Je pense à mon amazonne“. Мама замѣтила: „Vous devriez faire votre Anglais“ и прибавила, уходя: „Je suis surprise de vous voir vous affranchir si facilement d’une obligation imposée par le devoir“. Я вздохнула, отогнала до поры до времени мысль объ амазонкѣ и верховой ѣздѣ туда, гдѣ покоились всѣ прочія мечты, ожидавшія свободы, а пока запертыя на замокъ, и засѣла за анализъ одной главы изъ Мильтона.

Въ Москву мы всетаки поѣхали. Для Великой Княгини былъ предоставленъ отъ Большаго двора роскошный домъ Самарина на Тверской. Мама помѣщалась тамъ же, а мы обѣ съ Coussette были приглашены Маріей Сергѣевной Бутурлиной въ ея домъ на Знаменкѣ. Я въ первый разъ была въ Москвѣ въ этомъ сердцѣ Россіи среди всѣхъ историческихъ воспоминаній, столь дорогихъ каждому русскому сердцу. Мы ѣздили смотрѣть всѣ достопримѣчательности и восхищались ими. Изъ моихъ подругъ только Орловы-Давыдовы не выѣзжали, но я постоянно сообщалась съ придворнымъ и мѣстнымъ обществомъ, такъ какъ вся Москва пріѣзжала къ

моей матери и меня всегда звали во время визита дамъ съ ихъ дебютирующими дочерьми. И всегда тотъ же вопросъ: почему я не въѣжаю? Даже разъ, когда я сопровождала Великую Княгиню Екатерину Михайловну и она представила меня Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Государыня въ очень ласковомъ обращеніи со мною сказала между прочимъ: *mais c'est une tyrannie de vous garder à la maison!* Эту *tyrannie* я не особенно чувствовала по привычкѣ никогда не смѣть ничего требовать, и вообще настоящее почти не существовало для меня. Я жила въ будущемъ, стремясь къ нему на всѣхъ крыльяхъ моихъ несбыточныхъ мечтаній. Въѣздъ на коронацію былъ удивителенъ. Мнѣ пришлось единственный разъ видѣть это великолѣпное зрѣлище, такъ какъ при двухъ послѣдующихъ подобныхъ случаяхъ въ 1883 и 1896 годахъ я участвовала въ кортежѣ и потому не могла видѣть общаго впечатлѣнія. Длинная процессія плавно слѣдовала вдоль Тверской улицы и, казалось, превращала ее въ рѣку съ золотыми волнами. Шествіе замыкалось представителями всѣхъ Азіатскихъ и Кавказскихъ племенъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, и число ихъ и разнообразность давало внушительное понятіе о величіи Россіи, соединявшей подъ своимъ скипетромъ столько народовъ. Въ самый день коронаціи мы заняли мѣста на трибунахъ съ 6 часовъ утра. Былъ ясный солнечный день. Впечатлѣніе той минуты, когда Царственная Чета вышла уже коронованная изъ Успенскаго Собора, осталось для меня неизгладимымъ. Дневникъ мой и на этотъ разъ со-

храняетъ о немъ память. Приведу опять нѣ-
сколько строкъ:

„Lundi 27 Août 1856..... Une décharge
étourdissante de canons ainsi que la reprise du
Боже Царя храни exécutée par tous les régi-
ments qui se trouvaient là nous annoncent la
fin du Te Deum. En effet la Famille Impériale
se dirige vers le Palais dans le même ordre que
précédemment. Au même instant l'Empereur et
l'Impératrice la couronne en tête et le manteau
Impérial sur les épaules sortent de la Cathé-
drale par une autre porte et vont faire le tour
des trois соборы avant de remonter le Красное
крыльцо. L'Empereur est pâle, il a l'air forte-
ment ému, mais sa belle figure est pleine d'une
douce majesté et on se sent attendri en le
regardant. Les rayons du soleil font briller de
mille feux les magnifiques diamants de la
Couronne et celui du sceptre qu'il tient en
main. L'Impératrice elle aussi est émue et cette
émotion visible ne fait qu'ajouter au charme
de sa personne, aussi digne que gracieuse.
De chaque coté de L. L. M. M. se tiennent
leurs assistants. Ceux de l'Empereur sont
ses deux frères les Grands Ducs Constantin et
Nicolas, ceux de l'Impératrice—son frère le
Prince Alexandre de Hesse et le Duc Georges.
Comment exprimer? la magnificence de ce
spectacle? l'enthousiasme était au comble, des
hurrahs sortaient de toutes les bouches, tous les
yeux se mouillaient de larmes, les hommes
agitaient leurs chapeaux, les femmes leurs
mouchoirs, tous les coeurs s'unissaient à cette
hymne, qui ne cessait de se faire entendre,

tous demandaient au Ciel de bénir cet Empereur dont le règne si récent et commencé dans des circonstances si difficiles a déjà trouvé une gloire dans la cimentation de la paix. Cependant, le cortège après avoir fait le tour des cathédrales, remonte le Grand escalier et entre dans les appartements du Palais. Le grand acte est accompli. M-r Numers nous fait trouver bientôt notre voiture et vers trois heures nous revînmes chez nous. Nous y trouvâmes M-me Boutourline, enthousiasmée de ce qu'elle avait vu au point de demander ce que le ciel pouvait offrir de plus beau à ses élus?"

По окончаніи всѣхъ праздниковъ коронаціи мы уѣхали 16 Сентября изъ Москвы въ экстренномъ поѣздѣ Великой Княгини Екатерины Михайловны и, намѣреваясь провести послѣдній осенній мѣсяцъ въ деревнѣ, взяли съ собой мою двоюродную сестру Лизу Куракину, которая должна была прогостить у насъ это время. Мы разстались съ Великой Княгиней въ Твери, откуда собирались уѣхать на другое утро въ наше Степановское. Въ тотъ же еще день мы встрѣчали на станціи Великую Княгиню Елену Павловну, уѣзжавшую изъ Москвы и направлявшуюся на всю зиму въ Ниццу. Пока весь Дворъ и принцы выходили къ приготовленному для нихъ въ царскихъ комнатахъ обѣду, Великая Княгиня оставалась въ своемъ вагонѣ и пригласила къ себѣ мама и насъ трехъ. Она была добра и ласкова съ нами до нельзя, угощала конфетами, спрашивала о нашихъ впечатлѣніяхъ. Однимъ словомъ, была относительно насъ трехъ безцвѣтныхъ дѣвочекъ

той же Charmeuse, какою являлась государственнымъ людямъ и великимъ умамъ, съ ней соприкасавшимся. Мы остались съ нею до отхода поѣзда, а на слѣдующее утро уже прыгали по кочкамъ, катились по косогорамъ, вылѣзали изъ трясинъ, переѣзжали со страхомъ черезъ живые мосты, однимъ словомъ, испытывали всѣ прелести путешествія въ дормезѣ по невообразимымъ тверскимъ дорогамъ. Приѣхавши, наконецъ, мы съ радостью окунулись въ родную уютную атмосферу. Мой отецъ ждалъ насъ и приготовилъ для насъ разные сюрпризы въ усадьбѣ. Нѣсколько дней спустя, братъ Борисъ приѣхалъ со своимъ товарищемъ княземъ Долгорукимъ. Мы ѣздили верхомъ, катались, веселились, потому что были беззаботны и веселы. Мой двоюродный братъ Борисъ Куракинъ также прикатилъ къ намъ и мы мирно и пріятно окончили осень.

По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ, Государь произнесъ свою знаменательную рѣчь дворянству, объявивъ первый разъ офиціально свою державную волю освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и прося дворянство обдумать способы къ осуществленію этой мысли. Великая Княгиня Елена Павловна ранѣе всѣхъ откликнулась на призывъ Государя и занялась проектами по устройству крестьянъ въ своемъ Полтавскомъ имѣніи Карловкѣ. Она желала подать наглядный примѣръ способа освобожденія крестьянъ въ надеждѣ, что другіе землевладѣльцы послѣдуютъ ему. Но частныя сдѣлки не могли, конечно, привести къ общему переустройству условій собственности и вскорѣ

потомъ было приступлено къ большой законодательной работѣ, завершившейся великимъ актомъ 19 Февраля 1861 года.

Несмотря на мою молодость, мысль о власти человѣка надъ человѣкомъ меня всегда давила и счетъ имущества по душамъ человѣческимъ меня возмущалъ. Моя бабушка раздала при жизни все свое большое состояніе своимъ сыновьямъ, довольствуясь извѣстной рентой, которую они ей платили. Меня всегда коробило, когда она говорила: *Je suis si contente, je n'ai plus un seul paysan!* выражая этимъ, что у нея болѣе нѣтъ личнаго состоянія. Конечно ничего въ нашей семьѣ не давало мнѣ представленія о тяжелыхъ формахъ крепостной зависимости, но самыя условія нормальной жизни создавали поневолѣ страшный гнетъ: Приведу къ этому два примѣра: При переселеніи нашемъ въ Петербургъ, ввиду массы непредвидѣнныхъ расходовъ моей матери, понадобилось, какъ временную мѣру, заложить въ частныя руки одно изъ своихъ имѣній. Я помню ея безпокойство и почти отчаяніе, когда, къ приближенію срока уплаты, она видѣла возможность перехода ея добрыхъ преданныхъ избалованныхъ крестьянъ въ чужія руки. Къ счастью, опасность миновала, такъ какъ одинъ изъ ея братьевъ выручилъ ее въ эту трудную минуту; но одна возможность такого непоправимаго несчастья, отъ котораго болѣе насъ пострадало бы цѣлое общество постороннихъ людей, служить иллюстраціей невозможныхъ условій тогдашняго порядка вещей.

У моей матери было имѣніе въ Тульской гу-

берніи, густо населенное, такъ что часть мало-земельныхъ крестьянъ жила въ Петербургѣ, занимаясь разными ремеслами и торговлей.

Въ каждый нашъ прїѣздъ изъ Парижа они являлись съ подношеніями конфектъ, апельсиновъ и кондитерскихъ пироговъ и бесѣдовали съ нами, выказывая къ намъ добрыя и преданныя чувства. Мы съ любопытствомъ и симпатіей прислушивались къ ихъ разговорамъ съ нашею матерью. У двухъ изъ нихъ были собственные дома, но, будучи крѣпостными, они не имѣли права владѣнія, такъ что купчая крѣпость, равно какъ и всѣ бумаги были совершены на имя моей матери, которая значилась по закону владѣтельницей этихъ имуществъ. Въ данномъ случаѣ, конечно, ихъ неограниченное довѣріе не было обмануто, но сколько могло встрѣтиться непредвидѣнныхъ обстоятельствъ въ подобныхъ сдѣлкахъ, могущихъ и безъ злого умысла лишить настоящихъ владѣльцевъ своего добра? Внезапная смерть, опека надъ малолѣтними, описаніе имѣнія за долги . . . такія и подобныя случайности могли сразу превратить зажиточныхъ людей въ нищихъ. Что же сказать, когда владѣльцы или управляющіе, пользуясь своимъ юридическимъ правомъ, могли безнаказанно присвоить себѣ чужое!

Припоминаю еще между многими одинъ для меня характерный фактъ, служащій подтвержденіемъ моей мысли: Одна помѣщица, очень добрая и культурная, жила въ своемъ имѣніи и пользовалась заслуженною любовью среди своихъ крестьянъ. Не имѣя дѣтей, она взяла къ себѣ маленькую дѣвочку и занялась ея воспитаніемъ.

Она такъ привязалась къ ней и была такъ довольна воспримчивостью ребенка къ ученію, особенно къ музыкѣ, и природной ея добротой, что намѣревалась усыновить ее и завѣщать ей все свое состояніе. Воспитанница уже пользовалась всѣми преимуществами своего положенія и любила свою благодѣтельницу какъ родную мать, но вдругъ, внезапный апоплексическій ударъ разрушилъ до основанія все зданіе ихъ устроенной жизни. Въ патриархальномъ, идиллическомъ строѣ этого мірнаго уголка о юридическихъ формальностяхъ заботились мало, и хотя добрая барыня и хотѣла облечь въ законную силу великодушныя свои намѣренія касательно своей воспитанницы, но дѣло откладывалось годъ за годомъ, а теперь смерть отняла возможность его осуществить. Имѣніе перешло къ отдаленному родственнику, который никогда близко не стоялъ къ бывшей владѣлицѣ, и не заботился объ ея отношеніяхъ къ воспитанницѣ. Къ ужасу своему бѣдная сирота оказалась его крѣпостной!

Присланный повѣренный, принявъ имѣніе, передалъ ей отъ имени новаго владѣльца единовременное пособіе и водворилъ ее въ семью дяди, отъ котораго она была взята. Не распространяюсь объ ея отчаяніи. Всякій пойметъ, что значило для нея, привыкшей къ сравнительной роскоши и культурной жизни, очутиться въ средѣ бѣдной и грубой крестьянской семьи. Къ счастью своему этотъ сокрушающій ударъ постигъ её за годъ до провозглашенія освобожденія русскаго народа, и ея мученія кончились съ упраздненіемъ крѣ-

постнаго ига для всей Россіи. Она переѣхала въ Москву и занялась преподаваніемъ музыки, и взявъ къ себѣ на воспитаніе малолѣтняго племянника сумѣла открыть въ немъ сильный музыкальный талантъ. Подъ ея руководствомъ имя его приобрѣло всеобщую почетную извѣстность. Мнѣ пришлось слушать великолѣпное исполненіе дирижируемымъ имъ хоромъ церковнаго пѣнія старой итальянской школы XVI столѣтія, на слова псалмовъ. Въ нарядной гостинной выдѣлялась среди блестящихъ туалетовъ скромная пожилая женщина, вся въ черномъ, которая видимо слѣдила за каждымъ звукомъ и казалось знала наизусть какъ музыкальные мотивы, такъ и Латинскія слова, которыя губы ея беззвучно произносили. Она меня заинтересовала, и я узнала, что она была та самая дѣвушка, для которой великій актъ 19 Февраля даровалъ свободу личности.

Вотъ почему, какія бы ни встрѣтились ошибки въ проведеніи въ жизнь великихъ реформъ, слава Государя, какъ Освободителя человѣческой личности многомилліоннаго народа останется неувядаемой. Атмосфера Михайловскаго Дворца поддерживала во мнѣ мое природное чувство справедливости, укрѣпленное впечатлѣніями дѣтства, проведеннаго въ свободной странѣ, и энтузіазмъ по этому вопросу чередовался въ моемъ бьющемся скорымъ темпомъ сердца съ моими личными мечтами объ открывающейся предо мною жизни.

Еслибъ мнѣ пришлось нарисовать схему слѣдующихъ полутора лѣтъ, т. е. зимы, лѣта и опять зимы, я бы окрасила этотъ періодъ вре-

мени сплошной ярко розовой краской. Признанная, наконецъ, взрослой дѣвицей, я жила на всѣхъ парахъ всѣмъ моимъ существомъ, умомъ, воображеніемъ, поэзіей, крайнимъ физическимъ напряженіемъ моего несокрушимаго здоровья и неутомимой мускулатуры. Балы, на которые я начала выѣзжать, и мои успѣхи тамъ, верховая ѣзда на красивой золотистой верховой лошади Забавѣ, подаренной мнѣ отцомъ, и на которой я обучалась манежной ѣздѣ и скачкамъ черезъ барьеры, живыя картины въ Михайловскомъ Дворцѣ, въ которыхъ мы постоянно участвовали; курсы французской литературы у M-r Bougault и англійской литературы у M-lle Troubat, уроки Гензельта и ежедневныя двухчасовыя приготовленія къ нимъ, мое восхищеніе Демономъ Лермонтова, котораго я читала въ первый разъ въ рукописи и столько разъ перечитывала, что знала почти всю поэму наизусть, въ сознаніи всей этой жизни я чувствовала такое интенсивное счастье, что не хотѣла спать, дабы не терять этого ощущенія и даже во время сна крылатыя строфы, казалось, летали вокругъ меня и убаюкивали меня мелодичными стихами моихъ любимыхъ поэтовъ. Къ довершенію счастья, семейство Вяземскихъ переѣхало въ эту зиму въ Петербургъ. Моего друга Мери я не видала со времени нашего перваго знакомства въ S-t Germain, когда мы обѣ были еще 13-ти-лѣтними дѣвочками, а теперь Мери хотя и была уже помолвлена за своего родственника графа Ламздорфа, но согласіе на этотъ бракъ мать ея дала только черезъ годъ. Я имѣла смутное опасеніе, что наши отношенія

измѣнятся. Но какъ я была счастлива, когда убѣдилась, что Мери осталась той же умной, чуткой, все понимающей, любящей, каковой я ее оставила. Мы сблизились, какъ могутъ только сблизиться молодые сердца однородныя, вѣрующія во все хорошее и находящія взаимную поддержку въ стремленіяхъ къ общимъ идеаламъ. Дружба Мери была моей большой отрадой въ этомъ году. Весною она вышла замужъ и уѣхала на время, а я осталась одинокой съ сердцемъ, полнымъ порывами въ недопускающей увлеченія строгой обстановкѣ семьи.

Бабушка пользовалась у насъ огромнымъ авторитетомъ. Высокій разумъ руководилъ ея сентенціями. Ея сужденія, носившія всегда печать благородства и независимости, передавались въ сжатой формѣ, какъ бы вырѣзанныя на камнѣ. Она справедливо имѣла репутацію женщины большого ума, но она не понимала и презирала все, что было похоже на восторженность и всякое внѣшнее проявленіе какого бы то ни было чувства. Такъ, я помню, какъ однажды на панихидѣ по одной молодой княгинѣ, Голицыной, умершей 18-ти-лѣтъ въ первыхъ родахъ, она замѣтила про одну даму, которая плакала навзрыдъ, что она была „bien provinciale de pleurer de cette façon.“ Мы ѣздили каждое воскресенье съ ней къ обѣднѣ къ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной (мама была въ эти дни въ Михайловскомъ дворцѣ) и стояли впереди нея. Если мнѣ случалось, забывъ все, погрузиться въ усердную молитву, я чувствовала на плечѣ сухіе пальцы бабушки и ея голосъ у моего уха произносилъ: „Ne vous exaltez pas!“ Несмотря

на то, что я болѣе всѣхъ походила на своего отца, съ которымъ она никогда не могла сойтись, такъ какъ ихъ натуры были прямыми противоположностями, она меня очень любила, хотя ни въ чемъ не проявляла своей нѣжности. Понятно, что я не чувствовала себя ободренной къ откровенности въ такой атмосферѣ, и что я болѣе и болѣе замыкалась въ моемъ внутреннемъ мірѣ. Мама замѣчала это съ нѣкоторой досадой и говорила мнѣ иногда „Vous avez toujours vos poses de phénomène incompris“. Феномень!? я!? Какъ далека я была отъ такого представленія о себѣ. Я слишкомъ болѣзненно чувствовала почти смѣшное различіе между тѣмъ, чѣмъ я желала быть, и тѣмъ, что я была. Моя привычка думать и составлять самостоятельно свои заключенія выработала во мнѣ ясный умъ и прямую совѣсть. Эти свойства были драгоценнымъ для меня даромъ при моей способности къ увлеченіямъ—они были моей нравственной уздой. Я не могла дѣйствовать по невѣдѣнію и потому никогда не теряла сознанія своей отвѣтственности. Основаніемъ моей внутренней жизни было религіозное чувство, очень сильное. Крестъ представлялся мнѣ послѣднимъ выраженіемъ любви, доходящей до страданія, и я его видѣла въ томъ же сіяніи, въ которомъ предсталъ предъ Апостолами Христосъ на Өаворской горѣ, во время бесѣды о будущемъ своемъ крестѣ. Эти восторги происходили скорѣе отъ поэтическаго чувства и потому, увы, были мимолетны, но на время отрезвляли меня отъ свѣтскаго чада. Я упрекала себя въ моей любви къ наслажденіямъ жизнью

и, подъ вліяніемъ этой мысли, написала слѣдующее стихотвореніе:

A une jeune fille.

Lorsque du premier bal, la grâce enchanteresse
Verse à flots ses trésors, de lumière et de fleurs,
Et que d'un air dansant, le son rempli d'ivresse
Vous fait rêver enfant, et palpiter le coeur,
Lorsque d'un pas léger, vous parcourez la salle
Au son brillant de l'air, qui gaiement retentit
Et que l'oeil animé, vous effleurez la dalle
Le plaisir est bien grand et votre coeur bondit.
Mais après ce plaisir, où l'âme s'abandonne
Que reste-t-il enfant? Un brillant souvenir?
Pas toujours, et déjà, votre coeur en frissonne
Au souvenir se joint un douloureux soupir.
Lorsqu'en rentrant du bal, votre tête se penche
Sur la main dégantée ou brillent des joyaux
Que sont tous les pensers dont votre esprit
s'épanche
Pourquoi sont ils amers, vos sentiments nouveaux?
Pourquoi le lendemain voit-on planer une ombre
Sur votre bleu regard hier encor si riant?
Pourquoi ce front candide a t'il pris un air
sombre
Lorsque la veille encore il était si brillant?
Pourquoi vous surprend on à faiblement sourire
Pendant un long récit, que vous n'écoutez pas
Et lorsque par hasard, d'heureux éclats de rire
S'échappent près de vous, soupirez vous tout
bas?
Ah! c'est que votre esprit est au bal de la
veille

C'est qu'il vous montre encor ses tableaux
enivrants

C'est que des mots flatteurs enchantent votre
oreille

Pendant qu'autour de vous babillent des en-
fants.

Autour de vous toujours, le quadrille se presse
Vous vous sentez encor dans le flot tournoyant

Et vos regards fermés contemplent dans l'ivresse
La foule admiratrice, à vos pas s'attachant

Et si dans cette foule, un être se détache
Pour qui, prête à rougir tu sens battre ton
cœur

Vers qui le plus souvent ton souvenir s'attache
Et redit mille fois, son compliment flatteur

Enfant! je t'en conjure, ah! laisse là ce rêve

Ce plaisir dangereux qui trouble ton repos

Renverse les châteaux que ton esprit élève

Ne fais point le roman, dont il est le héros.

Retourne à tes devoirs, à ton Dieu, vers ta
mère

Cesse, ma pauvre enfant, ces rêves de langueur,

Ce n'est pas pour rêver que l'on est sur la terre.

Au foyer seulement se trouve le bonheur!"

Въ этомъ году Дворъ почти весь отсутство-
валъ. Вдовствующая Императрица и Елена
Павловна были въ Ниццѣ, а Марія Николаевна
въ Швейцаріи. Императрица Марія Але-
ксандровна не принимала по нездоровью, при-
дворныхъ баловъ совсѣмъ не было. Впрочемъ
эти обстоятельства совпадали со взглядами
моей матери, не желавшей, чтобы мое вступле-
ніе въ свѣтъ ознаменовалось какимъ то пере-
ломомъ въ моей жизни. Она предупредила меня,

что мое времяпрепровождение останется все то же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ удовольствій, и что, чѣмъ болѣе я буду веселиться, тѣмъ строже я должна буду относиться къ моимъ devoirs. Я никогда не знала, когда меня повезутъ на вечеръ. Меня всюду приглашали, но мама не принимала всѣхъ приглашеній. Я часто тогда только узнавала, что меня ожидаетъ выѣздъ, когда я видѣла, какъ дѣвушки расправляютъ мои незатѣйливые наряды; все это моя мать дѣлала, чтобы умѣрить мою любовь къ свѣту и отвлечь мои мысли отъ суеты. Мнѣ кажется, что получилось какъ разъ обратное дѣйствіе, потому что трудно себѣ представить, съ какимъ восхищеніемъ ѣздила я на балы и съ какимъ трепетомъ я ожидала, повезутъ ли меня или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, у насъ не было мѣста тѣмъ честолюбивымъ расчетамъ, съ которыми связывается иногда появленіе дѣвицы въ свѣтъ. 23 Апрѣля мнѣ неожиданно присланъ былъ фрейлинскій шифръ, но офиціально представленіе мое ко Двору состоялось только осенью въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ въ концѣ Апрѣля родился Великій Князь Сергѣй Александровичъ, а Императрица Александра Ѳеодоровна еще не возвратилась изъ за границы.

Весною, мы, по обыкновенію, провели нѣсколько недѣль въ Каменноостровскомъ Дворцѣ, а потомъ переѣхали въ Ораніенбаумъ. Тамъ мнѣ было особенно пріятно. Мои впечатлѣнія, тотчасъ же, передадутъ живѣе картину нашего житья бытя, чѣмъ мои рассказы à posteriori и потому я рѣшаюсь переписать часть дневника моего, касающуюся этого лѣта.

Mercredi 26 Juin 1857. Hier soir à la Катальная, la Grande Duchesse dit qu'il faudrait arranger quelque chose pour le retour du Duc, qui doit arriver samedi ou dimanche. On discuta des charades, des proverbes, des tableaux, rien ne fut décidé. Demain, le P-ce Mestchersky ira en ville et en ramènera le C-te Fredro. C'est sur lui que nous fondons nos espérances.

.
Vendredi 28 Juin. Ah! quelle journée décousue et accidentée—que celle d'aujourd'hui! Ce matin, après la promenade lorsque j'entrai dans le salon, je vis chez Maman Fredro et Jean Rumine (ce dernier venu de Péterhof). On causa, on discuta des plans pour la surprise, que l'imagination du C-te Fredro produisit en abondance jusqu'au moment du déjeuner. Après, toute la société se réunit de nouveau chez nous. On délibéra au milieu des rires et des saillies spirituelles du C-te Fredro, et le résultat fut le choix de trois mots qui doivent être présentés à diner à la Grande Duchesse. Première charade: Art-mai. 2-de: vers-vers. 3-e: Vol-terre. Ce plan à peu près fixé, on alla faire une promenade en deux calèches du côté de Вѣнки. La première, celle de la Grande Duchesse, contenait Hélène et moi dans le fond et le P-ce Mestchersky avec Fredro sur le devant. Dans la seconde, la nôtre, il y avait Maman, Sacha et Rumine. La promenade fut très gaie. En rentrant, nous vîmes arriver Boris inopinément du camp. Nous avons été engagés à diner chez la Grande Duchesse, mais Maman, pour rester avec

Boris, parvint à se dégager et m'y envoya seule. On parla de nouveau des charades, puis la Grande Duchesse m'invita à rouler avec elle dans son ponney-chaise. Nous fîmes une charmante promenade autour du lac, avant de rejoindre le reste de la société, qui s'était transportée pour le thé à la Катальная. Après le thé on écrivit une lettre collective en vers à la P-sse Odoevsky. C'est Fredro, qui en a été le rédacteur. Pendant qu'elle se composait nous jouions aux syllabes, M-lle Strandman, Boris, M-r Numers et nous deux. Lorsque la lettre fut achevée la Grande Duchesse nous appela pour en entendre la lecture. Les derniers vers en étaient:

„Et nous allons dater cette épître amicale
„Des sommets fortunés de la Гора Катаle“.

Nous apposâmes tous notre signature à cette missive, et on se sépara bientôt. La Grande Duchesse me ramena en ponney-chaise. Le reste de la compagnie rentra à pied. Le Duc arrive après demain et nos charades sont pour samedi.

Samedi 29 Juin. Aujourd'hui, Jour de la S-t Pierre, nous avons eu la messe. Après le déjeuner, délibération chez nous. Fredro a admirablement lu des scènes de Molière.

Puis, arrangements de nos costumes, avec M-lle Strandman. Ce n'est pas une petite affaire que d'improviser trois jolis costumes pompadour avec les éléments que nous avons à notre disposition. Nous dinâmes tous et Boris aussi chez la Grande Duchesse. Après le diner on se réunit dans une promenade en ligne. J'étais placée à côté de Fredro et sa conversation m'a surprise. Lui, si gai, si en train toujours, me

parlait avec tristesse du poids des souvenirs, de l'amertume de la vie présente, dont on suit le cours au milieu des tombeaux de tant de personnes qui nous furent chères. Lui parlait-on d'un autre côté, il ripostait vivement par une saillie remplie de verve pétillante, semblable à une fusée qui s'allume soudainement sur un ciel couvert de nuages. Cet esprit brillant, cette gaieté intarissable, ne sont-ils donc qu'un masque, au moyen duquel il dissimule la tristesse qui remplit son cœur? S'il en est ainsi, il est fort à plaindre. Nous prîmes le thé au Palais. Boris, nous deux, Hélène et Jorry, nous étions assis à la table des fruits et du laitage. Boris se mit à parler de mes soi-disant dispositions poétiques, et malgré tous mes efforts récita le malheureux: „Heureux jour de mon âge“ qui fait mon tourment depuis l'âge de sept ans que je l'ai composé. Sacha amplifia et assura que je composais des vers jusqu'à présent, que j'en avais une masse. Hélène dit qu'elle le savait et elle et Jorry ajoutèrent qu'ils me les feraient réciter à la Кавалерская. Par exemple! C'est bien compter sans leur hôte.

Dimanche 30 Juin. Fredro me persécuta pour que je lui dise mes vers. Je refusai carrément. Le Duc est arrivé. La surprise aura lieu demain.

Mardi 2 Juillet. D'abord nous eûmes la répétition à 2 heures. On se rendit à la salle des Muses et Fredro commença à nous grouper. La Grande Duchesse représentant la peinture se tenait devant un chevalet. Hélène sculptait

le buste de M-me Weymarn qui posait d'un air inspiré. Sacha et moi, nous étions en pose de menuet et le P-ce Mestchersky avec sa pochette représentait notre maître de danse. Dans un coin, M-r Jorry, Boris et Rumine, ayant l'air de déclamer devant un livre posaient pour la poésie. M-lle Harder, excellente pianiste et élève de Chopin exécutait pendant la durée du tableau une pièce, courte et brillante à laquelle devait succéder l'air du menuet de Don Juan chanté par M-me Kochétof (Sokolof), son frère et sa soeur. En même temps les groupes s'animent et on danse un menuet à quatre paires. La Grande Duchesse, qui le savait seule comença à nous l'apprendre. Les danseurs étaient: la Grande Duchesse avec Jorry, le P-ce Mestchersky avec M-me Weymarn, Boris et moi—Hélène avec Jean Rumine. A la fin du menuet on passa dans la chambre voisine transformée en un délicieux jardin au moyen d'une multitude de plantes de serre chaude posée sur une élévation simulant une colline, et un Watteau langoureux rappelant le Décaméron de Boccace, et formé par les personnages de la première syllabe, vint y figurer le mois de Mai.—Le tout fut représenté par le Wallenstein's Lager, organisé sur les pelouses avoisinant le Palais Chinois. Une tente fut dressée, des faisceaux d'armes, des soldats revêtus d'armures du moyen âge, des feux et une scène de la tragédie de Schiller, récitée par Jorry, Sokoloff et Numers.

La seconde charade fut Ververt. D'abord une scène du Misanthrope recitée par Fredro, le P-ce Mestchersky et Jean Rumine, puis une

scène de Zaïre declamée par la Grande Duchesse et Maman devant le P-ce Mestchersky, représentant Voltaire et le tout fut un tableau représentant la Stupéfaction des Nonnes rassemblées autour de la cage de Vervet. C'est Numers qui représentait la mère Abbesse, et il m'avait emprunté ma jupe d'Amazone pour remplir ce rôle. Tout réussit à merveille, il y eut beaucoup de gaieté et la soirée fut charmante. A la fin des charades, la Grande Duchesse organisa une ronde qu'on dansa autour de Fredro et à la fin de laquelle elle lui posa une couronne sur la tête. On alla souper et tout le monde se sépara enchanté de sa soirée. Fredro est parti aujourd'hui promettant de revenir dans quelques jours.

Nous devons avoir un bal ces jours-ci à la Katalная et c'est maman qui invitera et recevra.

Jeudi 4 Juillet. Nous avons fait une longue promenade à pied avec Hélène—pendant le retour en calèche. Maman m'a dit de réciter à Hélène mes vers sur le bal, que j'ai faits ce printemps. Je m'en défendis d'abord, mais force me fut de céder et de les accompagner du Myosotis et de l'Hirondelle. Je crois qu'ils plurent à Hélène.

Samedi 6 Juillet. Demain le bal! Toutes nos têtes sont pleines de cette idée, on compte et recompte les invités—on lit avec satisfaction les billets, qui acceptent, avec dépit ceux qui refusent. On va voir la Гopa Katal ornée d'une multitude de fleurs. Entre les mille distractions de ces jours j'ai trouvé quelques moments à consacrer à la Muse! Voici ce qui l'a provoqué.

Hier la Grande Duchesse me ramena du Mont Katale. La soirée était magnifique et je ne résistai pas à la tentation de m'établir pour quelques instants sur le balcon pour y attendre le reste de la société, qui revenait à pied. L'air était pur et embaumé des parfums du soir, le ciel serein, la température vivifiante et douce, le silence troublé seulement par les échos des voix de la société attardée, tout concourait pour pénétrer mon âme d'un sentiment plein de douceur, je levai les yeux vers la voute céleste si calme, si majestueuse de son harmonie grandiose. Je sentis, que si j'étais née poète, ce moment m'aurait inspiré mes plus beaux chants, et je plongeai dans l'intérieur de mon âme, pour en tirer les expressions qui devaient rendre les sentiments que j'éprouvais. Cette nuit encore, j'y rêvai, et ce matin, je mis en ordre mes idées et j'écrivis:

„Plus que l'éclat brillant du jour plein de splendeur

J'aime l'heure douteuse, où la lune projette
De son pâle rayon la rêveuse douceur.

J'aime d'un ciel serein la majesté muette
Et le calme imposant d'un beau soir de l'été
Et j'aime à veiller seule à l'heure où tout
sommeille

A sentir s'élever la douce volupté
Q'un rêve, une prière en mon âme réveille
C'est l'heure, où tout repose, où la nature dort,
Seule l'âme s'élève au dessus de la terre
Oubliant tous ses maux, et perce avec transport
Les voiles ténébreux, pour trouver la lumière.
Le calme de la nuit se répand dans mon coeur,

Je le sens palpiter d'un frisson plein de charmes.
Mon être est traversé par un souffle enchan-
teur
Qui me fait voir le Ciel, et qui tarit mes
larmes.

Et dans mon coeur résonne un son mélodieux,
Car tu descends alors, divine poésie,
Et mon âme en extase en s'élançant aux Cieux
Par un douloureux charme est touchée et ravie!
O! moment plein d'ivresse! ô suave douleur
Qui frappe en tons rêveurs, les cordes de ma
lyre.

Le coeur sait te comprendre et sentir ta dou-
ceur,
Hélas, l'esprit n'a pas de mots pour te décrire!

Je me trouve dans un de ces moments de la
vie, où on voudrait la passer à contempler
une belle nuit étoilée, à lire des poésies
inspirées, à écouter les accords d'une voix
s'élançant vers le Ciel, accompagnant le son
grave d'une orgue religieuse; dans un de ces
moments aussi où l'on sent le manque dans
votre coeur de la plénitude de vie que vous
trouvez dans la nature. Oh! s'il était permis
à ce coeur de former un désir!.... O doux,
mais irréalisable rêve, quitte moi—une sphère
étroite est tracée autour de ma vie. Que ma
pensée s'y renferme aussi.

8 Juillet. J'ai eu une conversation sur la
poésie avec Fredro, dont j'ai infiniment joui.
Il a un esprit sérieux et méditatif sous l'appa-
rence comique, dont il l'enveloppe, et je lui

trouve beaucoup de charme. Il m'a appris une jolie énigme de Jean Jacques Rousseau dont le mot est Portrait.

„Enfant de l'art, rival de la nature
Sans prolonger les jours, j'empêche de mourir.
Plus je suis vrai, plus je fais imposture
Et je deviens trop jeune à force de vieillir“.

Le Duc est de nouveau parti et pour son retour on prépare une nouvelle surprise.

Samedi 13 Juillet. La Grande Duchesse est pour moi d'une bonté qui me touche, je me promène presque tous les jours avec elle, et nous causons beaucoup. Aujourd'hui, je l'ai accompagnée à une visite qu'elle a faite à la P-sse d'Oldenbourg. Comme je rentrais à pied du Pavillon Chinois je vis Hélène à sa fenêtre qui me cria d'entrer chez elle. Je le fis et après une petite causerie, elle me pria de venir jouer du piano à la Кавалерская, où Fredro devait faire son portrait. Comme cela avait été mon intention, je consentis avec plaisir et Fredro dessinant Hélène posant, moi, jouant, et tous les trois causant par intervalles, nous passâmes une heure fort agréable. Après le diner chez la Grande Duchesse, nous fîmes une courte promenade à pied avec Fredro. Tout en causant gaiement, nous dépassâmes un banc, sur lequel deux messieurs étaient assis. Nous en étions à quelques pas, lorsque l'un d'eux, un militaire se leva vivement et d'une voix haute s'adressa à nous: „Pardon Messieurs et Mesdames, faites moi la grâce de vous arrêter un moment“. Un peu surpris, nous fîmes ce qu'il voulait et lui et son compagnon

s'approchèrent de nous. Fredro prit la parole et lui demanda ce qu'il désirait: „Je suis aveugle“, Monsieur, répondit il „j'ai perdu mes yeux à la guerre: une pension que la Grande Duchesse m'accorde aide à ma subsistance ainsi qu'à celle de ma famille, mais depuis quelque temps j'ai cessé de la recevoir. J'étais venu à Oranienbaum pour voir M-r Numers et lui demander de ne pas m'oublier, mais voilà trois jours que je cherche en vain à le voir; on me dit toujours qu'il est en ville. Faites moi la grâce de me dire, si la Grande Duchesse doit passer par cette allée, je l'attends depuis plusieurs heures pour me jeter à ses pieds et lui exposer ma demande“.

Ce récit fait avec l'accent de la vérité nous toucha tous beaucoup. Fredro parla au malheureux officier avec une bienveillance qui me donna une bien bonne opinion de son coeur. Il lui dit de venir le lendemain le trouver au Palais et d'y demander M-r Fredro „Le C-te Fredro?“ demanda le pauvre aveugle en se decouvrant.

— „Oui Monsieur“, répondit Fredro en rendant son salut au malheureux qui cependant ne pouvait pas le voir. Maman promit de parler de lui à la Grande Duchesse, Fredro, de faire de même à l'égard de Numers, et j'espère que ce pauvre homme sera consolé.

Nous continuâmes notre promenade en silence; cette rencontre nous avait attristés. Moi pour ma part, j'y réfléchis longuement et douloureusement. A coté du lux et de l'insouciance d'une vie heureuse, que de misères inconnues! Quel contraste avec la manière dont nous avons

passé la journée avec les angoisses du pauvre homme pendant qu'il épiait la Grande Duchesse pour lui adresser sa requête. Quand nous rentrâmes on se rendait aux parterres, où le thé était servi. La fraîcheur de la soirée nous fit rentrer au salon. On fit de la musique, je jouai, la Grande Duchesse chanta.

Lundi 15 Juillet. Enfin, enfin, la surprise prend des formes définies. Voici ce qu'on a arrêté. Premièrement, on aura Mignon de Goethe en trois tableaux. Un air de Beethoven se trouve parfaitement adapté aux délicieuses paroles: „Kennst Du das Land.“—Mignon sera représenté par Hélène Strandman, la barde par Jorry, Wilhelm-Meister par Jean Rumine, dont on ne verra que le chapeau caché comme il doit l'être par les arbres. Sur une estrade un tableau Italien imité du repos de Winterhalter, sera formé par la Grande Duchesse, M-me Timachef, la C-sse Pouchkine Schérémétieff, Sacha et moi en fait de dames et quelques hommes. Dans le second tableau, toutes les italiennes deviendront des statues à l'aide de draps de lit, de gaze roulée autour des cheveux et de force poudre de riz, sur la figure. Un clair de lune doit les éclairer d'une lumière fantastique. Enfin pour le 3-me tableau, la lumière rose de l'aurore remplacera la bleuâtre clarté de la lune, une colline sera simulée par un banc déguisé par un massif de fleurs. C'est l'arrivée des voyageurs qui appellent Mignon vers eux. Les tableaux seront suivis d'une pantomime inventée par Fredro. Une jeune personne (M-me Weymarn) aime et est aimée

d'un jeune homme (Fredro), le Grand Père (M-r Weymarn) consent à leur union. De joie ils exécutent une danse. La Grand' Mère (le C-te Dmitry Nesselrode) bourrue et grondeuse entre en fureur de les trouver ensemble, elle chasse le soupirant, gronde sa petite fille, bat son mari et finit par avoir une attaque de nerfs. Pour la calmer on fait venir un magnétiseur qui réussit à l'endormir. Alors le rideau du fond se lève et on voit apparaître les songes qui la bercent dans son sommeil en lui retraçant son passé. Le premier tableau la montre enfant (Sacha) jouant avec un compagnon de son âge (Jean Rumine), derrière eux leur ange gardien (La Grande Duchesse) les protège et veille sur eux. Puis plusieurs tableaux représentant des scènes de la jeunesse lorsqu'un tuteur barbare veut la condamner à un mariage contre son inclination. Alors elle sera représentée par Hélène. La vieille femme sera réveillée par une sérénade, adressée à sa petite fille et chantée par Sokoloff. La Grande Duchesse y répondra pour M-me Weymarn par cette délicieuse romance du C-te Vielhorsky „Je ne mens pas.“ L'effet en sera charmant. L'influence du rêve amollit le coeur de la vieille mégère qui consent à tout et le résultat final sera une styrienne dansée par tous les personnages, et que la Grande Cuchesse doit nous apprendre. Pendant toute la durée de la pantomime une musique adaptée au sujet se fera entendre. Voilà le programme détaillé de la surprise qui doit être exécutée après demain. Nous répétons avec zèle jusque là.

Samedi 20. Je n'écrirai qu'un mot ce soir. Je reviens de la soirée de la Grande Duchesse. On a joué au secrétaire, je m'y suis excessivement amusée. On a dit beaucoup de jolies choses, surtout Fredro, la Grande Duchesse, le P-ce Wiasemsky et M-r Titoff. Moi aussi j'étais en veine et plusieurs de mes réponses ont eu du succès. Après le secrétaire le Duc mit le feu à tous les billets. Heureusement que j'ai réussi à en dérober quelques uns. Ceux là je les garde en souvenir de cette charmante soirée.

Dimanche 21. Je viens de traverser un moment des plus énivrants, un moment de triomphe de jouissance dont je me rappellerai toute ma vie. Nous dinâmes aujourd'hui à la Кавалерская avec Boris, Jorry et Numers. Le reste de la société avait été engagé chez la Grande Duchesse. Après le diner, Boris trouva mes vers sur le bal, que j'avais copiés pour maman et qu'elle avait laissés sur sa table de toilette. S'en emparer, s'enfuir avec ne fut pour lui que l'affaire d'un instant. Le moment suivant me vit courir après lui pour lui enlever le papier. Nous arrivâmes ainsi, moi le poursuivant sur le balcon, juste au moment où la société revenant en bande du diner de la Grande Duchesse passait devant nous. „C-te Fredro, C-te Fredro, voulez vous lire les vers de ma soeur?“ cria Boris à tue-tête. Et dans un moment Fredro attrapait le papier et se disposait à le lire. „C-te Fredro, je vous en supplie, ne le lisez pas! rendez le moi“, criai-je de toutes mes forces. Mais Fredro ne voulut rien entendre et se mit à lire tout haut—le reste de la

société en cercle autour de lui. Je ne pouvais rien faire! J'étais au comble de la confusion, je me tus, je fis comme les autres, j'écoutai. Fredro lisait cependant, il lisait avec expression d'approbation, qu'un murmure confirmait. Je suivais avec avidité chacune des paroles, qui sortaient de sa bouche. Mes vers me semblèrent mélodieux, un horizon sans bornes s'ouvrait devant moi, une jouissance pure enivrante faisait frémir mon âme, je me sentais poète enfin! Et cette conviction descendit sur moi avec son auréole que le monde ne connaît pas, car il ne donne rien qui y ressemble. Le Ciel, le soleil couchant, dont les rayons jouaient avec les arbres, la brise qui caressait mon visage tout semblait m'inviter à un commerce doux fraternel, car l'âme poétique et les merveilles de la nature vivent dans un accord plein d'harmonie. Pendant que j'éprouvais ces différents sentiments Fredro avait fini de lire. Il monta chez nous. „Princesse, me dit il, je ne puis pas vous remercier de m'avoir laissé lire vos vers, car assurément il est impossible d'avoir mis plus de mauvaise grâce à accorder cette permission, que vous ne l'avez fait, mais je remercie votre frère pour la jouissance qu'il vient de me procurer.“

..... Fredro me dit encore bien des choses du même genre, j'en fus enivrée, j'en fus heureuse et je m'enfuis pour le confier à l'heure même à ce cher et discret confident. Suis-je vraiment poète? Ah! ce don serait trop divin pour mon âme!

Lundi 28 Juillet. Fredro nous parle de sa

tristesse de quitter Oranienbaum. „Je ne puis vous exprimer“, nous dit-il, „la peine que j'éprouve à quitter cet Eldorado ce paradis sur la terre, où on est à l'abri de toutes les préoccupations de la vie, de toute inimitié de la part des hommes, où les plus graves soucis qu'on ait sont les craintes de n'avoir pas assez de fleurs pour les tableaux.“ La tristesse de Fredro me gagna, je me sentis d'une mélancolie vague, qui me suivit dans mes lectures. En effet c'est avec chagrin, que je vois la fin des bonnes relations, qui nous ont unis cet été. Deux jours restent encore, car le 25 la Grande Duchesse part pour Strelitz et nous pour la ville d'abord et puis pour Stépanowsky. „Adieu“, me dit Fredro, en partant, „conservez moi un bon souvenir, et cultivez votre bien bien beau talent. N'arrêtez jamais l'essor de votre inspiration, lorsqu'elle se fera sentir et dans ces moments pensez un peu à moi.“

Ce soir nous eûmes une longue conversation très confiante avec Hélène Strandman. Elle me dit que j'étais très dissimulée que je cachais avec soin mes sentiments et mes actions même les plus simples, que j'étais énormément exaltée et qu'il y avait dans mon caractère de quoi souffrir beaucoup. Elle a peut être raison, mais je m'étonne qu'elle l'ait compris.

Jeudi 25. Je reviens dans notre Кавалерскій корпусъ, après avoir reconduits nos chers partants jusqu'à Cronstadt. Il faisait si beau, quand nous nous arrêtâmes en vue du magnifique bâtiment l'Olaf qui devait les emporter. La musique salua l'arrivée de la Grande Du-

chesse. C'était joli à voir, et joli à entendre en plein air, en pleine mer par un temps aussi merveilleusement splendide. On monta sur le superbe bâtiment de guerre, tous les officiers étaient en grande tenue, tout avait un air de fête. Il fallait bientôt prendre congé et nous le fîmes bien cordialement de part et d'autre.

Et maintenant que cette page est tournée je jette un long et triste regard sur le séjour qui vient de finir, et je m'en retrace les incidents si récents encore, mais qui dès ce moment tombent dans le gouffre du passé et ne vivront plus qu'en souvenir! Adieu, charmant séjour, adieu! Mon coeur est triste, mon esprit inquiet. Ah! je sens que je me suis gâtée au contact du monde! Pourquoi cette tristesse? Dans trois jours, ne serai-je pas à Stépanowsky? Pourquoi cette pensée ne me réjouit elle plus, comme par le passé? Se peut-il que j'aie à ce point contracté l'habitude d'une vie mondaine que la solitude de la compagne m'effraye et ne me suffise plus? Oh, mon coeur que vous êtes faible! que vous vous attachez facilement aux jouissances terrestres!

Въ нашемъ миломъ Степановскомъ я успокоилась и вернула свое равновѣсіе. Мы съ сестрой занимались нашей школой и я по цѣлымъ часамъ ѣздила верхомъ въ сопровожденіи моего берейтора, отставнаго вахмистра, уроженца одной изъ нашихъ деревень. По свойству моему сближаться съ людьми, я вступала съ нимъ въ продолжительные разговоры и ловила въ его

словахъ черты души народной. Разъ онъ сказалъ мнѣ, вздохнувъ глубоко: „еслибъ живъ былъ Государь Николай Павловичъ, мы Севастополя никогда не отдали бы. Такъ дорога нашему народу честь родины. Можно судить по этому, какъ болѣзненно отзывались на немъ пораженія послѣдней войны.

Осенью, въ Царскомъ Селѣ я была официально представлена и, согласно тогдашнему этикету, въ платьѣ декольте—хотя это было утромъ послѣ обѣдни, Императрица сказала мнѣ: „C'est vous, ma chère, qui faites de si jolis vers?“ Я смутилась и отвѣчала: „Ils ne sont pas bien fameux, Madame, „Si fait“, продолжала Государыня, „on m'en a parlé avec beaucoup d'éloges“.

Мой первый балъ былъ Гусарскій. Мнѣ сдѣлали по этому случаю красивое бѣлое тюлевое платье, очень воздушное и пышное. Я чувствовала себя хорошо одѣтой и мнѣ было особенно весело. Вообще въ эту зиму я веселилась во всю. Придворныхъ баловъ было очень много большихъ и малыхъ и *folle journée* и ни въ одномъ дворцѣ не происходило танцевъ безъ моего участія. Мой отецъ уже на коронаціи былъ назначенъ гофмейстеромъ при Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но сразу послѣ коронаціонныхъ торжествъ Великая Княгиня уѣхала за границу—по возвращеніи же своемъ черезъ годъ, она пожелала сблизить насъ со своими дочерьми и вотъ съ тѣхъ поръ начались непрерывающіяся дружескія отношенія, которыя связываютъ насъ съ милыми принцессами до сихъ поръ. Мы собира-

лись у Маріи Максимиліановны вечерами по вторникамъ, кромѣ насъ были еще Адина Философова и Вѣра Бекъ. У Евгеніи Максимиліановны были свои подруги моложе насъ: Ольга Философова и Мери Перовская. Великая Княгиня иногда приходила къ намъ. Она была съ нами матерински добра, отношенія были самыя непринужденныя, мы звали принцессъ по именамъ и не было намека на придворный этикетъ. Марія Максимиліановна начала выѣзжать на небольшіе балы, Великій Князь Николай Николаевичъ дирижировалъ всѣми балами, онъ былъ веселъ и милъ и вносилъ всюду оживленіе, съ нами танцевалъ постоянно и звалъ насъ своимъ летучимъ эскадрономъ. Помимо моей веселости у меня былъ еще свой маленькій поэтический ореолъ. Фредро и другіе разболтали о моихъ стихахъ, ихъ переписывали и они ходили по рукамъ. Иногда мои кавалеры цитировали мнѣ ихъ на балахъ, а люди постарше дѣлали мнѣ инквизиторскіе вопросы, желая проникнуть въ душу веселой дѣвочки, которая такъ умѣла мечтать. „У Васъ удивительные глаза“, говорили мнѣ, „въ нихъ многое можно прочесть“. При моей страшной субъективности, понятно, что столько впечатлѣній должно было отразиться на напряженныхъ до крайности нервахъ. Весною я почувствовала въ себѣ сильное утомленіе. Мы уѣхали въ деревню, но я не успокоилась и не отдохнула. Я старалась сбросить съ себя это тяжелое чувство немощи, но оно меня давило. Любимая моя верховая ѣзда не приносила уже мнѣ бодрости. Я страдала бессонницей и нервными болями въ лицѣ. Когда

мы приѣхали въ Ораніенбаумъ, всѣ ахнули, такъ я поблѣднѣла и похудѣла. Однако я все еще старалась бороться съ охватывающей меня непривычною общей слабостью. Разъ, я поѣхала къ другу моему Мери Ламсдорфъ на ея дачу. Я ее застала у колыбели своей новорожденной дочери: она была счастлива полнотою своей жизни. Образъ ея запечатлѣлся въ моей памяти такимъ, какъ я ее видѣла въ этотъ день. Я не знала тогда, что я никогда болѣе не увижу ее на землѣ. Другой разъ, Великая Княгиня Марія Николаевна взяла насъ съ собою на цѣлый день въ Гостилицу къ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной. Мы приѣхали на Сергіевскую дачу къ обѣднѣ, такъ какъ это было въ Воскресенье, и послѣ завтрака усѣлись въ двухъ экипажахъ и помчались на все время скачущихъ четверкахъ. Въ первый коляскѣ была Великая Княгиня съ графиней Александрой Андреевной Толстой и съ графомъ Г. А. Строгановымъ; во второй, Марія Максимиліановна и мы обѣ, безъ всякаго начальства, что было намъ очень пріятно. Быстрая ѣзда насъ восхищала, все разстояніе было около 25 верстъ, на полдорогѣ готовыя подставы насъ ожидали и мы черезъ нѣсколько мгновеній летѣли снова. Мы провели прелестный день, гуляя по дивному парку—вошли, между прочимъ, въ гротъ, гдѣ холодный какъ ледъ родникъ наполнялъ бассейнъ никогда незамерзающей водой. Я прикладывала эту воду на мою бѣдную голову, въ которой чувствовала постоянно угнетающую тупую боль, тщетно ища облегченія. Послѣ обѣда мы уѣхали. Опять бѣшено скакали, приѣхали вечеромъ

въ Сергіевку, а въ Ораніенбаумъ уже довольно поздно.

Этотъ день былъ бы для меня очень пріятенъ, если бы только я не чувствовала себя столь бесконечно разбитой. Но поѣздка была послѣдней моей попыткой встрепенуться. Черезъ нѣсколько дней, я заболѣла очень серьезно и болѣла долго, поправлялась еще дольше и уже никогда не могла оправиться совершенно. Мои нервы, о которыхъ я не имѣла понятія, дали себя знать и расшатались не на шутку.— Вмѣстѣ съ моимъ блестящимъ здоровьемъ кончился навсегда періодъ моей беззаботной, беззавѣтной жизнерадостности.

ГЛАВА III.

ОСЕНЬ и зиму мы провели за границей, вслѣдствіе болѣзни, которую Великая Княгиня вынесла весною. Это рѣшеніе, принятое по отношенію къ ея здоровью, совпадало съ совѣтами врачей для меня. *Hélène Strandman* осталась въ Петербургѣ, такъ какъ ея свадьба съ графомъ Толь должна была состояться въ скоромъ времени. Великая Княгиня уѣхала съ герцогомъ и маленькой принцессой Еленой, которой шель тогда второй годъ, а мы съ мама отправились позже и соединились съ ними въ Ниццѣ въ началѣ октября.—Ницца не была тѣмъ новымъ Вавилономъ, коимъ она сдѣлалась со времени присоединенія своего къ Франціи. Тогда это былъ уголокъ Сардинскаго королевства, дивный по красотѣ своей природы, въ которомъ жилось почти дачной жизнью. Желѣзныхъ дорогъ въ округѣ еще не было. Южный климатъ встрѣтилъ насъ съ подобающей ему привѣтливостью. Стояли настоящіе лѣтніе дни. Я была въ восторгѣ отъ тропической растительности, голубого неба и безбрежной дали синяго моря, плескъ котораго мы постоянно могли слышать съ террасы нашего сада, такъ какъ мы занимали Виллу на самой *Promenade*

des Anglais. Аллея пальмовыхъ деревьевъ не была еще насажена вдоль этого проспекта и не существовало набережной, которая отдѣляетъ его отъ моря. Волны могли непосредственно разбиваться у нашихъ ногъ. Мое здоровье не поправлялось, я была слишкомъ слаба, чтобы принимать участіе въ длинныхъ прогулкахъ и катаніяхъ съ остальными членами нашего придворнаго общества, и я по цѣлымъ часамъ сидѣла у моря, прислушиваясь къ говору волнъ и предаваясь безпредѣльнымъ мечтамъ, навѣяннымъ ихъ безустаннымъ движеніемъ, которое я уподобляла стремленіямъ моей тревожной души. Я искала цѣли и значенія жизни; многое пережитое мною и особенно мое нервное состояніе привело меня къ убѣжденію, что рай на землѣ не будетъ моимъ удѣломъ—малымъ же довольствоваться я не хотѣла. Успокоеніе моей душевной тревоги я находила иногда въ религіозномъ экстазѣ, но эти чудные проблески настоящаго рая были слишкомъ мимолетны—я чувствовала сама, что не въ силахъ удержаться на этихъ высотахъ и я думала о смерти, какъ объ единственномъ пристанищѣ и конечномъ достиженіи возможнаго для меня мира. Слѣдующіе стихи, которые, какъ всегда, служили отголоскомъ моего настроенія, могутъ подтвердить вѣрность воспоминанія уже такъ давно минувшихъ впечатлѣній.

Brillants rayons du soleil d'Italie
En vain vos feux étalent leurs splendeurs
Hélas pour moi que de mélancolie
Dans tout l'éclat de votre riche ardeur.
Car c'est en vain que de la rose frère

Vous ranimez la timide couleur,
En vain vers vous s'élance l'hirondelle
Fuyant du nord l'hiver plein de rigueur.
Hélas sur moi vous n'avez pas d'empire
Et je fléchis sous un mal accablant.
Et dans ces eaux où le soleil se mire
Je vois la tombe ouverte m'appelant
Et de la mer la musique funèbre
Semble redire un grave et triste chant
Et m'attirer vers le lieu de ténèbre
Dans chaque flot à mes pieds se brisant.
Soleil brillant, j'aime l'ardeur cruelle
De tes rayons pour mon corps sans chaleur
Mais qui frappant une intime étincelle
D'un saint transport viennent ravir mon coeur
Et plein d'amour il subit tout le charme
De ce beau ciel, de cette mer d'azur
Où je rêvais, laissant fuir une larme
Rivant mes yeux dans l'horizon si pur!
Où je trouvais la contre part sublime
Des vains désirs du sentiment humain
Où mon esprit se noyait dans l'abîme
De la grandeur du Créateur divin!
Où tout mon coeur n'était qu'une prière
Qu'accompagnait le murmure des flots
Dans cet accord, saisi d'un saint mystère
Semblant chanter une hymne de repos.
Garde toujours, ô frémissante plage,
Le souvenir de ces moments heureux
Et si jamais sur ce calme rivage
Un autre coeur venait rêver des Cieux,
Que le reflux de la mer d'Italie
En répétant son monotone chant
Redise encore à la mélancolie

Ce qu'il a dit à mon coeur bien souvent:
„Laisse la vie et les biens de la terre
Et dans mes flots qui reflètent le Ciel
Entends la voix qui te murmure: „Espère
De là la mer est un port éternel„.

Въ другой разъ, помню, мнѣ было очень тяжело. Я страдала моими лицевыми невралгіями, и въ душѣ моей было полное смятеніе. Я старалась отдѣлаться отъ этого чувства и написала карандашомъ слѣдующія недавно случайно найденныя мною почти стертыми строки:

J'aime le bruit de la vague mourante
J'aime le son rêveur
Qu'elle produit lorsqu'elle vient expirante
Soupirer sa douleur
Sur les galets de la plage mobile
Qu'elle vient caresser—
Tel vient l'enfant à sa mere docile
DouceMENT l'embrasser.
Mon coeur y trouve une image fidèle
De sa mobilité
De ses désirs, de sa substance frêle
De la fatalité
Qui le poursuit malgré son impuissance
A s'élancer toujours
Pour se briser à l'amère souffrance
De ses cruels retours!
Mais au delà de l'horizon visible
Il est un port lointain
Et c'est là seul le refuge paisible
Qu'ici je cherche en vain!
Tourne toi donc vers ce dernier rivage
Ô mon coeur, plein d'effroi,

Et dans l'espoir d'atteindre cette plage
Endors toi dans la foi!
Et laisse toi balancer dessus l'onde
De l'Océon des jours
Comme l'Esquif insouciant qu'inonde
L'eau dont il suit le cours!

Конечно, никто не зналъ объ этихъ стихахъ, и, хотя я потеряла мою прежнюю торжествующую веселость, моя внѣшняя жизнь отдѣлялась отъ общей только въ тѣхъ случаяхъ, когда мое здоровье было этому причиной. На одномъ secretaire у Великой Княгини мнѣ попалъ вопросъ: „que doit on faire de la vie?“ Я написала отвѣтъ: „la traverser en regardant le Ciel“. Герцогъ, читая вслухъ билетики, сказалъ: „comme c'est joli“ и перечиталъ второй разъ. Великая Княгиня сказала: „oui, mais comme c'est triste, c'est trop triste“. Для меня это не было особенно triste, а выражало мое обычное настроеніе. Наше общество вскорѣ увеличилось, съ пріѣздомъ Великаго Князя Константина Николаевича, съ супругой и старшимъ сыномъ Николаемъ Константиновичемъ, — красивымъ мальчикомъ, одѣтымъ въ матросское платье, что было рѣдкостью въ то время; большею частью дѣти носили русскія рубашки. Ихъ сопровождала недавно назначенная фрейлина, графиня Анна Егоровна Комаровская. Мы ее и прежде немного знали, но теперь сблизились и остались съ нею въ искреннихъ дружескихъ отношеніяхъ, до самой ея смерти, случившейся, къ глубокому моему горю, почти одновременно съ упоминаніемъ моемъ о ней въ этихъ запи-

скахъ—въ январѣ 1906 г. Прибыль также изъ Турина нашъ посланникъ при королѣ Викторѣ Эммануилѣ графъ Штакельбергъ со своей красавицей женой Marie Antoinette, рожд. Tamisier. Онъ былъ пріятелемъ моего отца, состоя военнымъ агентомъ въ Парижѣ въ наше время. Онъ часто бывалъ у насъ тогда, пріѣзжая верхомъ къ намъ въ Villeneuve l'Etang изъ окрестностей Версаля, гдѣ онъ тогда жилъ въ виллѣ, называемой Jardy. Кажется, что въ этомъ же мѣстѣ умеръ Гамбетта много лѣтъ спустя. Была также въ Ниццѣ его сестра, баронесса Мейендорфъ, съ младшею дочерью Жоржиной, или Bichon, какъ ее звали. Она была невѣста Василя Николаевича Чичерина, состоявшаго при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ. Съ ними была Александра Николаевна Чичерина (сестра жениха), вышедшая впослѣдствіи за Эммануила Дмитріевича Нарышкина и хорошо извѣстная Петербургскому обществу подъ именемъ тети Саши. Профессоръ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, уже оцѣненный Великой Княгиней Еленой Павловной, пріѣхалъ также въ Ниццу съ рекомендательнымъ письмомъ отъ фрейлины Раденъ. Онъ бывалъ вечеромъ и на обѣдахъ у Великой Княгини, которая пригласила его между прочимъ на вечеръ, когда ожидался Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Но вотъ возникло затрудненіе. Онъ еще не представлялся Великому Князю, такъ какъ носилъ бороду, что въ то время считалось признакомъ вольнодумства. Эта борода была предметомъ дипломатическихъ сношеній между Екатериной Михайловной и ея августѣй-

шимъ родственникомъ, который хотя и согласился на присутствіе этого украшенія, однако покосился на нее, когда Чичеринъ былъ ему представленъ Великой Княгиней. Чичеринъ привезъ вѣсти изъ Петербурга. Работы начались по крестьянскому вопросу. Мы съ живѣйшимъ интересомъ слушали рассказы его о разныхъ теченіяхъ, окружавшихъ этотъ знаменательный вопросъ. Конечно, я всей душой симпатизировала благимъ начинаніямъ Государя и съ нетерпѣніемъ ожидала осуществленія великой реформы. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, его добрѣйшая и оригинальная жена Княгиня Вѣра Ѳеодоровна были также въ числѣ нашихъ завсегдатаевъ, но болѣе всѣхъ интересовалъ меня своею личностью Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, декабристъ, только что возвратившійся изъ Сибири въ силу амнистіи, дарованной на коронаціи. Его жена, Княгиня Марія Николаевна, высокая стройная брюнетка, часто бывала у моей матери. Благородное лицо ея носило слѣды великаго своего прошлаго. Глубокіе черные глаза ея имѣли грустное выраженіе, но все въ ней говорило о спокойствіи послѣ перенесенной бури, о нравственной силѣ, покорившей испытанія, отъ которыхъ содрогнулось бы ея мужественное сердце, еслибъ оно могло ихъ предвидѣть. Съ ними былъ сынъ ихъ Князь Михаилъ Сергѣевичъ. Я встрѣчала его уже въ Петербургѣ и онъ мнѣ былъ симпатиченъ по его артистической натурѣ. Онъ писалъ красивые стихи и пѣлъ съ большою выразительностью и музыкальнымъ вкусомъ.

Русскія суда стояли въ портѣ Villefranche. Пользуясь присутствіемъ на нихъ Іеромонаха, Великая Княгиня приглашала его для совершенія службы по воскресеньямъ и церковнымъ праздникамъ, не для обѣдни, такъ какъ не было алтаря, а для служенія такъ называемой обѣдницы и всенощной. Вся русская колонія собиралась въ такіе дни въ занимаемую нами виллу. При насъ была совершена закладка русской церкви въ присутствіи Высочайшихъ Особъ. Александра Іосифовна была тогда въ апогеѣ своей величественной красоты. Винтергальтеръ писалъ съ нея портретъ. Мы присутствовали при одномъ изъ сеансовъ, и Великій Князь, тогда еще такъ сильно влюбленный, видимо любовался ею, слѣдя за работой художника. Кромѣ постоянныхъ малыхъ пріемовъ, было у Великой Княгини два большихъ музыкальных вечера. Въ Ниццѣ проживала баронесса Вижье, бывшая знаменитая пѣвица Крувелли. Ея дивное пѣніе чередовалось въ концертѣ съ инструментальной музыкой, между исполнителями которой былъ графъ Cessoles, постоянный обитатель Ниццы. У него была красивая дочь Mathilde, съ которой мы познакомились.

6 января, въ самый день Крещенія, мы отплыли изъ Ниццы на военномъ пароходѣ Рюрикѣ, направляясь къ Чивитавекія. Съ сожалѣніемъ покинула я чудные берега Средиземнаго моря. Мнѣ казалось, что я оставляю такъ много своего на этомъ побережьѣ, и грустно мнѣ было при мысли, что не услышу болѣе говора волнъ, нашептывающаго такъ много моимъ думамъ. Но мы ѣхали въ Римъ, и я съ радостью пе-

реносилась къ ожиданію встрѣчи моей съ всемірнымъ городомъ. Погода выходила изъ ряду вонъ, по своей мягкости и прелести. Было теплѣе, чѣмъ у насъ лѣтомъ. Мы оставались все время на палубѣ, гдѣ устроенъ былъ тентъ для защиты отъ слишкомъ яркихъ солнечныхъ лучей. Вечеръ этого дня былъ очаровательный. Пароходъ нашъ тихо разсѣкалъ безъ борьбы темно-синее море, гладкое и прозрачное, въ которомъ по временамъ плескались дельфины. Темно-синее небо подымалось высоко и блистало мириадами звѣздъ. Легкія тучки быстро перебѣгали по его пространству, и мы слѣдили за луной, которая то скрывалась подъ этими тучками, то выступала, озаряя насъ вдругъ своимъ блескомъ и кидая свои лучи, играющіе на поверхности воды. Я стояла на палубѣ, прислонившись къ мачтѣ, съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, перебирая въ полголоса прелестные стихи Лермонтова:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтриль
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры утреннихъ свѣтилъ и пр. и пр.

На другой день вечеромъ мы прибыли въ Чивитавекіа, но остались до слѣдующаго дня на пароходѣ. Утромъ же, простившись съ капитаномъ Баженовымъ и офицерами, выѣхали въ экипажахъ подъ охраной папскихъ жандармовъ, такъ какъ въ то время водились въ этой мѣстности разбойники. На пути еще далеко отъ Рима, мы увидѣли куполь собора Св. Петра и послали ему горячій привѣтъ. Было уже совер-

шенно темно, когда мы остановились въ Европейской гостиницѣ въ Piazza di Spagna, гдѣ были приготовлены помѣщенія Великой Княгини и намъ. За обѣдомъ съ остальными лицами свиты послышался голосъ Великой Княгини Маріи Николаевны, звавшей насъ. Она пріѣхала, чтобы встрѣтить Великую Княгиню Екатерину Михайловну и, сойдя по лѣстницѣ, вошла, чтобы поздороваться съ нами. Дочери ея были въ Петербургѣ, но она проводила зиму въ Римѣ со своими сыновьями и выразила намѣреніе видѣть насъ часто.

Что мнѣ сказать о нашемъ пребываніи въ Римѣ? Кто не знаетъ, какое богатство этотъ единственный городъ представляетъ въ области исторіи, археологіи искусства при ласкающемъ климатѣ и волшебной природѣ? Папскій дворъ назначилъ состоять при Великой Княгинѣ *Cameriere Secreto* графа Альборгетти, и у него секретаремъ былъ маленькій аббатъ, который доставалъ намъ всевозможныя разрѣшенія для посѣщенія достопримѣчательностей. Мы ѣздили съ утра по его указаніямъ вмѣстѣ съ Александрой Александровной Воейковой, фрейлиной Великой Княгини Маріи Николаевны. Всякій, кто ее зналъ, помнить ея блестящій умъ, начитанность, артистическую культуру, потому лишнее было бы распространяться о цѣнности ея общества въ нашихъ поѣздкахъ. Вообще, мы находились въ рѣдко благопріятныхъ условіяхъ для изученія Рима. У Великой Княгини были очень интересные вечера. Пріѣзжали ученые, бесѣдовавшіе каждый о своей спеціальности. Это были, то *M-r Ampère* по части археологіи

и исторіи, авторъ книги *Histoire de Rome à Rome*, то Грегоровіусъ, только что издавшій тогда свою книгу о папскихъ гробницахъ. Онъ говорилъ по нѣмецки, и я его понимала, хотя не рѣшалась говорить съ нимъ на этомъ языкѣ, то M-r Rio, восторженный и краснорѣчивый французъ, другъ семейства La Ferronnays, авторъ книги *L'Art Chrétien*, то кавалеръ Росси, котораго открытія въ катакомбахъ дали новое направленіе въ изученіи христіанской археологіи. Посѣщеніе катакомбъ оставило во мнѣ глубокое воспоминаніе. Насъ сопровождалъ Пальмеръ, очень ученый англичанинъ, бывшій діаконъ англиканской церкви, перешедшій въ католичество. Онъ сначала сильно тяготѣлъ къ нашей церкви, и провелъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, бывая постоянно у Татьяны Борисовны Потемкиной и изучая наше богословіе съ настойчивостью и опредѣленностью англичанина. Онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: *A visit to the Russian Church*, но онъ нашель, что намъ недостаетъ авторитетнаго духовнаго центра и что цезаризмъ, замѣнившій его, имѣетъ слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ. Нѣсколько жуткое чувство ощущалось при спускѣ въ нѣдра земли и при слѣдованіи по узкимъ, извилистымъ галлереямъ, между двумя рядами могилъ, у которыхъ часто стояли бутылочки съ запекшейся кровью, свидѣтельствующія, что тутъ погребенъ мученикъ. Эти галлерей прерывались отъ времени до времени небольшими капеллами со стѣнами, украшенными символической живописью, значеніе ко-

торой объяснял намъ Пальмеръ. Здѣсь совершались таинства въ первые дни христіанства, когда мученическая и преслѣдуемая церковь была еще такъ близка къ святому своему идеалу.

Изъ прелатовъ мы чаще другихъ видѣли перваго министра, кардинала Антонелли, умнаго и тонкаго итальянца, напоминавшаго мнѣ Макиавелли. Очень представительной наружности, высокій, скорѣе худощавый, съ черными живыми глазами и черными густыми волосами, онъ входилъ въ комнату медленною поступью, въ своей красной сутанѣ, улыбаясь своимъ крупнымъ ртомъ и бѣлыми крѣпкими зубами. Онъ былъ болѣе политикъ, чѣмъ духовное лицо; въ духовной іерархіи носилъ даже только санъ діакона и выступалъ въ этомъ качествѣ въ сонмѣ церковнослужителей при церемоніальныхъ мессахъ св. отца. Въ этихъ случаяхъ всѣ бинокли дамъ съ трибунъ устремлялись на кардинала-діакона, на его величественную походку, прекрасно обутую ногу и великолѣпныя кружева. Другой прелатъ Монсиньоръ Гогенлоэ бывалъ еще чаще. Онъ былъ товарищемъ герцога по Боннскому университету, и отношенія ихъ, какъ и съ Великой Княгиней, были чисто дружескія. Онъ былъ убѣжденный христіанинъ, кроткій и пріятный, съ манерами и разговорами чловѣка высокаго круга. Однажды мы разговорились, и зная, что я болѣе или менѣе больна, онъ обѣщалъ мнѣ молиться о мнѣ, это меня очень тронуло. Несмотря на всю свою преданность церкви, его глубокая религіозность оберегала его отъ іезуитскаго

направленія и свѣтскаго честолюбія, присущаго этому ордену. По мѣрѣ того, какъ это направление стало преобладающимъ, онъ былъ менѣе и менѣе въ милости и удалялся въ свою виллу d'Este въ Тиволи. Послѣ смерти Папы Пія IX передъ выборомъ новаго Папы, Великая Княгиня Екатерина Михайловна, бывшая тогда въ Римѣ, спросила у кардинала Гогенлоэ: не будетъ-ли онъ Папа? Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ: „конечно, нѣтъ—и, еслибъ даже на меня палъ жребій, то я оставался бы Папой только три дня. Въ первый, я бы отмѣнилъ безбрачіе священниковъ, во второй непогрѣшимость Папы, а въ третій я уже лежалъ бы въ своемъ гробу“.

Упомяну еще о Монсиньорѣ Prospero, добродушномъ человѣкѣ, который, къ несчастью своему, слылъ за Gettatore; случайныя совпаденія усиливали суевѣрный страхъ, который онъ внушалъ. Я была приглашена съ нимъ на обѣдъ у Великой Княгини. Въ этотъ день мы выѣзжали съ Великой Княгиней Маріей Николаевной. Прогулка была дивная, мы находились въ прелестной виллѣ Doria Pamphili, гуляли по лугамъ, покрытымъ еще фіалками, между высокими итальянскими соснами, любовались видомъ, открывающимся съ вершины Яникула, и были уже на возвратномъ пути, какъ вдругъ замѣтили, что лошади неистово прыгаютъ, и что кучеръ не въ силахъ успокоить ихъ. Въ коляскѣ сидѣли Великая Княгиня, мама и я, а въ слѣдующей фрейлина Воейкова съ моей сестрой. Оказалось, что удила сломались во рту одной изъ лошадей и причиняли ей боль; чѣмъ больше кучеръ

дергалъ ее, тѣмъ она дѣлалась неспокойнѣе. Наконецъ, взбѣсившіяся лошади взобрались на высокій тротуаръ и потащили коляску, которая опрокинулась, и въ одно мгновеніе мы всѣ были выброшены на шоссе. Я стукнулась головой о землю и оставалась нѣсколько минутъ ошеломленной; потомъ, поднявъ голову, увидѣла около распростертыхъ лошадей лакея Великой Княгини съ кровью на лицѣ, кричавшаго съ плачемъ: „Santo Padre! Santo Padre!“ Въ эту минуту я услышала голосъ Великой Княгини, которая намъ кричала: „Я невредима, а вы что?“ Она уже поднялась, мы послѣдовали ея примѣру. Мы тоже были невредимы; болѣе всѣхъ пострадалъ лакей, но и онъ не былъ опасно раненъ. Въ первую минуту мы ощущали только радость избавленія отъ большой опасности, потомъ оказались нѣкоторые послѣдствія, особенно у меня, и я была не въ состояніи присутствовать на обѣдѣ у Великой Княгини. Тотчасъ же разнесся слухъ, что Монсиньоръ Просперо навѣялъ намъ наше приключеніе, что на мнѣ оно болѣе отозвалось потому, что я именно должна была встрѣтиться съ нимъ на обѣдѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой мысли, Великая Княгиня сказала во время обѣда по русски своему камердинеру, чтобы маленькую принцессу не приводили, по обыкновенію, къ концу обѣда.

Свѣтское общество было многочисленное и пріятное. При отсутствіи Двора аристократическія фамиліи подъ названіемъ Principi Romani, Doria, Pallavicini, Chiggri, Borghese и другія играли первенствующую роль. Онѣ жили въ своихъ великолѣпныхъ палаццахъ,

полныхъ чудесъ искусства, свято сохраняемыхъ, благодаря маіоратамъ, изъ рода въ родъ, подобно брилліантамъ, которыми украшали себя носительницы гордыхъ именъ. Теперь, подъ давленіемъ демократической войны маіораты уничтожены, и многія огромныя состоянія рушились предъ современнымъ стремленіемъ къ равенству. Тогда Римъ носилъ еще отпечатокъ средневѣковаго исключительно клерикальнаго города. Даже военный министръ былъ духовное лицо Monseigneur de Mérode. Среди этого міра у насъ была родственница: княгиня Odescalchi, кузина моей матери, такъ какъ она была урожденная графиня Браницкая. Княгиня Витгенштейнъ, съ которою мы опять встрѣтились, выдала свою дочь за князя Киджи. Княгиня Чернышева, двоюродная сестра моего отца (мать ея была сестра моего дѣда), жила въ Римѣ уже нѣсколько лѣтъ сряду. Она принимала на еженедѣльныхъ вечерахъ. Сынъ ея, Левъ, былъ однихъ лѣтъ съ братомъ моимъ Борисомъ и былъ друженъ съ нимъ и съ нами. У нихъ жила въ то время молодая 15-лѣтняя княжна Марія Элимовна Мещерская, внучатая племянница княгини со стороны ея покойнаго мужа. Отецъ ея, поэтъ, жилъ и умеръ въ Парижѣ. Мать же, рожденная Жихарева, вела въ Флоренціи такой эксцентричный образъ жизни, что Императрица Александра Ѳеодоровна взяла къ себѣ ея дочь, принявъ на себя заботу объ ея воспитаніи, и помѣстила ее въ институтъ. Но бѣдная дѣвочка, привыкшая къ ничѣмъ не стѣсненной свободѣ и къ теплomu климату Италіи, не могла ужиться въ холодѣ, неволѣ и строгомъ по-

рядкѣ институтской жизни на сѣверѣ и заболѣла, что побудило Государыню просить княгиню Чернышеву взять ее къ себѣ въ Римъ на время. Она была удивительно хороша собою и въ эти лѣта уже общала быть той плѣнительницей, которой она сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя въ расцвѣтѣ своей выдающейся красоты. Княгиня Чернышева была вдова извѣстнаго любимца Государя Николая Павловича, бывшаго военнаго министра, князя Александра Ивановича Чернышева. Въ награжденіе его (по моему, сомнительныхъ) заслугъ Государь осыпалъ его своими милостями съ истинно царскою щедростью. Между прочимъ, княгиня еще въ молодыхъ лѣтахъ была пожалована статсъ-дамой и имѣла орденъ Св. Екатерины Большаго Креста, что въ настоящее время исключительно дается Царскимъ Особамъ, а Левъ былъ корнетомъ Кавалергардскаго полка и флигель-адъютантомъ 13 лѣтъ. Дочь ея, княгиня Бетси Барятинская, проводила тоже эту зиму въ Римѣ, равно какъ и belle soeur ея, княгиня Олимпіада. Обѣ считались между первыми львицами петербургскаго общества, и обѣ богатая, изящная, блестящія были постоянно окружены итальянскою вышею знатью. Одна изъ русскихъ постоянныхъ обитательницъ Рима была еще княгиня Марія Александровна Волконская, рожденная графиня Бенкендорфъ, сестра графини Аппони, которую мы знавали въ Парижѣ. Она была одна изъ очаровательнѣйшихъ женщинъ, которыхъ можно себѣ представить. Высокая, тонкая, съ гармоническими, граціозными движеніями хрупкаго тѣла, съ кра-

сивымъ блѣднымъ лицомъ, окруженнымъ роскошными свѣтлыми волосами, она являлась типомъ женской прелести и рѣзкимъ контрастомъ съ дочерью своей, красивой брюнеткой, мужественной въ своихъ манерахъ, съ румянами здоровья на свѣжемъ лицѣ, съ прямой, быстрой и рѣшительной походкой. Умъ сіялъ на ея широкомъ лбу и въ тонкой улыбкѣ, и она говорила низкимъ груднымъ голосомъ также отчетливо и ясно, какъ и совершился процессъ ея мыслей. Впослѣдствіи мы крѣпко сблизились. Ея драгоцѣнная дружба сдѣлалась одной изъ опоръ и радостей моей жизни. Къ нимъ пріѣхалъ ихъ родственникъ, князь Михаилъ Сергѣевичъ, котораго мы видѣли въ Ниццѣ. Иногда, во время нашихъ катаній по Римской Кампаніи, мы встрѣчали ихъ всѣхъ троихъ верхомъ. Княгиню съ дочерью и съ тѣмъ, котораго молва уже называла ея женихомъ, они являли собою изящную группу. Вскорѣ молва оправдалась, и мы узнали о ихъ помолвкѣ. На балы же я не ѣздила, такъ какъ лѣчившій меня докторъ запретилъ мнѣ вечерніе поздніе выѣзды. Моя сестра порхала всюду съ матерью. Нельзя было начать свѣтскую жизнь въ болѣе прелестной обстановкѣ, чѣмъ въ той, которая насъ окружала. Я была только на одномъ балу у Испанской Королевы, желая хоть разъ взглянуть на собранное Римское общество. Когда я оставалась одна, то писала грустные стихи или философскія размышленія. Иногда, въ виду того, что Великая Княгиня также не выѣзжала, по причинѣ своей беременности, мы соединяли съ ней наше одиночество. Вообще, она все

болѣе и болѣе приближала меня къ себѣ, и я привязалась къ ней всей душой. Мы конечно представились Папѣ Пію IX-му. Согласно этикету, одѣты мы были въ черномъ, съ нашими орденами и съ черными вуалями на головѣ, и пріѣхали въ Ватиканъ въ парадныхъ посольскихъ каретахъ въ сопровожденіи посланника, Николая Дмитріевича Киселева, и всего штата посольства. Швейцарская гвардія въ ихъ своеобразныхъ костюмахъ шла передъ нами по высокой изъ бѣлаго мрамора лѣстницѣ Папскаго Дворца. Папа вышелъ навстрѣчу Великой Княгини въ пріемной залѣ. При его появленіи, мы низко поклонились, но не упали на колѣни, какъ то дѣлаютъ католики. Св. Отецъ повелѣ Великую Княгиню и Герцога въ сосѣдній покой, а мы остались въ первой залѣ. Тутъ были кардиналы, монсиньоры, другіе прелаты, а также свѣтскіе камерьеры, одѣтые въ костюмы по рисункамъ Рафаэля: черныя бархатныя перелинки и высокія фрезы изъ кружевъ. Вся обстановка переносила насъ въ XVI вѣкъ. Черезъ нѣсколько времени дверь отворилась и Высокія Особы вышли. Великая Княгиня представила каждого изъ насъ. Мы поцѣловали у Папы руку, благословляющую насъ, какъ то дѣлаемъ съ нашимъ высшимъ духовенствомъ. Папа сказалъ намъ нѣсколько словъ, потомъ обратился съ рѣчью къ Великой Княгинѣ на итальянскомъ языкѣ, выражая ей и ея семейству и всѣмъ намъ свои добрыя пожеланія. Итальянскій языкъ мы хорошо понимали, такъ какъ усердно имъ занимались въ Ниццѣ и Римѣ при помощи хорошихъ учителей.

Наша Пасха совпадала въ этомъ году съ католической, потому на Страстной недѣлѣ мы не выходили изъ церковныхъ службъ. Послѣ нашихъ, совершаемыхъ въ Посольской домово́й церкви, мы летѣли въ соборъ Св. Петра. Болѣе всего поразилъ меня Miserere, пропѣтый за вечерней въ Страстную Пятницу въ Сикстинской Капеллѣ. Вся церковь обита трауромъ. Папа и весь синклитъ въ траурныхъ облаченіяхъ стоятъ все время на колѣняхъ, и переливы старинной Итальянской музыки, великолѣпно исполняемой, раздаются подъ сводами и говорятъ въ раздирающихъ звукахъ о скорби чело́вѣчества, подавленнаго своимъ грѣхомъ. Утромъ Свѣтлаго Праздника мы также послѣ нашей ночной Пасхальной службы и разговѣнія присутствовали у торжественной обѣдни, отслуженной Папой. Вслѣдъ затѣмъ, было благословеніе Св. Отца съ высоты трибуны Св. Петра *Urbi et Orbi*, осѣняющее колѣнопреклоненный народъ, тысячами наполнявшій огромную площадь. И этотъ величественный актъ подъ дивной синею неба, при плескѣ неумолкаемыхъ фонтановъ, при щедромъ сіяніи солнца, составляло зрѣлище, единственное по своей грандіозности. Весна расточала всю свою роскошь. Погода была исключительно тепла даже для Рима, все цвѣло и благоухало, Мы пользовались этими счастливыми обстоятельствами, чтобы совершать экскурсіи по окрестностямъ, Albana, Frascati, Tivoli,—все это было дивно хорошо и оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе, а также поѣздка вечеромъ въ Коллизей при лунномъ свѣтѣ. Кол-

лизей былъ однимъ изъ излюбленныхъ мною мѣстъ Древняго Рима. Теперь археологическая наука нарушила его поэзію. Тогда величественная руина окружала пустую арену, такъ много говорившую, въ своемъ безмолвіи, о подвигахъ мучениковъ, о борьбѣ христіанства съ древнимъ Римомъ. Высокій крестъ возвышался посреди широкаго пространства, какъ символъ побѣды и вмѣстѣ съ тѣмъ страданья, которымъ побѣда достигается. Теперь креста уже нѣтъ, и значеніе святаго мѣста исчезло. Арена, на которой тѣнь его ложилась луннымъ освѣщеніемъ, теперь изрыта и загорожена со всѣхъ сторонъ учеными изыскателями, которые въ погонѣ за матеріальнымъ изученіемъ подземнаго механизма, изобрѣтеннаго во дни кровожадныхъ празднествъ, убиваютъ вѣчный смыслъ, сообщавшій намъ вѣяніе духовной жизни.

Великая Княгиня Марія Николаевна уже давно уѣхала изъ Рима. Конецъ Ея пребыванія былъ омраченъ болѣзнью, а потомъ смертью Ея ребенка, маленькаго Гриши Строганова. Великая Княгиня глубоко почувствовала эту утрату, очень долго отзывавшуюся на ея настроеніи и даже здоровьи. Какъ только грустное событіе совершилось, Она уѣхала въ Албано съ графомъ Григорьемъ Александровичемъ и, проведя тамъ нѣсколько дней, не возвращаясь уже въ Римъ, отбыла въ Россію. Наше пребываніе тоже приходило къ концу. Былъ уже Май мѣсяцъ, и Екатерина Михайловна ожидала въ концѣ его рожденіе своего ребенка; къ тому же раскаты грома, предвѣщавшаго близкую войну, уже раздавались на

политическомъ горизонтѣ. Мы уѣхали изъ Рима, окруженные добрыми пожеланіями всѣхъ нашихъ новыхъ знакомыхъ и старыхъ друзей. Желѣзная дорога до Чивиттавеки уже была открыта, а тамъ насъ ожидалъ военный пароходъ Баянъ, подъ командой Вице-Адмирала Истомина, чтобы довести насъ до Marseille. Итакъ, кончилось наше интересное пребываніе въ Римѣ. Оно открыло мнѣ цѣлую область артистическихъ ощущеній.

Съ нами ѣхала и княжна Мещерская, которую княгиня Чернышева просила Великую Княгиню взять съ собой, такъ какъ она должна была возвратиться къ Императрицѣ, а также семейство Суворовыхъ: князь Александръ Аркадьевичъ, княгиня и обѣ дочери. Возвращеніе сухимъ путемъ было уже затруднено большимъ движеніемъ войскъ въ Сѣверной Италіи, и потому они просили быть включенными въ число пассажировъ Баяна. Изъ Марселя, мы намѣревались ѣхать въ Баденъ, черезъ Дижонъ и Штрасбургъ, но, прибывъ въ Марсель, мы были встрѣчены самой неожиданной новостью. Немедленно, по остановкѣ въ гавани, на пароходъ явился полковникъ Новицкій, нашъ военный агентъ въ Парижѣ, посланный графомъ Киселевымъ для врученія Великой Княгинѣ длинной телеграммы отъ Великой Княгини Елены Павловны, въ которой она настоятельно просила свою дочь отъ имени Государя заѣхать въ Парижъ, чтобы сдѣлать визитъ Императрицѣ Евгеніи. Для того, чтобы объяснить причину этого желанія со стороны Государя, необходимо возвратиться нѣсколько

назадъ. Лѣтомъ прошлаго 1858 года, какъ извѣстно, нашъ Государь встрѣтился съ Императоромъ Наполеономъ въ Штутгартѣ. Свиданіе было устроено въ этомъ городѣ по многимъ политическимъ соображеніямъ. Государь долженъ былъ сдѣлать первый визитъ Наполеону, увы, какъ побѣдителю. Находясь у своей сестры Ольги Николаевны, онъ могъ считать себя болѣе или менѣе хозяиномъ, принимавшимъ гостя, и потому этотъ первый визитъ, щекотливый для самолюбія Россіи приобрѣталъ характеръ *courtoisie*. Былъ сдѣланъ запросъ: будетъ ли Императрица Марія Александровна сопровождать Своего Супруга. Чувствуя себя не совсѣмъ здоровой, Императрица отвѣтила въ отрицательномъ смыслѣ—но ея здоровье поправилось, и, слѣдуя совѣтамъ Ея окружающихъ, Она рѣшила ѣхать, причемъ по непростительной оплошности Тюлерійскій Дворъ не былъ извѣщенъ объ этой перемѣнѣ Ея намѣренія. Ея появленіе послѣ отказа было сочтено какъ нежеланіе встрѣтиться съ Императрицей Евгеніей, намѣреніе которой было сообразоваться съ примѣромъ нашей Государыни. Первое время свиданія было поэтому крайне натянуто; чтобы помочь оживить собранное общество, пригласили Великую Княгиню Елену Павловну, которая находилась гдѣ то въ Германіи. Она пріѣхала со своей свитой, привыкшей ко всякаго рода акробатическимъ упражненіямъ въ области разговоровъ. Сама Великая Княгиня своимъ умомъ, тактомъ, любезностью сумѣла придать видъ веселости и непринужденности этому раздѣленному обще-

ству, и въ финалѣ, по крайней мѣрѣ, получился видъ пріятной сердечности. Но впечатлѣніе этой неловкости осталось у Французскаго Двора. Изъ членовъ Царской фамиліи посѣтилъ Парижъ только Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и Наполеонъ выражалъ нашему послу свое удивленіе, что, проѣзжая такъ часто по Франціи по пути къ Югу, ни одна изъ Великихъ Княгинь не сдѣлала визита вѣжливости столицѣ Франціи и ея обладателямъ. Намѣреніе Великой Княгини Маріи Николаевны заѣхать въ Парижъ не могло осуществиться, такъ какъ она уѣхала въ такомъ глубокомъ горѣ, что не могла объ этомъ и думать. Осталась одна Екатерина Михайловна. Въ телеграммѣ своей Елена Павловна выражалась приблизительно такъ: „L'Empereur sait la portée du sacrifice qu'il demande à une femme grosse de huit mois et à George dans les circonstances politiques où se trouve l'Allemagne, mais il te prie néanmoins de rendre ce service à ton pays“.

Война начиналась. Наполеонъ былъ вовлеченъ въ нее своими прежними связями съ секретными обществами Италіи. Покушеніе Орсини, гдѣ въ первый разъ, сколько мнѣ извѣстно, были употреблены столь знакомыя намъ теперь бомбы, доказало ему, что бывшіе товарищи его намѣрены добиться всѣми мѣрами обѣщаннаго содѣйствія къ освобожденію Италіи. Государь не хотѣлъ активно вмѣшиваться въ настоящее политическое осложненіе, но желалъ сохранить съ Франціей добрыя отношенія, вотъ почему онъ такъ настаивалъ на оказаніи На-

полеону столь желаемого имъ вниманія. Какъ громомъ, поразила эта новость Великую Княгиню. Сначала она казалась неисполнимой. Состояніе здоровья ея, положеніе Герцога, какъ нѣмецкаго Принца, неожиданность всей этой новой комбинаціи насъ положительно ошеломили. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній съ моей матерью и Новицкимъ, рѣшено было покориться необходимости. Но возникалъ новый вопросъ: по словамъ Новицкаго, Наполеонъ, по всей вѣроятности, уже отбылъ въ армію—въ такомъ случаѣ, будетъ ли своевременна наша поѣздка? Рѣшено было, что мама поѣдетъ въ Парижъ немедленно, для переговоровъ съ графомъ Киселевымъ, и, что пришлетъ оттуда рѣшающую телеграмму. Она взяла съ собой мою сестру, съ ними поѣхалъ адъютантъ Герцога князь Трубецкой и также M-me Monfort, камеръ-фрау, чтобы привести въ порядокъ туалеты. Я же осталась при Великой Княгинѣ, втайнѣ желая, чтобы мой добрый рокъ привелъ меня въ милый Парижъ моего дѣтства. Мы оставались два дня на пароходѣ въ Марселѣ. Шель проливной дождь все время, мы плавали въ лужахъ; все въ каютахъ было пропитано сыростью. Въ день отъѣзда мы пріѣхали на вокзалъ за часъ до отхода поѣзда, ища сухаго мѣста. Карета Великой Княгини была поставлена на платформу, и мы сидѣли въ ней въ теченіе всего времени пути. Тогда вагоны не представляли еще современнаго удобства. Во время остановокъ мы обѣдали втроемъ съ Герцогомъ. Въ Ліонѣ мы провели сутки въ прекрасной гостиницѣ, гдѣ неожиданно встрѣтили Герцоговъ

Лейхтенбергскихъ—Николая и Евгенія Максиміановичей. Здѣсь мы получили телеграмму моей матери, въ которой значилось: „*arrivée opportune*“, и съ большею увѣренностью продолжали нашъ путь. Ночевали еще въ Дижонѣ и на слѣдующій день прибыли въ Парижъ.

На вокзалѣ мы узнали отъ посла, что Императрица Евгенія будетъ ожидать въ назначенномъ для Великой Княгини апартаментѣ въ Тюлерійскомъ Дворцѣ. Поэтому Герцогу слѣдовало быть въ мундирѣ, а не въ штатскомъ платьѣ, и онъ поспѣшилъ переодѣться въ домѣ при вокзалѣ, равно какъ и свита, мы же въ продолженіе этого времени разговаривали на платформѣ съ прибывшими на встрѣчу членами посольства и русской колоніи, а также съ французами, командированными состоять при Ихъ Высочествахъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы сѣли въ придворныя парадныя кареты—первую заняли Великая Княгиня съ Герцогомъ и моей матерью, вторую—маленькая принцесса со мною и такимъ образомъ, по знакомымъ мнѣ улицамъ Парижа мы подъѣхали къ части Дворца, называемой *Pavillon Marsan*, гдѣ приготовлены были для насъ помѣщенія. Насъ встрѣтили всѣ наличные члены Наполеоновской семьи: Императрица, Принцессы Матильда и Клотильда (жена принца Наполеона) и Король Іеронимъ Вестфальскій, братъ Наполеона I. Принцессу Матильду мы хорошо знали. Она была замужемъ за русскимъ богачемъ Анатоліемъ Демидовымъ, но разсталась съ нимъ давно. Во время нашего пребыванія въ Парижѣ она была дружна съ моимъ отцомъ и пріѣзжала къ

нему въ его мастерскую съ племянницей своей Анной Мюратъ, дѣвочкой нашихъ лѣтъ, въ послѣствіи вышедшей замужъ за Герцога de Mouchy. Послѣ взаимнаго представленія свитѣ, насъ пригласили на гофмаршальскій обѣдъ подъ предсѣдательствомъ графа Бачіокки, а за симъ, по окончаніи недолгой послѣобѣденной бесѣды, меня провели наверхъ въ комнаты, назначенныя для *dame d'honneur*. Я ихъ заняла, по приказанію моей матери, такъ какъ пріѣхала съ Великой Княгиней. Мама же съ моей сестрой остались въ Отелѣ, гдѣ онѣ помѣстились, по пріѣздѣ своемъ въ Парижѣ. Первая комната была гостиная съ большимъ окномъ и балкономъ, выдающимся въ Тюлерійскій садъ. Оставшись одна, я сѣла у этого окна и долго, долго смотрѣла въ этотъ садъ, въ которомъ я такъ часто бѣгала дѣвочкой. Высокія деревья, которыя я узнавала, чернѣли во мракѣ наступающей ночи, улица Rivoli, удлиненная, за время нашего отсутствія, блестѣла массой огоньковъ, освѣщающихъ длинный рядъ аркадъ. Неужели я въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ, и сбылась моя завѣтная мечта, и неужели беззаботная веселая дѣвочка, духъ которой, какъ мнѣ казалось, виталъ въ этихъ густыхъ аллеяхъ, превратилась въ то нервное существо, которымъ я себя чувствовала, и которое уже успѣло познакомиться съ страданьемъ. Слезы капали отъ многихъ противорѣчивыхъ волненій. Наконѣцъ, радость быть въ Парижѣ взяла верхъ.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней у насъ было два большихъ обѣда—у Императрицы Евгении и одинъ у посла графа Киселева. Дни были

заняты обмѣнами визитовъ и также катаньями въ Bois de Boulogne и обзоромъ Лувра и другихъ достопримѣчательностей. Императрица управляла Государствомъ, въ качествѣ Регентши и предсѣдательствовала на совѣтахъ Министровъ. По случаю войны и отсутствія Императора, никакихъ празднествъ не было, что оказалось совершенно кстати, такъ какъ они утомили бы Великую Княгиню. Послѣ обѣдовъ были обыкновенные при всѣхъ дворахъ cercles. Императрица Евгенія очень умѣло исполняла эту обязанность. Она была въ расцвѣтѣ своей красоты, особенно удивительно сложена, небольшого роста, очень граціозна во всѣхъ движеніяхъ, бѣлыя плечи ея и талія были прекрасны. Послѣ послѣдняго обѣда мы откланялись, такъ какъ должны были уѣхать очень рано утромъ. Но пока мы слѣдовали по длиннымъ заламъ, раздѣляющимъ Pavillon de Flore отъ Pavillon Marsan, она насъ догнала одна, желая проводить Великую Княгиню и пожелать ей еще разъ добраго пути. Она исполнила это очень сердечно и мило, послѣ чего Герцогъ отвелъ ее подъ руку на Ея половину Дворца. Не смотря на то, что наше время было такъ занято, мы успѣли видѣть многихъ нашихъ прежнихъ знакомыхъ учителей и даже бывшихъ слугъ. Это было очень пріятно. Все время Великая Княгиня боялась, что получатся вѣсти съ войны, которыя осложнятъ наше строго нейтральное положеніе. Такая вѣсть пронеслась по телеграфу въ Verviers, гдѣ мы обѣдали и ночевали. Это была вѣсть о первой побѣдѣ французовъ при Мажента и мы

порадовались нашему своевременному отбытію. На другой день мы разстались съ нашимъ милымъ обществомъ. Пути наши расходились. Великая Княгиня направлялась въ Ремплинъ, въ Мекленбургскомъ Великомъ Герцогствѣ, а мы, слѣдуя съ ними до Льежа, свернули оттуда въ Спа, гдѣ я должна была пройти курсъ леченія.

Тамъ я занималась очень усердно, купила ноты, играла на фортепьяно, рисовала пейзажи съ натуры, читала много, стараясь приковать свое вниманіе къ читаемому. Часто ѣздила верхомъ. Спокойная жизнь оказала мнѣ свою пользу. Послѣ Италіи, природа въ Спа, конечно, не поражала ни своей грандіозностью, ни своимъ колоритомъ, но была успокоительна и привѣтлива.

Черезъ нѣсколько времени мама уѣхала въ Ремплинъ на крестины новорожденного младенца принца Жоржакса, родившагося 25 Мая. Почти одновременно съ ея отъѣздомъ пріѣхалъ мой отецъ, сопровождающій Великую Княгиню Марію Николаевну, и мы поселились съ нимъ въ Pavillon Belge, напротивъ Château de la Glacière, нанятомъ для Великой Княгини и ея семейства. Присутствіе Маріи Максимиліановны было для насъ большою радостью. Мы видѣлись каждый день и даже цѣлый день; между ея комнатою и нашей гостиной мы даже устроили родъ телеграфа, была проведена черезъ улицу веревка, на обоихъ концахъ который были звонки, которыми мы другъ друга вызывали и говорили условными знаками посредствомъ азбуки, сочиненной нами. Такъ обыкновенно

утромъ передавалась программа дня. Вечеромъ мы всегда гуляли, катались вмѣстѣ, очень часто верхомъ, послѣ чего мы разговаривали безъ конца на террасѣ виллы, въ теплой атмосферѣ влажной ночи, окруженные мириадами свѣтящихся лучіолъ. Наши безконечные разговоры обращали на себя вниманіе доктора Мяновскаго, состоящаго съ свитѣ Великой Княгини. Проходя мимо насъ, онъ говорилъ своимъ польскимъ акцентомъ: „Oh! le coeur des jeunes filles! C'est une machine plus compliquée qu'un laboratoire de chimie!...“ Мы въ шутку называли сердце *laboratoire*’омъ. Былъ также романсъ Alary со словами M-me de Girardin, строфу изъ котораго мы распѣвали съ увлеченіемъ:

Et son regard plein de tendresse
A rencontré mes yeux ravis, .

каждая изъ насъ произносила по своему. Маруся стремительно говорила *rencontra* (мѣняя этимъ размѣръ стиха, что ее впрочемъ не останавливало). Я написала для нея посланіе въ стихахъ, гдѣ между прочимъ значилось.

..... Peut être alors l'imagination
Vous montrera en vision rapide
Tous nos plaisirs: La Conversation
Du soir à l'air si doucement humide,
Le télégraphe et nos signaux joyeux,
De Franchimont la course ravissante
Et la romance où votre voix charmante
Disait si bien le „rencontra“ fameux.

Я относилась немного свысока къ этимъ ребячествамъ, но они доказываютъ, что мы

были еще очень юны. Окончивъ лечение, мы уѣхали съ отцомъ въ Ремплинъ, гдѣ насъ ожидала мама. Это прекрасное имѣніе было недавно приобретено Великой Княгиней, и Дворецъ, очень обширный, не былъ еще вполне законченъ. Готовы были обѣ боковыя части дома, очень роскошно и съ большимъ вкусомъ отдѣланныя; середина же еще ждала своей перестройки. Украшеніе парка составляли длинныя аллеи высокихъ ясеней, которыя, соединяясь верхушками, образовывали подобіе сводовъ готической церкви. Великая Княгиня вышла къ намъ на встрѣчу и радушно и мило приняла насъ. Мы такъ сошлись съ нею за послѣднюю зиму, что мнѣ доставило сердечное удовольствіе видѣть ее счастливой своей новой материнской радостью. Она повела насъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая была, по прежнему, добра и ласкова со мною, заставляя, какъ она умѣла это дѣлать, обнаруживать способность къ разговору. До нашего пріѣзда, замокъ былъ переполненъ съѣхавшимися гостями, но теперь они почти всѣ разъѣхались. Елена Павловна также скоро уѣхала со своей обширной свитой, оставивъ въ Ремплинѣ пожилую свою фрейлину княжну Львову, исполняющую при ней должность гофмейстерины (впослѣдствіи она была пожалована камеръ-фрейлиной) и M-elle Stube, только что поступившую новую пѣвицу. Это была особа съ большимъ артистическимъ талантомъ, независимыми манерами, которыя трудно укладывались въ рамки придворныхъ обычаевъ. Княжна Львова, которой поручено было воспитаніе ея, въ этомъ

отношеніи употребляла много такта, доброты и терпѣнья, чтобы обуздать это дикое дитя богемы и не всегда успѣвала въ этомъ. Аристократію таланта она ставила выше всѣхъ прочихъ и возмущалась, когда послѣ обѣда, на который она не была звана, ее приглашали пѣть, не соображаясь съ ея настроеніемъ. Свита Великой Княгини Елены Павловны была такъ многочисленна, что только часть ея (фрейлины и первые чины) нашли себѣ мѣсто въ переполненномъ Дворцѣ. Остальные помѣщались въ сосѣднемъ городѣ Мальхинѣ и пріѣзжали по приглашеніямъ. M-elle Stube имѣла большой успѣхъ. Высокаго роста, рѣшительная, одѣтая немного по мужски, красивая, оригинальная и властная, она привлекала къ себѣ вниманіе мужчинъ.

Гофмейстеръ Великой Княгини Александръ Аггѣвичъ Абаза не избѣгъ общей участи и вмѣстѣ съ графомъ Мальцаномъ ухаживалъ за ней. Такъ какъ она всегда жаловалась на неудобство пріѣзжать и уѣзжать вечеромъ по пустынной дорогѣ между Мальхиномъ и Ремплиномъ, прибавляя при томъ, что это даже опасно въ виду могущихъ встрѣтиться разбойниковъ, они условились сыграть роль этихъ фантастическихъ разбойниковъ, чтобы попугать M-lle Stube и пѣвшую съ ней другую пѣвицу контральто M-lle Зубинскую. Дѣйствительно, переодѣвшись, они ушли ночью, ранѣе конца собранія во Дворцѣ и сѣли въ засаду, по дорогѣ въ Мальхину. Когда появилась карета съ дамами, они напали на нее, прекрасно разыгравъ свою роль. Тѣ не на шутку испугались. M-lle Stube уже

хотѣла отдать имъ въ видѣ выкупа свои золотыя украшенія, но великодушные бриганты отпустили ихъ безъ выкупа. На другой день онѣ патетически разсказывали о своемъ приключеніи, которому страхъ придалъ еще большіе размѣры, и только черезъ нѣсколько дней узнали, что были жертвой мистификаціи. Тогда онѣ разсердились и, зная, что Абазы и Мальцанъ не любятъ ранняго вставанія, устроили подъ ихъ окнами раздирающую уши ужасную Catzenmusik. Это была ихъ месть. Трудно себѣ представить важнаго сибарита Александра Аггѣвича въ роли опереточнаго разбойника. Этотъ маленькій эпизодъ былъ прелюдіей къ болѣе серьезному ухаживанію, которое завершилось, два года спустя, женитьбой его на Юліи Федоровнѣ, нынѣ уже вдовой его.

Въ Ремплинѣ мы застали еще священника Ивана Леонтьевича Янышева, пріѣхавшаго изъ Висбадена нѣсколько времени тому назадъ для освященія домово́й церкви, сооруженной Великой Княгиней во Дворцѣ. Онъ былъ молодъ тогда, полонъ энергіи и преисполненъ своего священнаго призванія, природный умъ его развился въ обществѣ ученыхъ богослововъ Германіи. Мы провели съ нимъ нѣсколько дней до его отъѣзда. Для меня эти дни остались незабвенными. Повидимому, онъ также вынесъ объ этомъ времени хорошее воспоминаніе, такъ какъ нерѣдко упоминаетъ мнѣ теперь о нихъ при нашихъ частыхъ встрѣчахъ въ Большомъ Дворцѣ. Я съ нимъ много бесѣдовала. Моя бѣдная душа нуждалась въ словахъ подкрѣпленія, и я ихъ получала въ его спокой-

ной, проникнутой вѣрой, рѣчи. Въ одномъ изъ моихъ стихотвореній: *A une jeune fille, я о немъ думала, когда писала:*

„Aime un grave discours qui sème en qui l'écoute,
La soif d'être meilleur,
Qui tel qu'une eau puissante infiltre goutte à
goutte
Sa vie en notre coeur.“

Черезъ нѣкоторое время отецъ мой уѣхалъ обратно въ Спа, откуда сопровождалъ Великую Княгиню Марію Николаевну въ Англію, а осенью въ Парижъ и Компьень, а мы уѣхали на морскія купанья на Мекленбургское побережье Балтійскаго моря въ Добранъ. При Великой же Княгинѣ осталась княжна Львова.

Въ близкомъ разстояніи отъ маленькаго города Добрана было устроено купальное мѣсто *Heilige Damm* на границѣ обширнаго лѣса изъ ясеней, который простирался до самаго моря. Тамъ въ то время былъ выстроенъ домъ, называемый *Burg*, гдѣ помѣщались почти всѣ жители, нанимая себѣ квартиры и собираясь въ одной общей столовой къ обѣду. Вблизи было еще нѣсколько особыхъ виллъ, изъ которыхъ одна принадлежала Владѣтельному Великому Герцогу, а другая его матери, сестрѣ нашей Императрицы Александры Ѳеодоровны. Велико-Герцогская чета пріѣзжала часто къ обѣду въ ту же *Burg*, при чемъ экипажъ Великой Герцогини состоялъ изъ русскихъ дрожекъ съ русскимъ рысакомъ, подаренными Грота-Николаемъ Павловичемъ. Кучеръ былъ нѣмецъ, но носилъ окладистую бороду

подобно нашимъ кучерамъ и былъ одѣтъ въ русское кучерское платье. Маленькіе принцы были всѣ одѣты въ русскія рубашки. Эти мелочи доказываютъ обаяніе, которымъ мы пользовались тогда за границей. Насъ также приглашали обѣдать у себя мѣстные владѣтели. Великая герцогиня, рожденная принцесса Рейссъ, была въ высшей степени симпатичная личность, добрая и религіозно возвышенная. При ней часто мы видѣли ея дочку 4-хъ-лѣтнюю милую дѣвочку, смотрѣвшую на насъ умными большими глазами. Ее интересовали наши шифры, и она спрашивала, почему у моей матери была одна только буква А,—у меня двѣ, а у моей сестры не было совсѣмъ шифръ? Эта маленькая принцесса, по выходѣ замужъ за Великаго Князя Владиміра Александровича, сдѣлалась русскою Великою Княгиней Маріей Павловной. Въ концѣ Іюля мы отбыли въ Висмаръ, гдѣ присоединились къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, которая со всѣмъ домомъ пріѣхала изъ Ремплина, чтобы моремъ вернуться въ Россію. Насъ уже ожидалъ военный пароходъ „Храбрый“, вновь отдѣланный и блестящій элегантною и чистотой. Начало путешествія было прелестно. Погода была очаровательна и море спокойно, какъ озеро. Вечеромъ, подѣ Воскресенье служили всенощную на палубѣ. Голоса матросовъ звучали на чистомъ воздухѣ—и, казалось, что слова молитвъ вмѣстѣ съ еиміамомъ кадильнымъ летѣли прямо къ небесамъ, озареннымъ въ ту минуту чуднымъ закатомъ солнца. При словахъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“, мнѣ почудилось, что душа моя объята

возвѣщеннымъ ей свѣтомъ, прообразъ котораго представлялся мнѣ въ дивномъ явленіи природы.

Но вдругъ, при полномъ спокойствіи, намъ объявили, что сейчасъ будетъ штормъ. Дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ разыгралась буря, но такая, какую я себѣ представить никогда не могла. Внезапно стемнѣло, море приняло темносвинцовый цвѣтъ, и вѣтеръ, какъ лютый врагъ, объявившій намъ безпощадную войну, сталъ ревѣть, рвать убираемые матросами паруса, тентъ, подъ которымъ мы только что пили чай, и подымать высокія волны, которыя, какъ горы, казалось, были готовы потопить нашъ корабль, но какъ то попадали подъ него и поднимали его вверхъ. Я помѣщалась въ узкой рубкѣ на палубѣ, отдѣленной стѣной отъ каюты Великой Княгини. Когда я запирала дверь, то была, какъ въ гробу, такъ какъ окна въ ней не было, поэтому я оставила ее открытой и наблюдала всю ночь, между приступами морской болѣзни, эту ужасную борьбу стихіи съ волею человѣка. Всѣ безусловно были больны и лежали, гдѣ только кто могъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня на палубѣ лежалъ почти безъ чувствъ монахъ, прикрытый парусомъ отъ заливающихъ волнъ. Капитанъ ходилъ взадъ и впередъ озабоченный и мрачный, половина команды только была въ состояніи работать, однако всю ночь перегружали нашъ огромный багажъ, такъ какъ онъ слишкомъ налегалъ на носъ корабля. Одинъ докторъ Чертораевъ, изъ нашей компаніи, былъ здоровъ и бодръ и замѣнялъ нянь при дѣтяхъ. Онъ прихо-

диль ко мнѣ и восклицалъ съ восхищеніемъ: Смотрите, какое великолѣпное зрѣлище. 36 часовъ свирѣпствовала буря—наконецъ, она утихла, и мы очутились близъ Гельсингфорса, уклонившись значительно отъ нашего пути. Такъ какъ мы вошли въ портъ, чтобы принять угля, то съ большимъ удовольствіемъ сошли на берегъ, чтобы прогуляться по улицамъ. На другой день, безъ новыхъ инцидентовъ мы пришли въ Кронштадтъ. Свиданье съ братьями было счастливой минутой. Борисъ успѣшно прошелъ первый курсъ Николаевской Военной Академіи и усердно занимался на второмъ. Мы поселились въ Ораніенбаумѣ, и снова началась обычная жизнь. Великая Княгиня Елена Павловна была въ своемъ Дворцѣ. Фредро пріѣхалъ, вечера устраивались, съ шарадами, *secrétaïr'*омъ и музыкой. M-lle Stube была въ послѣднемъ отношеніи огромнымъ приобрѣтеніемъ. Были также денные балы въ Знаменскомъ и Стрѣльненскомъ Дворцахъ. Однимъ словомъ, прежнее веселье возобновилось, но для меня эта суэта имѣла только видъ веселья—я болѣе интересовалась всѣмъ, что приходилось слышать по поводу упраздненія крѣпостной зависимости крестьянъ. Трудно выразить, съ какою страстностью я желала проведенія этой реформы.

8 Сентября былъ день совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Ему минуло 16 лѣтъ и поэтому былъ назначенъ большой выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Церемонія была торжественна и умирительна. Молодой и красивый Великій Князь произнесъ слова присяги сначала дрожащимъ отъ волне-

нія голосомъ, и чувствовалось его проникновеніе всей важностью своего великаго призванія. Императрица слѣдила съ слезами на глазахъ за словами, произносимыми своимъ возлюбленнымъ сыномъ, Ея гордостью, утѣшеніемъ, предметомъ Ея лучшихъ заботъ и стараній. Къ довершенію радостнаго чувства, въ этотъ день пришла вѣсть о побѣдѣ фельдмаршала Барятинскаго при Гунибѣ, со сдачею Шамиля и, какъ послѣдствіе этого событія,—покореніе Кавказа. Всѣ были въ приподнятомъ настроеніи и ожиданіе реформъ обѣщало въ будущемъ новую славу. Осенью дворъ переѣхалъ въ Гатчину, куда не возвращался со времени царствованія Государя Николая Павловича, когда получаемыя вѣсти изъ Крыма падали, какъ ударъ за ударомъ, на обитателей Дворца. Собраніе было особенно блестяще и велась роскошная *vie de Château*, на подобіе пребываній въ Компьенѣ. Мы были приглашены на двѣ недѣли. Огромный Дворецъ былъ весь наполненъ гостями. Всѣ Члены Царской фамиліи съ ихъ свитами и другіе избранные (*la crème de la crème*), всѣхъ около ста человѣкъ ежедневно, завтракали въ Арсенальной Залѣ за круглыми столами, во главѣ которыхъ возсѣдала одна изъ Великихъ Княгинь. Государь также присутствовалъ, но Императрица оставалась въ своихъ покояхъ до обѣда, который по тогдашнимъ обычаямъ былъ ранній, въ 5 часовъ. Утромъ и днемъ шли репетиціи разныхъ представленій, которыя готовились къ вечеру, то живыя картины, то комедіи и главнымъ образомъ разучивалась огромная шарада *Mésèque (mai-scène)*, въ которой

участвовали почти всѣ присутствующіе; и которая въ нѣсколькихъ дѣйствіяхъ проявляла весь геній изобрѣтательности графа Фредро и его соучастника пьяниста Леви, сочиняющаго музыку къ его тексту. Тѣ, кто не участвовалъ въ репетиціяхъ, катались, ѣздили на охоту или слѣдовали за ней верхомъ. Обѣдали съ Ихъ Величествами за большимъ столомъ, расположеннымъ покоемъ. Кромѣ живущихъ въ Дворцѣ лицъ, были постоянныя приглашенія изъ Петербурга на одинъ или нѣсколько дней. Въ субботу вечеромъ до понедѣльника пріѣзжалъ молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ со своимъ попечителемъ, строгимъ и внушительнымъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Послѣобѣденное время было непринужденно, и, обязательно, образовывались группы, завязывались флирты, изъ которыхъ нѣкоторые счастливо завершались.

Среди дѣвицъ была удивительно хороша собою Héléne Staal. Очень красиво одѣтая въ платья, которыя подарила ей Великая Княгиня Елена Павловна къ этому случаю, она сидѣла въ устроенныхъ въ залѣ легкихъ качеляхъ, которыя слегка покачивалъ канцлеръ князь Горчаковъ, большой поклонникъ ея красоты и ума. Она даже одно время съ нѣкоторымъ правомъ имѣла основаніе мечтать о блестящемъ для себя положеніи въ будущемъ.... но, какъ многія мечты, и эта не осуществилась. Всѣмъ было весело. Вечеромъ предлагалось всегда какое нибудь увеселеніе. Иногда въ Дворцовомъ театрѣ были представленія Итальянской оперы, французской или русской труппы, или

театръ былъ занятъ импровизаціями Фредро, въ которыхъ мы участвовали. Одна изъ наиболѣе удавшихся была серія картинъ, изображавшая всю поэму „Ундину“ съ аккомпаниментомъ прелестной музыки, соотвѣтствующей сюжету, и Олимпъ, гдѣ Великая Княгиня Александра Іосифовна была великолѣпно хороша въ античныхъ драпировкахъ и античной прическѣ, которую исполнилъ coiffeur ея подѣ личнымъ указаніемъ Великаго Князя. Иногда также бывали танцы и выписывались къ такимъ вечерамъ наши обычные кавалеры придворныхъ баловъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, я съ радостью приняла предложеніе Великой Княгини Екатерины Михайловны заниматься съ ней живописью подѣ руководствомъ профессора Неффа. Я еще прежде писала немного масляными красками и для меня было исключительнымъ случаемъ пользоваться совѣтами такого выдающагося преподавателя, каковъ былъ Неффъ. Наша мастерская была устроена въ нижней библіотекѣ покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича, — тамъ же черезъ нѣсколько времени начались уроки ваянія съ профессоромъ Пименовымъ, талантливымъ и необузданнымъ художникомъ, имѣющимъ много природнаго ума и мало воспитанія, протестующимъ, какъ протестуютъ всѣ русскіе люди, врагомъ всякой казенщины и возмущающимся всякимъ порядкомъ, при всемъ томъ чрезвычайно симпатичнымъ по своей непосредственности и безусловной искры генія. Великая Княгиня лѣпила бюстъ вакханки въ натуральную величину, который, вылитый изъ бронзы, украшаетъ теперь палисад-

никъ у Ораніенбаумскаго Китайскаго Дворца. M-lle Stube приходила въ открытомъ платьѣ, чтобы позировать для плечъ и шеи. Мои успѣхи въ скульптурѣ не были очень замѣтны; у меня глазъ вѣрнѣе для колорита, чѣмъ для формы, къ тому же я должна была прервать надолго мою начатую голову, и глина высохла и растрескалась, такъ что мои труды пропали. Hélène Staal присоединилась къ намъ, — она имѣла большія способности и вылѣпила очень хорошо въ уменьшенномъ видѣ статуетку Минервы, которую она подарила Князю Горчакову. Я пріѣзжала четыре раза въ недѣлю въ Михайловскій дворецъ къ этимъ занятіямъ, очень мнѣ привлекательнымъ. По окончаніи ихъ, я часто выѣзжала въ саняхъ съ Великой Княгиней, такъ какъ фрейлины у нея еще не было, и иногда читала съ нею вслухъ. Такъ начали мы только что появившійся въ Русскомъ Вѣстникѣ романъ „Отцы и Дѣти“. Когда я дошла до слова нигилистъ, Великая Княгиня меня остановила и спросила, это что значитъ? Я тоже не знала. Тогда она рѣшила, что это опечатка, и что должно быть написано Гегелистъ отъ имени Гегеля. Такъ нова была еще идея, впервые указанная и названная Тургеневымъ этимъ словомъ, получившимъ съ тѣхъ поръ такое широкое право гражданства. Почти всегда я заходила къ милой Княжнѣ Львовой, которую очень любила. Она была для меня такъ добра и успокоительно ласкова. Она умѣла понять мои настроенія и умѣрять кротко и участливо мою восторженность, къ какому бы полюсу она ни стремилась. Она собирала у

себя маленькое общество дамъ для совмѣстнаго шитья одежды бѣднымъ. Сама отличная рукодѣльница, она приготавливала работу и давала свои указанія. Въ это время сестра Крестовоздвиженской общины Варвара Ивановна Щедрина, объѣзжавшая бѣдныхъ, по порученію Великой Княгини, читала отчетъ о своихъ посѣщеніяхъ. Признаюсь, я дурно работала и брала домой начатую вещь, чтобы докончить ее съ помощью моей дѣвушки, и однообразная рецензія доброй сестры Щединой, въ которой мелькали постоянно слова: чердакъ, подвалъ, четверо дѣтей и проч., не представляя мнѣ никакой реальности, была только аккомпаниментомъ моихъ собственныхъ думъ, сдержанныхъ постояннымъ разнообразіемъ моей внѣшней жизни, но глубоко поселившихся на днѣ моей тревожной души. Единственный человѣкъ, съ которымъ я могла отвести душу, былъ мой братъ Борисъ. О! какъ я его любила и какъ сблизилась съ нимъ въ этотъ послѣдній годъ. Онъ былъ товарищемъ моего дѣтства; одно время наши пути разъединились, а въ эту зиму, такъ какъ онъ усиленно занимался, то оставался много дома, и мы проводили часто вечера вдвоемъ. Въ общемъ порядкѣ нашей жизни, каждый вечеръ, мы обязательно ѣздили къ бабушкѣ, это была повинность, которую мы несли не безъ внутренняго протеста; только придворные балы насъ от нея избавляли, такъ какъ они начинались рано, но когда Борисъ былъ дома, то, пользуясь моимъ правомъ неустановившагося здоровья, я испрашивала разрѣшеніе не выѣзжать. Онъ работалъ у своего письменнаго стола, а я сидѣла въ его

кабинетъ съ работой или книгой въ рукахъ. Онъ подсаживался ко мнѣ во время чая, и мы говорили весело, добродушно и искренне. Иногда я переписывала нѣкоторыя изъ его записокъ по военнымъ наукамъ. Когда онъ чертилъ карты, то просилъ меня играть на фортепіано и, слушая, посвистывалъ въ тонъ. Дверь въ гостиную, гдѣ стоялъ рояль, была отворена, и изъ-за письменнаго стола онъ назначалъ, что я должна играть. У него было рѣдкое сочетаніе разныхъ дарованій. Ему всего было 22 года, но умъ его былъ развитъ не по лѣтамъ. Онъ могъ давать моему отцу совѣты по дѣламъ и деликатно съ тактомъ умѣрять обостренность его отношеній къ бабушкѣ, заботясь о спокойствіи нашей матери, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ живой и веселый, какъ никто, *petri d'esprit*, какъ о немъ отзывались. Онъ имѣлъ пламенное сердце и твердую волю, уравновѣшивающую его гармоническую натуру, и былъ воплощеніемъ рыцарства и благородства. Когда онъ приходилъ домой изъ Академіи, его быстрые шаги раздавались въ коридорѣ вмѣстѣ съ бряцаніемъ палаша и онъ отворялъ мою дверь, то появленіе его, съ добрыми улыбающимися сѣрыми глазами и сверкающими ровными зубами, выглядывавшими изъ - подъ черныхъ усовъ,—было, какъ лучъ солнца, такимъ онъ былъ олицетвореніемъ бодрости, жизнерадостности, молодой силы. Будущность его могла бы быть блистательна. Его умственныя и нравственныя качества, его способности и культурность не могли не примѣниться съ пользою для службы родинѣ. Онъ былъ общимъ любимцемъ, репутація его была установлена,

какъ это рѣдко бываетъ въ такіе молодые годы, и живетъ до сихъ поръ безупречная въ воспоминаніяхъ знавшихъ его лицъ—доказательства чего я нерѣдко получаю и теперь.

Зимній сезонъ начался большимъ костюмированнымъ баломъ у Великой Княгини Елены Павловны. Этотъ балъ такъ интересно и живо описанъ Маркевичемъ въ его романъ „Переломъ“, что мало можно къ этому прибавить. Въ немъ характерно было то, что вмѣстѣ съ изяществомъ большого великосвѣтскаго праздника въ немъ отражались политическія настроенія, раздѣлявшія общество. Подъ маской многое можно было говорить, и секретъ во многихъ случаяхъ оставался неразгаданнымъ Государь самъ былъ въ домино и маскѣ, съ нимъ была группа точно такихъ же домино, точно такого же роста какъ онъ, такъ что невозможно было отгадать, подъ которымъ онъ скрывался; другая группа съ той же системой имѣла въ средѣ своей Великаго Князя Константина Николаевича и третья Наслѣдника. Кромѣ того было много дамъ—ихъ впрочемъ легко можно было отгадать по присутствію на балу мужей ихъ и по ихъ официальному отсутствію. Всѣ эти маски мелькали посреди группъ пьерро, арлекиновъ, коломбинъ, костюмовъ всякаго рода, между которыми выдѣлялось 12 дамъ, открывшихъ балъ процессіей четырехъ временъ года. Осень была очень эффектно представлена тремя высокими красавицами: Дуббельтъ (дочь Пушкина), изображающей *Les vendanges* и усѣянной виноградными гроздьями, Лукерьей Карловной Нарышкиной, представляющей охоту со шкурой

пантеры на изящныхъ плечахъ, и Княжной Александрой Сергѣевной Долгорукой съ осенними желтыми и красными листьями на платьѣ цвѣта легкаго тумана. Великія Княгини Александра Іосифовна и Екатерина Михайловна изображали зиму съ хлопьями снѣга изъ марабу на бѣлыхъ платьяхъ и брилліантовыми ледяными сосульками, а между тремя дамами, представляющими лѣто, выдѣлялась красивая Марья Николаевна Зубова, итальянка по матери, только что вышедшая замужъ, 18 лѣтъ, новая звѣзда на горизонтѣ Петербургскаго большого свѣта, такъ какъ она только что прибыла съ родины своей, Неаполя, и Михайловскій Дворецъ имѣлъ primeur ея дюбютовъ. Она была умна, естественна, живая, какъ дитя южнаго солнца.— Великая Княгиня говорила про нее: „La petite Zouboff réveillerait un mort“—и была окружена вниманіемъ умныхъ мужчинъ.

Тургеневъ давалъ ей уроки русскаго языка, баронъ Александръ Мейендорфъ руководилъ ея чтеніями. Государь любилъ бесѣдовать съ нею, и Его занималъ неожиданный и остроумный ея разговоръ. Мы ее знали еще въ Парижѣ, на курсахъ M-eur Rémy. Мужъ ея былъ товарищемъ моего брата по полку и по Военной Академіи. Не смотря на свою женитьбу, онъ продолжалъ приготовляться къ экзамену, и Борисъ бывалъ у нихъ часто, такъ какъ по нѣкоторымъ предметамъ они занимались вмѣстѣ. Чтобы не мѣшать имъ, она не входила въ комнату, гдѣ они работали, но, пріотворивъ немного дверь, выталкивала по полу къ нимъ апельсины и другія угощенія, которыя они подбирали.

Вечера въ Михайловскомъ Дворцѣ были особенно интересны. Всѣ выдающіеся люди этой эпохи, необыкновенно урожайной въ этомъ отношеніи, находили доступъ къ Великой Княгинѣ, поощреніе, возможность высказаться и, наконецъ, были приглашаемы на Ея четверги, гдѣ всегда бывалъ Государь съ Императрицей и гдѣ они могли быть представлены не официально, и гдѣ ихъ талантамъ не суждено было увянуть въ безъизвѣстности, или превратиться въ озлобленный протестъ. Вечера были многолюдны, и расположение комнатъ, какъ нельзя лучше, устраивало разнохарактерность ихъ элементовъ. Въ большой гостиной всегда была отличная музыка, инструментальная и вокальная, и кромѣ того былъ цѣлый лабиринтъ меньшихъ гостиныхъ, очень удобныхъ для разговоровъ всякаго рода, для болтовни молодежи, *petits jeux*, и даже танцевъ. Каждый выбиралъ, что ему было болѣе по сердцу. Умы обострялись въ интеллектуальной атмосферѣ этихъ собраний, и настроенное общество теряло банальный характеръ обыкновенныхъ свѣтскихъ агломераций. Великая Княгиня видѣла всѣхъ, удивительнымъ чутьемъ своимъ опредѣляла оцѣнку каждаго посѣтителя и умѣла отгадывать, что кроется подъ застѣнчивой оболочкой ослѣпленнаго въ первый разъ видѣннымъ величіемъ скромнаго ученаго. Но далеко не все высшее Петербургское общество раздѣляло этотъ взглядъ. Оппозиція противъ нея была громадная. Говорили, что она ведетъ Россію къ гибели и что окружаетъ Государя красными. Особенно возставали противъ поддерживаемаго Ею и Кон-

стантиномъ Николаевичемъ проекта освобожденія крестьянъ съ землею. Усматривали въ этой мѣрѣ колебаніе основъ Государства и расшатываніе понятій собственности. Противъ Великаго Князя раздраженіе было особенно велико. Правда, что рѣзкость его сужденій о дворянствѣ и презрѣніе, которое онъ постоянно высказывалъ этому сословію, не могли располагать къ нему сердца знати. Сила его была большая въ это время, но, не смотря на то, негодованіе высказывалось очень явно. Великая Княгиня знала о недоброжелательности большей части общества, и, проникнутая желаніемъ добра, Она была уязвлена такимъ отношеніемъ къ ней. По этому, въ одномъ случаѣ, Она не сумѣла сдержать себя. На одинъ изъ своихъ вечеровъ Она между прочими пригласила графиню Софью Львовну Шувалову и Княгиню Паскевичъ. Оба мужа этихъ дамъ были ея политическими противниками. Онѣ не явились на приглашеніе и демонстративно поѣхали въ театръ, чтобы подчеркнуть намѣренность своего отсутствія. Узнавъ о томъ, Великая Княгиня должна была бы оставить эту выходку безъ вниманія, но Она поручила Княжнѣ Львовой потребовать отъ нихъ объясненія. Княжна читала свое письмо моей матери въ моемъ присутствіи. Она писала, что, не видя ихъ именъ въ числѣ отказавшихся по разнымъ причинамъ лицъ, Ея Высочество сомнѣвается, дошло ли до нихъ Ея приглашеніе? и проч. Графиня Шувалова отвѣтила коротенькой запиской съ упоминаніемъ о легкомъ нездоровьи. Княгиня же Паскевичъ отвѣтила только, что приглашеніе она получила. Тогда

Княжка Львова вторично ей написала, что, по принятымъ обычаямъ, лица, получающія приглашеніе отъ Высочайшихъ Особъ, должны или явиться, или предупредить о своемъ отсутствіи. На это Княгиня Паскевичъ иронически отвѣтила, что она благодаритъ Княжну Львову за довершеніе ея воспитанія, но что теперь она считаетъ эту задачу исполненной и потому проситъ Княжну болѣе ей не писать. Объ этомъ эпизодѣ очень много говорилось въ свѣтѣ, и хотя Княгиня Паскевичъ была кругомъ не права, но по тогдашнему настроенію она считалась побѣдительницей въ этомъ маленькомъ конфликтѣ.

Баловъ въ этотъ сезонъ было особенно много. Бывали маленькіе интимные танцы для молодого Наслѣдника. Императрица все время слѣдила за нимъ съ видимою любовью. Разъ, во время мазурки, которую мы танцевали вмѣстѣ, онъ только что продѣлалъ фигуру и усаживался возлѣ меня, какъ Императрица подозвала Его.—Вернувшись, Великій Князь сказалъ мнѣ: “Мама сдѣлала мнѣ замѣчаніе,—я долженъ былъ сдѣлать полный туръ съ моею дамой, а я, до окончаніи тура, привелъ ее къ ея мѣсту“. Такъ внимательно Государыня слѣдила за каждымъ мелочами, касавшимися Ея возлюбленнаго Сына. Съ моими обычными кавалерами мы главнымъ образомъ говорили о литературѣ. „Отцы и дѣти“ мнѣ не позволили докончить, но я восторгалась „Дворянскимъ Гнѣздомъ“, „Записками Охотника“, „Дѣтствомъ и Отрочествомъ“ графа Толстого и только что появившимся „Обломовымъ“. Мы горячо разбирали эти произведенія и спорили по поводу ихъ. Въ

то время кипящіе жизнью, даже бальные кавалеры были литературны. Я тоже читала съ увлеченіемъ критики Бѣлинскаго; не соглашаясь съ нимъ во всемъ, я крайне интересовалась его сужденіями и направленіемъ. Дневникъ свой я совсѣмъ прекратила, но, взявъ его, начала писать романъ на французскомъ языкѣ. Онъ былъ у меня весь обдуманъ и раздѣленъ на главы,—и я уже написала нѣсколько главъ въ ихъ окончательномъ видѣ. Онъ остался у меня неоконченнымъ; нынѣшнимъ лѣтомъ, перебирая мои старыя бумаги, я нашла его. Все мое давнее прошлое воскресло предо мною, какъ живое и мое чувство было похоже, по выраженію графа Соллогуба, на воспоминаніе о шутиломъ другѣ надъ его могилой. Въ Михайловскомъ Дворцѣ, кромѣ политическихъ вечеровъ, устраивались по прежнему комедіи и живыя картины. Борисъ принималъ въ нихъ участіе съ нами, хотя свѣтскіе выѣзды его утомляли при его усиленныхъ занятіяхъ. По возвращеніи домой, онъ нерѣдко проводилъ ночи надъ своими книгами. Въ послѣднемъ изъ такихъ вечеровъ, какъ намъ передавали впослѣдствіи бывшіе съ нимъ товарищи,—переодѣваясь, онъ выставялъ свою широкую здоровую грудь, говоря при томъ весело: „*Avec une poitrine, comme cela on ne meurt pas des poumons.*“ Увы, ... не прошло мѣсяца, какъ онъ умеръ и именно отъ легкихъ, получивъ крупозное воспаленіе, быстро развившееся въ его молодомъ организмѣ, не ослабленномъ никакими излишествами. Эта смерть произвела переломъ въ жизни каждого изъ насъ—по

выраженію моего отца: „elle nous a retournés comme un gant“.

Оставивъ Великую Княгиню Марію Николаевну въ Парижѣ, откуда она отбыла на зиму въ Ниццу къ своей Августѣйшей матери Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, мой отецъ пріѣхалъ сначала въ Петербургъ, а потомъ уѣхалъ въ свое Тверское имѣніе. Тамъ онъ заболѣлъ перемежающейся лихорадкой. Вслѣдствіе преувеличенныхъ извѣстій объ его болѣзни, привезенныхъ внезапно однимъ другомъ нашего дома, Борисъ рѣшилъ немедленно ѣхать къ нему. Это случилось въ четвергъ вечеромъ на 3-й недѣлѣ поста, когда мы собирались ѣхать, по обыкновенію, въ Михайловскій Дворецъ, Мама, понятно, осталась дома и послала меня съ сестрой во Дворецъ, чтобы объяснить причину ея отсутствія, а Борисъ сейчасъ же отправился по начальству, чтобы получить отпускъ и уѣхать на слѣдующее утро. Помню, какое тяжелое предчувствіе давило сердце моей матери, когда мы провожали Бориса. Она, привыкшая, какъ никто, владѣть собой, горько плакала, повторяя: „Il me semble que je l'ai envoyé à la mort.“

Дней черезъ десять онъ вернулся, повидимому, здоровый, хотя жаловался на простуду. Вѣсти привезъ онъ хорошія. Отецъ нашъ поправлялся и готовился пріѣхать черезъ нѣсколько дней. Съ души нашей отлегло. Мы говѣли и на слѣдующій день причащались съ благодарнымъ и мирнымъ сердцемъ. Былъ ясный, солнечный, но морозный съ вѣтромъ день. По всей вероятности, Борисъ довершилъ

свою простуду; вечеромъ у него былъ страшный ознобъ, и бывший у него другъ его Рюминъ не позволилъ ему выйти, какъ онъ предполагалъ, но положилъ его въ постель. Съ этого момента начались для насъ, къ несчастью, извѣстные многимъ, тяжелые дни, когда душой овладѣваетъ сперва неясная тревога, и вдругъ, какъ зловѣщій блескъ молніи, проносится мысль о возможности непостижимой еще смерти,—когда все существо борется съ этимъ ужаснымъ призракомъ, когда хватаешься за все естественное и сверхъестественное, чтобы удалить его призракъ, когда сердце разрывается отъ жалости къ страдающему и содрогается отъ неумолимости того, чего не хочешь видѣть и не хочешь принять! И такое горе переживаешь, потому что наше хрупкое тѣло имѣетъ неисчерпаемую способность къ страданью. Въ другомъ моемъ очеркѣ я написала день за днемъ, часъ за часомъ всю послѣдовательность этого скорбнаго пути, пройденнаго умирающимъ и оставленными имъ на землѣ. Эти воспоминанія для меня священные, ни одна черта не забыта, но о нихъ могу говорить только въ молитвѣ или съ молитвой. Въ началѣ, но когда болѣзнь принимала уже серьезный характеръ, онъ сказалъ докторамъ: „Когда мнѣ будетъ худо, скажите мнѣ, потому что я хочу умереть какъ христіанинъ.“ Такой моментъ насталъ. Его напутствовалъ нашъ духовникъ, отецъ Василій Шишовъ, глубоко религіозный человѣкъ, не обладающій разносторонностью ума и ученостью Васильева или Янышева, но духовная жизнь его была сильна—онъ не могъ служить обѣдни безъ слезъ.

Мама и вѣрный другъ моего брата, Рюминъ, проводили у него всѣ ночи, раздѣляя между собою часы; намъ не позволяли дежурить ночью, но мы сидѣли у него днемъ. 26 Марта въ 1 часть дня въ Субботу, посвященную церковью Воскресенію Лазаря, его не стало. Онъ умеръ въ тихомъ снѣ, безъ агоніи, безъ тѣхъ страданій, которыя измучили его въ предшествующіе дни. Объ этой минутѣ говорить не буду. Впечатлѣніе о ней осталось живымъ, не смотря на 46 пройденныхъ съ тѣхъ поръ лѣтъ, и останется такимъ же до послѣдняго дня моей жизни.

Итакъ, вотъ она смерть въ ея ужасной реальности. Я всматривалась въ это красивое лицо, важное и неподвижное, на эту форму, облеченную въ бѣлый кавалергардскій мундиръ, на эти скрещенныя безцвѣтныя руки—и думала: „Неужели это мой Борисъ, который такъ недавно еще, входя въ мою комнату, казалось, приносилъ съ собою, какъ солнце, теплоту и жизнь“. Болѣе чѣмъ когда либо меня мучилъ вопросъ: Что видишь, другъ? О Господи! открой мнѣ тайны загробнаго міра. Гдѣ его душа? Мы были окружены друзьями, сочувствующими нашему горю. Они, дѣйствительно, помогли намъ—они какъ бы носили насъ въ продолженіе первыхъ ужасныхъ дней. Всѣ хвалили Бориса, всѣ рассказывали объ его достоинствахъ и говорили, что добродѣтели его заслужили ему вѣчную жизнь. Но эти разсужденія меня не убѣждали. Конечно, моя неизмѣримая любовь къ нему сознавала, что тотъ, которого О. Васильевъ назвалъ въ письмѣ своемъ

лучшимъ изъ его духовныхъ дѣтей, былъ одинъ изъ лучшихъ сыновей міра сего, но предъ абсолютной чистотой Лица Божія что значить человѣческая относительная добродѣтель? Говорили также, что за него надо молиться. Значить ли это то, что онъ страдаетъ? Есть ли въ самомъ дѣлѣ чистилище, какъ учить Римская церковь? Въ такомъ случаѣ надо молиться непрерывно, и я молилась днемъ и ночью, до изнеможенія до того, что я съ отчаяніемъ замѣчала что моя молитва становится сплошнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ.

Я читала все, что могла читать по этому поводу. Отъ писемъ Святогорца я содрогалась, и они меня возмущали—видѣніе праведной Музы, переходящей чрезъ мытарства и откупающейся отъ нихъ запасомъ молитвъ Св. Василія, меня также не удовлетворяло. Почему молитвы Св. Василія имѣли такое дѣйствіе, а не жертвоприношеніе на Голгофѣ? Я бродила во тьмѣ моего глубокаго безутѣшнаго горя. Наконецъ, я нашла на книжку Женевскаго Пастора Бридель, подъ заглавленіемъ: „*Les sept paroles du Christ sur la Croix*“. Можетъ быть почва моей души была достаточно подготовлена, можетъ быть, дѣйствительно въ этихъ разсужденіяхъ была необычайная сила, не могу судить, такъ какъ, несмотря на мои старанья, никогда не удалось найти этой книги потомъ; другія же произведенія того же автора показались мнѣ заурядными,—но при чтеніи ея, я постепенно проникалась духомъ великой тайны искупленія, а при послѣднемъ словѣ—„Совершилось“—все мнѣ стало яснымъ и я испытала

такое внутреннее озареніе, что потоки радостныхъ благодарныхъ слезъ облегчили, наконецъ, мое наболѣвшее сердце.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, точно пелена спала съ моихъ глазъ, и я поняла сколько эгоизма было въ мечтаніяхъ, наполнявшихъ всю мою жизнь, и которыя вращались исключительно вокругъ моего личнаго счастья. Личное счастье! Земное! Стоитъ ли о томъ думать! Въ силу сознанной вдругъ Отеческой Божіей любви меня охватило чувство братства со всѣмъ человѣчествомъ. Всѣ эти обездоленные, которыхъ я не замѣчала, всѣ эти чердаки и подвалы, наполненные существами, о которыхъ читала сестра Щедрина и которые стояли такъ далеко отъ меня, получили вдругъ для меня удивительную близость. Несмотря на тяжелую земную утрату, я была счастлива, и мое здоровье даже стало лучше.

Мы провели все лѣто въ деревнѣ, съ нами былъ другъ моего брата, Рюминъ, раздѣлявшій одинаково съ нами наше горе. Мои родители любили его, какъ сына, и онъ былъ близокъ къ намъ, какъ братъ. Все лѣто прошло въ этомъ приподнятомъ состояніи, о которомъ упоминаю въ двухъ словахъ, хотя по разнообразности, интенсивности, богатству откровеній, сопровождавшихъ его, я могла бы распространяться безъ конца. Я могла сказать, какъ Іовъ сказалъ Богу къ концу его испытаній: „Я слышалъ о тебѣ моими ушами, но теперь мои очи Тебя узрѣли.“

Въ этомъ году былъ первый походъ Гарибальди въ Неаполитанское Королевство и побѣда его; но я ничего объ этомъ не знала.— Никакое изъ политическихъ событій меня не интересовало. Одно, чего я желала безпредѣльно, это освобожденія крестьянъ и чтобы имъ дали все, чего они хотѣли, и какъ можно больше.

Когда мы вернулись въ Петербургъ осенью, Императрица Александра Ѳеодоровна умерла. 20 Октября, окруженная всѣмъ Августѣйшимъ Семействомъ, Государыня скончалась въ Царскомъ Селѣ. При похоронахъ были тѣ же Кавалергарды, какъ при выносѣ и отпѣваніи Бориса, и та же полковая музыка, игравшая ихъ маршъ, такъ хорошо мнѣ извѣстный. Гробъ былъ принесенъ въ крѣпость и установленъ на катафалкѣ, согласно церемоніалу, и тотчасъ же начались панихиды и дежурства. На мое дежурство мнѣ пришлось остаться почти всю ночь въ Петропавловскомъ Соборѣ, такъ какъ, отдежуривъ свои часы отъ 12 до 2 ночи, я должна была замѣнить отсутствующую почему то фрейлину отъ 4 до 6 утра. Было очень торжественно и внушительно. Соборъ весь былъ въ полумракѣ. Высокія восковыя свѣчи освѣщали исхудавшія черты Государыни, достигшей тихаго пристанища послѣ многихъ буръ житейскихъ, свойственныхъ прочему человѣчеству. Царская мантия, падающая съ гроба и лежащая у подножія его, мнѣ казалась символомъ тщеты и призрачности всякаго величія мірскаго предъ единственною реальностью смерти. При тишинѣ безмолвнаго дежурства раздавался ме-

длѣнный голосъ священника, непрерывно читающаго Евангеліе, изрекающаго слова жизни и призывающаго сердца къ отрѣшенію отъ видимаго къ созерцанію вѣчнаго. Всю ночь, особенно подъ утро, народъ приходилъ чтобы, поклониться праху усопшей Царицы. Утромъ, грандіозное впечатлѣніе ночи смѣнилось другимъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ. Явились камеръ-фрау и парикмахеръ и стали приводить въ порядокъ туалетъ и прическу Ея Величества. Было что то странное въ этомъ убираніи мертваго тѣла. Что дѣлать? Внѣшняя жизнь брала свое и торжественная погребальная mise en scène должна была быть безукоризненно величавой.

Съ большою радостью мы опять встрѣтились съ нашими милыми принцессами. Въ прошедшемъ году въ Ниццѣ Марія Максимиліановна тѣсно сдружилась съ княжной Мещерской, бывшей у Императрицы; кромѣ того, тамъ же она сблизилась съ нѣсколькими дѣвичествомъ, получившими собирательное прозваніе „Шайки“. Хотя онѣ всѣ были намъ хорошо знакомы, но наше настроеніе не подходило къ характеру этихъ дѣвическихъ собраній съ ихъ молодымъ хихиканьемъ, и мы не являлись на нихъ и предпочитали проводить съ Маріей Максимиліановной тихіе вечера въ задушевныхъ разговорахъ или за чтеніемъ. Придворный трауръ остановилъ на зиму свѣтскую жизнь, однако были небольшіе вечера, отъ которыхъ мы отказывались. Великая Княгиня Елена Павловна сказала мнѣ однажды: „Vous ne voulez pas aller dans le monde?“, я отвѣтила:

„Non, Madame.“ — „Pourquoi?“ Я объяснила: „Alors vous préférez n'être pas invitée?“ „Oui, Madame, si Votre Altesse le veut bien.“ — „Fort bien, je ne vous inviterai pas à mes petits jours“.

И я благодарила Великую Княгиню и потомъ съ улыбкой подумала, что предметъ моей благодарности долженъ былъ казаться ей необычайнымъ. Нерѣдко Марія Максимиліановна намъ говорила: „Maman vous fait dire que nous aurons du monde tel jour—les portes vous sont ouvertes, mais vous pouvez faire comme vous voulez“. Взамѣнъ рѣшительно изгнанныхъ танцевъ, въ этомъ году выдумали кататься на конькахъ, что тогда было новизной въ обществѣ. Катокъ былъ устроенъ въ садикѣ Маріинскаго Дворца, и Великая Княгиня Александра Іосифовна сочинила и нарисовала форму мѣховыхъ шапочекъ, тогда еще не существовавшихъ и получившихъ съ тѣхъ поръ такое всеобщее распространеніе. На катокъ пріѣзжали тоже молодые Великіе Князья, сыновья Государя. Потомъ это удовольствіе было перенесено въ Таврическій садъ, который сдѣлался самымъ моднымъ сборищемъ въ Петербургѣ. Князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій („Гражданинъ“) сочинилъ довольно милую поэму Тавріаду, гдѣ удачно описалъ большинство лицъ. По моему, у него творческаго таланта немного, но онъ воспроизводитъ внѣшность своихъ героевъ съ удивительною наблюдательностью, и они всегда похожи. Бывало, послѣ вечера, начатаго у Маріи Максимиліановны, мы въ 11 час. подымались въ гостиную Великой Княгини, кото-

рая сидѣла за карточнымъ столомъ со своею партією. Одновременно появлялись Николай Максимиліановичъ со своими двумя друзьями Мещерскимъ и Горчаковымъ „Красой Черниговскихъ Князей“, какъ назвалъ его первый въ своей Тавріадѣ. Мы шестеро разговаривали за особымъ столомъ, пока Великая Княгиня оканчивала свою партію, потомъ насъ собиралъ общій ужинъ. Такіе вечера, впрочемъ, были лишь въ слѣдующемъ году. Я продолжала заниматься живописью съ Великой Княгиней Екатериной Михайловной, но музыку я на время оставила. Она слишкомъ долго служила проводникомъ моихъ призраковъ счастья и будила во мнѣ зарытыя въ могилѣ мечты. Стихотворство тоже оставила. Что у меня оставалось поэзіи, то выражалось какимъ то настроеніемъ, похожимъ на непрерывный гимнъ, общимъ фономъ моей сократившейся внѣшней жизни. Всѣ мои книги, поэмы, романы я заперла далеко. Я восхищалась поэзіей псалмовъ. Моя прабабушка, дочь Царей Грузинскихъ, говорила: „Je crois que j'aime tous les Psaumes parce que je descends du roi David.“ Такая генеалогическая оцѣнка мнѣ не приходила на умъ, но я находила въ псалмахъ выраженіе стремленій моей собственной души и дивилась общности человѣческихъ чувствъ всѣхъ временъ и народовъ. Я читала съ большимъ вниманіемъ аскетическія книги древнихъ отцовъ—всѣ книги Іоанна Златоуста по два раза, даже его толкованія на посланія Апостола Павла къ Римлянамъ и Коринѣянамъ, такъ какъ они были трудно понимаемы. Мое духовное развитіе было чисто въ православ-

номъ направленіи. Я также поняла и полюбила обрядовую сторону, которою до сихъ поръ пренебрегала. Моя мать переносила свое горе съ глубокой вѣрой и христіанскимъ смиреніемъ, но сердце ея было разбито. Она всегда говорила, что жизнь ея дѣлится на двѣ части: до смерти Бориса и послѣ нея. Я старалась сблизиться съ ней и достигла своей цѣли. Мой отецъ не имѣлъ того же утѣшенія. Его горячая душа была по природѣ религіозная, т. е. способная къ воспріятію религіозныхъ истинъ, но опредѣленности въ этой области, устойчивости онъ не имѣлъ. Его умъ переходилъ чрезъ всевозможныя философскія системы и религіозныя понятія, не удовлетворяясь ничѣмъ. Одно время онъ увлекался спиритизмомъ, что я считала опаснымъ, потому что спиритизмъ разрушаетъ по моему краеугольный камень нашей вѣры, т. е. спасеніе черезъ искупленіе, и сводитъ дѣло, совершенное Спасителемъ на землѣ, къ учительству и къ подаванію намъ образца къ подражанію. Я имѣла счастье видѣть его перешедшимъ всѣмъ сердцемъ къ ученію церкви и, такъ какъ онъ сталъ изучать богослуженіе наше, то я переводила для него на русскій языкъ всѣ пѣснопѣнія и молитвы, которыя онъ трудно понималъ на славянскомъ языкѣ.

Политическая жизнь кипѣла между тѣмъ. Не могу выразить торжественной радости, которую я испытала въ великій день 19 Февраля. Мы были, какъ всегда, у обѣдни въ Михайловскомъ Дворцѣ. Великая Княгиня сіяла счастьемъ. Вся наша семья была единомушна въ

этомъ чувствѣ. Не смотря на отдаленность, на ужасное состояніе дорогъ, на свое личное горе и нездоровье, мой отецъ поспѣшилъ уѣхать въ свое Тверское имѣніе, чтобы самому объявить своимъ крестьянамъ о постигшей ихъ великой милости. Онъ собралъ ихъ въ своемъ домѣ и прочиталъ имъ Высочайшій Манифестъ, съ радостнымъ волненіемъ, со слезами счастья и благодарности. Впослѣдствіи, онъ чрезвычайно мудро и широко отдѣлилъ имъ ихъ надѣльныя земли, безъ всякаго эгоистическаго расчета на удержаніе ихъ въ своей зависимости, и мы до сихъ поръ пользуемся хорошими отношеніями, которыя такой образъ дѣйствій установилъ между нами и бывшими нашими крестьянами.

У Великой Княгини Екатерины Михайловны была тогда новая фрейлина красивая финляндка Alma Kothén. Мы встрѣчались съ нею еще въ Римѣ, а черезъ годъ, когда она пріѣхала въ Петербургъ съ Авророй Карловной Карамзиной, она была назначена фрейлиной. Она была граціозна и изящна, представляя собой поэтическій типъ героинь скандинавскихъ легендъ, очень культурная, взлелѣянная баловствомъ всѣхъ окружающихъ ее и безмѣрною любовью своего отца (матери она лишилась въ раннемъ дѣтствѣ).

Россія и придворная жизнь ей были не знакомы, и по существу не симпатичны, но доброе сердце ея привязалось къ встрѣчен- нымъ ею въ этомъ мірѣ лицамъ, и мы съ ней искренно подружились. Въ ней были симпатичны ея идеальность и неподдѣльная поэзія, въ которой она витала и которая отдѣляла ее

отъ свѣтскихъ мелочей и пошлостей. Высокая, гибкая, бѣлокурая, со свѣжимъ цвѣтомъ лица, всегда безукоризненно одѣтая, вдумчивая, но безъ всякой страсти, она плѣняла всѣхъ, кто съ ней встрѣчался. Великая Княгиня Марія Николаевна проводила лѣто на Сергіевской своей дачѣ, мы видѣлись постоянно съ принцессами, и тамъ Альму тоже очень полюбили. Въ Ораніенбаумѣ гостилъ въ то время другъ и товарищъ герцога Мекленбургскаго Oertzen, владѣтель прекраснаго имѣнія Kittendorf, въ сосѣдствѣ Ремплина. Онъ также восхищался Альмой, которая смотрѣла на него, какъ на старика, хотя ему, въ сущности, было не много болѣе сорока лѣтъ. Онъ служилъ ей шаперономъ, когда она ѣздила верхомъ съ другими кавалерами. Великая Княгиня не разрѣшала ей такихъ поѣздокъ иначе, какъ въ сопровожденіи Oertzen'а. Каково же было наше удивленіе, когда онъ самъ объяснился ей въ любви, прося ея руки. Она колебалась, но тронутая его чувствомъ, и, подъ вліяніемъ отца, согласилась выйти за него замужъ, что привело въ негодованіе принцессъ, и мы всѣ жалѣли о ней. Однако, этотъ бракъ оказался очень счастливымъ. Онъ сумѣлъ понять ее и устроить ея жизнь согласно ея вкусамъ, разнообразя ея поѣздками за границу и обществомъ интеллигентныхъ лицъ, которыхъ онъ приглашалъ въ свой замокъ. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались уже съ Альмой. Сначала мы переписывались, она обладала особеннымъ литературнымъ талантомъ въ этомъ родѣ, но наши интересы такъ разъединились, и наша русская

жизнь такъ была серьезна и полна жгучихъ вопросовъ, что врядъ ли оказалось бы возможнымъ поддерживать долго чисто отвлеченную переписку. Я могла встрѣтить ее въ Италіи годъ тому назадъ, но, зная, какъ она страстно относится къ Финляндскому вопросу, я предпочла не подвергаться неминуемому разочарованію, которое бы испытывала въ бесѣдѣ съ ней, и сохранить въ моемъ воспоминаніи образъ красивой, поэтической Альмы, какой она мнѣ представляется въ эти далекіе дни.

Жизнь въ Ораніенбаумѣ текла по-прежнему. Въ началѣ лѣта обычное движеніе затормозилось рожденіемъ маленькой принцессы Маріи, а потомъ я была отдѣлена отъ всего, такъ какъ заболѣла скарлатиной. Моя мать раздѣлила послѣдующее засимъ мое заключеніе. Къ счастью, никто не заразился и, послѣ перваго тяжелаго времени, наше уединеніе въ пустомъ большомъ Ораніенбаумскомъ Дворцѣ было даже не безъ пріятности. По возвращеніи нашемъ въ общество въ Августѣ, мы застали еще полное оживленіе. Съ обитателями Сергіевскаго устраивались шарады *Chant-paître* (*champêtre*), *pas-rat-bol* (*parabole*). 2-й слогъ первой представлялъ ночное пастбище овецъ съ Oertzen'омъ въ качествѣ пастуха, а Альма, освѣщенная яркимъ свѣтомъ, являлась въ облакахъ, изображая *l'Etoile du Berger*. Эта картина была очень эффектна. Во второй шарадѣ главное участіе принялъ Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ. Въ *pas* онъ представлялъ танцмейстера, а въ *rat* вмѣстѣ съ Княземъ Мещер-

скимъ разыгрывалъ басню Lafontaine—le rat de ville et le rat de champs.

Потомъ мы уѣхали въ Степановское, гдѣ остались до глубокой осени. Намъ было хорошо, потому что не было разлада между внѣшней свѣтскостью и нашимъ настроеніемъ. Мы занимались съ сестрой нашей школой; начали собирать дворовыхъ дѣтей и сами учить ихъ. Мы сблизились съ нашими ближайшими сосѣдями семействомъ Ремеръ и владѣльцами большого имѣнія Лотошина, Мещерскими. Къ послѣднимъ пріѣхала сестра Княгини Екатерины Васильевны Потапова. Мужъ ея только что былъ назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и они переѣхали изъ Варшавы въ Петербургъ. Она только что провела нѣсколько дней въ Гатчинѣ, гдѣ возобновилось блестящее осеннее пребываніе, подобное тому, на которомъ мы присутствовали два года тому назадъ. Она рассказывала намъ эпизоды изъ этого знакомаго намъ волшебнаго мірка. Екатерина Васильевна была олицетворенная доброта и милосердіе, и я съ ней коротко сблизилась со слѣдующей зимы. По возвращеніи нашемъ въ городъ, я стала искать реальной почвы для моей религіозности. Вся моя приподнятость, навѣянная моими чтеніями и размышленіями, требовала воплощенія въ жизни. Сравнительная роскошь, въ которой я жила, была для меня какъ бы укоромъ. Въ первый разъ, на почвѣ христіанства, предстали передо мной социальныя вопросы. Почему такое неравенство между дѣтьми одного Отца Небеснаго? Почему, я, напримѣръ, окружена попеченіемъ и обережена отъ всякаго

рода опасностей, а столько дѣтей рождаются въ нищетѣ и самими условіями своей жизни обрекаются на гибель физическую и нравственную, не имѣя возможности развить свою душу и познать Бога? Слѣдуетъ ли буквально раздать все свое имущество? Уменьшится ли отъ этого на одну сотую сумма зла въ мірѣ? и имѣютъ ли родители право лишать своихъ дѣтей наслѣдства, полученнаго отъ предковъ, и той культуры и воспитанія, которые только возможны при обеспеченности матеріальной? Мнѣ не съ кѣмъ было говорить о волнующихъ меня вопросахъ, и я ихъ перерабатывала, какъ умѣла сама. Одно мнѣ было ясно, то, что я должна была отрѣшиться отъ себя, т. е. отъ удовлетворенія своихъ эгоистическихъ желаній, и посвятить себя служенію Богу въ лицѣ моихъ ближнихъ. Первымъ дѣломъ мнѣ нужно было непосредственное соприкосновеніе съ этимъ міромъ страждущихъ, въ отношеніи которыхъ я чувствовала себя виноватой. Мнѣ помогъ въ этомъ умный и живой молодой священникъ о. Александръ Гумилевскій. Какъ всѣ живые люди, у насъ онъ былъ въ загонѣ и въ борьбѣ со своимъ начальствомъ;—но хотя его кипучая дѣятельность была кратковременна (онъ умеръ въ молодыхъ годахъ), онъ сумѣлъ создать въ своемъ приходѣ на Пескахъ первое приходское благотворительное общество, по типу котораго развились всѣ наши церковно-благотворительныя общества, одно изъ лучшихъ учрежденій столицы, которое несомнѣнно будетъ имѣть большое значеніе, разъ церковь и приходъ оживятся новымъ духомъ. Онъ задумалъ возоб-

новить существовавшее въ первыхъ вѣкахъ христіанства учрежденіе дьякониссъ, выбирая ихъ изъ женщинъ всякаго сословія, не связанныхъ монашескими обѣтами, остающихся въ своихъ семьяхъ, но посвящающихъ себя на служеніе и помощь бѣднымъ. Такихъ дьякониссъ уже у него было нѣсколько изъ числа его же прихожанокъ. Я случайно его встрѣтила у Татьяны Борисовны Потемкиной и все, что услышала отъ него, было мнѣ крайне симпатично. На другой день я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что почувствовалъ искренность въ моихъ стремленіяхъ „къ добродѣланію“ и что, на случай, если я, дѣйствительно, хочу работать на нивѣ Господней, то посылаетъ мнѣ адресъ, гдѣ я найду, что дѣлать. „Но не передавайте“— писалъ онъ,—„вашихъ денегъ чрезъ лакея, а выйдите изъ кареты, какъ Самарянинъ слѣзъ съ осла, и лично предложите Вашу помощь. Будьте православной дьякониссой“, заключилъ онъ. Это письмо принесла мнѣ одна изъ его дьякониссъ, скромная и кроткая дѣвушка, на видъ мѣщанка, одѣтая въ черное платье, съ черной косынкой на головѣ. Она мнѣ сказала, что живетъ съ матерью и работаетъ, но находитъ время для служенія бѣднымъ, идетъ, куда батюшка ей укажетъ, и что обрядъ посвященія ея состоялъ въ молитвѣ съ ней и о ней батюшки съ чтеніемъ Евангелія надъ ея склоненной головой. Письмо Гумилевскаго меня тронуло, и я на слѣдующее утро отправилась пѣшкомъ по указанному адресу. Меня сопровождала наша неоцѣненная Coussette, добрая, набожная, принимающая участіе во всемъ, что

насть касалось, никогда не отказывавшая намъ ни въ чемъ. Мы вошли въ подвалъ, полный углами—я въ первый разъ узнала, что это слово изображаетъ. Кромѣ старухи Настасьи, о которой писалъ мнѣ Гумилевскій, было много другого народа, которые сперва съ любопытствомъ оглядѣли оставшихся на всегда неизвѣстными имъ посѣтительницъ, а потомъ привыкли къ нимъ и даже, какъ мнѣ казалось, полюбили ихъ.

Съ Екатериной Васильевной Потаповой я ѣздила два раза въ недѣлю по Вторникамъ и Пятницамъ въ Таврическую школу, гдѣ преподавали добровольные учителя. Она имѣла одинъ классъ, а я другой. Кажется, что эту школу основалъ и ею руководилъ Баронъ Михаилъ Осиповичъ Косинскій, ярый филантропъ, котораго я встрѣчала у г-жи Потаповой. Она имѣла огромную дѣятельность и видѣла массу разнородныхъ людей. Это первое движеніе 60-хъ годовъ, чуждое еще политической окраски и проникнутое искреннею любовью къ меньшей братіи, было мнѣ очень симпатично и я примкнула къ нему всѣмъ сердцемъ. Я также бѣгала въ Крестовоздвиженскую общину и подружилась съ сестрами, докторами и священникомъ. Я чувствовала себя такой мизерной въ сравненіи съ этими постоянными тружениками и смирялась въ душѣ предъ всѣми и также предъ рабочими, которые приходили въ амбулаторію, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою грустную эпопею. Здѣсь я встрѣчала Баронессу Раденъ, которая часто пріѣзжала въ общину и оставалась иногда по ночамъ, чтобы дать возможность отдохнуть сестрамъ. Никто, кромѣ

моей матери, не зная о моихъ походахъ. Мой отецъ запретилъ бы ихъ, такъ какъ они расходились съ его понятіями объ обликъ великосвѣтской барышни, а бабушка она сочла бы меня прямо за сумасшедшую и наложила бы свое вѣсковое veto, но моя добрая и умная мать поняла, что мнѣ необходимъ былъ этотъ выходъ бушующихъ во мнѣ силъ, и охотно разрѣшала мнѣ мои занятія и даже помогала мнѣ ихъ осуществлять. Все это я продолжала въ утренніе часы; въ 7 часовъ я уже вставала, чтобы успѣть со всѣмъ управиться. Въ третьемъ часу, наскоро позавтракавъ, соотвѣтственно переодѣвшись, я стремилась въ придворной каретѣ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, замѣняя ей фрейлину послѣ свадьбы Альмы. Я выѣзжала съ ней каждый день и очень часто у нея обѣдала. Великая Княгиня испытала въ Декабрѣ большое горе—маленькая принцесса Марія умерла въ конвульсіяхъ шестимѣсячнымъ ребенкомъ. Я была рада при такихъ обстоятельствахъ оказать хотя малую услугу Великой Княгинѣ, которую такъ искренно любила и горю которой я сочувствовала отъ всей души. По причинѣ этого траура, праздниковъ въ Михайловскомъ Дворцѣ не было.

Великая Княгиня Елена Павловна была очень занята основаніемъ консерваторіи, въ чемъ главнымъ исполнителемъ Ея желаній былъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Такъ какъ я опять стала ѣздить на маленькіе музыкальные Ея вечера, то имѣла случай слышать гениальную игру этого титана въ обла-

сти фортепьянной игры. Онъ изображалъ изъ себя цѣлый оркестръ по силѣ своего исполненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ его пальцы пѣли на клавишахъ съ удивительной тонкою прелестью. На этихъ вечерахъ постоянными посѣтителеми были, между прочими, Прусскій посланникъ при нашемъ Дворѣ и его супруга. Это былъ знаменитый графъ Бисмаркъ, имя котораго сдѣлалось историческимъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Идея единенія Германіи была его завѣтной мечтой съ самаго начала его дипломатической карьеры. Князь Горчаковъ рассказывалъ мнѣ, что, будучи Прусскимъ посланникомъ при Франкфуртскомъ сеймѣ, онъ уже развивалъ ему свой планъ о великой Германіи и что всѣ разговоры его съ нимъ были на эту тему. Князь тогда состоялъ нашимъ посланникомъ въ Штутгартѣ. Впослѣдствіи, когда онъ такъ блистательно осуществилъ свою мечту, встрѣтившись съ княземъ, онъ ему сказалъ: „Eh! bien, maître, êtes vous satisfait de votre élève!“ князь поклонился и отвѣтилъ: Comme le Perugin a pu être satisfait de Raphaël, l'élève a dépassé le maître!“

Прекрасная музыка и умные объективные разговоры были для меня пріятнымъ развлеченіемъ, которое я принимала безъ усилій. Не такъ было съ балами, на которые мы должны были, хоть изрѣдка, появляться.

Первые балы были для меня настоящимъ мученіемъ и слезы были готовы брызнуть изъ моихъ глазъ. Эта бальная музыка, которую я когда то такъ упоительно любила, раздирала мое сердце, вызывая образы, исчезнувшіе въ

вихрь моихъ пройденныхъ ощущений. Боже мой! Какая бездна раздѣляла меня отъ нихъ. Мнѣ казалось, что я пришелецъ изъ другого міра, и удивлялась, что внѣшность осталась все та же. Тѣ же кавалеры подлетали ко мнѣ и я чувствовала въ обхожденіи ихъ какое то безмолвное участіе, которое меня трогало, но мнѣ казалось, что каждый изъ нихъ спросить меня: „Что тебѣ до насъ и что намъ до тебя?“ Какъ все, что повторяется, сила этихъ впечатлѣній постепенно ослабѣвала. Я даже иногда забывалась и вдругъ замѣчала, что мнѣ по-прежнему весело. О! какъ я негодовала на себя въ такихъ случаяхъ. На другой день я приходила ранѣе часовъ къ обѣднѣ въ нашъ приходскій храмъ Св. Пантелеймона и старалась воротить свое воображеніе къ тому, что я считала единственнымъ для меня путемъ; это состояніе было тяжелое, потому что я чувствовала, что, не смотря на все, любовь къ земной жизни осталась во мнѣ несокрушенной и несокрушимой. На послѣднемъ балу у Великаго Князя Николая Николаевича, Михаилъ Николаевичъ прощался съ нами, такъ какъ на другой день онъ уѣзжалъ на Кавказъ, куда былъ назначенъ Намѣстникомъ. Во время мазурки онъ обходилъ всѣхъ насъ, приговаривая „не поминайте меня лихомъ“. Онъ былъ намъ всегда очень симпатиченъ, хотя мы его менѣе знали, чѣмъ его брата, такъ какъ онъ всегда танцевалъ съ замужними молодыми дамами, а Николай Николаевичъ былъ исключительно кавалеромъ дѣвицъ. Молодая Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна уѣзжала съ большою грустью.

Она въ послѣдствіи передавала мнѣ, какъ ей трудно было разстаться съ Петербургомъ, въ которомъ она познала такъ много счастья. Будучи небольшою Германскою принцессой, очень мало избалованной и никогда еще не выѣзжавшей изъ Карлсруэ, для нея очутиться русской Великою Княгиней въ блестящей Сѣверной столицѣ, во всей роскоши Императорскаго Двора, обласканной Императрицей Александрой Ѳеодоровной и, прибавляла она, „avec un mari comme le grand-duc“, было осуществленіемъ волшебной сказки на яву. Поэтому широкое поприще, ожидающее на Кавказѣ, ее мало прельщало, и она считала великолѣпную Колхиду, надъ которой она была призвана властвовать вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, страной изгнанія, разъ этимъ отъѣздомъ разрушался ею достигнутый земной рай.

Въ то время Румянцевскій музей былъ переведенъ въ Москву и завѣдующій имъ князь Одоевскій долженъ былъ послѣдовать за своимъ учрежденіемъ; его отсутствіе было большимъ лишеніемъ для Михайловскаго Дворца. Княгиня Ольга Степановна, его жена, завѣдывала училищемъ Св. Елены и находящейся по близости богадѣльней для старухъ. Оба эти учрежденія ей пришлось покинуть. Великая Княгиня Елена Павловна замѣнила ее фрейлиной Раденъ и мною, передавъ первой училище, а мнѣ богадѣльню. Этотъ знакъ довѣрія со стороны Великой Княгини я приняла со смущеніемъ, благодарностью и удивленіемъ, раздѣленнымъ также всей моею семьей, такъ какъ было принято смѣяться надъ моею непрактичностью. Я ни-

когда ничѣмъ не располагала и не имѣла понятія о счетахъ и о цѣнности вещей, и вдругъ въ мое единоличное распоряженіе поступаетъ цѣлое учрежденіе и деньги на его содержаніе. Отчеты я должна была представлять Великой Княгинѣ, а дѣлопроизводителемъ мнѣ назначили одного чиновника, нѣкоего Краснопольскаго, съ которымъ я была сначала страшно застѣнчива, такъ какъ не привыкла, чтобы меня считали начальствомъ. Онъ былъ отличный человѣкъ и много мнѣ помогалъ, чтобы разбираться въ новомъ дѣлѣ. Княгиня Одоевская прислала мнѣ всѣ старые счета и я старалась изо всѣхъ силъ уяснить себѣ нормальную стоимость продовольствія, цѣну на мясо, потребное количество на порцію и проч. Эти познанія были плодомъ усиленной работы съ моей стороны. Почти всегда я ѣздила въ мою богадѣльню вмѣстѣ съ Эдитой Θεодоровной. Вспоминаю съ удовольствіемъ наши поѣздки; онѣ были началомъ нашего тѣснаго сближенія. Окончивъ мое дѣло, я заходила къ ней въ институтъ и слѣдила за ея обращеніемъ съ дѣвицами, учителями, воспитательницами, потомъ на обратномъ пути и въ ея комнатахъ во дворцѣ, гдѣ мы пили чай, я внимала ея рѣчамъ, всегда проникнутымъ высокою мыслью и горячею любовью къ людямъ. Я сообщала ей подробности моего управленія и мои недомѣнія и просила передавать Великой Княгинѣ мои замѣчанія и просьбы. Сначала всѣ дѣла проходили при ея посредствѣ, но вскорѣ затѣмъ, Великая Княгиня приказала мнѣ являться съ моими докладами самой. Она принимала

меня въ своей уборной и выслушивала съ ласковой добротой. Въ нѣсколькихъ словахъ она быстро рѣшала несложные вопросы, которыми я придавала столько значенія, потомъ удерживала меня у себя и съ глазу на глазъ бесѣдовала со мною болѣе или менѣе продолжительно. Она интересовалась моею малозначущей личностью, ставила вопросы, на которые я не могла не отвѣчать прямо, и говорила иногда о себѣ и о своей молодости, когда она воспитывалась въ пансіонѣ въ Парижѣ и когда она проводила праздничные дни въ семействѣ подруги своей, дѣвицы Вальтеръ, племянницы знаменитаго ученаго Cuvier. Молодая Принцесса находилась въ обществѣ великихъ умовъ времени реставраціи и ея воспріимчивый умъ получилъ то влеченіе къ научнымъ интересамъ, которое она такъ благотворно использовала въ ожидавшей еѣ сферѣ. Странно было слышать отъ этой важной и пышной Великой Княгини, такъ высоко державшей всегда знамя своего высокаго положенія, какъ она и сестра ея, принцесса Паулина (Нассауская), сами расправляли единственные бѣлыя платья, служившія имъ неизмѣнно на воскресныхъ вечерахъ M-r Cuvier, жившаго тогда въ скромномъ помѣщеніи Jardin des Plantes. Она, какъ мнѣ теперь представляется, хотѣла предохранить меня отъ односторонняго мистическаго развитія. Между прочимъ она говорила, что вообще надо остерегаться слишкомъ большаго поклоненія aux Archevêques et Directeurs de Conscience, прибавляя, при томъ, улыбаясь: „c'est encore un subterfuge de la coquet-

terie féminine, car ce sont des hommes après tout!" Когда она уѣзжала за границу, то я писала ей, по ея приказанію, каждыя двѣ недѣли.

Эдита Θεодоровна устраивала для меня маленькіе вечера, на которые она приглашала попеременно своихъ друзей, чтобы познакомить меня съ ними. Она всегда говорила, что ничто такъ не развиваетъ молодой женскій умъ, какъ общеніе его съ мужскими зрѣлыми умами. Такимъ путемъ я узнала К. П. Побѣдоносцева, Ю. Θ. Самарина, К. Н. Кавелина, П. П. Семенова, Θ. М. Дмитріева, Б. Н. Чичерина и другихъ. Со всѣми ними я осталась въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Бесѣды ихъ расширили мой кругозоръ и познакомили меня съ вопросами внутренней политики. Всѣ мои новые друзья были тогда молоды и въ расцвѣтѣ своихъ силъ, и во всѣхъ ихъ чувствовалась горячая любовь къ родинѣ, разумный серьезный патріотизмъ, чуждый слащавой маниловщины, и живое упованіе на блистательную будущность Россіи. Я очень наслаждалась этими скромными, но одушевленными вечерами. Но увы! Примѣненіе къ жизни великодушныхъ идей не осуществилось, какъ мы ожидали, въ дружной работѣ всѣхъ классовъ на благо родины. Борьба вокругъ нихъ не стихала. Съ одной стороны, старый режимъ косился на начатыя реформы, съ другой, революціонный элементъ находилъ ихъ недостаточными и забѣгалъ впередъ, требуя большаго и требуя его немедленно. Появилась обличительная литература, вдохновленная нигилистическимъ духомъ.

Отъ идей перешли къ дѣламъ и въ одинъ прекрасный день значительная часть Петербурга запылала зловѣщимъ пожаромъ. Мнѣнія расходятся касательно этого явленія. Иные думаютъ, что это былъ результатъ простой случайности. Мнѣ же представляется, что если даже первая искра была случайная, она была подхвачена революціей и явилась, какъ взрывъ неизвѣданной еще, но грозной стихійной силы. Къ начинающемуся еще нигилистическому движению примѣшалось польское сепаратистическое броженіе. Когда Государь прибылъ въ Варшаву, Онъ былъ встрѣченъ просьбами о перемѣнѣ отношеній къ Польшѣ. Не предрѣшая ничего, Государь остановилъ ихъ слишкомъ пылкія желанія словами: „*Pas de rêves, messieurs, pas de rêves!*“ Несмотря на то, общее либеральное вѣяніе, охватившее Россію, сообщилося полякамъ, и они присоединились къ русскимъ нигилистамъ въ общемъ движеніи противъ порядка. Начались аресты, цензурныя запрещенія и проч., и консервативная партія торжествовала, указывая на правильность своихъ предупрежденій. Великая Княгиня Елена Павловна была грустно поражена такимъ результатомъ своихъ великодушныхъ намѣреній и возбужденіемъ противъ нея въ обществѣ. Думаю, что подъ вліяніемъ своихъ разочарованій, она, будучи осенью въ Женевѣ, говорила Навилю, извѣстному Женевскому философу и ученому, о своемъ утомленіи и желаніи оставить политическую жизнь и замкнуться въ семейные интересы. Объ этихъ разговорахъ я слышала отъ Навиля самого и онъ также передавалъ мнѣ о своемъ совѣтѣ

продолжать обширную дѣятельность, которая была ея призваніемъ. Думаю, также, что мысль объ отстраненіи себя отъ дѣлъ была навѣяна неожиданной встрѣчей, происшедшей съ ней въ Женевѣ. Оказалось, что въ той же гостинницѣ, гдѣ она остановилась, находилась М-me André, рожденная Вальтеръ, та самая племянница Кювье, которая была ея первой подругой въ молодости и которую она съ тѣхъ поръ не видала. Пути ихъ разъединились въ самыя противоположныя стороны. Принцесса Виртембергская, переселившись въ Россію, какъ супруга Великаго Князя Михаила Павловича, испытала все, что жизнь можетъ дать въ смыслѣ земного величія. М-me Вальтеръ, очень красивая, вышла замужъ за банкира М-r André, владѣющаго миллионнымъ богатствомъ, и въ своей сферѣ имѣла нѣкоторую долю значенія. Но, еще въ очень молодыхъ годахъ, она отказалась отъ свѣта, чтобы посвятить себя всецѣло служенію Христу, какъ то указывала ей ея глубокая христіанская вѣра. Она создала много полезныхъ учрежденій въ Парижѣ и въ Версалѣ и была душой религиозныхъ миссій въ Италіи и Франціи. Она имѣла огромное личное вліяніе, такъ какъ владѣла даромъ краснорѣчія и убѣжденнымъ словомъ, а главное, согласовала свою жизнь со своими принципами. Она считалась въ родѣ *mère de l'Eglise* въ Евангелическихъ кружкахъ. Болѣе пятидесяти лѣтъ подруги не видались, и вотъ имъ пришлось сводить итоги проведенныхъ жизней. Великая Княгиня была поглощена разговорами съ М-me André. Думаю,

что ея оскорбленная душа нашла облегченіе въ той сферѣ, куда ее вводили эти бесѣды. Уѣзжая изъ Женевы, она пожелала взять съ собой чтицу, которая поддерживала бы ее въ этомъ направленіи. Выборъ палъ на M-lle Guldin, которую она и привезла въ Россію. Но пришлось Великой Княгинѣ мало воспользоваться ея услугами. Многосторонняя, кипучая петербургская жизнь съ ея разнородными интересами охватила ее снова и строгая Guldin съ удивленными глазами и угловатыми движеніями являлась среди шумной и пестрой жизни Михайловскаго Дворца, не умѣя принимать въ ней участія.

Предшествующее лѣто мы провели всѣ, по обыкновенію, въ Ораніенбаумѣ. У Великой Княгини Елены Павловны гостилъ, между прочими, извѣстный Архимандритъ Порфірій Успенскій, одинъ изъ первыхъ ученыхъ знатоковъ Востока. Его многотомные труды составляютъ кладъ для изученія восточныхъ церквей, въ томъ числѣ арабскихъ и коптскихъ, и никто лучше его не былъ бы въ состояніи поддержать связь съ ними и нашею церковью и завоевать для Россіи преобладающее положеніе въ Іерусалимѣ. Оттого онъ стремился туда всѣми силами своей души и Великая Княгиня вмѣстѣ съ Татьяной Борисовной Потемкиной усиленно просили назначенія его начальникомъ нашей миссіи. Но, какъ всегда бываетъ, около выдающихся людей зависть и сплетни свиваютъ свои недостойныя интриги. Вмѣсто первокласснаго ученаго и высокообразованнаго человѣка назначили удобнаго невѣжественнаго монаха и

вліяніе наше на востокъ утратилось и на этомъ поприщѣ. Порфірій часто приходилъ къ моей матери и я слышала его умныя бесѣды. Съ нашимъ семействомъ связь его была давняя, такъ какъ онъ состоялъ при посольской церкви въ Вѣнѣ, во время нашего пребыванія въ этой столицѣ, и мой братъ, родившійся тамъ, былъ единственнымъ младенцемъ, котораго онъ крестилъ въ своей жизни. Онъ такъ боялся держать новорожденного ребенка въ своихъ рукахъ, что не рѣшился погрузить его въ купель, а облилъ его прежде Іорданской водой, нарочно привезенной моей матери Маршаломъ Мармонномъ, совершившимъ путешествіе ко Святымъ мѣстамъ.

Для поданія помощи потерпѣвшимъ отъ пожара былъ устроенъ комитетъ. Екатерина Васильевна Потапова была назначена председательницей его. Она часто пріѣзжала въ Ораніенбаумъ, гдѣ интересовались ея дѣятельностью. Мужъ ея, Александръ Львовичъ, также былъ приглашаемъ. Съ нимъ говорили особенно о польскомъ вопросѣ, который онъ хорошо зналъ, по своей прежней службѣ въ Варшавѣ. Броженіе было большое. Растерявшійся князь Горчаковъ умеръ. Послѣ него былъ назначенъ графъ Ламбертъ съ миссіею вести умиротворительную политику, но, къ несчастью, онъ также вскорѣ скончался, и одновременно застрѣлился военный начальникъ генералъ Герценцвейгъ. Эти три событія произвели сильное впечатлѣніе, особенно самоубійство Герценцвейга, по своей загадочности; полагаютъ, что оно было слѣдствіемъ Американской дуэли,

при которой одинъ изъ соперниковъ обязывается лишить себя жизни, если жребій упадетъ на него. Пока власть бездѣйствовала, революція организовалась и тайное правительство приобрѣтало болѣе вліянія, чѣмъ официальное. Крайняя партія надѣялась на успѣхъ вооруженнаго возстанія, опираясь на вновь ознаменовавшее себя революціонное движеніе въ Россіи и на симпатіи Франціи, на которую они рассчитывали для активной поддержки. Они мечтали не только о возстановленіи Царства Польскаго, но о присоединеніи къ нему всего Западнаго Края съ Кіевской губерніи до Чернаго моря и уже издавались географическія карты съ такимъ распредѣленіемъ земель.

Другая партія, болѣе благоразумная, съ маркизомъ Веллепольскимъ во главѣ, желая воротить Польшу къ положенію до 30 года, просила Намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Эта комбинація была принята и Велико-Княжеская чета выѣхала на свое Вице-Царство въ Августъ мѣсяцѣ. Но, на другой день послѣ пріѣзда ихъ въ Варшаву, въ первый же выѣздъ Великаго Князя, онъ сдѣлался жертвой покушенія, отъ котораго получилъ легкую рану въ предплечье. Ярошинскій былъ повѣшенъ, но политика любезностей продолжалась, хотя настоящій примѣръ лишній разъ доказалъ, что уступчивость во время безпорядковъ ведетъ къ усиленію, а не къ укропленію ихъ. Это, наконецъ, понялъ маркизь Велепольскій, когда, истощивъ всѣ умиротворяющія мѣры, онъ посовѣтовалъ забрать разомъ подъ видомъ рекрутскаго набора всѣхъ

намѣченныхъ революціонеровъ. Это произошло 11 Января 1863 г. и съ тѣхъ поръ началась открытая боевая революція. Въ Вильнѣ Муравьевъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и, какъ ни круты, или даже жестоки были его мѣры, но волненіе было подавлено скорѣе и стоило меньше жизней. Помощь, которую поляки ждали отъ Европы, выразилась въ надменныхъ нотахъ, препровожденныхъ нашему Правительству отъ лица всѣхъ державъ, предъявлявшихъ свои требованія къ Россіи касательно Польши. Національное патріотическое чувство не было еще тогда утрачено въ нашемъ обществѣ, подобно тому, какъ мы съ неудомѣніемъ видѣли это во время Японской войны, когда русскіе люди радовались пораженіямъ Россіи. До такого позора не дошли враги правительства и, подъ вліяніемъ горячихъ статей Каткова, всѣ стали, какъ одинъ человекъ, готовые отстоять цѣльность Государства и поддержать его честь. Блестящія отвѣтныя ноты князя Горчакова нашли отголосокъ въ сердцахъ всѣхъ сыновъ Россіи, и, конечно, твердая сплоченность націи, готовой дать отпоръ всякимъ внѣшнимъ посягательствамъ, остановила дальнѣйшее вмѣшательство въ наши дѣла, ограничивъ его этими безрезультатными протестами.

8 Сентября Государь и всѣ наличные члены Царской Фамиліи открывали въ Новгородѣ памятникъ тысячелѣтія Россіи. Наши Великія Княгини были въ то время заграницей, а мы въ деревнѣ. Тамъ я получила письмо отъ Маріи Максимиліановны, описывающей это торжество и энтузіазмъ всего народа, прибавляя

къ тому: „De tels moments donnent du courage à notre bien aimé Empereur!“

Выдающимся событіемъ слѣдующей зимы (63 года) была для меня свадьба Маріи Максимілиановны съ принцемъ Вильгельмомъ Баденскимъ. Мы были съ ней очень дружны. Сколько пріятныхъ дней и вечеровъ мы проводили вмѣстѣ въ Маріинскомъ Дворцѣ или на Сергіевской дачѣ. Мы пріѣзжали туда почти каждый день, тѣмъ болѣе, что мой отецъ жилъ тамъ часто, занимая красивый отдѣльный домикъ въ паркѣ. Устраивались большія катанья въ разныхъ экипажахъ съ участіемъ обитателей всѣхъ прибрежныхъ Дворцовъ, оканчивающіяся чаепитіями въ томъ или другомъ изъ павильоновъ. Кромѣ того, мы искренне по дружески обмѣнивались мыслями на почвѣ культуры и общихъ идей. Иногда, мы вмѣстѣ занимались, читали Шекспира подъ руководствомъ M-r Shaw, умнаго англійскаго профессора, знатока своего дѣла. Однимъ словомъ, жизнь наша переплеталась многими нитями и разрывъ ихъ вслѣдствіе переселенія принцессы въ Германію имѣлъ свою грустную сторону. Мы давно были посвящены въ желанія ея сердца касательно этого брака, на который Великая Княгиня сначала не давала своего согласія, и потому были свидѣтельницей ея радости, когда согласіе это было даровано и она была объявлена невѣстой. Конечно, озареніе первыхъ дней не обусловливаетъ еще безконечнаго счастья всей послѣдующей жизни. Она такъ сильно любила Россію, что одна разлука съ родиной должна была быть для нея незамѣнимымъ ли-

шеніемъ. Когда, много лѣтъ спустя, я посѣтила ее въ Карлсруэ, то она показала мнѣ шкатулку, наполненную русскою землею, которая стояла въ ея образной посреди иконъ.— Свадьба происходила въ концѣ Января, вечеромъ, въ Зимнемъ Дворцѣ. Мы были въ числѣ ея bride's maids. Всѣхъ насъ было шесть, вотъ онѣ: не считая насъ, Евгенія Максимиліановна, княжна Марія Элимовна Мещерская, графиня Марія Егоровна Толстая (впослѣдствіе Орлова-Давыдова) и графиня Марія Борисовна Перовская. Всѣ мы были одѣты въ одинаковыя платья изъ бѣлаго тарлатана съ воланами и бѣлыми широкими кушаками и съ гирляндами изъ бѣлыхъ liserons съ зеленью и выступали попарно сейчасъ же за Царскою Фамиліей. До начала шествія мы находились въ комнатахъ Императрицы Маріи Александровны со всѣми членами Императорской Семьи и окружали Марію Максимиліановну, подавая шпильки, пока ей накалывали ея кружевной вуаль за параднымъ туалетомъ.

Пребываніе въ Ораніенбаумѣ началось рано, такъ какъ ему не предшествовала обычная остановка на Каменномъ Островѣ, изъ за ожидаемаго Великой Княгиней рожденія ребенка, оказавшагося принцемъ Михаиломъ Георгіевичемъ. По поводу нареченія ему имени вышла размолвка между Великой Княгиней Еленой Павловной и ея зятемъ. Великая Княгиня настаивала, чтобы новорожденный носилъ имя своего Дѣда, покойнаго Великаго Князя, а Герцогъ желалъ назвать его Карломъ по имени своего Дяди. Размолвка вышла довольно серьез-

ная, такъ какъ Герцогъ не желалъ уступить — помирились на соединеніи обоихъ именъ и его назвали Charles-Michel, но обостренныя отношенія продолжались еще нѣкоторое время и другіе Дворы принимали участіе во взаимныхъ пререканіяхъ. Постоянное общество Китайскаго Дворца увеличилось еще съ прошлаго лѣта появленіемъ новой фрейлины Екатерины Петровны Голохвастовой, племянницы княжны Львовой, красивой, разумной, давно знакомой уже Михайловскому Дворцу. Въ это же лѣто были приглашены Зубовы. Они только что пріѣхали изъ за Урала, гдѣ провели послѣдніе два года. Послѣ блестящаго для Маріи Николаевны сезона 60 года, когда она дебютировала съ такимъ выдающимся успѣхомъ, они должны были оставить Петербургъ, такъ какъ родители обоихъ, оба очень состоятельные, почему то отказались покрыть незначительные сверхсметные расходы, которые они принуждены были сдѣлать для первоначальнаго своего обзаведенія. Въ силу этого непонятнаго упрямства онъ принужденъ былъ оставить кавалергардскій полкъ и Академію, въ которую онъ только что блистательно поступилъ, а она—отказаться отъ среды, въ которой она успѣла завоевать столько симпатій. Зубовъ принялъ мѣсто мирового посредника въ далекихъ Пермскихъ пустыняхъ, гдѣ у отца его было большое имѣніе, и вотъ жена его, избалованное дитя Юга, оказалась переброшеною въ дикій край, куда можно было добраться только послѣ многодневнаго путешествія, гдѣ пристанищемъ для нея служилъ деревянный флиге-

лекъ, лишенный всякаго комфорта, не говоря уже объ эстетикѣ, и гдѣ, къ довершенію всего, она проводила долгіе дни въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ огромныя разстоянія края принуждали ея мужа почти къ постоянному пребыванію въ тарантасѣ. У нея уже была маленькая дѣвочка и ожидалась вторая. Самой же ей только что минуло двадцать лѣтъ. Единственнымъ живымъ существомъ около нея была старая французская няня ея Rose, воспитавшая ее и окружавшая маленькую Аду тѣми же заботами. Она, живая, общительная, привыкшая къ веселой неаполитанской природѣ и ея жизнерадостнымъ жителямъ, была охвачена невыразимою тоскою въ этомъ суровомъ безмолвномъ краѣ и, глядя на сѣрыя озера Сибири, вспоминала о лазурномъ побережьи своей родной страны и, со слезами на глазахъ, пѣла дивнымъ голосомъ свою милую Santa Lucia. Зиму она провела въ Екатеринбургѣ, такъ какъ домикъ въ деревнѣ былъ крайне холодный, тамъ родилась вторая дочь ея Stella (Марія), и она разомъ завоевала сердца всѣхъ обитателей. Марія Николаевна была настоящей царицей этого провинціальнаго города, жители котораго остались ей преданными на всю жизнь и не прерывали съ ней отношеній, не смотря на то, что она уже никогда не возвращалась въ Пермскую губернію. Въ Ораніенбаумѣ мы обрѣли ее попрежнему блистательной, полной ума, жизни, юмора, пѣнія, веселія, но слышна была въ ея смѣхѣ нота надорванныхъ ея нервовъ. Она часто приходила къ моей матери, прося совѣта, какъ устроить свою будущ-

ность. Отъ полка Зубовъ былъ оторванъ, а въ Куяшъ они не были въ силахъ зарыться снова. Ему всего было 26 лѣтъ и онъ искалъ себѣ дѣла. Ко всѣмъ комбинаціямъ примѣшались денежные соображенія. Все это она рассказывала со слезами, вперемѣшку съ неожиданными комическими выходками, въ образныхъ выраженіяхъ, съ пылкостью южной натуры и довѣріемъ ребенка, ищущаго опоры. Вездѣ она была душою общества. Ея бабушка была знаменитая пѣвица Каталани, вышедшая замужъ за французскаго графа Valebrègue. Она унаслѣдовала отъ нея чудный голосъ и музыкальный слухъ, и пѣніе ея легкое, мелодичное, непосредственное было истиннымъ наслажденіемъ для слушателей. Графъ Фредро по прежнему былъ частымъ посѣтителемъ Ораніенбаума, равно какъ и Сергіевской дачи, гдѣ онъ одинаково былъ оцѣненъ, блестящій какъ всегда, хотя политическія событія Польши отражались на его настроеніи. Онъ читалъ намъ иногда свои красивые стихи, между ними было комическое обозрѣніе Петербургскаго общества отъ лица якобы двухъ vieux célibataires, Zips et Perdreau (его другъ, музыкантъ Леви, и онъ). Zips написалъ на нихъ музыку. Коснувшись Зимняго Дворца, онъ такъ характеризуетъ его обитательницъ:

Demoiselles d'honneur aimables perce-neiges
Des frimas de la Cour, Vestales des Palais
Qui voilez votre rite aux regards sacrilèges
En attisant vos feux par des romans anglais
Mélange superfin de nonne et bayadère,

Par vos discours béats, par vos propos légers,
En assiégeant les coeurs des Grands de cette
terre
Vos coeurs aussi par eux sont souvent assiégés и проч.

Однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей Ораніенбаума былъ дипломатъ Еверсъ, бывшій посланникъ, не помню, при какомъ Дворѣ, а тогда занимавшій высокій постъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и очень приближенный къ князю Горчакову. Онъ былъ очень пріятель и остроуменъ и прекрасно освѣдомленъ обо всемъ, что касается нашей международной политики. Въ другомъ родѣ былъ князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, пріѣзжавшій также при первомъ своемъ досугѣ. Не касаясь его значенія, какъ государственнаго человѣка, скажу только, что онъ очень оживлялъ наше общество: былъ разговорчивъ, юмористиченъ, прекрасно читалъ намъ вслухъ Гоголя и его гибкій умъ отличался въ любимой нашей игрѣ *secrétaire*. Жаль, что столько перлъ остроумія пропало, но Герцогъ неумолимо уничтожалъ, по прочтеніи, всѣ анонимные билетки, авторы которыхъ принадлежали иногда къ разряду самыхъ блестящихъ современныхъ умовъ, какъ то: князя Горчакова, князя Вяземскаго и Португальскаго посла, графа Мойра (женившагося на русской графинѣ Апраксиной) и много другихъ. Великая Княгиня Марія Николаевна также принимала участіе въ этой игрѣ. Вообще, мы очень часто видѣлись съ обитателями Сергіевскаго. Наша дружба съ Маріей Максимиліановной пе-

решла къ милой сестрѣ ея. Иногда Евгенія Максимиліановна прїѣзжала къ намъ утромъ и мы вмѣстѣ рисовали пейзажи около живописнаго мѣста въ паркѣ близъ дома Петра III. Мы съ трудомъ ограждались отъ массы комаровъ, жужжавшихъ вокругъ насъ и кусавшихъ насъ немилосердно. У нихъ мы бывали большею частью вечеромъ. Разъ, мы поѣхали подъ присмотромъ графини Толстой на цѣлый день въ Гостилицу. Намъ было, какъ всегда у доброй тети, пріятно. Гуляя втроемъ по парку, мы вошли въ Гротъ съ холоднымъ родникомъ. Къ одной стѣнкѣ скалы была придѣлана икона съ лампадкой и передъ нею горячо молился челоуѣкъ. Когда мы вошли, онъ поклонился намъ и мы съ нимъ заговорили. Оказалось, что его зовутъ Маньковымъ, что онъ купецъ изъ дальняго Сибирскаго города Барнаула и что прїѣхалъ хлопотать о поддержаніи православной миссіи въ Алтайскомъ округѣ. По его словамъ, калмыки, кроткіе по природѣ, съ радостью принимаютъ ученіе Христово и изъ калмычекъ уже устроилась въ Улалѣ община сестеръ милосердія, для распространенія христіанства примѣромъ христіанской добродѣтели. Теперь необходимо было устроить пунктъ миссіонеровъ съ широкой матеріальной поддержкой и соорудить походную церковь при вновь устроенной общинѣ. Для достиженія этой цѣли, онъ былъ въ Петербургъ и, какъ всѣ нуждающіеся, нашелъ пристанище у Татьяны Борисовны. Объ его завѣтномъ желаніи онъ и молился такъ горячо, когда мы вошли въ Гротъ. По-

явленіе наше показалось ему отвѣтомъ на его молитву, въ упованіи, что мы посланы въ помощь ему. Мы были очень заинтересованы его рассказами и восторгу его не было предѣла, когда онъ узналъ, что одна изъ трехъ дѣвицъ, уже такъ обрадовавшихъ его однимъ своимъ появленіемъ, была родная племянница Государя. Дѣйствительно, мысль его получила свое осуществленіе: былъ посланъ начальникомъ миссіи Преосвященный Владиміръ. Татьяна Борисовна была душою этого дѣла и въ ея домѣ собирались комитеты. Мы также содѣйствовали какъ могли. Между прочимъ, образа иконостаса для Улалинской церкви были написаны масляными красками кружкомъ дѣвицъ, въ которомъ я участвовала. Мы собирались для этого у графини Маріи Владиміровны Орловой-Давыдовой. Мое личное участіе выразилось въ исполненіи двухъ большихъ образовъ для обоихъ боковыхъ дверей иконостаса: Архангела Михаила и перваго мученика Стефана. Много лѣтъ спустя, я встрѣтила послѣ Турецкой войны въ одномъ изъ военныхъ госпиталей раненаго солдата изъ Барнаула. Мы разговорились съ нимъ о его родинѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что хорошо помнитъ нашъ походный иконостасъ, продолжающій служить миссіонерскимъ цѣлямъ. Меня это очень обрадовало.

Осенью мы принимали молодого короля Греческаго Георга, сына Датскаго короля Христіана VIII, только что избраннаго Греческимъ королемъ вслѣдствіе произвольнаго отреченія короля Оттона. Его первый визитъ былъ въ Россію, гдѣ онъ принятъ былъ Госуда-

ремъ со всѣми почестями, подобающими его высокому новому сану. Ему было только 16 лѣтъ и до тѣхъ поръ онъ воспитывался въ Морскомъ училищѣ, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ товарищей. Въ Ораніенбаумѣ, въ честь его, былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ были танцы. Въ его свитѣ было нѣсколько умныхъ людей—я получила впечатлѣніе, что политическое положеніе въ Греціи было далеко не спокойное и что понадобится много такта молодому королю, чтобы лавировать между столь обостренными отношеніями партій.

Около 20 Сентября мы уѣхали, наконецъ, въ деревню, гдѣ стали вмѣстѣ съ сестрой устраивать небольшія школы грамотности въ каждой деревнѣ, при чемъ учителями были наши же прежніе ученики, обучившіеся въ усадьбѣ. Но пребываніе наше въ деревнѣ внезапно сократилось. Мама получила извѣстіе объ опасномъ состояніи здоровья бабушки и сейчасъ же уѣхала въ Петербургъ, а мы послѣдовали за ней черезъ нѣсколько дней въ сопровожденіи Goussette. Бѣдную бабушку мы нашли въ безнадѣжномъ состояніи по слабости, однако въ полномъ сознаніи. Она даже не ложилась въ постель, но скончалась, какъ она жила безъ самопослабленія и въ спокойномъ величіи непоколебимой вѣры и покорности волѣ Божіей. День смерти ея былъ 12 Октября. По странной случайности, въ то же число, но 13 лѣтъ тому назадъ, умеръ мой дѣдъ князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ, съ которымъ она прервала всякія отношенія при жизни, а въ то же число 12 Октября умерла теща его, дру-

гая княгиня Анна Александровна Голицына, которая также была непримирима съ нимъ. Можетъ быть, такое совпаденіе не имѣетъ значенія. Можетъ быть, это доказательство того, что въ другомъ мірѣ временныя обиды исчезаютъ, и что тамъ въ свѣтлой атмосферѣ всепрощенія и любви забудутся тѣ тѣни, которыя омрачали отношенія людей между собою.

Смерть бабушки была крупнымъ событіемъ въ нашей жизни, такъ какъ она занимала въ ней значительное мѣсто. Она давно уже оставила Дворъ и свѣтъ и неліцемерно любила сравнительное свое уединеніе, окруженная родными и друзьями, много читая и слѣдя за современными событіями, о которыхъ судила съ удивительно ясною проницательностью. Въ другомъ очеркѣ я написала о ней нѣсколько словъ. Позволяю себѣ переписать часть ихъ здѣсь, такъ какъ все, что я могла бы сказать о ней, было бы пересказомъ уже разъ сказаннаго.

„Княгиня Анна Александровна была дочь фельдмаршала князя Прозоровскаго и княгини Анны Михайловны, рожденной княжны Волконской, статсъ-дамы и гофмейстерины при вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, супругѣ Павла I. Живя со своею матерью, она была вмѣстѣ съ тѣмъ свитною Фрейлиною Императрицы и сохранила до конца своей жизни благоговѣйное воспоминаніе объ этой Государынѣ. Воспитанная въ школѣ Ея, она приобрѣла привычку къ строгому порядку въ жизни, къ постоянному труду и, вопреки обычаямъ изнѣженнаго тогдашняго общества, къ

ходьбѣ во всякую погоду, къ открытымъ окнамъ и даже къ сквознякамъ. Характеръ у нея былъ благородный и независимый и королева Нидерландская писала о ней, узнавъ о ея смерти, „J'ai beaucoup connu la Princesse Golitzine née P-sse Prozorovsky, dans ma jeunesse. C'était une personne aussi noble de naissance que de caractère“.

Выйдя замужъ за князя Θεодора Сергѣевича Голицына, она принесла ему громадное состояніе, такъ какъ оба князя Волконскіе, братья его матери, скончались бездѣтными и все состояніе перешло къ ней. Князь Θεодоръ Сергѣевичъ любилъ роскошную свѣтскую жизнь. Домъ ихъ (теперешнее Французское посольство, на Французской набережной) былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ того времени. Каждый вечеръ у нихъ собирался цвѣтъ тогдашняго высшаго общества,—нерѣдко бывали пріѣзжіе иностранные принцы и члены Царской Фамиліи, отношенія съ которыми были установлены цѣлымъ рядомъ поколѣній. Княгиня не любила шума свѣтской жизни, предпочитая чтеніе серьезныхъ книгъ и занятія съ дѣтьми, но, въ угоду мужу и въ силу чувства долга краеугольнаго камня ея жизни, она принимала участіе во всѣхъ собраніяхъ, гдѣ блистала своимъ умомъ. Лѣтомъ они уѣзжали въ Саратовское имѣніе Зубриловку, всѣмъ домомъ со всѣми чадами и домочадцами. Дѣтей было семь человѣкъ (кромѣ того двое умерло въ раннемъ возрастѣ), и въ нескончаемомъ караванѣ такого переселенія народовъ былъ, между прочимъ, цѣлый дилижансъ съ учите-

лями. Въ Зубриловкѣ былъ основанъ матерью князя, княгиней Варварой Васильевной (племянница князя Потемкина) на собственные средства институтъ для дѣвицъ, съ цѣлью воспитывать дочерей мѣстныхъ дворянъ. Этотъ институтъ пользовался покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Она имѣла въ немъ своихъ стипендіатокъ. Въ Зубриловкѣ часто гостилъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ сочинялъ для дѣтей пьесы, которыя они разыгрывали. Однако, какъ ни велико было состояніе Голицыныхъ, огромные расходы и страсть владѣльца къ покупкамъ и промѣнамъ, въ концѣ концовъ, сильно разстроили ихъ дѣла. Графъ Рибопьеръ говорилъ: „Mon cousin Théodore a la passion du troc; il troque une terre contre une maison, une maison, contre une voiture, une voiture contre une tabatière“, такъ что, въ результатѣ, у него оказывалась табакерка. Эта шутка мѣтко характеризуетъ способъ веденія имъ дѣлъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ онъ умеръ, послѣ краткой болѣзни, оставивъ молодой вдовѣ, убитой горемъ, восемь милліоновъ долгу. Положеніе княгини было тяжело. Трудно было ей, никогда не занимавшейся дѣлами и имѣвшей всегда почти неограниченныя средства, встрѣтить грозящее разореніе. Домъ въ Петербургѣ, дача въ Царскомъ Селѣ (нынѣ графини Елизаветы Владиміровны Шуваловой), картинная галлерей, брилліанты, все было продано и княгиня уѣхала съ дѣтьми въ Зубриловку, гдѣ прожили безвыѣздно пять лѣтъ. Эти годы, проведенные въ деревнѣ, были свѣтлой эпохой въ воспоминаніи дѣтей. Живя въ

здоровой деревенской атмосферѣ, въ прекрасномъ дворцѣ, откуда они на лѣто переходили въ такъ называемый китайскій домъ, они развивались и крѣпли здоровьемъ, подѣ строгой дисциплиной матери, которая систематически направляла ихъ гигиену и занятія, предоставляя имъ большую свободу для игръ и движеній на воздухѣ. По переѣздѣ въ Петербургъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія, строгій строй жизни продолжался. Старшіе сыновья поступили на военную службу, моя мать раздѣляла жизнь бабушки. Каждое утро въ восемь часовъ, во всякую погоду онѣ ходили гулять по набережной и пустымъ улицамъ Петербурга въ сопровожденіи цѣлой своры собакъ, которыхъ бабушка очень любила и при которыхъ состоялъ карликъ Иванъ Васильевичъ. Когда въ дни церковныхъ службъ, онѣ являлись къ обѣднѣ въ 10½ часовъ къ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, то до этого времени онѣ успѣвали обойти большую часть города. Занятія чередовались, заполняя весь день. Эта привычка къ пунктуальности стала основаніемъ характера моей матери, которая проводила эту черту и въ нашемъ воспитаніи.

Такова была моя бабушка строгая и властная, но крѣпко любящая тѣхъ, которыхъ она любила. Я чувствовала, что пользовалась ея особеннымъ расположеніемъ и любила ее искренно. Въ обществѣ она была извѣстна подѣ названіемъ „la Princesse Théodore“.

Изъ за нашего траура, мы въ этотъ сезонъ не выѣзжали. Великая княгиня Елена Павловна, возвратившись изъ за границы, привезла съ

собою свою племянницу, принцессу Елизавету Видскую, которая пробыла всю зиму въ Михайловскомъ Дворцѣ. Mlle Gulden нашла, наконецъ, примѣненіе себя къ дѣлу, такъ какъ была назначена, чтобы состоять при ней и сопровождать ее при выѣздахъ и прогулкахъ. Великая Княгиня желала предоставить принцессѣ развлеченія свѣтской жизни, но изъ за грустной причины не удалось этого исполнить, такъ какъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ принцесса получила извѣстіе о смерти отца своего, и вслѣдствіе полученнаго потрясенія заболѣла сама. Мы ее уже до этого печальнаго случая знали, такъ какъ Великая Княгиня познакомила насъ съ нею съ первыхъ же дней послѣ пріѣзда и ея глубокой трауръ составлялъ новую связь съ нами. Она была умна, культурна, интересовалась всѣмъ, легко восторгалась, имѣла вдумчивое направленіе ума вслѣдствіе серьезной жизни, которую она вела дома среди заботливой матери и болѣзненнаго отца. Говорила она также съ большою нѣжностью о младшемъ братѣ ея и о дружбѣ своей съ принцессой Алисой Англійской, впослѣдствіи Великой Герцогиней Гессенской—матерью нашей Императрицы Александры Ѳеодоровны. Она любила литературу и сама хорошо и легко писала и впослѣдствіи завоевала себѣ почетное мѣсто на этомъ поприщѣ подъ псевдонимомъ Carmen Sylva. Мы сразу нашли съ ней много точекъ прикосновенія и искренно подружились. Ежедневнo, мы собирались для чтенія Шекспира съ ней и съ двумя другими принцессами Евгеніей Макси-

милиановной и Екатериной Петровной Ольденбургской. Собранія происходили попеременно у одной изъ трехъ принцессъ, каждая изъ насъ имѣла предъ собой свой экземпляръ Шекспира и читала свою роль. Принцесса Елизавета съ особеннымъ оживленіемъ и выраженіемъ представляла избранное ею лицо. Иногда была музыка, даже раза два самъ Рубинштейнъ игралъ, иногда М-me Volnys великолѣпно читала намъ драматическія произведенія французскихъ авторовъ. Ея чтеніе можно было назвать представленіемъ, столько драматизма и жизни она въ него влагала. Нерѣдко Эдита Θεодоровна звала принцессу и меня къ себѣ, мы втроемъ читали и обмѣнивались мыслями по поводу читаннаго, касаясь потомъ многихъ вопросовъ. Она была нашимъ менторомъ. Многое, что принцесса видѣла въ Петербургѣ, подъ умнымъ руководствомъ ея, она старалась въ послѣдствіи примѣнить въ своемъ отечествѣ, когда сдѣлалась королевой Румынской, и до самой смерти баронессы не переставала быть съ нею въ мысленномъ общеніи и въ довольно частой перепискѣ. Я же болѣе не встрѣчалась съ ней, но получала нѣсколько разъ привѣтствіе ея чрезъ Румынскихъ посланниковъ или случайныхъ общихъ знакомыхъ.

Въ этомъ году состоялось первое брачное торжество въ нашей семьѣ: Мой двоюродный братъ Анатолій, младшій изъ всѣхъ, поразилъ своихъ родителей и насъ, объявивъ о своемъ намѣреніи жениться на княжнѣ Елизаветѣ Михайловнѣ Волконской. Ему было только 19 лѣтъ и намъ трудно было считать его за серьезнаго

человѣка. Выборъ его былъ впрочемъ прекрасный. Нужно сказать, что родители невѣсты давно разѣхались, и потому, окончивъ институтъ, она временно находилась у родного своего дяди (брата матери) князя Паскевича. 29 Апрѣля эта дѣтская идиллія увѣнчалась бракосочетаніемъ въ церкви Татьяны Борисовны и продолженіе жизни ихъ было только развитіемъ ихъ счастья. Мы уѣхали въ Степановское послѣ свадьбы и тою же весною присутствовали при освященіи нашей домовоѣ церкви, устроенной лѣтомъ отцомъ въ память моего покойнаго брата Бориса. Это событіе произошло въ Духовъ день при большомъ торжествѣ, великолѣпной погодѣ, огромномъ стеченіи народа и въ присутствіи нѣсколькихъ официальныхъ лицъ. Церковь во имя Святыхъ Князей Бориса и Глѣба вся посвящена воспоминаніямъ о моемъ братѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, для меня, она служитъ живымъ памятникомъ о моемъ отцѣ, по мысли и по указаніямъ котораго все, до малѣйшихъ подробностей, было исполнено. До сихъ поръ совершаются постоянныя службы въ ней во время нашего пребыванія тамъ и этотъ уголокъ обширнаго дома соединяетъ всю усадьбу и нерѣдко ближайшихъ крестьянъ въ молитвенное общеніе съ нами. Мнѣ отраднo, когда я вижу бывшихъ учениковъ, возвращающихся съ отхожихъ заработковъ, спѣшащихъ въ нашъ храмъ, чтобы присоединиться къ хору, въ которомъ они участвовали въ дѣтскіе годы. Долго ли еще придется намъ жить въ такихъ мирныхъ и взаимно благожелательныхъ отношеніяхъ съ окружающимъ насъ народомъ?

Въ это лѣто было знаменательное по своимъ послѣдствіямъ первое официальное посольство, отправленное Японіей къ Европейскимъ Дворамъ. Духъ преобразовательныхъ реформъ коснулся этой страны и партія, поддерживающая ихъ, стала настолько сильна, что Микадо рѣшился завязать сношенія съ Европой для изученія ея Государства и учреждений. Первое посѣщеніе было въ Россію, гдѣ оно сопровождалось большимъ торжествомъ. По поводу приѣма пословъ былъ назначенъ большой выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Согласно полученной повѣсткѣ, мы поѣхали туда изъ Ораніенбаума. Государь съ Императрицею стояли у Трона, вблизи отъ нихъ помѣщались Особы Царской Фамиліи, а потомъ и мы въ обычномъ порядкѣ придворныхъ чиновъ. Когда желтенькіе человѣчки, одѣтые въ свои японскіе шелковые балахоны, выползли изъ боковой двери, и, согнувшись въ три погибели, стали предъ лицомъ Бѣлаго Царя, мы на нихъ смотрѣли съ снисходительнымъ любопытствомъ. Одинъ изъ нихъ вынулъ длиннѣйшій свертокъ бумаги, и, ради вящаго благоговѣнія, сталъ шопотомъ читать, что оказалось привѣтствіемъ Микадо къ нашему Государю. Чтеніе продолжалось такъ долго, и въ глубокой тишинѣ шопотъ шипѣлъ такъ комично, что вся зала съ трудомъ оставалась въ надлежащей серьезности—даже по лицамъ Ихъ Величествъ пробѣжала неудержимая улыбка. Я присутствовала при этомъ событіи въ 1864 г. и вотъ, ровно сорокъ лѣтъ спустя, имѣла несчастье видѣть гигантское развитіе этой скромной посадки перваго зернышка

Европейской культуры и быть свидѣтельницей той ужасной силы, которую эта Азіатская страна успѣла собрать за это время и обратить противъ насъ. А мы пережили только первое дѣйствіе страшной драмы, которая готовится разыграться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Наши дѣти будутъ призваны принять въ ней участіе. Чѣмъ разрѣшится эта борьба двухъ міровъ? Не хочу облечь въ слова гнетущія меня опасенія. Хочу надѣяться и вѣрить. Одно только, что способно болѣе всего поколебать мою вѣру въ жизненность Россіи, это то угашеніе духа, такъ замѣтное въ послѣдніе годы, то постепенное исчезновеніе драгоцѣннаго сокровища, выведшаго нашъ народъ изъ всѣхъ бѣдъ его многострадальной исторіи,—вѣры въ Бога и любви къ родинѣ. Эти два могучихъ рычага всякой плодотворной жизни уже утрачены современными руководителями судебъ народныхъ и они работаютъ съ сатанинской ненавистью, чтобы вырвать ихъ также изъ сердецъ массъ.

Въ свѣтѣ тогда блесѣли двѣ звѣзды. Это были двѣ фрейлины Большого Двора княжна Марія Элимовна Мещерская и Александра Васильевна Жуковская. Мать послѣдней уже умерла, и въ участіи, которое было принято въ судьбѣ дочери воспитателя Государя, было забыто желаніе, высказанное имъ самимъ, даже просьба, чтобы дочь ея никогда не была бы взята ко Двору. Дѣйствительно, особенно для нея, для нѣкоторыхъ сторонъ ея характера, придворная почва была исключительно опасна. Она не была особенно хороша собою, кромѣ

очень красивыхъ сѣрыхъ глазъ, которымъ она придавала иногда вдумчивое и мечтательное выраженіе. Были у нея великолѣпные бѣлокурые волосы и свѣжій цвѣтъ лица, черты же ея были скорѣе крупныя, ротъ съ выдающимися впередъ бѣлыми зубами. Туалеты ея были превосходны по вкусу и роскоши и она умѣла исправлять массой тюля и длинными буклями не совсѣмъ правильную линію ея стана. Она была умна, образована, особенно свѣдуща въ нѣмецкой литературѣ, которую очень любила, умѣла примѣняться ко всякаго рода собесѣдникамъ и пользовалась большимъ успѣхомъ у мужчинъ, не стѣсняясь никакой темой разговоровъ. Княжна Мещерская была необычайно красива, дивно сложена, довольно высокаго роста, ея черныя глаза, глубокіе и страстные, придавали ея изящному лицу изъ ряда вонъ выходящую прелесть. Звукъ голоса ея былъ мелодиченъ и на всемъ существѣ ея наложена печать какого то загадочно-сдержаннаго грустнаго чувства, очень обворожительнаго. Обѣ эти дѣвицы жили въ томъ же корридорѣ Зимняго Дворца и были очень дружны между собой, дѣля успѣхи на аренѣ большого свѣта и являясь вездѣ выдающимися свѣтилами. Молодые Великіе Князья не оставались равнодушными къ ихъ чарамъ и на всѣхъ балахъ много съ ними танцовали. Такъ было между прочимъ на великолѣпномъ костюмированномъ балу, данномъ княгиней Кочубей въ ея Дворцѣ, купленномъ съ тѣхъ поръ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Этотъ праздникъ въ роскошныхъ залахъ Бѣлосельскаго дома могъ поистинѣ

сравняться съ самыми великолѣпными Царскими пріемами. Вся Императорская Фамилія на немъ присутствовала. Marie Мещерская была облечена въ прекрасный восточный костюмъ, весь бѣлый съ золотомъ, какъ нельзя лучше пригнанный къ типу ея красоты и немного смуглому цвѣту ея плечъ. На нее можно было заглядѣться, она была движущаяся картина. Саша Жуковская была въ группѣ дѣвицъ, привезенныхъ на балъ Великой Княгиней Маріей Николаевной. Между ними, Катя Мещерская (нынѣ графиня Клейнмихель), высокая эффектная, съ роскошными волнистыми распущенными золотистыми волосами, украшенными діадемой брилліантовыхъ лучей, изображала солнце, Евгенія Максимиліановна—луну, Саша Жуковская—l'étoile du matin (вся въ розовомъ тюлѣ) и Мери Перовская—комету. Сама же Великая Княгиня, привезшая ихъ, взяла на себя роль crépuscule. Помню этотъ балъ, въ особенности потому, что онъ былъ послѣднимъ моимъ дѣвическимъ баломъ. Весною я была объявлена невѣстой. Весною же предполагалось бракосочетаніе Цесаревича съ Датской принцессой Дагмарой. Помолвка уже состоялась и все, что намъ приходилось слышать о молодой принцессѣ, вселяло въ насъ симпатію къ ней и радость о пріобрѣтеніи ея для Россіи. Къ несчастью, здоровье жениха подавало причины для безпокойства. Онъ сильно переměнился и жаловался на боли въ спинѣ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, его попечитель, твердый къ себѣ и неумолимый къ другимъ, не хотѣлъ признавать его больнымъ и побуждалъ его къ спартанскому пренебреже-

нію своего недуга,—однако было рѣшено, что Наслѣдникъ проведетъ зиму въ Ниццѣ, гдѣ также находилась Императрица. Увы, южный климатъ не приносилъ ожидаемой пользы молодому страдальцу. Состояніе его все ухудшалось, всѣ окружающіе видѣли крайнюю опасность, въ которой онъ находился, кромѣ графа Строганова, который не хотѣлъ ее видѣть, и Императрицы, которой, по несчастному обычаю Дворовъ, не докладывали правды, боясь причинить тяжелое впечатлѣніе. Та же система была принята по отношенію къ Государю. Постоянныя извѣстія, привозимыя фельдъегеремъ, касались внѣшнихъ колебаній въ ходѣ болѣзни, не затрагивая сути состоянія, которое было почти безнадёжно. Однажды Государь, принимая фельдъегеря, спросилъ, между прочимъ, былъ ли Наслѣдникъ на какомъ то торжествѣ? На этотъ вопросъ послѣдовалъ правдивый отвѣтъ, что онъ давно не выѣзжаетъ, за что давшій его получилъ выговоръ отъ своего начальства. Иллюзія доходила до того, что Государь сказалъ еще на Пасхальной заутрени: „Думаю, что придется отложить свадьбу Ники до Августа, такъ какъ онъ все еще не совсѣмъ поправился“. А на другой же день получилась телеграмма съ роковымъ извѣстіемъ объ его отчаянномъ положеніи и о необходимости немедленнаго выѣзда, чтобы застать его еще въ живыхъ. Такая же телеграмма была послана въ Копенгагенъ, и юная невѣста, такъ горячо любившая своего жениха, поспѣшила уѣхать вмѣстѣ съ Королевой, ея матерью. Онѣ пріѣхали одновременно съ Государемъ въ Dijon и здѣсь произошла

первая ихъ встрѣча, такъ какъ лично принцесса Дагмара не была еще извѣстна будущей своей роднѣ. Вмѣстѣ они пріѣхали въ Ниццу, гдѣ принцесса принесла послѣднюю радость своему жениху, съ которымъ не разставалась до тѣхъ поръ, пока жизнь его не оставила. Что такое были эти часы, проведенные у смертнаго одра угасавшаго Царскаго Первенца, подскажетъ всякому его собственное сердце. Анна Ѳеодоровна Тютчева, бывшая въ свитѣ Государыни и присутствующая при всѣхъ актахъ этой драмы, художественно и прочувственно описала ее въ письмѣ къ своей сестрѣ. Я получила копію съ этого письма и не могла прочесть его безъ слезъ. Въ прошломъ году оно было напечатано въ Русскомъ Архивѣ.

Итакъ, угасла эта жизнь, подававшая столько надеждъ. Горе Царской Семьи было невыразимо и вся Россія его раздѣляла. Всѣ сердца обращались съ любовью къ Датской принцессѣ, успѣвшей завоевать всеобщія симпатіи и жизнь которой была разбита, не начавшись. Она воротилась въ Копенгагенъ, переходъ ея въ православіе еще не состоялся, но она уже приняла въ своемъ сердцѣ ученіе нашей религіи, которое преподавалъ ей отецъ Янышевъ и уже не могла отъ него отказаться. Тогда это казалось новымъ осложненіемъ. Столько волненій и потрясеній не могли пройти безслѣдно и она заболѣла нервной горячкой. Великій Князь Александръ Александровичъ былъ объявленъ Манифестомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Я ѣздила съ Великой Княгиней Екатериной Михайловной

на встрѣчу ему на Варшавскій вокзалъ, когда онъ впервые пріѣхалъ въ столицу, облеченный своимъ новымъ высокимъ саномъ. Онъ показался намъ возмужалымъ и серьезнымъ. Кромѣ насъ, была Евгенія Максимиліановна (Великая Княгиня была во Флоренціи) и Константинъ Николаевичъ, ѣздившій встрѣчать его въ Гатчину, пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. Другіе члены Императорскаго Дома находились въ отсутствіи. Пожавъ намъ крѣпко руку и обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ во Дворецъ. Ожидалось прибытіе тѣла покойнаго Наслѣдника; эскадра была за нимъ послана въ Средиземное море и конвоировала до Петербурга. Ровно на сороковой день она прибыла, и начались печальныя церемоніи въ Крѣпости.

На катафалкѣ былъ поставленъ гробъ съ останками такъ недавно еще подававшаго столько надеждъ молодого Великаго Князя и на немъ была возложена его Атаманская шапка, какъ начальника всѣхъ казачьихъ войскъ. Для Императрицы служились ежедневно панихиды въ 10¹/₂ часовъ утра. Государь сопровождалъ ее, а потомъ въ 1 часъ возвращался въ Петропавловскій Соборъ на собиравшую все общество официальную панихиду, на которую Государыня не имѣла силъ являться. На одной изъ нихъ было предложено между дамами обратиться съ адресомъ къ Высоконареченной Невѣстѣ. Такой адресъ былъ редактированъ графиней Александрой Андреевной Толстой и былъ посланъ вмѣстѣ съ крестомъ и Еванге-

ліємъ, художественно исполненными изъ лаписа, какъ сильное и слабое выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя такъ искренне наполняли всѣ наши сердца. Моментъ послѣдняго прощанія, и послѣ того, какъ Государь въ слезахъ обнялъ и благословилъ сына, принимающаго престолонаслѣдіе, вмѣсто тутъ же бездыханнаго лежащаго, былъ до того раздирающимъ, что всѣ присутствующіе содрогнулись и крупныя слезы текли по загорѣлымъ лицамъ казаковъ, вызванныхъ для присутствія на похоронахъ своего любимаго Атамана. Они уже его знали, такъ какъ онъ былъ у нихъ въ Новочеркасскѣ.

Жизнь не ждетъ и высокія положенія имѣютъ свои неумолимыя требованія. Въ началѣ Іюля должна была совершиться торжественная присяга Наслѣдника Престола, какъ такового. Для этой церемоніи назначенъ былъ Большой выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Бѣдная Императрица, вся въ слезахъ, въ своемъ золотомъ парчевомъ шлейфѣ, покрытая жемчугами и брилліантами, стояла съ сердцемъ, пронзеннымъ мечемъ, внимая голосу сына своего, читающаго съ волненіемъ слова присяги. Эти слова уже были слышаны Ею, но звукъ голоса, произносящій ихъ тогда, умолкъ навсегда въ могилѣ. Я тоже присутствовала при этой присягѣ, и, по странной случайности, послѣдній разъ, когда мнѣ пришлось надѣтъ мой красный фрейлинскій шлейфъ, былъ на такомъ же торжествѣ. Съ тѣхъ поръ сколько послѣдовало перемѣнъ вокругъ насъ и въ насъ самихъ. Въ тотъ же день былъ банкетъ первыхъ трехъ классовъ,

гдѣ дамы въ русскихъ платьяхъ сидѣли вмѣстѣ по чинамъ, а кавалеры особо, но, по случаю траура, былъ отмѣненъ обычный спектакль gala и музыка за обѣдомъ. Вскорѣ послѣ сего, мы уѣхали въ деревню, гдѣ 18 Августа состоялась моя свадьба въ нашей домовой церкви, освященной въ прошедшемъ году.

Тѣмъ временемъ политическая жизнь развивалась. Польское возстаніе было подавлено и Николай Алексѣевичъ Милютинъ, князь Черкасскій и Соловьевъ были призваны для организаціи внутренней жизни страны по новымъ законамъ, проникнутымъ демократическимъ духомъ. Авторы ихъ были несомнѣнно умные люди, но, по своему предубѣжденію противъ сословнаго дворянства, они способствовали развитію бюрократіи, долго властвовавшей у насъ и вызвавшей въ послѣдствіи столько нареканій. Рядъ принятыхъ исключительныхъ мѣръ имѣлъ цѣлью предотвратить въ будущемъ возникновеніе новаго мятежа, подобно только что пережитому и стоящему для укрощенія его столькихъ усилий. Въ то время эти мѣры вызывались Государственною необходимостью для сохраненія подъ русскимъ владычествомъ Польши и примыкавшаго къ ней древнѣ русскаго, но ополченнаго Западнаго края и, какъ ни суровы подчасъ были эти мѣры, но неотложность ихъ вообще признавалась, несмотря на громы и молніи, метаемыя противъ насъ заграничной прессой. Масса поляковъ была сослана, кто въ Сибирь, кто въ мѣста менѣ отдаленныя. Часть ихъ въ значительномъ количествѣ очутилась

въ Симбирскѣ, гдѣ лѣтомъ 1864 г. они устроили огромные пожары, съ цѣлью возбудить Приволжье къ возстанію. Но эта революціонная попытка не удалась. Общественная мысль, патриотически настроенная, отстаивала интересы родины въ этомъ давнишнемъ старомъ спорѣ славянъ между собою. Устои нашей гражданственности были тогда еще крѣпки. Въ этомъ же 1864 году была проведена судебная реформа. Лучшія силы молодой Россіи стремились служить въ этомъ вѣдомствѣ, которое сразу приобрѣло уваженіе и довѣріе общества. И оно его заслуживало. Первые юридическіе дѣятели, создавшіе нашъ судъ, могли по справедливости сравняться съ мировыми посредниками перваго призыва, сумѣвшими осуществить по всему пространству Россіи упраздненіе крѣпостнаго права. Люди явились тогда. Они вѣрили въ свое дѣло и въ жизненность его и примѣняли свои знанія на созидательной работѣ, которая, какъ бы она ни заключала въ себѣ детальныхъ неизбежныхъ ошибокъ, остается какъ памятникъ ихъ вѣрно направленныхъ стремленій. Положеніе о земствѣ было также крупной реформой той счастливой весны. Нѣтъ сомнѣнія, что по мысли Законодателя, это учрежденіе должно было служить школой самоуправленія, которое путемъ прогрессивной эволюціи привело бы естественнымъ процессомъ своего развитія къ общегосударственному представительному образу правленія. Тогда сохранилась бы въ немъ связь съ національнымъ духомъ страны и оно явилось бы самобытнымъ плодомъ русскаго историческаго развитія. Подтвержденіе моего

мнѣнія, основаннаго на воспоминаніяхъ о слышанныхъ мною разговорахъ, нахожу я въ интересной статьѣ Майской книжки Историческаго Вѣстника (сего 1906 г.), гдѣ передается разговоръ Государя Александра II съ графомъ Андреемъ Павловичемъ Шуваловымъ и гдѣ ясно выражается эта мысль. Высшее дворянство, лишившееся своихъ привилегій съ отмѣной крѣпостнаго права, одно время мечтало образовать политическую партію, представляя изъ себя въ Дворянскихъ Собраніяхъ подобіе Верхней Палаты, но такія притязанія нашли ярый протестъ со стороны Великаго Князя Константина Николаевича и его окружающихъ, убѣжденныхъ сторонниковъ бюрократическаго абсолютизма. Не берусь судить, насколько первые были правы. Въ средѣ ихъ были высокообразованные люди, знакомые съ политическими эволюціями Запада, равно какъ и съ ходомъ русской исторіи. Напримѣръ: тотъ же графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ, князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ, графъ Орловъ-Давыдовъ, князь Григорій Александровичъ Щербатовъ, Голохвастовъ, Самаринъ и многіе другіе. Думаю, что ихъ голосъ, хотя и совѣщательный, могъ бы ограничивать административный произволъ, постепенно, но сильно развивавшійся, и что затруднились бы попеременные скачки отъ либерализма къ реакціи, которые такъ вредно отзывались на правленіи страной за послѣднія сорокъ лѣтъ, обусловливаясь единственно тѣмъ или другимъ случайнымъ вліяніемъ. Во всякомъ случаѣ, это были разумныя, матеріальныя и культурныя силы, которыя

*

остались безъ примѣненія и принуждены были, или угаснуть въ бездѣйствіи, или, сосредоточиваясь на казенной службѣ, путемъ всяческихъ компромиссовъ, обезличиться до неузнаваемости.

Мы поселились въ Петербургѣ. Я была у пристани. Моя внѣшняя жизнь приняла опредѣленную форму, меня удовлетворяющую. Я имѣла положительныя обязанности и личныя отвѣтственности, на которыхъ могла излить свои силы. Я молила Бога о дарованіи мнѣ способности быть счастливой.

Мы уѣхали за границу 1 Марта и, направляясь къ Италіи, шли на встрѣчу весны. Въ Венеціи мы оставались довольно долго. Я въ первый разъ была въ этомъ чудномъ городѣ и вдыхала поэзію, оставленную ему пройденными вѣками. Мы восхищались великолѣпными памятниками искусства его старинныхъ церквей и дворцовъ и возстановляли исторію этой гордой владычицы морей, когда слава венеціанской республики гремѣла по всему извѣстному міру. Теперь бывшая царица должна была склонить развѣнчанное чело подъ господствомъ чуждаго ей Австрійскаго владычества, и черныя гондолы, безмолвно скользившія по каналамъ, носили трауръ по ея утраченной независимости. Но чувствовался въ воздухѣ протестъ противъ иностранной власти и носилась идея о единой Италіи. Совершившееся уже присоединеніе Неаполитанскаго Королевства и Тосканіи, подъ скипетромъ короля Виктора Эммануила, питало надежду на осуществленіе той же мечты и для остальной Италіи. Во время Вѣнскаго кон-

гресса, когда прирѣзывались земли разнымъ государствамъ для установленія равновѣсія между ними, мысль о народахъ не приходила на умъ вершителямъ судебъ ихъ, и Меттернихъ могъ изречь: „L'Italie ne sera plus q'une expression géographique“. Въ описываемое мною время мечты итальянскихъ Carbonari Mazzini, Silvio Pellico и другихъ о воскрешеніи своей родины, создали новый политическій принципъ, именно идею о національностяхъ. Всѣ послѣдующія крупныя событія имѣли эту идею въ основаніи и какъ конечную цѣль. Теперь новая эволюція въ идеяхъ признала этотъ принципъ устарѣлымъ и замѣнила его космополитизмомъ, плоды котораго намъ предстоитъ еще вкусить. Въ Венеціи мы застали принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, пріѣхавшаго со своею больною дочерью принцессой Екатериной Петровной, съ которой мы такъ часто встрѣчались два года тому назадъ. Вслѣдствіе простуды, послѣ вынесенной кори, въ слабой груди ея развилась чахотка и мягкій климатъ Венеціи уже не могъ возстановить ея здоровья. Принца мы видѣли иногда у консула нашего графа Кассини, куда онъ приходилъ по вечерамъ, но Принцессу я уже не могла видѣть. Вскорѣ, послѣ нашего отъѣзда, она скончалась, къ большому горю знавшихъ и любившихъ ее. Однимъ изъ любимыхъ мною уголковъ былъ католическій армянскій монастырь Св. Лазаря. Онъ находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города въ дивномъ мѣстѣ, посреди лазурной шири лагуны и въ немъ живутъ высокообразованные монахи, посвящающіе себя ученымъ трудамъ.

Этотъ монастырь былъ любимымъ мѣстомъ, воспѣтымъ Байрономъ, и напоминаетъ убѣжище старинныхъ временъ, когда наука сосредоточивалась и сохранялась въ монастырскихъ стѣнахъ, не находя пристанища для себя въ боевомъ мірѣ тѣхъ дней.

Изъ Венеціи мы поѣхали во Флоренцію, бывшую тогда столицей Итальянскаго королевства, гдѣ насъ ожидало цѣлое общество близкихъ друзей. Сестра моей *belle mère* (дочери знаменитаго графа Θεодора Васильевича Ростопчина) вышла замужъ за французскаго графа де Сегюръ. Ея старшая дочь *Natalie* была замужемъ за французскимъ посланникомъ при итальянскомъ дворѣ барономъ *Malaret*. Я съ ними впервые познакомилась и они приняли насъ, какъ самыхъ близкихъ родныхъ. Домъ ихъ былъ очень пріятенъ. Положеніе представителя Франціи было выдающееся посреди дипломатовъ, такъ какъ Франція въ такой сильной мѣрѣ способствовала объединенію Италіи. Мы часто у нихъ обѣдали при большихъ, равно какъ и семейныхъ обѣдахъ со всѣмъ персоналомъ посольства разговорчивыхъ остроумныхъ французовъ, съ которыми мнѣ было пріятно и весело. Самъ посланникъ былъ очень уменъ и интересовался новыми учрежденіями Россіи, особенно отмѣной крѣпостнаго права. У нихъ были двѣ дочери *Camille* и *Madeleine*, которымъ ихъ бабушка, графиня Сегюръ посвятила свои первыя дѣтскія книги. *Camille* была въ полномъ смыслѣ красавица съ правильными тонкими чертами лица, очень похожая на отца, который ее сильно

любилъ. Судьба ея была несчастлива. Выйдя замужъ за негодяя маркиза де Бло, она при-
нуждена была разъѣхаться съ нимъ и возвра-
титься къ своимъ родителямъ съ маленькимъ
сыномъ Павломъ, по смерти котораго и она
зачахла и умерла въ цвѣтъ лѣтъ и съ разби-
тымъ сердцемъ. Сестра ея Madeleine живетъ
при матери, доканчивающей свою жизнь въ
своемъ замкѣ на югѣ Франціи, и посвящаетъ
себя всецѣло дѣламъ христіанской благотвори-
тельности. Natalie была для меня родственно
сердечно добра. Высокаго роста, съ великолѣп-
нымъ станомъ, она была очень эффектна, хотя
черты лица ея, носившія русскій типъ, не были
правильны. До назначенія ея мужа посланни-
комъ во Флоренцію, она состояла въ числѣ
придворныхъ дамъ при Императрицѣ Евгеніи и
сопровождала Императорскую чету, когда было
совершено покушеніе Орсини. Они всѣ ѣхали
въ итальянскую оперу и бомба разорвалась
между ихъ каретами, не причинивъ имъ ника-
кого вреда, но, къ несчастью, поразивъ много
окружавшихъ лицъ. Русскимъ представителемъ
былъ еще разъ Николай Дмитріевичъ Кисе-
левъ, знавшій меня съ моего ранняго дѣтства
въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣти-
лись съ нимъ въ Римѣ въ 59 году, онъ женился
на великолѣпной доннѣ Франческѣ по первому
мужу Торлонія. Ея классическія черты и высо-
кій прямой станъ такъ и просились подъ рѣ-
зецъ скульптора, чтобы запечатлѣться въ мраморѣ; при ней былъ ея сынъ отъ перваго
брака, десятилѣтній мальчикъ Clemente. Но
ближе всѣхъ къ намъ стояла очаровательная

графиня Остенъ-Сакенъ, мужъ которой былъ совѣтникомъ нашего посольства. Я ее знала съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, когда, вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Парижъ, она пріѣхала туда съ своимъ первымъ мужемъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Голицынымъ, дальнимъ родственникомъ моего отца. Только что женившись на прелестной 16-лѣтней княжнѣ Маріи Ильинишнѣ Долгорукой, онъ тотчасъ привезъ ее къ моей матери, много ея старшей, прося покровительства въ виду ея молодости. Съ тѣхъ поръ дружба соединила этихъ двухъ дамъ, и, такъ какъ Голицыны поселились въ Парижѣ, то мы видѣлись съ ними постоянно. Князь былъ племянникомъ извѣстнаго московскаго магната князя Сергѣя Михайловича и владѣлъ огромнымъ состояніемъ, еще увеличившимся отъ полученія въ послѣдствіи наслѣдства отъ своего дяди. Онъ воспитывался за границей вмѣстѣ съ братомъ, княземъ Теодоромъ и они оба были католики. Очень образованный, культурный, артистичный, онъ не служилъ и не появлялся ко Двору во время царствованія Государя Николая Павловича, но на коронаціи 56 года, когда князь Сергѣй Михайловичъ, будучи тогда московскимъ предводителемъ дворянства, далъ въ своемъ домѣ на Пречистенкѣ великолѣпный праздникъ, участвовалъ вмѣстѣ со своей женой въ пріемѣ высокихъ гостей. Послѣ сего, онъ былъ сразу назначенъ посланникомъ въ Испанію, гдѣ послѣ трехлѣтняго пребыванія, онъ скончался. Онъ былъ много старше своей жены. Она любила и уважала его скорѣе какъ отца. Полное счастье

она испытала въ своемъ второмъ бракѣ съ графомъ Остенъ-Сакеномъ, нынѣшнимъ нашимъ посломъ въ Берлинѣ. Сакены занимали красивый Palazzo Lung'Arno въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей гостиницы. Они много принимали. Красота, общительность и привѣтливость графини способствовали тому, что домъ ихъ сдѣлался центромъ не только дипломатическаго замкнутаго кружка, но вмѣстѣ съ симъ мѣстомъ сліянiя аристократическаго общества съ новыми элементами, отъ которыхъ они въ то время еще отстранялись. На вечерахъ у Сакеновъ я видѣла всѣхъ дѣятелей великаго переворота, совершающагося въ Италіи, Rikasoli, La Marmora, Minigheffi и другихъ. Было очень интересно и пріятно, и хозяйка дома со своей плѣнительной добротой и удивительной печатью grande Dame, ей присущей, умѣла соединять отдѣльныя политическія группы и сглаживать шероховатости новыхъ сближеній. Ея доброе вліяніе въ этомъ отношеніи было признано итальянскимъ обществомъ и, когда они покинули Флоренцію, то оставили послѣ себя длинный слѣдъ дружескихъ и признательныхъ воспоминаній. Она такъ горячо любила мою мать, что относилась ко мнѣ, какъ старшая заботливая сестра, и не было предѣла ея радушному гостепріимству и нѣжному участію ко всему, что меня касалось. Графиня Сакенъ была для меня живымъ воспоминаніемъ о моемъ далекомъ миломъ прошломъ, образъ котораго не затмила масса испытанныхъ мною съ тѣхъ поръ новыхъ впечатлѣній. Она знала съ давнихъ лѣтъ всю нашу семейную жизнь и мнѣ

было отрадно слышать ея восторженную оцѣнку благороднаго характера моей матери. Между прочимъ, перебирая имена ихъ общихъ знакомыхъ, она вспоминала о старой герцогинѣ d'Albuféra, которая говорила: „Si la vertu avait un nom, on l'appellerait—Kourakine“. Великая княгиня Марія Николаевна вмѣстѣ съ Евгеніей Максимиліановной находились также во Флоренціи. На другой день нашего пріѣзда, мы поѣхали къ обѣднѣ въ Сан-Донато, гдѣ тогда была наша церковь, и мы тамъ встрѣтились, при большомъ удивленіи съ ихъ стороны и большой радости съ моей. Посыпались вопросы, привѣтствія. Я была обрадована чрезвычайно нашей встрѣчей среди дивныхъ картинъ флорентійскихъ пейзажей весны. Великая княгиня проживала въ своей прекрасной виллѣ Quarto, купленной ею и украшенной съ тѣмъ артистическимъ вкусомъ, который составлялъ отличительное свойство ея художественной натуры. Король Викторъ Эммануиль часто бывалъ у Ея Высочества за просто, не любя большихъ пріемовъ, и подарилъ ей великолѣпные гобелены, украшавшіе стѣны съ картинами старинной прерафаэлитской школы, пріобрѣтенныя Великой Княгиней. Извѣстный Липгардтъ, знатокъ живописи, бывалъ постоянно въ Quarto, гдѣ совѣты его очень цѣнились.

При Евгеніи Максимиліановнѣ была добрая графиня Елизавета Андреевна Толстая. Мы присоединялись къ нимъ иногда для артистическихъ экскурсій, которымъ художественная Флоренція открываетъ такое широкое поле.

Потомъ мы поѣхали въ Римъ. Какое волненіе, какое счастье я испытала, увидѣвъ во второй разъ этотъ чудный городъ, пребываніе въ которомъ составляетъ эпоху въ моей жизни. Мы помѣстились въ томъ же Albergo Europa на Piazza di Spagna, какъ и въ первый нашъ пріѣздъ и, такъ какъ у насъ въ Римѣ было мало знакомыхъ и никакихъ обязанностей, то съ утра до вечера ѣздили по извѣстнымъ уже и излюбленнымъ мѣстамъ. Кампанія была дивная, поѣздки по окрестностямъ города восхитительны. Изъ прежнихъ знакомыхъ мы видѣли только князя Гогенлоэ и Пальмера. Мы были у перваго въ его помѣщеніи въ Ватиканѣ на самомъ верху дворца, откуда видъ простирается на весь Римъ. Кромѣ воспоминаній о прежней встрѣчѣ, его интересовало то обстоятельство, что двоюродный братъ моего мужа былъ Monseigneur de Ségur, проведеншій въ Римѣ лѣтъ двадцать въ тѣсномъ дружескомъ сближеніи съ нимъ. Отношенія нашего правительства съ Ватиканомъ были прерваны въ этомъ году, нашъ посланникъ баронъ Мейендорфъ отозванъ, а архимандрита Гурія, настоятеля нашей церкви, мы увидѣли въ Неаполѣ, куда отправились изъ Рима, несмотря на начинающуюся жару.

Кто не знаетъ итальянской пѣсни:

Santa Lucia.
O dolce Napoli
O suol beato
Ove sarridere
Vuol il creato
Tu sei l'impero dell'armonia и пр.

Это впечатлѣніе я испытала во всей своей силѣ въ Сорренто, гдѣ мы провели два дня. Вся дорога отъ Кастеламара проходитъ между благоухающими садами апельсиновыхъ деревьевъ въ цвѣту и вмѣстѣ съ тѣмъ покрытыхъ золотистыми плодами. Направо голубое море и два острова Ischia и Capri, облитые голубымъ эфирнымъ свѣтомъ. Желѣзной дороги, къ счастью, еще не существовало и мы совершили этотъ путь въ открытой коляскѣ. Остановились мы въ Hôtel du Tasse et de la Sirène, имѣющемъ широкую террасу, выступающую въ самое море. Я долго ночью не могла покинуть эту террасу. Темносинее море отражало высокое темносинее небо, освѣщенное мириадами яркихъ звѣздъ; легкій плескъ волны, разбивающейся о невидимый берегъ, раздавался въ тишинѣ и гдѣ то далеко, далеко слышны были слабые звуки мандалины. Легкій вѣтерокъ приносилъ благоуханія расцвѣтшей земной природы, которая въ этомъ благословенномъ уголкѣ представляла мнѣ осуществленіе идеи Рая. Мой мужъ провелъ въ Неаполѣ нѣсколько лѣтъ своего дѣтства и для него этотъ городъ имѣлъ то же значеніе, какъ для меня Парижъ. Огромный интересъ я нашла въ посѣщеніи Геркуланума и Помпеи. Раскопки раскрыли всю жизнь, остановленную вдругъ 19 вѣковъ тому назадъ. Въ домѣ Діомеда въ Помпеи видны скелеты людей, застигнутыхъ при обычныхъ занятіяхъ, и въ позѣ ихъ отгадывается внезапный ужасъ и тщетное стараніе спастись бѣгствомъ отъ неумолимой грозной казни. На мостовой замѣтны слѣды тяжелыхъ колесницъ. Около останковъ этой

жизни, зарытой въ пеплѣ, изверженномъ изъ нѣдръ постоянно угрожающей горы, селятся въ безопасности другія поколѣнія, доказывая лишній разъ, что человѣкъ легко забываетъ уроки прошлаго и сживаетъ съ Дамокловымъ мечемъ во всѣхъ его видахъ.

Въ Римѣ, куда мы возвратились, я съ радостью нашла телеграмму моего лучшаго друга графини Ламздорфъ, съ которой я хотѣла встрѣтиться и которая назначала мѣстомъ нашего свиданія Женеву, куда мы и рѣшили отправиться изъ Италіи. Я не видѣла Мери съ тѣхъ поръ, какъ я оставила ее весною 1858 г. стоящей у колыбели ея дочери. Мужъ ея перешелъ въ дипломатическую службу и они все время проживали за границей. Изрѣдка мы переписывались, не для передачи фактовъ нашей внѣшней жизни, сдѣлавшейся столь различной, но скорѣе, какъ обзоръ нашего духовнаго міра, и мы чувствовали то же взаимное пониманіе, какъ и прежде. Совпаденіе нашихъ мыслей заставляло насъ неоднократно почти одновременно послѣ долгаго молчанія взяться за перо, чтобы напомнить о себѣ другъ другу. Видѣть Мери опять, послѣ восьмилѣтней разлуки, было бы исполненіемъ самаго пламеннаго моего желанія, и потому легко судить о моемъ горѣ, когда по пріѣздѣ моемъ въ Флоренцію я узнала о только что полученномъ извѣстіи о ея смерти въ Женевѣ. Она была такимъ олицетвореніемъ жизни, бьющейся со всѣхъ сторонъ и сообщающей себя всему и всѣмъ, въ ней было такое богатство плѣнительныхъ дарованій, не успѣвшихъ еще проявиться вполнѣ, что

трудно было о ней думать, какъ угаснувшей въ вѣчномъ безмолвіи и унесшей съ собою секретъ непроявленныхъ силъ. Моя скорбь была большая. Я была окружена участіемъ моихъ добрыхъ друзей Сакеновъ и Маларэ. Мы провели съ ними всѣ дни до нашего отъѣзда во Францію черезъ Туринъ и Mont Cenis.

Какъ и при первомъ нашемъ отъѣздѣ изъ Италіи, ожидались выстрѣлы новой войны. Пруссія и Австрія готовились помѣряться силами для рѣшенія вопроса о преобладаніи той или другой державы въ Германіи, а Италія присоединялась къ Пруссіи, чтобы освободиться отъ иностраннаго владычества и довершить свое объединеніе. Возбужденіе замѣчалось во всѣхъ городахъ Италіи. Гимнъ Гарибальди раздавался всюду и пѣли съ увлеченіемъ: „Lascia Caprera, Camiccia rossa“. Въ Парижѣ насъ встрѣтилъ на вокзалѣ двоюродный братъ моего мужа, графъ Филиппи. Онъ былъ сынъ графа Сергѣя Ѳеодоровича Ростопчина, увезшаго изъ Флоренціи въ Москву Итальянскую графиню Филиппи, на которой онъ женился, когда она овдовѣла. Но онъ самъ умеръ, не успѣвъ узаконить своего сына и жена его также вскорѣ умерла. Мальчикъ былъ взятъ въ Парижъ графиней Сегюръ и воспитанъ съ ея дѣтьми, нося имя перваго мужа своей матери, которое ему принадлежало по закону. Я его знала, такъ какъ онъ былъ въ Россіи во время нашей помолвки. Онъ привезъ намъ привѣтствіе тетушки графини Сегюръ и приглашеніе пріѣхать къ ней въ Нормандію въ ея имѣніе les Nouettes, гдѣ она проводила лѣто.

Въ Парижѣ я была дома и потому не распространяюсь о моихъ впечатлѣніяхъ. Изъ старыхъ друзей я часто видѣла О. Васильева, знавшаго какъ никто все, что касалось нашей семьи. Филиппи, или Voldemar, какъ его звали, бывалъ у насъ постоянно. Всѣ Сегюры отсутствовали въ то время въ Парижѣ, кромѣ Sabine, монашенки, никогда не выходившей изъ своего монастыря de la Visitation, будучи подъ строгимъ правиломъ затворничества (la cloture). Мы у нея были и говорили съ ней за желѣзной рѣшеткой, отдаляющей ее отъ міра и всего, что она могла имѣть въ немъ, счастья, блеска, наслажденій всякаго рода. Она отреклась отъ всего этого въ молодыхъ годахъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ тѣсной дружбы, которая соединяла ее съ ея старшимъ братомъ Аббатомъ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ ея близкихъ, котораго она видѣла лицомъ къ лицу. Даже мать ея могла только говорить съ ней изъ за рѣшетки и, въ видѣ большого исключенія, получила разрѣшеніе разъ въ годъ совершать une retraite въ этомъ монастырѣ подъ условіемъ всецѣлаго подчиненія всѣмъ заведеннымъ въ немъ правиламъ. Она должна была спать въ холодной комнатѣ на узкой жесткой койкѣ, вставать ранѣе свѣта, ѣсть грубую пищу и обходиться безъ услугъ своей горничной, которую не имѣла права брать съ собой. Такія правила были слишкомъ тяжелы для пожилой дамы, привыкшей къ комфорту, и послѣдніе года, не будучи въ силахъ исполнять ихъ, она принуждена была отказаться отъ своихъ ежегодныхъ посѣщеній. Двери монасты-

ря открылись для нея только, когда Sabine умирала, напутствуемая своимъ братомъ, у котораго чувство высокаго пастырскаго призванія заглушало огромное горе потери друга всей его жизни, каковымъ была для него сестра. Этотъ моментъ описанъ въ книгѣ, посвященной памяти Sabine de Ségur, и его трудно читать безъ слезъ. Сабинѣ, когда мы ее видѣли, было около 35 лѣтъ, она была умна, пріятна, сердечна, весела, говорила очень быстро и оживленно, какъ вся ея семья, напоминая мнѣ по голосу ея сестру Natalie de Malaret. Въ ней не было никакой позы, никакой напускной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ она такъ строго соблюдала свои обѣты, что, когда незадолго до ея смерти, ея родные выхлопотали у папы разрѣшеніе отвезти ее въ аиx Bonnes, для лѣченія ея грудной болѣзни, она отказалась отъ этой поѣздки, написавъ въ умномъ и краснорѣчивомъ письмѣ, что лѣченіе на водахъ есть лѣченіе богатыхъ людей, а она дала обѣтъ бѣдности и что она не хочетъ нарушить своего затворничества. Надо признаться, что католическое духовенство обладаетъ особымъ даромъ вліянія на души и возбужденіемъ въ нихъ беззавѣтной преданности и непоколебимой вѣры.

Мы провели недѣли двѣ въ Nouettes, красивомъ имѣніи, купленномъ графомъ Ростопчинымъ для своей дочери у Наполеоновскаго маршала Лефевра, который и назывался Lefèvre de Nouettes. Я любила Нормандію, которую съ дѣтства знала, ея богатая пастбища съ разбросанными по нимъ яблонями, разводимыми для выдѣлыванія сидра. Я любовалась

этой милой для меня природой въ теченіе двухъ часовъ ѣзды на лошадахъ со станціи желѣзной дороги не такъ, какъ у насъ по ухабамъ и косогорамъ, но по хорошо содержимому шоссе. Тетушка встрѣтила насъ у подѣзда съ сыномъ Монсиньеромъ и секретаремъ его Аббатомъ Дерингеромъ. Она приняла меня, какъ родную дочь. Связь ея съ Россіей поддерживалась только моимъ мужемъ и дочерьми брата ея, графа Андрея Θεодоровича. Она вышла замужъ въ Парижѣ одновременно со своей сестрой (моей *belle mère*), которой женихъ находился въ составѣ нашей оккупационной арміи. Съ тѣхъ поръ сестры не видались, хотя переписывались въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ. Графиня Сегюръ совершенно офранцузилась, принявъ еще до замужества католическую вѣру, которую мать ея исповѣдывала съ страстнымъ фанатизмомъ, но моя *belle mère* осталась стойкой въ своемъ православіи и поэтому была болѣе близка къ своему отцу. По обычаямъ того времени, она мало знала русскій языкъ даже въ молодости, теперь же она его почти совсѣмъ забыла, но, странное дѣло, когда въ 1874 году она была при смерти вслѣдствіе удара, то вдругъ вспомнила свою родную рѣчь и говорила исключительно порусски, а дѣти ее не понимали. Мнѣ кажется, что это замѣчательное явленіе въ области мнемозіи. Графиня водила меня по своему дому и по красивому парку, гдѣ она устроила себѣ „русскую аллею“ изъ березъ. Она показала мнѣ ее съ гордостью. Въ домѣ была церковь, гдѣ Gaston служилъ каждый день обѣдню и гдѣ утромъ и вечеромъ собира-

лись всѣ служащіе дома со своими господами для принесенія общей молитвы. Я заранѣе просила избѣгать въ нашихъ разговорахъ двухъ темъ: о Польшѣ и о вѣроисповѣданіи, такъ какъ не могла поступиться своими убѣжденіями по этимъ двумъ вопросамъ и, не желая входить въ бесплодные споры съ людьми, которыхъ я такъ искренне уважала и съ которыми желала установить дружескія отношенія. Monsieur Gaston былъ христіанинъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Старшій сынъ богатой семьи, талантливый художникъ по живописи, будучи секретаремъ посольства въ Римѣ, онъ рѣшился отречься отъ всего и посвятить себя Богу и ближнимъ. Вся жизнь его прошла въ дѣлахъ милосердія посреди рабочихъ и обездоленныхъ міра сего, давая имъ пищу для тѣла, онъ облегчалъ ихъ души проповѣдью. Дѣятельность его была изумительна. Въ самомъ разгарѣ ея онъ вдругъ ослѣпъ на оба глаза. Это случилось внезапно во время гулянья по парку съ однимъ изъ братьевъ. Онъ перенесъ это страшное несчастье мужественно, какъ стоикъ, или скорѣе, какъ христіанинъ, видѣвшій во всемъ волю Божию. Оно лишило его Епископства и въ будущемъ всѣхъ высокихъ отличій, на пути къ которымъ онъ стоялъ, но его дѣятельность не убавилась. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ состоялъ руководителемъ массы благотворительныхъ учреждений, самъ постоянно вращаясь между подонками общества, которыхъ онъ старался вывести изъ житейской тины. Онъ былъ духовникомъ всего аристократическаго Faubourg

S-t. Germain и вмѣстѣ съ тѣмъ его квартира въ rue du Vas была всегда наполнена бѣднымъ людомъ, ожидающимъ отъ него слова утѣшенія. И несмотря на свою серьезную жизнь, онъ былъ общителенъ, веселъ и разговорчивъ, какъ всѣ французы. Мы обѣдали у него иногда въ Парижѣ, почти всегда бывалъ у него знаменитый музыкантъ Гуно, другъ Сегюровъ и гостившій часто въ Nouettes, гдѣ онъ сочинилъ нѣкоторые изъ своихъ романсовъ на слова второго брата поэта и писателя Anatol. О послѣднемъ я не говорю теперь, такъ какъ онъ только что отбылъ въ Италію со своимъ семействомъ, и въ этотъ нашъ пріѣздъ я не успѣла познакомиться съ нимъ.

Политическія событія слѣдовали съ удивительной быстротой. Пруссія наносила Австріи ударъ за ударомъ и хотя союзница ея, Италія, претерпѣвала неудачи на морѣ и на сушѣ, она была уже въ выигрышѣ, получивъ изъ рукъ Наполеона Венеціанскую область, которую Австрія передала ему до окончанія борьбы. Страшное пораженіе въ Кенигсгрецѣ довершило побѣды Пруссіи, сдѣлавшейся Германской Имперіей.

Когда мы вернулись въ Россію, то нашли Михайловскій Дворецъ раздѣленнымъ на два лагеря: Великая Княгиня Елена Павловна сочувствовала совершившемуся факту и горячо поздравляла Императора Вильгельма. Герцогъ же съ грустью видѣлъ поглощеніе Германской Конфедераціи новой Имперіей и Екатерина

Михайловна, строго консервативная, раздѣляла его взглядъ.

За время нашего отсутствія произошло болѣе одной перемѣны. Свадьба Цесаревича съ Принцессою Дагмарой была рѣшена. Вся Россія восторгалась и приняла съ восторгомъ вѣсть о предстоящей помолвкѣ. Принцесса Дагмара своей интересною личностью уже давно была всѣмъ симпатична. Въ глазахъ общества она была окружена ореоломъ пережитого горя, которое сроднило Ее со всей страной. Поэтъ Тютчевъ написалъ прелестные стихи, въ которыхъ имя Ея Дагмаръ онъ перевелъ на русское слово Заря, видя въ немъ предвѣстникъ длиннаго солнечнаго дня. Дѣйствительно съ теченіемъ времени имя Императрицы Маріи Ѳедоровны сдѣлалось синонимомъ милости, добра, любвеобильности, и всѣ подходящія подъ сіяніе лучей ея чудныхъ глазъ, выражающихъ, какъ зеркало, богатство Ея души, оставались очарованными и преданными Ей на всегда.

Великій Князь поѣхалъ лѣтомъ въ Данію и помолвка совершилась. Воспоминаніе покойнаго Цесаревича, такъ горячо любимого обоими, было первымъ факторомъ ихъ сближенія. Оно привело Высокую чету къ 28 лѣтнему безоблачному счастью. Моя мать была назначена гофмейстериной при молодой Цесаревнѣ, а моя сестра ея фрейлиной. Этой должности послѣдняя сначала не хотѣла принять и уѣхала съ братомъ въ деревню, но ее вытребовали оттуда и уговорили и съ тѣхъ поръ начались отношенія, которыя непрерывно продолжаются.

и до нынѣ. Въѣздъ будущей Цесаревны совершился 17-го Сентября при дивной лѣтней погодѣ, исключительной для Петербургской осени. Для молодой Невѣсты, прибывшей одной, въ сопровожденіи брата, и для Августѣйшихъ Родителей Жениха, встрѣчавшихъ Её, пріѣздъ въ Русскую столицу со всѣми подобающими почестями имѣлъ свой грустный оттънокъ. Преданность народа, выражавшаяся въ безконечныхъ ликоваціяхъ, и любовь всѣхъ слоевъ общества, соединяющихся въ общемъ горячемъ привѣтствіи, широко волною пролили въ сердце ихъ утѣшеніе и взаимную любовь.

Я не участвовала ни въ этой встрѣчѣ, ни въ прочихъ церемоніяхъ до бракосочетанія, ни на самомъ этомъ главномъ торжествѣ, ни на послѣдующихъ за нимъ праздникахъ, такъ какъ была больна, ожидая черезъ три мѣсяца рожденія моего перваго ребенка. Это счастье я получила 26 Декабря и появленіе на свѣтъ моего „petit enfant de Noël,“ какъ я его называла, принесло мнѣ невыразимую радость. Я въ этомъ событіи видѣла полноту благословеній, данныхъ Богомъ женщинѣ, и материнское чувство, дремлющее во мнѣ до сихъ поръ, проявилось со всей мощью, на которую я была способна. Мы его назвали Борисомъ въ память моего покойнаго брата. Мой отецъ благодарилъ насъ и это милое красивое черноглазое дитя стало, въ свою очередь, и также на короткое время, l'enfant de la consolation.

ГЛАВА IV.

съ намѣреніемъ умолчала о важномъ событіи, вѣсть о которомъ поразила насъ ужасомъ во Флоренціи, а именно: о покушеніи Каракозова на жизнь Государя, при выходѣ Его изъ Лѣтнаго Сада 4 Апрѣля 1866 года. Окончивъ свою прогулку съ Маріей Максимиліановной, Государь готовился сѣсть въ экипажъ, когда раздался выстрѣлъ, и только инстинктивное движеніе руки рабочаго Коммисарова, схватившаго убійцу за руку, заставило пулю измѣнить свое направленіе и спасло Государя.

Это покушеніе, первое въ нашей исторіи, знаменательно по причинамъ, его породившимъ, и какъ предвѣстникъ цѣлаго ряда подобныхъ явленій, которымъ оно служило какъ бы прологомъ.

Какъ странно мнѣ вспомнить, что бредни, осмѣянные въ 48 году всѣми современными здравомыслящими людьми: изреченіе Прудона „la propriété c'est le vol“, „Икарія“ Cabet съ его обществомъ новыхъ людей, Коммунизмъ Pierre Leroux и проч., всѣ эти идеи, о которыхъ я слыхала въ дѣтствѣ и которыя, казалось, исчезли въ безднѣ неосуществимыхъ уто-

пій, эти самыя идеи, пройдя чрезъ Славянскій мозгъ Бакунина, возстали вновь, какъ идеалы, къ которымъ должны были стремиться разрушительныя силы революціи. Правда, эти идеи проповѣдывались и въ Европѣ, особенно въ двухъ главныхъ центрахъ рабочихъ ассоціацій Бельгійской и Юрской, принявшихъ международный характеръ, но трезвые умы Запада не могли, при привычкѣ къ порядку и государственности, увлечься безъ оглядки подобными теоріями. Соціализмъ проявлялся въ научныхъ теоріяхъ Лассаля, Маркса, Бебеля, съ которыми можно было спорить, но у которыхъ нельзя было отнять послѣдовательности и доли справедливости. Поэтому, высказываясь открыто въ парламентахъ, они встрѣчали серьезный отпоръ со стороны консерваторовъ, и такой обмѣнъ мыслей былъ полезенъ для смягченія крайностей въ томъ или другомъ направленіи и для уравниванія умовъ. Противъ принятія крайнихъ теорій обществомъ, существовали твердыя преграды соціальной науки, принциповъ, обычаевъ, однимъ словомъ, данныя предыдущей цивилизаціи. Не такъ, къ несчастью, было у насъ. Удивительное невѣжество нахватавшихся верхушекъ соціальныхъ ученій, отсутствіе всякаго политическаго воспитанія, жизнь, полная лишеній, отсутствіе этики, необузданность славянской натуры, не признающей ни преградъ, ни авторитетовъ, породили уродливыя формы нигилизма. Понятно, что великая реформа не могла удовлетворить мечтателей, идеаломъ которыхъ была анархія. Въѣстъ съ тѣмъ, начинающійся интеллигентный пролета-

ріать, въ лицѣ обнищавшихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и дѣтей духовенства, создалъ ядро нашихъ революціонеровъ, появившихся уже среди пожаровъ 62 года, а теперь выступившихъ въ безумномъ поступкѣ Каракозова. Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, возсталъ противъ этого злодѣянія, оскорбившаго его чувство лойяльности и благодарности къ великодушному Монарху, только что облагодѣтельствовавшему его. Слѣдствіе было передано въ руки графа Муравьева и онъ уже держалъ почти всѣ нити заговора, когда внезапно было дано повелѣніе прекратить слѣдствіе и произвести судъ надъ Каракозовымъ: такимъ образомъ участники заговора остались на свободѣ и могли продолжать свою пропаганду и общія мѣры строгости, принятыя за тѣмъ, падали на неповинную часть общества и тормозили ходъ реформъ, что, въ свою очередь, увеличивало число недовольныхъ и дѣлало ихъ доступными пропагандѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что отвѣтственность за тяжелое пережитое и переживаемое нами время падаетъ на обѣ крайнія партіи, лѣвую сначала, потомъ и правую. Несоотвѣтствіе новыхъ реформъ съ оставшимся ветхимъ государственнымъ строемъ породило тренія въ отправленіи обязанности каждой изъ сторонъ, воспитывая духъ отрицательнаго протеста въ земствѣ, равно какъ и въ средѣ другого свободнаго учрежденія—юстиціи. Оттуда и справедливыя подчасъ нареканія консервативной партіи, оттуда и естественное недовольство у общества противъ мѣръ, направленныхъ на сокращеніе и урѣзваніе дѣятельности только что дарованныхъ

свободѣ. Принципіально, дарованныя реформы встрѣчали на своемъ пути преграды, происшедшія отъ обостренныхъ отношеній двухъ противоположныхъ теченій. Нигилисты пользовались этимъ положеніемъ, чтобы распространять мысль, что народъ обманутъ, что имъ не та дана воля, которая имъ принадлежитъ по праву, что остается имъ получить полную волю, и создалось противоположительственное общество подъ лозунгомъ: „Земля и воля“, органомъ которой былъ журналъ „Впередъ“, издаваемый заграницей Лавровымъ. Въ это критическое время у правительства не хватило мужества, чтобы итти прямо безъ колебаній по пути, избранному въ великій день 19 Февраля. Бюрократія одна не была въ состояніи совладать со сложной задачей подавленія мятежнаго духа и одновременно заботой о преуспѣяніи страны. Необходимо было привлечь на свою сторону всю здоровую несоразмѣрно болѣе многочисленную часть общества и, давъ имъ нѣкоторыя политическія права, пріобщить ихъ къ интересамъ родины. Дворянскія и Земскія собранія были уже готовыя ячейки, изъ которыхъ могли бы развиваться естественнымъ ростомъ правовыя учрежденія. Лучшіе люди Россіи, и ими можно было гордиться тогда, явились бы на зовъ своего Государя, и провинція не оскудѣла бы талантами и деньгами, какъ то оказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда всѣ культурныя силы, видя безплодность работы на мѣстѣ, обратились въ центростремительномъ движеніи къ Петербургу, увеличивая собой безмѣрное число чиновниковъ и уступая мѣста въ зем-

ствѣ дѣателямъ низшей пробы. Тамъ же, гдѣ Земство руководилось идеей и старалось быть самостоятельнымъ, оно всюду было оппозиціонно и входило въ неизбѣжные конфликты съ органами Правительства.

Всего этого, въ ту пору, мы ясно не сознавали, злая подземная теченія уже начали свою разрушительную приготовительную работу, но она еще не ощущалась на поверхности земли, на которой жизнь наша текла по прежнему.

Лѣтомъ 1867 года всемірная выставка въ Парижѣ привлекла въ эту блестящую столицу почти всѣхъ вѣнценосцевъ Европы. Это была минута апогея славы Наполеона, достигшей огромной высоты послѣ окончанія войны, въ которой Франція не принимала участія, но одержала тѣмъ не менѣе нравственную побѣду, получивъ возможность подарить Италіи Венецію. Нашъ Государь также отправился на это торжество съ двумя своими сыновьями Цесаревичемъ и Владиміромъ Александровичемъ, при чемъ Наслѣдникъ выѣхалъ изъ Даніи, гдѣ онъ былъ со своею Супругой. Моя мать и сестра были тамъ же съ Ихъ Высочествами.

Польское возстаніе оставило свои слѣды въ умахъ французовъ, какъ либеральнаго, такъ и клерикальнаго лагеря, что не замедлило и проявиться. Извѣстна дерзость адвоката Floquet, который громко произнесъ при входѣ Государя въ Palais de Justice: „Vive la Pologne, Monsieur“, а черезъ нѣсколько дней по окончаніи великолѣпнаго парада въ Loug Champ совершенно было покушеніе Березовскаго и затѣмъ, во

время суда надъ нимъ, рѣчи защитника были настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи.

Это лѣто 1867 г. мы провели въ Тверскомъ нашемъ имѣніи Волосовѣ, или Степановскомъ, какъ его называли въ началѣ XIX столѣтія въ память владѣвшаго имъ и умершаго въ 1805 г. Князя Степана Борисовича Куракина, но въ народѣ оно по сіе время извѣстно по древнему своему прозванію. Мой отецъ, занимавшійся своимъ Саратовскимъ имѣніемъ Надеждинымъ, передалъ въ то время управленіе Степановскимъ моему брату, который былъ тамъ хозяиномъ, самъ же онъ пріѣхалъ къ намъ только осенью. Съ нами былъ кромѣ того молодой докторъ, котораго мы пригласили къ нашему маленькому, такъ какъ медицинская помощь въ тѣ дни была еще скуднѣе въ провинціи, чѣмъ теперь, при наличности земскихъ врачей. Онъ былъ изъ новыхъ людей и шокировалъ насъ постоянно, особенно меня и брата своими манерами и сужденіями; мы часто видѣлись съ сосѣдями, чаще всего съ Мещерскими, въ средѣ которыхъ было много молодежи, ѣздили верхомъ, катались на лодкѣ, однимъ словомъ предавались обычнымъ деревенскимъ развлечениямъ. Моя внутренняя жизнь дремала, и я не хотѣла будить ее. Напротивъ, я честно, послѣдовательно закрывала всѣ входы моимъ прежнимъ мечтамъ. Я не хотѣла волноваться общественными вопросами, ни упражнять пылкости моего ума въ разрѣшеніи абстрактныхъ тезисовъ, ни восторгаться идеалами, ни даже издали прикасаться къ упоительной чашѣ

поэзіи и хотѣла забыть, что для меня когда
либо существовала

.... „la splendide tristesse
„d'une âme avide d'infini

(какъ я написала въ одномъ изъ моихъ стихо-
твореній). Я хотѣла жить дѣйствительно,
и этой дѣйствительностью я нашла то, что
наполнило мою душу и замѣнило все осталь-
ное—это было мое дитя.

Возможно ли, чтобы такое маленькое суще-
ство имѣло столько значенія? чтобы одно его
присутствіе могло пролить въ душу такой
обильный свѣтъ радости? Я видѣла въ немъ
цѣль моей жизни, предметъ, на который я
могла излить все, чѣмъ перестрадало мое бѣд-
ное сердце, примѣнить широко на дѣлѣ черезъ
него весь накопившійся жизненный опытъ
и постигнутыя истины, и чувствовала съ
нимъ таинственную связь, какъ будто бы онъ
былъ частицею моей души, по естеству соста-
вляя часть моего тѣла. Мой докторъ Этлин-
геръ сказалъ мнѣ разъ: „Vous verrez ce sera
un idéaliste et un poète“, и мнѣ нравилось такое
предсказаніе, которое я повторяла, глядя на
большіе умные глаза, слишкомъ умные для
такого маленькаго ребенка. Я сознавала, что
для женщины все сосредоточивается въ мате-
ринствѣ:

„Que c'est la seule joie ici bas

Qui persiste de tout ce qu'on rêva!“

и сердце мое было благодарно и покойно.

Этой зимой, я очень часто видѣла Великую
Княгиню Александру Петровну. Однажды, въ
разговорѣ она спросила меня—продолжаю ли я

писать стихи? прибавивъ, что она такъ много слышала о нихъ. Я отвѣчала: “Non, Madame, j’ai trouvé la poésie de la réalité et je m’y tiens”. И мой отвѣтъ былъ вполнѣ искреннимъ.

22 Ноября этого года состоялась помолвка Евгеніи Максимиліановны съ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ. Великая Княгиня Марія Николаевна была въ Quarto, близъ Флоренціи, а Принцесса проживала временно у своего Дяди, Великаго Князя Николая Николаевича. Извѣщенная объ этомъ счастливомъ событіи, я поспѣшила поѣхать во Дворецъ, гдѣ долженъ былъ быть молебенъ. Моя карета слѣдовала непосредственно за экипажемъ Татьяны Борисовны Потемкиной и я думала присоединиться къ ней въ прихожей и подняться вмѣстѣ по длиной мраморной лѣстницѣ, ведущей прямо въ церковь на верхній этажъ Дворца. Къ удивленію моему, ея тамъ не было и, не зная, что существуетъ подъемная машина (тогда еще рѣдкость въ Петербургѣ) я подумала, что карета приѣхала пустая за ней.

По окончаніи молебна, разнесся слухъ, что лифтъ оборвался и на меня посыпались вопросы о Татьянѣ Борисовнѣ.— Въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ, я спустилась внизъ и тутъ была поражена извѣстіемъ, что машина, въ которой сидѣла Татьяна Борисовна, оборвалась почти съ самой высоты и грохнулась о каменный полъ съ такою силою, что полъ треснулъ. Крыша, канаты, крюки—все попадало и наполнило собой внутренность лифта. Въ первую минуту догадались о присутствіи въ лифтѣ Татьяны Борисовны

лишь по горностаевой ея мантильи, выглядывавшей изъ подъ обломковъ. Все это произошло быстро въ то время, пока я взбиралась по лѣстницѣ.

Когда я вошла къ Татьянѣ Борисовнѣ, то увидала ее, лежавшую въ одной изъ нижнихъ комнатъ, окруженную докторами и приближенными ея, которымъ успѣли дать знать. Кости не были переломаны, но на всемъ тѣлѣ были ушибы и контузіи и главную и серьезную опасность, при слабости ея сердца, представляло общее сотрясеніе. Она должна была оставаться около двухъ мѣсяцевъ во Дворцѣ, прежде чѣмъ оказалось возможнымъ перевезти ее въ собственный домъ. Мы ѣздили каждый день къ нашей милой и любимой тетѣ и дежурили у нея, чтобы принимать и давать свѣдѣнія всѣмъ многочисленнымъ посѣтителемъ, пріѣзжавшимъ справляться объ ея здоровьи. Къ веснѣ она, болѣе или менѣе, оправилась и даже уѣхала на лѣто въ свое любимое имѣніе Святыя Горы, совершивъ это путешествіе съ крайнимъ утомленіемъ. Въ послѣдній разъ пришлось ей видѣть это имѣніе съ возстановленнымъ ею монастыремъ. Ужасное паденіе не убило ее разомъ, но сократило ея жизнь и отняло силы. Она принуждена была отказаться отъ своей обширной благотворительной дѣятельности и весною 1869 г. мы съ горемъ оплакивали ея кончину.

Зима прошла мирно и спокойно. Я не выѣзжала въ свѣтъ, такъ какъ ожидала къ веснѣ рожденія новаго младенца и была поглощена моимъ настоящимъ ребенкомъ и мыслью

о будущемъ. Къ послѣднему чувству примѣшивался страхъ за себя, навѣянный осложненіями моихъ первыхъ родовъ, и идея смерти представлялась мнѣ, какъ близкая возможность. Поэтому, продолжая заниматься живописью съ Великою Княгинею Екатериной Михайловной (но теперь уже въ Эрмитажѣ, гдѣ у насъ была отдѣльная мастерская), я торопилась окончить копію съ картины Sirani, съ которой я составляла образъ для моего милаго Рождественскаго ребенка въ натуральную его при рожденіи величину. Оригиналъ изображалъ Христа младенца, какъ побѣдителя смерти съ крестомъ около него и черепомъ смерти подъ ногами. Желая выразить мысль: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ,“ какъ болѣе подходящую къ настоящему случаю, я замѣнила крестъ—оливковыми вѣтвями и подъ ногами, вмѣсто черепа, написала земной шаръ въ облакахъ и сдѣлала золотой фонъ, чтобы придать картинѣ характеръ образа. Я хотѣла оставить ему этотъ памятникъ обо мнѣ въ случаѣ моей смерти, но, увы, не ему суждено было пережить меня.—Образъ этотъ я подарила церкви, устроенной мною въ Убѣжищѣ Тюремнаго Комитета и освященной въ 1888 г. 26 Декабря въ день храмового праздника и вмѣстѣ съ тѣмъ въ память дня его рожденія.

Этой же зимой началось сближеніе мое съ Княгиней Елизаветой Григорьевной Волконской, съ которой я впервые познакомилась въ Римѣ еще до ея замужества. Дружба съ ней заняла впоследствии огромное мѣсто въ моей жизни, составляя одну изъ моихъ сердечныхъ радостей и

умственныхъ опоръ. Я всегда преклонялась передъ ея выдающимся умомъ, богатѣйшей культурой, удивительными способностями ко всему и живымъ краснорѣчіемъ, въ которое она умѣла облекать свои высокія мысли. Но, почувствовавъ, сверхъ того, въ отношеніи себя всю горячность ея пламенной души, я съ восхищеніемъ откликнулась на ея призывъ и до конца ея жизни въ 1897 г. мы оставались связанными самыми искренними узами дружбы, полными взаимнаго довѣрія и пониманія.

Въ концѣ Апрѣля, Государыня Цесаревна, графиня Воронцова и я ожидали почти одновременно рожденія своихъ дѣтей. Мы съ мужемъ заранѣе назначили ожидаемому нами пришельцу имя Кирилла или Наталіи. 27 Апрѣля, чувствуя приближеніе его появленія на свѣтъ, я просила мужа справиться, въ свѣтцахъ, будетъ ли на другой день память Святаго или Святой, загадывая по сему, какого пола онъ окажется. Справившись, мужъ мой отвѣтилъ: „Завтра празднуется Св. Кириллъ.“ Я уже не сомнѣвалась, что у меня появится маленькій Кириллъ, который не обманулъ моего ожиданія. На другой день, 29-го, родился Ваня Воронцовъ, черезъ восемь дней Цесаревна разрѣшилась также сыномъ, нынѣ Царствующимъ Государемъ Николаемъ II.

Эти три жизни, начатыя вмѣстѣ, не расходились и съ теченіемъ времени. Изъ нихъ молодой Воронцовъ уже оставилъ жизненную арену, оплакиваемый своими родителями и молодой вдовой. Мой сынъ стоитъ близко къ своему Государю, въ качествѣ флигель-адъю-

танта и до своей смерти останется вѣрнымъ и преданнымъ его слугой посреди бурь и крушеній, возможныхъ въ наше тревожное время. Нельзя предрѣшать будущаго, мнѣ оно представляется грознымъ. Что-бы ни случилось, намъ начертанъ одинъ принципъ: „Fais ce que dois, advienne que pourra“.

На крестинахъ маленькаго Кирилла воспріемниками были моя мать и мой братъ. Въ этотъ день Татьяна Борисовна, пользуясь тѣмъ, что всѣ обитатели ея дома и мужъ ея были у меня, приняла таинство елеосвященія. При паденіи своемъ, она была на порогѣ смерти, и, чувствуя приближеніе ея, она пожелала совершить это послѣднее приготовленіе къ вѣчности, будучи въ полномъ обладаніи своихъ нравственныхъ силъ. Всѣ ближніе ея, въ горячей любви къ ней, старались увѣрить себя и ее, что потрясеніе, пережитое ею, прошло безслѣдно,—но она лучше знала и, не желая ихъ опечаливать, исполнила свое намѣреніе въ ихъ отсутствіи.

Перехожу теперь къ самому тяжелому періоду моей жизни. Въ двухъ очеркахъ, написанныхъ мною на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Une crise“ и „A vol d'oiseau“ я рассказала о немъ подробно, здѣсь я коснусь его поверхностно, насколько необходимо для непрерывности моихъ воспоминаній.

Съ тревогой я замѣчала, что мой маленькій Борисъ худѣетъ и блѣднѣетъ. Его бархатные черные глаза казались больше и задумчивѣе, наступившая очень ранняя весна вызывала во мнѣ желаніе поскорѣй уѣхать изъ Петербурга, чтобы предоставить ему возможность пользоваться чистымъ

деревенскимъ воздухомъ. Не ожидая своего полного выздоровленія, мы поспѣшили принять предложеніе Татьяны Борисовны провести лѣто въ ея имѣніи Гостилицахъ. Сама же она, какъ сказано выше, уѣхала въ Святые Горы, но въ Гостилицахъ оставалось еще большое общество ихъ родныхъ съ Александромъ Михайловичемъ во главѣ. Мой отецъ былъ въ Надеждинѣ, моя мать съ сестрой въ Петергофѣ, гдѣ царило большое оживленіе, особенно во время пребыванія Короля и Королевы Датскихъ, и Цесаревна веселилась со всѣмъ увлеченіемъ своей молодости и природной жизнерадостности. Сначала я была обрадована дѣйствіемъ перемѣны воздуха, но вскорѣ моя тревога возобновилась и болѣе не прекращалась. Не буду передавать всего, что страдало мое сердце въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, когда мнѣ пришлось видѣть шагъ за шагомъ постепенное угасаніе этой драгоценной для меня жизни: мои порывы отчаянія, мои мольбы, которыя, казалось мнѣ, были способны сдвинуть горы и на которыя я уповала услышать, наконецъ, отвѣтъ Хананеенкѣ: „О жена? буди тебѣ, якоже хочещи“, проблемски надежды, смѣняющіеся еще болѣе тяжелымъ чувствомъ безнадежности, и, наконецъ, послѣднія минуты. Это было 27 Августа. Мы намѣревались увести его въ Ниццу и мой мужъ уѣхалъ еще наканунѣ въ городъ, чтобы устроить нашу поѣздку. Рано утромъ няня вызвала меня. Когда я вошла въ дѣтскую, то поняла, что это былъ конецъ. Глаза его были устремлены вдаль, какъ будто онъ видѣлъ то, что было для насъ невидимо. Онъ лежалъ

спокойно, не страдалъ, но уже никого не узнавалъ. Я просила всѣхъ выйти, заперла двери и осталась одна съ нимъ. На колѣняхъ у его кровати, въ тишинѣ и безмолвіи, я передавала его Богу, напоминая Ему слова: „Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ“. Мнѣ казалось, что я на порогѣ другого міра, что мое дитя встрѣчается со своими братьями, Ангелами, между которыми я узнавала моего брата Бориса И такъ я оставалась съ нимъ до конца

О! какое горе я испытывала! Какъ библейская Рахиль, плачущая о дѣтяхъ своихъ и не хотѣвшая утѣшиться, „яко не суть“—и я не хотѣла и не могла утѣшиться. Я была окружена вниманіемъ и симпатіей моихъ близкихъ. Между ними Княгиня Юсупова, жившая также въ Гостилицахъ со своею матерью Графинею Рибопьеръ, была особенно ко мнѣ добра. У ней также недавно умеръ мальчикъ и тоже Борисъ, но мнѣ казалось, что ни одно дитя не могло имѣть того значенія, какое имѣло для меня мое.

Вспоминаю о нихъ всѣхъ съ благодарностью, такъ какъ не умѣю забывать сдѣланнаго мнѣ добра.—Жизнь моя, сосредоточившаяся въ теченіе всего лѣта на одномъ только предметѣ, страшно опустѣла. Уговаривали меня утѣшиться оставшимся мнѣ ребенкомъ,—я понимала, что ударъ былъ бы еще тяжелѣе, еслибъ его не было, но не могла еще утѣшаться дѣтской,—все, что въ ней было, я уже прошла съ другимъ и оно исчезло. Моя мысль была полна

имъ, и я уединялась съ нимъ. Утромъ я ходила быстрыми шагами по парку при свѣжѣмъ воздухѣ наступающей осени и думала, думала до безконечности. Я искала формулы моихъ думъ, очень часто находила ихъ въ стихотворномъ образѣ; или въ моей памяти воскресали извѣстные мнѣ прежде стихи, и я отъ нихъ не могла освободиться. Они, казалось, сопутствовали мнѣ и звучали въ моихъ ушахъ. Таковы были слѣдующіе:

„Que te sert d'avoir pris cet enfant, ô nature,
.....
„Pour cet enfant de plus, tu n'es pas plus
peuplée,
„Tu n'es pas plus joyeuse ô nature étoilée
„Et le coeur de la mère en proie à tant de
soins
„Ce coeur où toute joie engendre une torture
„Cet âbîme aussi grand que toi même, ô nature
„Est vide et désolé pour cet enfant de moins!“

Да! по истинѣ сердце мое было пустынно. Я спрашивала себя, почему столько страданья? неужели не могло мнѣ быть оставлено этой скромной радости? И, къ ужасу моему, холодное сомнѣніе вкрадывалось въ мою душу. Что, если все, что составляло мою жизнь, не существуетъ? Если это иллюзія? Если вмѣсто Провидѣнія, управляющаго съ любовью нашими жизнями и вѣдущаго наши нужды, царитъ безучастный *Fatum*, преслѣдующій въ необъятной вселенной свои невѣдомыя цѣли „ou la douleur de l'homme entre comme élément?“

Такія мысли раздирали мое сердце, мой

улетѣвшій ангелъ отдалялся отъ меня и дѣлался недосыгаемымъ; туманъ застилалъ предомной представленіе о небесахъ. Я боролась съ такими мыслями всѣми моими силами, все это было очень мучительно.

Осень мы закончили въ Царскомъ Селѣ. Я не могла еще рѣшиться переѣхать въ нашу городскую квартиру, откуда уѣхала съ нимъ. Заграницу мы не уѣзжали, хотя все было къ этому готово. Мой организмъ, несмотря на мою нервность, былъ несокрушимъ, маленькій Кириллъ былъ также здоровъ. Не было нужды въ отъѣздѣ и мы остались. Думаю, что это была большая ошибка.

Теперь пропускаю цѣлый годъ моей жизни, въ теченіе котораго я прошла черезъ настолько страшныя страданья, что вышеописанное мое горе служило имъ только преддверіемъ. Ровно черезъ годъ, въ Октябрѣ 1869 года мы уѣхали на зиму заграницу, направляясь на югъ Франціи: я была лишь тѣнью моего прежняго существа. Постоянная внутренняя тревога лишила меня всякаго аппетита и я засыпала только при помощи хлорала. Всѣ считали меня очень серьезно больной и безпокоились за меня. Но мой организмъ былъ по прежнему не тронутъ. Я скорбѣла, чувствуя, что причиняю столько скорби моимъ близкимъ, и думала про себя: „къ чему послужило все, что было даровано мнѣ: силы, пониманіе, способности, страсти,—только къ тому, чтобы страдать и причинять страданья. Моя жизнь не только бесполезна, но вредна и я впала въ какое то холодное оцѣпенѣніе. Какъ я была благодарна

въ то время моему строгому воспитанію, выработавшему выдержку и привычку справляться съ собой.

Внѣшняя жизнь текла по прежнему: раздвое-
ніе между ней и моимъ внутреннимъ міромъ
было ужасно—но никто его не подозрѣвалъ,
кромѣ моего стараго друга, доктора Этлингера,
который зналъ, что моя ничтожная физическая
болѣзнь не могла привести къ такому страш-
ному упадку силъ. . .

Пріѣздъ нашъ въ Парижъ былъ первымъ
толчкомъ, разсѣявшимъ мое оцѣпенѣніе. Мяг-
кій, знакомый воздухъ, который я называла
„mon air natal“, повѣялъ на меня ласкою,
возбуждая воспоминанія и ощущенія моего
счастливаго дѣтства, когда жизнь была ключемъ
и сулила мнѣ столько радостей. Я снова
почувствовала, что живу, и безъ труда упро-
сила мужа не ѣхать дальше и остаться на
зиму въ Парижѣ, гдѣ мы взяли квартиру въ
Champs Elysées. Одна перемѣна впечатлѣній
пробудила мои силы. Сверхъ того, я встрѣти-
лась съ друзьями и близкими, общество кото-
рыхъ было для меня драгоцѣнно. Я застала
тетушку мою, княгиню Чернышеву, и ея belle
fille, вдову нашего друга и товарища дѣтства
Льва. Мими, какъ ее звали, была выдающимся
существомъ. Овдовѣвъ въ 1864 г., послѣ двух-
лѣтняго супружества, она осталась съ ребен-
комъ, маленькимъ Львомъ, родившимся нѣ-
сколько дней спустя послѣ смерти отца. Этотъ
ударъ разбилъ всю ея жизнь и также жизнь ея
belle mère, для которой единственный сынъ былъ
предметомъ ея гордости и обожанія. Теперь

уже прошло пять лѣтъ съ момента ихъ тяжелой утраты и жизни ихъ соединились, имѣя общимъ центромъ ребенка, росшаго на развалинахъ ихъ прежняго благополучія. Мими была дочерью Владиміра Павловича Титова и Елены Иринѣевны, рожденной графини Хребтовичъ, умной, восторженной, нервной, горячее сердце которой имѣло неизсякаемую способность страдать. Вышедши замужъ за князя Чернышева, Мими поселилась въ Римѣ со своей властной *belle mère*; послѣдніе мѣсяцы молодая чета отдѣлилась, рѣшивши возвратиться въ Россію, и впервые имъ дано было жить вдвоемъ полнымъ супружескимъ счастьемъ. Не долго продолжалось оно, въ Февралѣ князь умеръ послѣ долгой мучительной болѣзни, въ теченіе которой его жена отъ него не отходила. Княгиня мать, узнавъ объ его опасномъ состояніи, поспѣшила пріѣхать изъ Рима, но сынъ ея уже лежалъ въ гробу въ Знаменской церкви въ ожиданіи отправки въ имѣніе, а маленькій Левъ только что появился на свѣтъ и лежалъ безсознательный въ колыбели. Онъ сдѣлался утѣшеніемъ бабушки болѣе, чѣмъ молодой матери, слишкомъ потрясенной своимъ горемъ и, по свойственному самовластію княгини, она, вмѣстѣ со своею незамужнею дочерью *Marydear*, болѣе руководила его воспитаніемъ, чѣмъ рѣшалась это дѣлать ея *belle fille*. Мими была очаровательно хороша. Правильныя тонкія черты ея могли бы послужить для изображенія лика Мадонны и большіе глаза ея имѣли глубокое и грустное выраженіе. Всегда въ богатыхъ черныхъ или полутраурныхъ

платьяхъ, представляющихъ контрастъ съ ея молодостью и красотой, она вращалась среди жизни, почти не касаясь ея, но чувствовалось, что могла понять всѣ жизненные упоенія. Она была изящна, умна и начитана. Меня связывала съ ней наша общая дружба съ графиней Мери Ламздорфъ, съ которой она была близка, какъ сестра, такъ что встрѣчу мою съ ней въ эту зиму я считала особеннымъ даромъ судьбы. Съ нею лично я подружилась впервые во время пребыванія Титовыхъ въ Петербургѣ, когда Владиміръ Павловичъ состоялъ при покойномъ Наслѣдникѣ до назначенія Попечителемъ графа Строганова, но потомъ дипломатическая его карьера отдалила ихъ отъ Петербурга.

Княгиня Чернышева принимала каждый вечеръ, занимая роскошный особнякъ на Boulevard Malesherbes, и домъ ихъ былъ поставленъ на очень широкую ногу. Между обычными ея посѣтителями мы встрѣчали нашего посла графа Штакельберга, бывшаго когда то адъютантомъ ея мужа Военнаго Министра. Я его хорошо знала, такъ какъ онъ былъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ, въ наше время, а впоследствии мы его видѣли въ Ниццѣ. По чувству дружбы къ моимъ родителямъ, онъ довольно часто бывалъ у насъ и я при всѣхъ случаяхъ пользовалась его предупредительностью. Здѣсь же я познакомилась съ прелестной княгиней Анастасіей Александровной Гагариной, рожденной графиней Стенбокъ, и съ ея мужемъ, княземъ Петромъ Дмитріевичемъ. Когда я ихъ видѣла вмѣстѣ, они напоминали мнѣ по внѣшнему виду Дездемону и Отелло. Крупная

черты князя, его черные глаза, въ которыхъ такъ легко загорались искры страсти или гнѣва (и приэтомъ смуглое лицо его блѣднѣло до губъ), а также черные курчавые волосы, все это представляло рѣзкій контрастъ съ изящной, граціозной фигурой его жены, съ тонкимъ, округленнымъ станомъ, съ ея лебединой поступью, мягкими движеніями и съ бѣлокурыми волосами на изящной головкѣ, съ красивыми тонкими чертами и очаровательной улыбкой, съ которой она, казалось, смотрѣла какъ на окружающихъ ее лицъ, такъ и на жизнь. Несмотря на свою удивительную кротость, она имѣла стойкій характеръ и сильную волю, много свѣтскаго остроумія и инстинктивнаго пониманія вещей при сравнительно малой культурѣ; вопросы абстрактные ее не занимали, за исключеніемъ религіозныхъ. Вѣра ея была ясна и дѣтски проста, въ общемъ она была прелестное существо и дружба наша, начавшаяся въ то время, продолжалась до конца ея жизни. Графъ Штакельбергъ былъ нашимъ общимъ другомъ. Онъ настаивалъ, чтобы мы вошли въ свѣтскій водоворотъ Парижской жизни, начиная съ представленія ко Двору, но мы отказывались и онъ, смѣясь, намъ говорилъ: “Я осажденъ соотечественницами, желающими быть вездѣ, а вы три, которыхъ я гордился бы представить, не хотите никуда ѣздить”.

Я также встрѣчала у Чернышевыхъ Павла Павловича Демидова князя Санъ-Донато, котораго мы знали еще со времени нашего дѣтства въ Парижѣ и нашей первой молодости въ Петербургѣ. Въ Августѣ 1867 г. онъ

женился на плѣнительной Маріи Мещерской, жившей у княгини Чернышевой послѣ ея удаленія отъ Двора, и окружилъ ее всей роскошью, доступной его несмѣтному богатству, въ собственномъ отелѣ въ Парижѣ и виллѣ въ Deauville. Она имѣла достойную царицы обстановку, въ которой расцвѣтала ея выдающаяся красота. Въ Маѣ я получила отъ нея письмо съ поздравленіемъ по случаю рожденія моего сына, сама она ожидала подобнаго событія и невольный страхъ, испытываемый, я полагаю, каждой молодой женщиной въ такихъ обстоятельствахъ, принялъ для нея размѣры предчувствія. Они были въ Вѣнѣ, чтобы имѣть возможность пользоваться совѣтами знаменитаго профессора. Въ Вѣнѣ она часто бывала въ церкви, гдѣ ее видѣли молящуюся въ слезахъ. Въ Іюнѣ родился маленький Элимъ, и предчувствія ея сбылись. Она скончалась на другой день послѣ родовъ.

Мужъ ея нашелъ письмо на его имя, въ которомъ она съ нимъ прощалась и благодарила его за счастье, которое онъ ей далъ и которое длилось менѣе года. Поэтический обликъ Демидовой получилъ таинственный ореолъ въ этой смерти, такъ внезапно пресѣкшей только что добытое счастье. Она унесла съ собой разгадку смысла жизни, вопросъ, который, какъ будто, читался въ загадочномъ выраженіи ея глазъ. Мужъ ея былъ убитъ горемъ. Когда я съ нимъ встрѣтилась въ Парижѣ, первая тяжесть удара уже миновала и онъ находился въ религіозномъ экстазѣ, навѣянномъ протестантскими христіанами, ко-

торые сумѣли направить пламенную его душу къ Богу. Онъ продалъ свой Дворецъ, Виллу и свою великолѣпную конюшню, жилъ скромно, ходилъ пѣшкомъ, или ѣздилъ на имперіалѣ omnibusовъ, не носилъ болѣе фрака, даже когда приходилъ обѣдать къ княгинѣ Чернышевой, и тратилъ огромныя деньги на дѣла благотворительности, руководствуясь совѣтами умнаго и ученаго пастора Берсье; самъ ходилъ по жилищамъ бѣдныхъ и выводилъ ихъ изъ бѣды щедрою рукою. Нѣкоторыя знакомыя мнѣ французскія дамы, которыя также занимались благотворительностью à domicile, недоумѣвали и не хотѣли вѣрить, когда узнавали отъ своихъ бѣдныхъ, что всему Парижу извѣстный *viveur* есть одно и то же лицо съ ихъ неутомимымъ благодѣтелемъ, и спрашивали меня о немъ. Онъ былъ симпатиченъ мнѣ по искренности и страстности своего увлеченія и мнѣ нравилась рельефность нѣкоторыхъ его выраженій. Напримѣръ, рассказывая объ одномъ миссіонерѣ, уѣзжавшемъ въ Африку, съ которымъ нечаянно встрѣтился на улицѣ, онъ сказалъ мнѣ: „en me disant qu'il partait il avait un sourire qui a illuminé le boulevard!“

Другимъ нашимъ центромъ были Сегюры. Графиня къ намъ относилась какъ къ своимъ собственнымъ дѣтямъ и приглашала насъ на семейныя обѣды, которые соединяли всю ихъ семью по Четвергамъ и Воскресеньямъ. Во второй изъ этихъ дней обѣдали за особымъ столомъ, но въ этой же столовой всѣ ея внучата, имена которыхъ извѣстны многимъ дѣтямъ, читающимъ веселые, но не всегда педа-

гогическіе ея рассказы, собранные въ изданіе „La Bibliothèque rose“. Эти обѣды были очень оживленны и даже шумны. Никто, болѣе французъ, не обладаетъ даромъ легкаго остроумія и умѣніемъ „faire des mots“. Наши родственники не были исключеніемъ въ этомъ смыслѣ и мнѣ весело было наблюдать и принимать участіе въ перекрестномъ огнѣ перебрасываемыхъ ими рѣчей. Къ моему большому удовольствію, баронесса Malaret проводила эту зиму въ Парижѣ и жила у своей матери. Причина ея пребыванія была грустна, она слѣдила за процессомъ en separation красивой дочери ея Camille, которая до судебного рѣшенія, убитая горемъ, находилась у отца во Флоренціи. Я сохранила благодарную память о радушномъ приѣмѣ, который Natalie, первая изъ семьи, оказала намъ, и я была искренне рада встрѣтиться съ нею опять. Графъ Штакельбергъ ее также очень хорошо зналъ, такъ какъ онъ и баронъ Маларе были оба посланниками своихъ державъ въ Туринѣ до и во время войны за освобожденіе Италіи и до перенесенія столицы во Флоренцію. Въ 1870 г. онъ былъ намѣченъ къ назначенію посломъ въ Петербургъ и Императоръ Наполеонъ уже объявилъ о семъ его женѣ. Она спрашивала меня объ условіяхъ жизни въ Россіи и рассчитывала на меня, чтобы помочь ей усвоиться въ незнакомой ей средѣ. Но назначеніе это не состоялось. Изъ Петербурга было заявлено о желаніи имѣть представителемъ Франціи военнаго человѣка и генералъ Флери былъ назначенъ на этотъ постъ.

Monseigneur Gaston былъ тоже свѣтлая лич-

ность и неутомимый труженикъ, хотя тѣнь грусти на немъ лежала со времени смерти его святой сестры, Sabine, съ которой связывала его такая тѣсная дружба. Но его особенно озабочивалъ вопросъ, волновавшій весь католическій міръ, о готовящемся Соборѣ въ Ватиканѣ, гдѣ должно было быть провозглашено догматомъ признававшееся доселѣ *ad libitum* ученіе о непогрѣшимости Папы. Извѣстно, что многіе изъ знаменитѣйшихъ католическихъ богослововъ возставали противъ введенія этого новаго догмата, между ними были лучшіе представители французскаго клира. Помня историческое отстаиваніе своей относительной независимости отъ Св. Престола, они и теперь ратовали за сохраненіе особенностей Галликанской церкви и готовились къ сплоченной оппозиціи на Соборѣ. Monseigneur de Segur усматривалъ расколъ въ этомъ движеніи, опасаясь послѣдствій перваго разрыва съ высшей іерархіей, и всѣми силами противился ему, какъ нарушающему единство католической церкви. За это стали относиться къ нему недружелюбно многіе прелаты, съ которыми связывали его долготѣнія отношенія, и Архіепископъ Парижскій Monseigneur Darbois счелъ возможнымъ подвергнуть его запрещенію, за отсутствіе солидарности съ нимъ, его прямымъ начальникомъ. Этотъ ударъ былъ жестоко чувствителенъ Гастону, но онъ смирился смиреніемъ высокимъ; ни одной жалобы не произнесли его уста, и массъ лицъ богатыхъ и бѣдныхъ, которыя приходили къ нему съ обремененными своими сердцами, ища отъ него

словъ утѣшенія и подкрѣпленія, онъ говорилъ съ кротостью: „Не могу помочь Вамъ теперь; я нахожусь подъ запрещеніемъ Церковнымъ“. Этотъ эпизодъ былъ настоящимъ событіемъ въ Санжерменскомъ предмѣстьѣ; съ нимъ не хотѣли мириться. Всеобщее давленіе было такъ сильно, что заставило Архіепископа отмѣнить свое рѣшеніе, и Gaston съ новымъ усердіемъ продолжалъ свою благотворительную дѣятельность.

Такъ какъ я занималась въ Россіи по части благотворительности, то просила его познакомиться меня съ нѣкоторыми учрежденіями, находящимися подъ его руководствомъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Très bien, je vous adresserai à votre cousine, à la soeur Natalie Narischkine,“. Я удивилась. Дѣйствительно, какъ я узнала потомъ, эта сестра принадлежала къ одной изъ вѣтвей фамиліи моего мужа, но находилась съ нами въ очень отдаленномъ родствѣ. Ея мать была рожденная княжна Мещерская, и онѣ жили, ради ея здоровья, въ Неаполѣ, гдѣ были дружны съ семействомъ La Ferronays. Вѣроятно, подъ ихъ вліяніемъ, онѣ приняли католическую вѣру: двѣ сестры вышли замужъ за иностранцевъ и младшая Наталія, замѣчательно красивая, поступила въ Монастырь и посвятила себя службѣ Христу въ лицѣ Его меньшей братіи. Когда я съ нею познакомилась чрезъ нашего двоюроднаго брата, ей было лѣтъ сорокъ. Лицо ея привѣтливое и кроткое сохранило прекрасныя правильныя черты, но было блѣдно и носило слѣды усталости отъ суровой жизни. Не

смотря на грубую матерію платья, станъ ея и манеры сохранили всю изящность и свидѣтельствовали о принадлежности ея къ высшему обществу. Послѣ ея смерти, другъ ея M-me Pauline Craven, рожденная la Ferronays, написала прекрасную и интересную біографію ея. У нея былъ братъ, далеко не раздѣлявшій ея образа мыслей. Онъ умеръ молодымъ въ Москвѣ. Вдова его, рожденная Кноррингъ, была героиней трагическаго эпизода, прогремѣвшаго когда то въ Московскомъ обществѣ. Въ упоминаемое мною время она была женой Александра Дюма (сына). Но эти belles-soeurs, жившія въ одномъ городѣ, были такъ же далеки другъ другу, какъ еслибъ онѣ жили на различныхъ планетахъ.

Изъ всѣхъ Сегюровъ ближе всѣхъ сошелся со мной Anatole, сдѣлавшійся главою рода и принявшій титулъ Маркиза, который носилъ его прадѣдъ. Онъ былъ человѣкъ тонкаго ума и добрѣйшаго сердца, писатель и поэтъ. Знаетъ и страстный любитель музыки, онъ восхищался Рубинштейномъ и былъ другомъ Гуно. Жена его, Cecile, относилась также очень родственно ко мнѣ; мы подружились и даже переписывались первое время по возвращеніи моемъ въ Россію. Состоя въ должности Conseiller d'Etat, Anatole представилъ замѣчательный докладъ по поводу малолѣтнихъ работниковъ, изучивъ этотъ близкій его сердцу вопросъ вмѣстѣ съ Jules Simon. Среда, въ которой онъ вращался, была очень интеллектуальна. Друзьями его были: Montalembert, Falloux, Broglie и также M-r Rio, съ которымъ мы познакомились

въ Римѣ въ 59 году, и котораго я была сердечно рада встрѣтить опять. Rio также былъ большимъ другомъ молодой княгини Чернышевой и мы посѣщали его вмѣстѣ съ нею въ его скромной квартирѣ въ концѣ rue du Vaugirard въ мѣстности, хотя стоящей и не далеко отъ шумнаго міроваго города, но не допускавшей въ своихъ безмолвныхъ улицахъ отголосковъ его кипучей жизни.

Только что законченная поэма графа Сегюръ Sainte-Cécile была исполнена на одномъ музыкальномъ литературномъ утрѣ у герцогини Гальера. Поэма, или скорѣе драма въ стихахъ прерывалась хорами музыки, которые сочинилъ Гуно. Главную роль Св. Цециліи исполняла M-me Favart, первая актриса Французской комедіи. Прекрасная дикція дѣйствующихъ лицъ, выдвигающая изящность стиховъ, прелестная музыка, исполненная учениками Консерваторіи, классическіе костюмы и декораціи способствовали ансамблю представленія, посвященнаго памяти Святой покровительницы музыки. Для поэта это имя имѣло еще другое значеніе, будучи именемъ его жены. Успѣхъ былъ полный. Авторъ былъ вызванъ на сцену и ему горячо апплодировало все элегантное общество, собранное въ этомъ наизящнѣйшемъ домѣ. Дѣйствительно, Салонъ герцогини Гальера считался однимъ изъ первыхъ по своей исключительности и великолѣпію даваемыхъ въ немъ пріемовъ. Она съ большею любезностью отнеслась ко мнѣ, помня прежнее знакомство съ моими родителями и особенно дружбу моей матери съ ея сестрой, герцогиней Melzi. Хорошо помню

послѣднюю, она бывала часто у насъ со своимъ мужемъ, красивымъ и живымъ брюнетомъ, и они приглашали насъ посѣтить ихъ, въ своей дивной, всѣмъ туристамъ извѣстной, виллѣ въ Белладжіо на чудныхъ берегахъ озера Комо. Мой отецъ одинъ воспользовался этимъ приглашеніемъ, такъ какъ мать никогда насъ не покидала, а везти насъ всѣхъ было хлопотливо и дорого. Эти дамы были дочерьми Маркиза Бриньоле, бывшаго Сардинскаго Посланника въ Парижѣ въ наше время. Богатство герцога Гальера было колоссально. Къ огромному горю родителей, единственный сынъ ихъ былъ глухонѣмой, но онъ скончался. Родившійся потомъ ребенокъ былъ вполне нормаленъ и окруженный самымъ нѣжнымъ попеченіемъ, доросъ до возмужалости, но вдругъ исчезъ. Сначала судьба его была неизвѣстна, потомъ узнали, что онъ уѣхалъ въ Америку и сдѣлался социалистомъ, отрекся отъ всего, отъ несмѣтнаго богатства, отъ матери (отецъ его уже умеръ), отъ своего титула и положенія въ свѣтѣ. Понятно, какъ сокрушителенъ былъ этотъ ударъ для герцогини. Потерявъ надежду возвратить его, она завѣщала свой Парижскій ОТЕЛЬ Императору Австрійскому; въ немъ помѣщается теперь Австрійское посольство, а свои брилліанты и удивительные жемчуга Императрицѣ Германской Фредерикѣ (матери Вильгельма II), которая раздѣлила ихъ между 4-мя своими дочерьми. Скоро она потомъ скончалась. Много лѣтъ спустя, мнѣ случилось быть въ Генуѣ и видѣть всѣ сооруженія, построенныя герцогомъ Гальера на свои средства для пользы

своего роднаго города. Вся набережная, гавань, много другихъ зданій, все создано его иждивеніемъ. Я посѣтила также дворцы Гальера и Бриньоле, перешедшіе по наслѣдству далекому страннику, порвавшему всѣ связи со своимъ прошлымъ. Кустоде показывалъ мнѣ, какъ всѣмъ туристамъ, достопримѣчательности этихъ дворцовъ и называлъ по имени изображенныхъ на художественныхъ портретахъ лицъ. Когда я ему сказала, что знала семейство Brignole и двухъ герцогинь, послѣднихъ потомковъ этого дома, онъ обрадовался и, вдругъ оживившись, заговорилъ о добровольномъ изгнанникѣ, прибавляя къ своимъ разсужденіямъ: „Если бы онъ вступилъ въ монашество, понятно было бы; но нѣтъ, онъ ушелъ къ какимъ то проходимцамъ, раздирая сердце своей матери, и заключилъ: должно быть онъ съ ума сошелъ“.

Изъ артистическихъ моихъ впечатлѣній кромѣ посѣщеній богатѣйшей картинной галереи Лувра, всѣмъ извѣстной по своимъ шедеврамъ, упомяну о симфоническихъ концертахъ въ консерваторіи, которые меня восхищали, по своему удивительному исполненію. Графъ Штакельбергъ любезно приглашалъ насъ въ свою ложу, а также въ оперу, новое зданіе которой я еще не видѣла и которое поразило меня своею роскошью, но вмѣстѣ и безхарактерностью. Залъ былъ очень блестящъ, такъ какъ всѣ ложи были заняты дамами въ нарядныхъ платьяхъ декольте съ брилліантами, какъ ѣздятъ на большіе вечера.

Былъ также элегантный музыкальный вечеръ

у нашего посла, на которомъ пѣли, между прочимъ, Nilson и Faure. Къ концу концерта, Nilson исполнила романсы графини de Mercy d'Argenteau на слова хозяина дома. Сочинительница тутъ же сидѣла, останавливая общее вниманіе своей пышной красотой и классическими чертами лица. У нея была голова и станъ Юноны. Мы ее знали въ нашемъ дѣтствѣ какъ Louise de Chimay. Теперь она стала самой выдающейся красавицей Парижской *grande vie*. Она была отличная музыкантша, видѣла многихъ артистовъ и сама занималась композиторствомъ. Эксцентричность ея ничѣмъ не стѣснялась. Графъ Штакельбергъ былъ страстно въ нее влюбленъ. Можетъ быть, даже это чувство, подогрѣваемое ея кокетствомъ, способствовало развитію болѣзни, отъ которой онъ умеръ въ эту же весну во время нашего пребыванія въ Парижѣ. Эта болѣзнь началась карбункуломъ на затылкѣ. Мы о немъ искренно сожалѣли. Онъ былъ искусный дипломатъ и понималъ выгоды Россіи, притомъ крайне доступный всѣмъ русскимъ, пріѣзжающимъ въ Парижъ, и помогалъ каждому, чѣмъ могъ. По своей широкой культурѣ, литературному таланту и обширному знанію жизни, онъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ, когда либо встрѣчаемыхъ мною.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, Великая Княгиня Елена Павловна дала мнѣ порученіе къ старой подругѣ ея юности M-me André. Когда мы пріѣхали въ Парижъ, она отсутствовала и возвратилась только въ Февралѣ. Вся ея среда вмѣстѣ съ нею меня очень

*

заинтересовала. Она была центромъ огромнаго общества лицъ, соединенныхъ между собою одною пламенною вѣрою во Христа и не щадящихъ никакихъ усилий, чтобы способствовать распространенію своихъ убѣжденій. Было что то, напоминающее первые вѣка христіанства въ энтузіазмѣ, съ которымъ они проповѣдывали, по примѣру Апостола Павла, Христа, Распятаго и Воскресшаго, и въ братскомъ единеніи всѣхъ, исповѣдующихъ этотъ основной принципъ, къ какой бы народности, степени образованія и положенію въ свѣтѣ они ни принадлежали. Тутъ были представители Голландской, Англійской, Американской, Швейцарской миссій, очень богатые люди и очень бѣдные, всѣ между собой въ отношеніяхъ полного равенства. Это былъ своего рода Интернаціональ, также стремившійся къ доставленію счастья роду-человѣческому, съ тою разницею, однако, что они находили путь къ нему въ любви, самопожертвованіи и исполненіи заповѣдей Христа, въ силу которыхъ имущіе дѣлились бы съ неимущими, а не въ крови и въ насиліи, приводящихъ людей къ взаимной ненависти и состоянію озвѣренія. М-me André сама была пожилая женщина, лѣтъ около шестидесяти, довольно полная, съ быстрыми движеніями, свѣжимъ цвѣтомъ лица и живыми черными глазами. Одѣтая очень просто, всегда въ черномъ съ черной же кружевной косынкой на сѣдыхъ волосахъ, она, казалось, управляла всѣмъ движеніемъ, поддерживала огромную переписку, была окружена массою людей. На собраніяхъ, происходившихъ въ ея домѣ, куда она только наѣзжала, такъ

какъ жила болѣе въ Версальской своей виллѣ Les Ombrages, около которой сосредоточивались разнородныя благотворительныя учрежденія, я познакомилась съ Ливерпульскимъ адвокатомъ Reginald Ratcliff; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ проповѣдниковъ. Не обладая выдающимся краснорѣчіемъ, онъ сильно дѣйствовалъ на слушателей по своей, сообщавшейся имъ горячей вѣрѣ. То же самое можно было сказать и о лордѣ Редстокѣ, котораго я также здѣсь встрѣчала. Слушая ихъ, я испытывала какъ бы гальваническій токъ. Догматической стороны они не касались, кромѣ основного краеугольнаго камня, одинаково принятаго всѣми развѣтвленіями христіанства. Никакого новаго откровенія они не могли дать мнѣ, я и прежде не была невѣждой въ этомъ отношеніи, но они открыли путь живой водѣ, задержанной осадкомъ моихъ тяжелыхъ нравственныхъ страданій. M-me André интересовалась мною, какъ посланною Великой Княгиней Еленой Павловной и баронессою Раденъ, написавшей ей обо мнѣ и высоко ею цѣнимой. Она рассказывала мнѣ о своей молодости, настаивала на необходимости безповоротнаго рѣшенія въ направленіи своей жизни, перефразируя изреченіе: „Вы не можете служить Богу и Мамонѣ.“ У нея была большая мудрость житейская и знаніе человѣческаго сердца. Такимъ образомъ, въ религіозномъ отношеніи я находилась между двумя полюсами: Ультрамонтанствомъ Сегуровъ и Евангелистами M-me André. Въ тѣхъ и другихъ, не смотря на ихъ взаимное непониманіе, я находила общее depositum

fede и, принадлежа не только внѣшнимъ образомъ, но вполнѣ искренне къ особенно-стямъ нашей церкви, я находилась въ одинаково близкомъ общеніи какъ съ тѣми, такъ и съ другими, повторяя изъ глубины сердца со Св. Августиномъ: „In certis unitas, in dubbii libertas et in omnium caritas.“ Я бывала на этихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ моими двумя подругами, княгинями Чернышевой и Гагариной. Мужъ послѣдней, князь Петръ Дмитріевичъ, посмѣивался надъ нами и называлъ наши собранія: *vos réunions huguenotes.* Мы были единодушны и много говорили между собой потомъ о возникавшихъ по поводу слышанныхъ рѣчей вопросахъ. Это было очень хорошее для насъ время большой близости и искренности въ отношеніяхъ съ отсутствіемъ въ нихъ малѣйшаго элемента свѣтской мелочности.

Этой же весной Чернышевы покинули Парижъ и поселились на слѣдующую зиму въ Римѣ, гдѣ въ Мартѣ тетушка скончалась. Разставаясь съ ней въ Парижѣ послѣ зимы, проведенной въ такой интимности, я разсталась, какъ оказалось, съ ней навсегда. Съ Мими начинались уже нервные припадки, отъ которыхъ она такъ ужасно страдала въ теченіе семи лѣтъ, пока во время одного страшнаго припадка не прекратилась ея жизнь. Эта зима была для нея послѣдней, когда она чувствовала себя бодрой, за исключеніемъ случайныхъ приступовъ начинающейся болѣзни.

Въ послѣднемъ, полученномъ мною отъ нея письмѣ, уже написанномъ дрожащимъ почеркомъ, она упоминаетъ объ этомъ времени,

называя les impressions ineffaçables de notre hiver de Paris. Для меня также впечатлѣнія этой зимы остались неизгладимыми.

... Политическая жизнь развивалась съ исключительнымъ интересомъ. Броженіе въ Парижѣ среди рабочихъ было сильное, революціонный элементъ принималъ грозный характеръ. Императорское правительство вступило на скользкій путь уступокъ. Свободная печать изливала свои помои на всѣхъ и вся. Министрство Emile Ollivier бывшаго республиканца, но обвиняемаго своею партіею въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, боролось съ ядовитыми нападками и придирчивыми интерpellациями лѣвой въ Палатѣ. Шумъ и гамъ въ ней иногда былъ невозможный, и въ салонныхъ разговорахъ французы возмущались такимъ составомъ Палаты, называя ее une Rétaudière. Полиція имѣла много дѣла съ постоянно возникающими уличными безпорядками. Каждымъ инцидентомъ пользовались какъ предлогомъ для нихъ. Однимъ изъ серьезныхъ было чествованіе годовщины смерти Baudin, застрѣленнаго во время *сoup d'Etat* 2 Декабря; также, дѣло журналиста Victor Noir, убитаго въ запальчивости Принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ (сыномъ Lucien), и бывший за симъ судъ съ зажигательными рѣчами адвокатовъ и статьями радикальныхъ газетъ. Я бывала довольно часто въ Палатѣ, имѣя доступъ въ Tribune diplomatique по протекціи графа Штакельберга, и слушала съ большимъ интересомъ ясное и какъ будто отчеканенное краснорѣчіе Тьера,

Цицероновскіе періоди Жюля Фавра, злые нападки Rochefort, тихую рѣчь Jules Simon и ярую Гамбетты, постоянно прерываемыя рѣчи ораторовъ правой, видѣла M-r Schneider, тщетно въ такихъ случаяхъ звонящаго въ свой колокольчикъ при возгласахъ „Huissieurs, silence, messieurs, silence!“ Въ Маѣ возбужденіе было такъ сильно, что Наполеонъ рѣшился на отчаянную мѣру. Получивъ свой тронъ волею народной, выразившейся всеобщей подачей голосовъ, онъ обратился опять ко всему народу для выясненія вопроса: „Пользуется ли онъ еще довѣріемъ народа, желаетъ ли Франція сохранить его своимъ Государемъ?“ Результатъ плебесцита былъ поразителенъ. Громаднымъ числомъ голосовъ Императоръ былъ какъ бы переизбранъ снова. Триумфъ былъ полный, ослѣпительный, но и послѣдній. Почувствовавъ твердую почву подъ ногами, Наполеонъ не устоялъ отъ искушеній стяжанія военной славы. Война съ Германіей началась въ Іюлѣ и, какъ извѣстно, привела къ окончательному затменію Бонапартовской звѣзды и къ исчезновенію ея съ политическаго горизонта,

Незадолго до нашего отъѣзда изъ Парижа мы получили извѣстіе о смерти въ Дрезденѣ единственнаго брата моего мужа Оедора Дмитриевича, оставившаго на нашемъ попеченіи шестнадцатилѣтнюю дочь свою Наталію. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ Долгоруковой, но она болѣла нервнымъ разстройствомъ и находилась на излѣченіи у доктора Роллера въ Илленау близъ Бадена. Сестра ея, графиня Толь, привезла къ намъ нашу

общую племянницу и провела у насъ съ ней нѣсколько дней. Мой мужъ былъ назначенъ опекуномъ совмѣстно съ дѣдомъ ея княземъ Николаемъ Васильевичемъ Долгоруковымъ. Было много осложненій, вытекавшихъ изъ взаимныхъ отношеній членовъ обѣихъ семей и много разговоровъ по этому поводу.

Въ Петербургѣ мы рѣшали всѣ вопросы съ матерью моей *belle soeur*, княгиней Екатериной Дмитриевной Долгоруковой, властной и авторитетной старой дамой. Она была сестра гофмейстерины Ея Величества графини Протасовой и дочерью бывшего Московскаго генералъ-губернатора свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Сама носила высокое званіе статсъ-дамы. Положеніе ея въ свѣтѣ было важное, и она привыкла считать меня за ребенка, будучи дружна съ моей бабушкой и другими лицами ея поколѣнія. Она приходилась также родной бабушкой близнецамъ князьямъ Петру и Павлу Дмитриевичамъ Долгоруковымъ, получившимъ печальную извѣстность въ настоящее время вслѣдствіе участія, принятаго ими въ нашей революціи. Петръ замѣнялъ даже Муромцева въ предсѣдательствованіи въ нашей злосчастной первой Думѣ. Время идетъ впередъ, и грустно думать, что оно уноситъ неудержимымъ потокомъ старыя традиціи и старыя вѣрованія. Къ какому концу приведетъ насъ эта быстрая смѣна и отмѣна всего, что считалось незыблемымъ? Это вопросъ будущаго. Въ виду нагрянувшей уже бури, необходимо держаться единственнаго якоря спасенія—вѣры въ Того, Кто Одинъ

могъ сказать: „Небо и земля мимо идутъ—
Словеса же Мои не мимо идутъ.“

Моя мать совѣтовала мнѣ въ своихъ письмахъ не возвращаться еще въ Россію, а довершить улучшение моего здоровья лѣтнимъ пребываніемъ заграницей, но меня тянуло домой. Главнымъ побужденіемъ къ тому служила помолвка моей сестры съ Александромъ Ѳедоровичемъ Козеномъ, и свадьба ихъ, которая должна была совершиться въ началѣ лѣта въ Степановскомъ. Мнѣ было бы страшно грустно не принять личного участія въ этомъ семейномъ событіи. Новая обязанность наша въ отношеніи Natachon, такъ звали нашу племянницу, поддерживала мое желаніе, которое мы рѣшились исполнить. Въ Маѣ мы возвратились въ Петербургъ и разомъ окунулись въ семейные интересы разнороднаго свойства. Natachon поселилась сначала у насъ, но на лѣто уѣхала съ княгиней Долгоруковой въ деревню, такъ что я была свободна посвятить себя заботамъ нашей семьи. Великая Княгиня Елена Павловна, тотчасъ же по моемъ пріѣздѣ, приняла меня и долго разспрашивала о политическомъ положеніи Франціи. Такъ какъ я близко слѣдила за ходомъ дѣлъ и встрѣчалась съ людьми разныхъ лагерей, то могла отвѣтить обстоятельно на Ея вопросы. Моя мать должна была уѣхать вскорѣ съ Государемъ Цесаревичемъ и Цесаревной въ Новочеркасскъ, сестра моя осталась со мною, и мы вмѣстѣ уѣхали въ деревню, гдѣ уже ждалъ насъ отецъ и гдѣ мы занялись приготовленіями къ пріѣзду нашей матери, жениха и

тѣхъ родственниковъ съ обѣихъ сторонъ, которые были приглашены присутствовать на свадьбѣ. Бракосочетаніе было совершено 5 Іюня въ нашей домово́й церкви; на моей сестрѣ было вѣнчальное платье, подаренное ей Государыней Цесаревной. Послѣ отѣзда молодыхъ и постепенно всѣхъ гостей, мы остались въ сравнительно небольшомъ обществѣ, состоявшемъ изъ моихъ родителей, моего брата, приглашеннаго нами на лѣто, доктора Волицкаго, живописца Орлова и двоюродной сестры моего мужа графини Лидіи Андреевны Ростопчиной. Она была дочерью брата моей belle-mère графа Андрея Ѳедоровича, ухитрившагося въ продолженіе тридцати лѣтъ промотать огромное состояніе, оставленное ему его отцомъ. Дома въ Москвѣ, великолѣпныя имѣнія въ лучшихъ губерніяхъ, картинная галлерей, библіотека, знаменитый Ростопчинскій конный заводъ, все исчезнуло, какъ дымъ. Катастрофа завершилась въ 68 году. Въ упоминаемое мною время Графиня Лидія скромно существовала на пенсію, дарованную ей милостью Государя, по ходатайству Великой Княгини Елены Павловны, прибавлявшей къ ней извѣстную сумму изъ своихъ средствъ. Она уже провела со мной въ деревнѣ прошлое лѣто, до нашего отѣзда за границу, и, перенеся со стоическимъ достоинствомъ крушеніе всего благосостоянія, къ которому она привыкла съ дѣтства, она осталась по прежнему веселой и оживленной, соединяя съ Ростопчинскимъ юморомъ нѣкоторую мечтательность матери, извѣстной поэтессы, таланта которой она впрочемъ не уна-

слѣдовала. Здоровье моего отца начинало насъ озабочивать. Чтобы развлечь его, мы обѣ сыграли сюрпризомъ для него Комедію „Comme elles sont toutes“, взявъ третьимъ актеромъ одного изъ нашихъ сосѣдей. Въ этой маленькой пьесѣ, которую я случайно купила въ Парижѣ, осмѣивался слегка акцентъ и обороты рѣчи русскихъ, говорящихъ по французски, и, такъ какъ мы тоже въ то время иногда посмѣивались надъ этимъ, то она являлась какъ бы à propos и дала намъ возможность весело провести вечеръ. Мой отецъ былъ очень доволенъ нашимъ исполненіемъ. Вскорѣ потомъ мои родители уѣхали вмѣстѣ въ Саратовское имѣніе Надеждино, и братъ насъ также покинулъ, уѣхавъ въ Москву. Степановское уже принадлежало намъ, т. е. мнѣ и сестрѣ, согласно дарственной записи, совершенной осенью 69 года. Попечительство, наконецъ, было упразднено, по уплатѣ всѣхъ долговъ, и мой отецъ, войдя въ полное распоряженіе своимъ имѣніемъ, поспѣшилъ по свойственной ему добротѣ, урегулировать еще при жизни всѣ будущія отношенія членовъ семьи касательно его наслѣдства. Отдавъ намъ въ полную собственность имѣніе Степановское, онъ оставилъ себѣ пожизненно усадьбу, на содержаніе которой отпускались изъ главной конторы особые средства, дабы устранить этимъ возможность какой либо родительской зависимости отъ дѣтей.

Когда мы остались почти одними, мои натянутые нервы сразу сдали и, вмѣстѣ съ упадкомъ силъ, меня охватилъ потокъ мыслей,

воспоминаній, стремленій, противъ которыхъ я боролась, какъ могла. Главной помощью для меня была, кромѣ моего ребенка, устроенная мной маленькая больница. Докторъ завѣдывалъ ею, имѣя помощникомъ стараго фельдшера, проживающаго на покоѣ пенсіонера. Нѣкоторыя страданія намъ удавалось облегчать; бѣдные больные меня любили и выражали это чувство ласкательными словами, свойственными нашему простолюдину. До сихъ поръ помню нѣкоторыхъ изъ моихъ пациентовъ. Они меня трогали и утѣшали. Чтобы избавиться отъ гнета моихъ неотвязчивыхъ мыслей, я задумала написать романъ; при объективной формѣ вымышленнаго разсказа я хотѣла хоть разъ въ жизни вылить свою душу. Сначала я думала написать его, по обыкновенію, по-французски, и даже набросала на этомъ языкѣ общій планъ и характеры лицъ, но потомъ, подъ вліяніемъ совмѣстныхъ чтеній, которыя мы завели по вечерамъ, я рѣшилась испробовать мои силы по русски.

Наступило уже осеннее время, и, такъ какъ послѣобѣденныя катанья и прогулки кончились, я собирала наше маленькое общество въ большой гостиной въ верхнемъ этажѣ, для чего выписывала изъ Петербурга лучшія произведенія нашей современной литературы, которыя предложила читать въ слухъ. Эти вечера были очень пріятны. Въ красивой комнатѣ, украшенной старинными картинами и хорошо освѣщенной, въ теплой атмосферѣ догорающихъ дровъ въ мраморномъ большомъ каминѣ мы слѣдили съ наслажденіемъ за худо-

жественными описаніями Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, передаваемыми намъ чтицами: графиней Ростопчиной и Г. Ляпуновой. Эта дама также жила въ Степановскомъ. Мой отецъ познакомился съ нею у сосѣдей нашихъ Ремеровъ, у которыхъ она проживала, въ ожиданіи судебнаго рѣшенія очень важнаго для нея дѣла и, такъ какъ они сами уѣзжали за границу, а ей не было пристанища, то мой отецъ пріютилъ ее въ одномъ изъ домовъ нашей усадьбы. Она владѣла прежде значительнымъ состояніемъ, но въ настоящее время лишилась всего и была очень подавлена этимъ обстоятельствомъ, сохраняя впрочемъ привычки элегантности и свѣтскости. Сверхъ того, она была очень литературна и сама даже писала. Она проводила у насъ вечера и часто обѣдала. Читать вслухъ было для нея удовольствіемъ. Я восхищалась поэзіей Тургенева: какъ любила я этотъ русскій языкъ, образный, гармоничный, выразительный, который онъ самъ любилъ, усматривая залогъ величія въ народѣ, способномъ создать его. Какая прелесть его первая любовь, Фаустъ и вообще все то, что имъ написано. Съ захватывающимъ интересомъ, острымъ до боли, слушала я „Преступленіе и наказаніе,“ разбирая съ авторомъ психологію Раскольниковова и проникаясь жалостью къ исповѣди пьянаго Мармеладова. Боже мой, какой міръ нравственнаго и физическаго страданья открыла предо мной эта книга.

Благодаря такъ сильно занимавшему меня чтенію, гармонія русской рѣчи въ ея наилучшихъ образцахъ оставалась какъ отда-

ленный звукъ въ моихъ ушахъ. Когда я думала о моемъ романѣ, то думала о немъ по-русски. Французскій языкъ такъ не подходилъ къ описанію русской жизни. Одѣтъ же моихъ дѣйствующихъ лицъ Маркизами я не могла, такъ какъ у французовъ психологія разнится съ нашей и вышло бы неестественно, а мои герои были русскіе люди и жили въ русской деревнѣ. Поэтому, естественно было написать о нихъ по-русски, что я и сдѣлала, начавъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Романъ очень занималъ мои мысли и отвлекалъ ихъ отъ моего самосозерцанія. Я такъ ясно представляла себѣ моихъ дѣйствующихъ лицъ, что мнѣ, какъ будто, стоило только редактировать то, что я вижу. Моя героиня выступала предъ мною въ образѣ Мими Чернышевой съ ея прекрасными грустными глазами, веселой улыбкой, и богатыми черными туалетами. Я ее назвала Вѣрой, потому что я люблю это имя, и особенно его значеніе, и также потому, что главная мысль моего сочиненія была побѣда надъ искушеніемъ посредствомъ вѣры. Въ образѣ Мими, она говорила моими словами и чувствовала моими чувствами. Факты всѣ были вымышлены, равно какъ и лицо посредника.

Я сообщила прочимъ обитателямъ Степановскаго, мужу, брату и доктору о ходѣ моей будущей повѣсти, по мѣрѣ того, какъ она выяснялась предо мною. Съ вышины балкона, гдѣ я записывала карандашемъ рождающіяся мысли, я посвящала ихъ въ развитіе моего плана, а они слушали, опираясь на боль-

шія кадки съ померанцевыми деревьями, которыя стояли на аллеѣ передъ домомъ. Мой братъ кричалъ мнѣ, что посредникъ никуда не годится, такъ какъ занимается только Графиной, а не своимъ дѣломъ, докторъ хотѣлъ видѣть автобіографію въ моемъ сочиненіи и искалъ посредника. Какъ разъ у насъ заговорили о нашемъ посредникѣ. Мы приступали къ выкупной операціи и ждали его пріѣзда. Я видѣла, что докторъ волнуется, но когда посредникъ явился, то онъ долженъ былъ признать, что самое пылкое воображеніе не могло ему придать характера героя романа. Это былъ старикъ съ краснымъ загорѣлымъ лицомъ и огромнымъ синеватымъ носомъ, слишкомъ ясно свидѣтельствующимъ о его привычкѣ къ крѣпкимъ напиткамъ. Этотъ маленькій инцидентъ доказалъ мнѣ, что и прочіе будутъ домогаться найти мою личность въ фикціи, вслѣдствіе чего я рѣшилась никому не говорить о моемъ авторствѣ и выпустить мою повѣсть въ какомъ нибудь журналѣ, подъ скромнымъ анонимомъ. Такимъ способомъ я надѣялась узнать дѣйствительное достоинство моего произведенія и степень моего таланта. Этого плана однако не удалось исполнить — но объ этомъ скажу послѣ.

За все это лѣто, мы лихорадочно слѣдили за ходомъ войны между Франціей и Германіей. При какихъ иллюзіяхъ эта война была начата! Когда послѣдовало объявленіе ея, энтузіазмъ въ Парижѣ былъ огромный, всюду раздавались крики: „A Berlin, à Berlin!“. Военный Министръ Leboeufъ увѣрялъ, что армія такъ хорошо всѣмъ

снабжена, что ни одной пуговицы „ne manque“ въ обмундированіи солдатъ, а первый министр Emile Ollivier провозглашалъ въ Палатѣ, что правительство рѣшится на войну „le coeur léger“, увѣренное въ побѣдѣ. Эта фраза сдѣлалась знаменитой и ею постоянно травили Оливье.—Даже нѣсколько лѣтъ спустя, уже при республикѣ, старикъ Гизо, оспаривая одинъ проектъ, представленный имъ, увлекся до того, что сказалъ ему: „L'auteur de ce projet prouve qu'il a l'esprit aussi léger que le coeur.“ И вотъ, война, начавшаяся 20 Іюля, привела уже 4-го Сентября къ полному крушенію монархіи, къ плѣну Наполеона и къ побѣдоносному шествію Германской арміи почти до самаго Парижа; пораженія за пораженіями уничтожали французскую армію и ея древнюю славу.

Неподготовленность къ веденію серьезной войны замѣчалась всюду, тогда какъ нѣмцы блистали своею распорядительностью, дисциплиной, порядкомъ и обиліемъ во всѣхъ матеріальныхъ деталяхъ интендантства.—Императрица Евгенія оставалась Правительницей во время присутствія Императора въ арміи.—При извѣстіи объ ужасной Седанской катастрофѣ, ея первымъ побужденіемъ было желаніе показаться народу и собрать гарнизонъ, но возбужденіе было слишкомъ сильно и опасность слишкомъ велика. Чтобы спасти свою жизнь, она должна была принять услугу Итальянскаго посланника Кавалера Нигра, выведшаго ее подъ руку изъ Дворца и приведшаго ее къ Американскому дантисту Ивансу, единственному изъ многочисленныхъ поклонниковъ ея

въ періодъ ея Царскаго величія, который рѣшился ее принять. Отъ его дома она безъ новыхъ тревогъ успѣла перебраться въ Англію.

Погромъ Франціи былъ полный: временное правительство рѣшилось просить мира. Жюль Фавръ отправился къ Бисмарку, заранее заявивъ, что онъ не уступитъ „*pas une pouce de notre terrain, pas une pierre de nos fortresses.*“ Но что могъ онъ сдѣлать съ Желѣзнымъ Канцлеромъ? Онъ воротился ни съ чѣмъ. Тогда Тьеръ предпринялъ путешествіе ко всѣмъ дворамъ Европы, прося заступничества для заключенія болѣе снисходительнаго мира. Онъ опирался на слова Императора Вильгельма, объявившаго, что онъ воюетъ не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Но кто могъ думать объ отнятіи у могущественнаго побѣдителя плодовъ его побѣдъ?

Тьеръ былъ всюду принятъ съ искренней, хотя и платонической симпатіей. Такія же чувства были ему выражены у насъ, но въ практическомъ отношеніи его поѣздка осталась безрезультатной. Война возобновилась жестокая. Гамбетта, начальникъ національной обороны, напрягалъ всѣ усилія, чтобы набрать новыя войска. Вдругъ, къ всеобщему ужасу, мы узнали, что въ то время, когда Парижъ былъ осажденъ непріятельскою арміею, Коммуна свирѣпствовала въ стѣнахъ его. Пылали Дворцы, уничтожались историческіе памятники, кровь лилась, анархія царствовала со своею разрушительною злобою.

Порядокъ, наконецъ, былъ водворенъ. 17,000 коммунаровъ было разстрѣлено. Многіе, въ

томъ числѣ Рошфоръ, были сосланы въ Каледонію и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ амнистированы. Правительство было перенесено въ Туръ. Пораженія все время продолжались, всѣ силы Франціи были истощены, и миръ былъ заключенъ послѣ отчаянной, но безплодной борьбы. Условія мира были еще тяжелѣе: Франція, какъ извѣстно, потеряла двѣ изъ своихъ лучшихъ провинцій и принуждена была уплатить контрибуцію въ пять милліардовъ

Когда мы возвратились въ Петербургъ изъ деревни, моя мать находилась въ Царскомъ Селѣ при Государынѣ Цесаревнѣ. Она взяла къ себѣ моего мальчика, чтобы дать ему возможность подышать еще нѣсколько времени чистымъ воздухомъ передъ началомъ замкнутой зимней жизни. Я часто пріѣзжала въ Царское, оставаясь иногда на два, или на три дня сряду. Цесаревна была очень добра ко мнѣ и къ моему мальчику, приглашая его къ своему сыну, нынѣшнему нашему Государю, Котораго тогда мы звали Baby. Я также бывала приглашаема на вечернія собранія къ Ихъ Высочествамъ.

Императрица Марія Александровна проводила осень въ Крыму.—Государь жилъ въ Большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ и пріѣзжалъ почти каждый вечеръ. Онъ любилъ отдыхать отъ тяжелыхъ работъ современной жизни, переносясь въ дальнее прошлое и рассказывая колоритно и оживленно анекдоты изъ былого времени. Его воспоминанія сходились съ воспоминаніями моей матери, такъ какъ они были одного поколѣнія и главнымъ образомъ Онъ

*

обращался къ ней, начиная свои рассказы словами: „Vous vous rappelez, Princesse“. . . . и т. д. Я сидѣла обыкновенно около Цесаревича и онъ спрашивалъ у меня, кто были тѣ или другія лица, о которыхъ шла рѣчь. Послѣ чая Государь игралъ свои три роббера и потомъ удалялся. Вечеръ тогда собственно и начинался. Изъ фрейлинъ Императрицы одна только Саша Жуковская находилась въ это время въ Царскомъ Селѣ. Цесаревна любила ее и приближала къ себѣ. Она была очень пріятна, умна, вкрадчива, говорила о своемъ одиночествѣ въ холодной и недоброжелательной для нея придворной средѣ и о своей способности къ привязанности. Когда она у меня бывала, то я находила ее обворожительной, такъ она все понимала своею особенною чуткостью и разговоръ съ нею былъ для меня увлекательнымъ. На одномъ вечерѣ въ Аничковомъ Дворцѣ она была особенно хороша. Были устроены живыя картины и она представляла летящаго Ангела, во время исполненія пѣніемъ прелестныхъ стиховъ Лермонтова:

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ

И дивную пѣсню онъ пѣлъ;

И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой

Внимали той пѣснѣ святой.

.
Ея длинныя бѣлокурыя волосы и выраженіе глазъ придавали ей поэтическую прелесть, очень подходящую къ типу ея красоты. Успѣхъ ея былъ полный.

Великая Княгиня Елена Павловна возобновила свои четверговые вечера. Эти собранія

были интимнѣе прежнихъ. Для большей непринужденности, баронесса Раденъ принимала, какъ хозяйка, и Великая Княгиня появлялась, какъ гостя. Къ большой моей радости, пріѣхала на зиму Марія Николаевна Зубова, съ которой мы уже видѣлись въ прошедшемъ году въ Парижѣ, куда она на короткое время пріѣзжала изъ Женевы. Великая Княгиня, конечно, пригласила это дитя Михайловскаго Дворца на свои вечера, равно какъ и княгиню Гагарину и меня.—Мы втроемъ и еще княгиня Дарья Петровна Оболенская съ дочерью были постоянными участницами этихъ собраній; другія дамы приглашались поочередно. Но огромное большинство гостей были мужчины. Тутъ встрѣчались представители всѣхъ обществъ. Кромѣ обычныхъ посѣтителей и высшей административной іерархіи, тутъ были пріѣзжавшіе изъ провинціи на время предводители дворянства, земскіе дѣятели, профессора, Прибалтійскіе ученые, путешественники, между ними Миклуха Маклай, открывшій намъ Папуасовъ, дипломаты, иностранныя свѣтила наукъ, почему либо попадавшіе въ Петербургъ. Великая Княгиня приходила, выбирала себѣ собесѣдника и, усѣвшись съ нимъ, долго разговаривала, подзывала насъ, и посылала насъ разговаривать съ тѣмъ или другимъ намѣченнымъ ею лицомъ, а потомъ спрашивала о нашихъ впечатлѣніяхъ; въ одной изъ комнатъ была отличная квартетная музыка. Между вокально - музыкальными элементами особенно выдѣлялась въ то время Лавровская, получившая музыкальное образованіе, благодаря Еленѣ

Павловнѣ. Я помню, какъ ее, очень застѣнчивую и бѣдно одѣтую, привела мать къ княжнѣ Львовой съ просьбой заинтересовать Великую Княгиню будущностью бѣдной дѣвушки изъ духовнаго званія (она была племянница будущаго Митрополита Кіевскаго Платона), которая обладала великолѣпнымъ голосомъ, требующимъ развитія. Всегда отзывчивая, Великая Княгиня поручила ее руководству М-те Ниссенъ-Сальмонъ и уже въ 1867 году она явилась самой блестящей звѣздой новой консерваторіи. Весною этого года была исполнена въ театрѣ Михайловскаго Дворца опера Глюка Орфей. Всѣ участники въ ней были ученики консерваторіи; Лавровская въ роли Орфея имѣла огромный успѣхъ, и я помню, какъ Великая Княгиня была довольна этимъ выдающимся результатомъ ея стараній. Я часто слышала также Елизавету Андреевну на прелестныхъ музыкальных вечерахъ у Великой Княгини Екатерины Михайловны. Ея бархатный голосъ управлялся безукоризненной техникой и одушевлялся сильнымъ артистическимъ темпераментомъ. Было истиннымъ наслажденіемъ ее слушать. Юлія Ѳеодоровна Абаза собирала у себя также любителей музыки. У нея исполнялись инструментальныя серьезныя сочиненія; Рубинштейнъ игралъ, какъ одинъ онъ могъ играть, Лавровская пѣла—мы слушали съ восхищеніемъ. Бѣлая зала ея дома на Фонтанкѣ превращалась въ храмъ музыки. Единственнымъ украшеніемъ залы былъ бюстъ Бетховена, духъ котораго, казалось, парилъ надъ его поклонниками и выразителями его геніальныхъ думъ.

Я раздѣляла мою жизнь и впечатлѣнія съ подругами, въ которыхъ я находила чуткую отзывчивость. Мари Зубова много развилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли въ Ораніенбаумѣ въ порывахъ ея неуравновѣшенной богатой натуры, у которой неоставало точки опоры для безопаснаго слѣдованія по сложному ея жизненному пути. Эту точку опоры она теперь пріобрѣла, и я удивлялась глубинѣ ея религіознаго чувства и философскихъ размышленій, которыя она облекала въ краснорѣчивую и образную форму, ей только свойственную. Въ Женевѣ, куда она случайно попала, утомленная и нервная, послѣ многихъ блужданій, она нашла неожиданную поддержку въ лицѣ извѣстнаго ученаго философа M-r Naville, окружавшаго ее своимъ участіемъ и систематически развивавшаго въ ней ея удивительныя способности, соединяя ихъ въ направленіи къ высшему добру. Въ Женевѣ одновременно проживало тѣсно связанное между собой общество: фельдмаршалъ князь Барятинскій съ своей женой, братъ его князь Викторъ Ивановичъ, съ прелестной княгиней Маріей Аполлинарьевной, извѣстной подъ именемъ Коконь, двоюродная сестра ея княгиня Мими Чернышева, Гагарины (наши Парижскіе друзья). Мари Зубова примкнула къ нимъ. Зубовъ былъ назначенъ адъютантомъ фельдмаршала, такъ что, не оставляя службы, онъ получилъ возможность провести нѣсколько лѣтъ за границей. Теперь же, въ концѣ 70 года, все это общество очутилось въ Петербургѣ: Зубовы, Гагарины и также Барятинскіе. Княгиню я еще

хорошо не знала. Она провела все дѣтство, почти до своего ранняго замужества, въ Римѣ, гдѣ отецъ ея былъ нашимъ посланникомъ. Она была старше меня, такъ что, когда она въ первый разъ стала выѣзжать въ Петербургъ, я была еще подросткомъ и потому не сближалась съ ней. О ней ходила всегда молва, какъ объ исключительно даровитомъ существѣ. Въ первый разъ они проводили зиму въ Петербургъ. Не смотря на то, что мы лично не встрѣчались, хорошо знали другъ друга при посредствѣ нашихъ общихъ друзей, начиная съ покойной Мери Ламздорфъ; поэтому наши отношенія сразу завязались на почвѣ, не имѣющей ничего общаго съ началами обыкновеннаго свѣтскаго знакомства. Я вполне сознавала ея превосходство надъ собой. Ея блестящія способности развились и расцвѣли подъ яркимъ солнцемъ земнаго счастья, тогда какъ я употребляла всѣ свои старанья на подавленіе способностей того же рода, и замѣчала, увы, что слишкомъ успѣвала въ моемъ самопопраніи. Но мы говорили однимъ языкомъ и понимали другъ друга. Ея дружба осталась навсегда одной изъ самыхъ вѣрныхъ и неизблемыхъ опоръ и отрадъ моей жизни.

Государыня Цесаревна приближала меня къ себѣ и разрѣшала бывать у нея безъ предварительнаго запроса и назначенія. Часто, когда мы сидѣли вмѣстѣ, маленькій Великій Князь тутъ же игралъ на полу и мы говорили на тему о воспитаніи, о чемъ я много думала въ то время. Мнѣ казалось, что въ первые годы жизни ребенка связь его съ матерью еще

очень тѣсна, и что она имѣетъ въ своей власти возможность какъ бы созиданія его души, т. е. вліянія на тотъ фондъ, который въ послѣдствіи обогатится приобрѣтенными понятіями, опытомъ и познаніями. По состоянію здоровья Великой Княгини, баловъ въ этомъ году не было въ Аничковомъ Дворцѣ. Большая зала была приспособлена для спектаклей и поставлено было два драматическихъ представленія, въ которыхъ актерами являлись любители изъ нашего общества, нѣкоторые одаренные положительнымъ талантомъ, въ томъ числѣ молодые Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи.

Моя природная веселость ко мнѣ возвращалась. Всѣ пройденныя горе и испытанія лежали тяжелымъ камнемъ на днѣ моей души и одинъ Богъ знаетъ, какъ тяжелы они были. Но, подобно тому, какъ среди развалинъ молодые зеленые побѣги всюду находятъ себѣ путь къ свѣту, моя молодость любила жизнь, и, расцвѣтая, стремилась, при малѣйшей возможности, неудержимо къ простору. Однако, мнѣ не пришлось очень долго отдыхать въ беззаботности. Оказалось, что я должна была готовиться къ появленію на свѣтъ новаго ребенка. Мое сильное нервное разстройство осложняло обычныя страданія, сопряженныя съ такимъ состояніемъ, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я была очень больна. Весною мнѣ стало лучше. Такъ какъ мы жили этой зимой у моихъ родителей, то наша племянница Natachon осталась у княгини Долгоруковой, а мы вмѣстѣ дѣятельно пеклись о ней. Въ теченіе зимы за ней уха-

живаль молодой Федоръ Константиновичъ Опочининъ, очень въ нее влюбленный. Онъ былъ правнукомъ фельдмаршала князя Кутузова, и ему принадлежалъ домъ на набережной, гдѣ жилъ и умеръ Кутузовъ, и который онъ оставилъ по завѣщанію дочери своей Опочининой. Отецъ его давно умеръ, мать его, рожденная Скобелева, была родной теткой нашего знаменитаго героя. Сестра его была фрейлиной Цесаревны, замужемъ за Принцемъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ и, по коренной фамилии Герцоговъ Лейхтенбергскихъ, называлась графиней Богарне. Въ то время она уже скончалась при родахъ дочери своей, названной Дарьей или Dolly, въ память матери, и вышедшей впослѣдствіи замужъ за князя Кочубея. Свадьба совершилась этой же весной въ домовоѣ церкви Принцессы Евгеніи Максимиліановны. Я только что немного оправилась, и была снова страшно утомлена суетой, выѣздами, неизбѣжными при подобныхъ семейныхъ событіяхъ, а также устройствомъ приданнаго, такъ что съ радостью уѣхала отдохнуть на нѣсколько дней въ Царское Село къ матери. 27 Апрѣля родился Великій Князь Георгій Александровичъ. Я уже застала Цесаревну на кушеткѣ, прелестной въ своемъ новомъ материнскомъ счастьи. Прошлымъ годомъ она имѣла горе потерять годоваго сына Александра Александровича. Настоящее рожденіе восполнило это лишеніе. Со свойственной ей добротой и участіемъ она пожелала мнѣ того же. Я также желала себѣ сына, а не дочь. Мнѣ казалось, что мужчины имѣютъ лучшую

участь въ жизни, что они, болѣе или менѣе создаютъ себѣ ее, а несчастныя женщины ей подчиняются и потому я повторяла „низачто дочь.“ Впослѣдствіи, какъ я сожалѣла объ этихъ нервныхъ и праздныхъ словахъ. Въ Маѣ я уѣхала съ графиней Ростопчиной и съ моимъ маленькимъ въ Надеждино (въ Саратовской губерніи), куда мой отецъ пригласилъ насъ провести съ нимъ лѣто. Мужъ остался еще по дѣламъ въ Петербургѣ и пріѣхалъ нѣсколько позже. Я немного беспокоилась о здоровьи моего отца, начинавшаго страдать припадками грудной жабы и поэтому не хотѣла обращать вниманія на нѣкоторую неосторожность для меня въ этой поѣздкѣ. Весна въ Петербургѣ была очень холодная, и зелень едва еще распускалась. Пріятно было перейти разомъ въ лѣто—тучный черноземъ, уже покрытый своей бархатной зеленью, огромные дубы и кленовыя деревья были одѣты густой, свѣжею листвою, и вся почва лѣсная была усыяна ландышами и пахучими фіалками. Надеждино произвело на меня прекрасное впечатлѣніе. Уже за нѣсколько верстъ виденъ былъ домъ, построенный на горѣ, склонъ которой доходилъ до рѣки Сердобы, и на немъ расположенъ садъ съ дорожками, клумбами, высокими деревьями и цвѣтниками. По той сторонѣ дома, въ концѣ въѣздной аллеи, начинался паркъ, весь изъ дубовыхъ деревьевъ съ кое гдѣ уцѣлѣвшими храмами и бесѣдками, времени князя Александра Борисовича, основателя роскошной усадьбы при Императрицѣ Екатеринѣ. Имѣніе это было пожаловано Петромъ Великимъ свояку

своему князю Борису Ивановичу Куракину и въ дарственной на него грамотѣ оно обозначено какъ „дикія мѣста между Хопромъ и Сердобой“. Оно было населено переселенцами изъ другихъ Куракинскихъ имѣній. Между сооруженіями въ паркѣ находится памятникъ въ формѣ обелиска, посвященный памяти Королевы Маріи Антуанеты. Князь Александръ Борисовичъ, сопровождая Великокняжескую чету во время путешествія Ихъ по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, (C-te du Nord), былъ обворожень прелестью Королевы и настолько же возмущень въ послѣдствіи ея трагической участію. Онъ излилъ весь свой гнѣвъ и негодованіе на французовъ въ надписи, которую сочинилъ и поставилъ на памятникѣ. Вблизи обелиска, въ маленькой нишѣ находится мраморный бюстъ несчастной Королевы, и аллея, которая ведетъ къ нему, называется на языкѣ нашихъ кучеровъ дорожкой Маріи Антоновны.

Это прекрасное имѣніе, одно изъ рѣдкихъ Саратовской губерніи по своему обилію водъ (въ немъ двѣ большія рѣки и обширное, такъ называемое Бобровое озеро)—и по своимъ цѣннымъ лѣсамъ. Мой отецъ направлялъ нашими поѣздками, желая насъ ознакомить съ красивою мѣстностью, и давалъ указанія сопровождавшему насъ лакею. Самъ же онъ съ нами не ѣздилъ, не любя кататься ради катанья. Онъ насъ окружалъ своими заботами и предупредительностью, не стѣсня нашей свободы, и былъ доволенъ нашимъ присутствіемъ и своимъ внукомъ, къ которому онъ относился

съ трогательною нѣжностью. По Воскресеньямъ прїѣзжали нѣкоторые сосѣди, остальное время протекало спокойно въ семейномъ кругу. Мы много читали вмѣстѣ съ графиней Ростопчиной. Библіотека была обширна, въ первый разъ я прочитала всего Руссо. Я также съ увлеченіемъ писала свой романъ. Зимой въ Петербургѣ у меня не было достаточно времени, чтобы сосредоточиться на немъ.

Народъ былъ менѣе сообщителенъ, чѣмъ наши Тверскіе крестьяне. Они были грубѣе и держали себя дальше отъ насъ. Неожиданный случай насъ соединилъ. Въ разгарѣ страдной поры, при особенно знойномъ лѣтѣ, холера появилась въ Саратовской губерніи и вскорѣ разразилась и у насъ съ ужающей быстротой и смертностью. Особенно свирѣпствовала она въ селѣ Александровскомъ по ту сторону Сердобы. Послано было отъ Правительства два фельдшера, но, такъ какъ болѣзнь не унималась, они, какъ водится, были заподозрѣны въ отравѣ и должны были убраться, чтобы спасти свою жизнь. Исправникъ выѣхалъ къ нимъ и сталъ увѣщевать народъ, обѣщая прислать имъ врача изъ Сердобска, но они шумѣли, приняли угрожающій видъ и прогнали его, объявивъ, что они также прогонятъ и врача. Исправникъ прїѣхалъ къ намъ, чтобы предупредить насъ, что въ Александровскомъ бунтъ, и что, можетъ быть, придется усмирять ихъ силою. Между тѣмъ, крестьяне, наливъ въ ложку Боткинскихъ капель, и, поставивъ ее на огонь, при видѣ, что спиртъ въ немъ воспламеняется, рѣшили, что это дьявольское снадобье, такъ

какъ отъ него подымается синій огонь. Подозрѣніе въ отравѣ у нихъ подтвердилось и они стали прибѣгать къ своимъ суевѣрнымъ средствамъ, какъ то: своеобразному опаживанію полей по ночамъ и др. въ томъ же родѣ, якобы для удаленія вражьей силы.

Тогда мы рѣшили съ графиней Лидіей поѣхать самимъ въ Александровку и постараться убѣдить народъ принять средства, указанные опытомъ и наукой противъ ужасной болѣзни. Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ, мы исполнили свое намѣреніе. Зная, что мой отецъ запретитъ намъ эту поѣздку изъ опасенія за насъ и особенно за меня, мы никому не сказали ни слова о нашемъ планѣ, но, выѣхавъ въ коляскѣ, по обыкновенію, послѣ обѣда, я, черезъ нѣсколько времени, приказала своротить по направленію къ Александровкѣ и вѣхаться въ село. Велѣвъ остановиться, я подозвала нѣкоторыхъ тутъ же стоявшихъ крестьянъ и стала съ участіемъ спрашивать о больныхъ. Къ завязавшемуся между нами разговору примкнули другіе мужики и бабы и скоро наша коляска была окружена густой массой крестьянъ, которые наперерывъ рассказывали о своемъ горѣ, о болѣвшихъ, объ умершихъ, о семьяхъ, разомъ опустошенныхъ или даже вымершихъ поголовно. Грустно и тяжело было ихъ слушать. Слезы текли у нихъ и у насъ. Чувствуя, что довѣріе и взаимная симпатія установилась между нами, я предложила прислать имъ лѣкарства. Они сразу всѣ вмѣстѣ закричали, что отъ меня они все примутъ и благодарили. Я была страшно обрадована и

тронута этимъ отвѣтомъ. Мы зашли къ священнику, очень хорошему и дѣятельному чело-вѣку и условились съ нимъ, что у него мы устроимъ складъ лѣкарствъ, бѣлья и проч., и что онъ будетъ расходовать ихъ по нашимъ указаніямъ. Мы уѣхали съ радостью въ сердцѣ, обѣщая пріѣхать на другой день. Утромъ я послала въ Сердобскъ за докторомъ и написала ему, чтобы онъ привезъ побольше лѣкарствъ. Я не рѣшалась предложить ему поѣхать съ нами, и онъ, видимо, этого не желалъ, но подробно написалъ способъ лѣченія и особенно настаивалъ на необходимости изоляціи больныхъ. Прибывъ въ Александровку, мы распорядились, какъ умѣли—и вошли къ нѣкоторымъ больнымъ. Они страшно страдали отъ судорогъ и громко стонали. При насъ одни были обложены мѣшками съ сырымъ горячимъ овсомъ для возбужденія жизненной теплоты. Къ счастью это средство оказалось полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Мы наняли пустыя избы и бани на окраинѣ села и устроили въ нихъ первобытныя больнички.

Мой отецъ узналъ о нашихъ поѣздкахъ и пришелъ въ ужасъ. Онъ упросилъ меня не подвергаться опасности. Все уже было налажено и мы остановились на компромиссѣ. Я ѣздила туда съ докторомъ и графиней, но оставалась въ коляскѣ, пока они входили въ избы. Крестьяне, наконецъ, приняли доктора и такъ какъ онъ былъ очень добръ, то пріобрѣлъ ихъ довѣріе. Послѣ эпидеміи холеры началась эпидемія тифа, такъ что у насъ дѣла стало довольно много, и когда всѣ эпидеміи

прошли, народъ продолжалъ искать у насъ врачебной помощи; докторъ прїѣзжалъ два раза въ недѣлю и мы были его ревностными ассистентками.

Моя мать прїѣхала въ концѣ лѣта изъ Гапсаля, и мы провели осень всѣ вмѣстѣ въ тѣсномъ семейномъ кругу при обычныхъ нашихъ занятіяхъ.

Между тѣмъ, необычныя даже для Саратовской губерніи лѣтнія жары смѣнились вдругъ упорной дождливой погодой; нашъ черноземъ превратился въ какое то клейкое вещество, затрудняющее всякое движеніе. Мнѣ же необходимо было выбраться изъ деревни во второй половинѣ Сентября. Сорокъ верстъ, раздѣляющія насъ отъ станціи Ртищево, были прямо непроѣздными, на бѣду, по срединѣ дороги былъ крутой оврагъ съ бродомъ, сдѣлавшимся отъ ливней необычайно глубокимъ—и, чтобы попасть на поѣздъ, необходимо было ѣхать ночью.

По этимъ соображеніямъ, мы рѣшили ѣхать на Зубриловку, куда дорога была, хотя не ближе, но много лучше и можно было ѣхать днемъ. Отдохнувши тамъ, мы могли попасть на поѣздъ на станціи Сосновкѣ, находящейся въ самомъ имѣніи, въ 10 верстахъ отъ дома. Мы прїѣхали вечеромъ и я была крайне утомлена, вообще чувствовала себя очень дурно за послѣднее время. На другой день только я была въ состояніи любоваться чуднымъ домомъ, великолѣпными оранжереями и теплицами. Паркъ былъ живописенъ и содержался въ совершенствѣ. Дядя, князь Прозоровскій-Голи-

цынъ, былъ большой любитель садоводства и цвѣтоводства. Тетя была очень добра, у нея былъ пріютъ для маленькихъ дѣтей, больница и постоянный докторъ, завѣдующій ею.

Ужасная, дикая, революціонная волна не пощадила этихъ учрежденій, называя ихъ барскими затѣями, и разрушила до основанія прекрасный Зубриловскій дворецъ, куда стекалось за помощью столько людей, даже стѣны его были взорваны динамитомъ. Этотъ ужасный актъ вандализма, къ счастью, не долженъ быть отнесенъ къ мѣстному населенію—его произвели сосѣднія деревни, предводительствуемая шайкой хулигановъ, подъ командою, какого то разбойника „освободительнаго движенія“, одѣтаго въ генеральскій мундиръ. При такихъ событіяхъ приходится почти радоваться, что тѣ, которымъ они причинили бы всего болѣе негодованія и скорби, уже скончались. Моя мать и ея братъ, владѣтель Зубриловки, любившіе ее, какъ свою родину,—они не видѣли ея разрушенія.

Съ остановкой въ Москвѣ, мы, наконецъ, съ большимъ трудомъ для меня, добрались въ концѣ Сентября до Петербурга, а 7 Октября насталъ уже мой часъ. Я была страшно больна, даже, я думаю, въ опасности, такъ какъ былъ призванъ священникъ для молебствія о сохраненіи моей жизни, о чемъ я узнала впослѣдствіи и, въ концѣ концовъ, послѣ неимовѣрныхъ страданій, у меня родилась дѣвочка, чуть живая; наскоро окрещенная, она тотчасъ же умерла. Мнѣ было страшно жаль еѣ. Я припоминала, съ упрекомъ себѣ, мои

нервные, глупые слова: „ни за что дочь.“ Какъ желала бы я теперь видѣть ее живою, какъ любила бы я ее. А вмѣсто радости о рожденіи челоѣка въ мірѣ, по словамъ Евангелія, опять дѣтскій гробикъ, опять слезы, опять безплодныя страданія физическія и нравственныя. Мнѣ приводили Киру, чтобы меня утѣшить— онъ сталъ еще болѣе, чѣмъ прежде страстью моей жизни. Мое удивительное здоровье перенесло и этотъ кризисъ безъ ущерба для себя. Я чувствовала, что ничто меня не сломить и что я предназначена, чтобы жить долго и страдать много.

Государыня Цесаревна пріѣхала изъ Царскаго къ моей матери и вошла ко мнѣ вмѣстѣ съ Государемъ Цесаревичемъ. Я уже была на кушеткѣ въ гостиной. Я была очень тронута ея участіемъ моему горю, которое ей столь хорошо было понятно.

Къ зимѣ я уже оправилась, и стала жить обычною жизнью, но новый слой грусти прибавился къ впечатлѣніямъ уже пережитыхъ горей. Горе составляло основную почву моего сердца и его не затрогивала болѣе или менѣе оживленная игра моей поверхностной жизни.

Зимній сезонъ былъ оживленъ. Между пріемами выдѣлялись концертные балы, съ феерическими ужинами въ Николаевскомъ залѣ, превращенномъ въ садъ изъ пальмовыхъ деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ сидѣли приглашенные, и особенно изящные балы въ Аничковомъ дворцѣ, которымъ столько веселья придавала прелесть и оживленность Августѣйшей Хозяйки Дома. Кромѣ того устраивался къ масленицѣ боль-

шой костюмированный балъ въ Зимнемъ Дворцѣ. По плану его, онъ былъ отчасти повтореніемъ праздника, даннаго когда то Людовику XIV. Въ этотъ разъ, le Roi Soleil долженъ былъ быть представленъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ костюмѣ, усыпанномъ великолѣпными бриллиантами. Цесаревна должна была представить Луну, Великая Княжна Марія Александровна съ дѣвицами ея лѣтъ—радугу, при чемъ костюмы ихъ составляли радугу съ ея соотвѣтственными цвѣтами и переливами. Принцесса Марія Максимиліановна изображала Февраль мѣсяцъ (время масленицы) и ея длинный шлейфъ должны были нести 29 мальчиковъ, изображающихъ дни (былъ высокосный годъ). Кромѣ этого заимствованія праздничныхъ архивовъ Французскаго Двора, устраивался этнографическій и историческій русскій отдѣлъ—въ немъ я участвовала въ грузинскомъ костюмѣ. Изображалась вмѣстѣ съ тѣмъ война между les diables roses et les diables bleus. Извѣстно, что Англійское выраженіе blue devils означаетъ дурное расположеніе духа. Этихъ blue devils представляли мужчины, а diables roses молодые элегантныя дамы. Онѣ должны были воевать съ ними и разогнать ихъ. Впослѣдствіи имя diables roses осталось за группой дамъ, которыя изображали ихъ; это была самая модная, элегантная и свѣтская coterie. Наша была скромнѣе (княгиня Барятинская, я и другія), наши поклонники звали насъ Les Charmeuses, а недоброжелатели съ нѣкоторой ироніей: „Les femmes supérieures“. Собирались почти каж-

*

дый день въ Зимнемъ Дворцѣ для репетируванія танцевъ и эволюцій. Это были настоящіе дневные рауты съ обычными разговорами, смѣхомъ, съ блестящими туалетами и чаепитіями за большими чайными столами, устроенными въ залахъ. Но подъ самый конецъ репетицій Императрица заболѣла и все было отмѣнено. Сначала Ея Величество настаивала, чтобы перемѣны не было и, чтобы принимала вмѣсто Нея Королева Ольга Николаевна, проводившая эту зиму въ Петербургѣ, но болѣзнь оказалась серьезной и о праздникѣ не могло быть и рѣчи. Какъ только стало Императрицѣ легче, она отправилась въ Крымъ. Въ промежуткахъ между большими выѣздами мы часто собирались другъ у друга. На одномъ вечерѣ у меня, Александра Александровна Воейкова, рассказывала Принцессамъ о моемъ романѣ. Онѣ пристали ко мнѣ, упрасивая меня прочесть его имъ. Я не соглашалась, желая издать его анонимно, но въ концѣ концовъ уступила, дала его переписать и съ огромнымъ трепетомъ приступила къ его чтенію.

Мы собирались для этого въ теченіе поста, большею частью у Принцессы Евгеніи Максимілиановны, а иногда и у меня. Княгиня Барятинская и княгиня Гагарина, конечно, пожелали примкнуть къ нашимъ секретнымъ собраніямъ, а въ послѣдствіи также и графиня Клейнмихель (рожденная княжна Мещерская), которая догнала насъ, ознакомившись одна, съ прочитанными уже вмѣстѣ первыми главами. Успѣхъ былъ неожиданный для меня. Я не дѣлала себѣ иллюзій о моемъ произведеніи и

мой артистическій инстинктъ хорошо замѣчалъ его слабыя стороны; но я чувствовала, что въ немъ есть жизненная правда, и что мнѣ удалось ее жизненно представить. Вотъ почему оно такъ подѣйствовало на моихъ внимательныхъ слушательницъ. На одномъ вечерѣ, особенно, когда мы дошли до патетическаго мѣста и, когда, окончивъ главу, я замолкла,—среди водворившагося молчанія я почувствовала ихъ волненіе и мою власть надъ ихъ сердцами. Этотъ моментъ былъ для меня триумфомъ. Во мнѣ тоже волненіе было сильное. Я переживала всѣ пережитыя уже страданья, родившія мою повѣсть, и чувствовала себя въ родѣ пеликана, питающаго своихъ дѣтей собственной кровью. Ночью, я не могла спать, будучи подъ двойнымъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны въ силу воспоминанія о прежнихъ горяхъ и съ другой торжества вслѣдствіе приобрѣтенной, благодаря имъ, силы. Утромъ я написала моимъ милымъ подругамъ родъ посланія или посвященія. Вотъ оно:

Je vous lisais, l'âme craintive,
Et votre coeur me répondait,
Parfois une larme furtive
De vos yeux rêveurs s'échappait
Je sentais que j'étais comprise
En parlant de ma faible voix
De la passion qui se brise
Au pied de l'éternelle croix.
Vos fronts chargés de rêverie
Recueillaient votre émotion,
Suivant le combat de la vie,
Que déroulait ma fiction

Et je dis: Heureux le poète,
Qui sait éveiller dans les coeurs
Echos de larmes ou de fête,
Selon sa joie ou ses douleurs,
Heureux! pour lui la vie est belle
Quand sur son chemin douloureux,
Il fait jaillir une étincelle
D'un regard tourné vers les Cieux!

Несмотря на обѣщанія соблюсти тайну, въ свѣтъ, всѣ узнали о моемъ романѣ, и всѣ просили его у меня. Мой дядя Прозоровскій прибѣжалъ къ моему отцу со словами: „donnez moi donc le roman de Zizi, toute la ville en parle“—Quoi! Zizi a composé un roman?“ Мой отецъ не могъ притти въ себя отъ удивленія. Слѣдующей осенью онъ прочелъ его, и это было одно изъ послѣднихъ пріятныхъ впечатлѣній въ его жизни. Вообще, мое произведеніе имѣло успѣхъ. Въ похвалахъ, расточаемыхъ мнѣ, было, конечно, много предубѣжденія въ мою пользу. Я понимала, что въ оцѣнкѣ моихъ друзей не было той суровой безпристрастности, которая для моего таланта была бы полезна. Теперь моя мысль объ изданіи моей повѣсти анонимно не могла уже осуществиться. Выступать же прямо въ печати было какъ бы снятіемъ маски въ маскарадѣ. Я желала подвергнуться серьезной литературной критикѣ, но мнѣ въ то время не удалось этого достигнуть, за неимѣніемъ связей въ литературномъ мірѣ. Позже, чрезъ графиню Софью Андреевну Толстую (вдову графа Алексѣя Константиновича) я успѣла въ этомъ и предстала на судъ Гончарова. Хотя это происходило въ 1877 г.,

но расскажу объ этомъ теперь, чтобы не возвращаться болѣе къ этой темѣ. Я просила графиню Толстую передать Гончарову мое желаніе познакомиться съ нимъ и выслушать его сужденіе о моемъ романѣ. Для этой цѣли мы встрѣтились съ нимъ у нея въ условленный вечеръ, и, поборовъ сильное смущеніе, я стала читать мое сочиненіе. У меня разомъ оказалось двое критиковъ, такъ какъ графиня обладала тонкимъ литературнымъ чутьемъ, обостреннымъ постояннымъ пребываніемъ въ литературномъ мірѣ въ общеніи лучшихъ нашихъ писателей. Ихъ замѣчанія, всегда содержательныя и вѣрныя, меня время отъ времени прерывали и послѣ чтенія завязывались интересные разговоры, вытекающіе изъ прочитаннаго. Мнѣ нравилось, что они меня не хвалили, какъ хвалятъ обыкновенно диллетантскія произведенія, но относились къ моему дѣтищу съ серьезнымъ вниманіемъ. Послѣ двухъ или трехъ вечеровъ, проведенныхъ такимъ образомъ, Гончаровъ просилъ меня прислать ему мою рукопись, желая прочесть ее самъ. Возвращая ее, онъ написалъ мнѣ письмо со своими замѣчаніями. Къ сожалѣнію, я его затеряла, но одновременно онъ написалъ графинѣ Толстой. Это письмо сохранилось и я привожу его здѣсь:

„Я очень радъ, графиня Софья Андреевна, что могъ самъ, своими глазами, дочитать рукопись нашего элегантнаго автора—дамы, это совсѣмъ иное дѣло, нежели слушать. Все кажется яснѣе, открытѣе, будто понятнѣе. Я прежде всего помирился съ языкомъ: при

чтеніи, онъ мнѣ почему то казался холоднымъ, неровнымъ, немного принужденнымъ, а, читая самъ, я нашелъ его только плавнымъ, правильнымъ, даже изящнымъ, *distingué*. Это свободно льющійся повѣствовательный языкъ. Онъ не характеристиченъ, не своеобразенъ, не выражаетъ ни самаго автора, ни его героевъ, но этого въ первомъ опытѣ невозможно и требовать, т. е. чтобы въ перѣ выработался стиль или характеръ пишущаго (*le style, c'est l'homme*) и, чтобы онъ служилъ ему для выраженія и характера дѣйствующихъ лицъ. Это много, это все, т. е. языкъ. Сначала писатели пишутъ общимъ, а потомъ уже своимъ языкомъ и этотъ общій языкъ у нашего автора безупреченъ. Потомъ, когда я дочиталъ рукопись до конца, я удивился простотѣ и естественности плана: какъ онъ легко построенъ и какъ свободно развивается до конца. Мы, русскіе авторы, не отличаемся архитектурой въ нашихъ созданіяхъ и потому это тѣмъ замѣчательнѣе въ молодомъ начинающемъ перѣ. Да правда ли это: будто это первый опытъ? Судя по плану и по свободѣ языка, авторъ должно быть упражнялся много.

Затѣмъ второстепенныя лица всѣ съ намекомъ на характеры. Правда, что характеры эти чисто внѣшніе: они надѣты на нихъ, какъ костюмы, сообразно съ ролями, потому что сами лица не глубоки, даже плоски, хоть бы этотъ восточный князь, помѣщица—сосѣдка. Но княгиня, подруга Вѣры, лекаръ и Соничка, тѣ уже тоньше и авторъ очертилъ ихъ удачно, явственно. Блѣднѣе вышли главныя лица: гра-

финя Вѣра, посредникъ и князь. Авторъ сдѣлалъ подробную экспозицію ихъ характеровъ, но образа не далъ. Читатель видитъ Соничку, лекаря, княгиню передъ собою, а послѣднихъ трехъ—нѣтъ. Авторъ говоритъ за нихъ и о нихъ, но сами они въ туманѣ.

Это происходитъ, конечно, отъ того, что натура этихъ трехъ лицъ глубже—надо было коснуться психологической стороны, войти глубже въ условія ихъ жизни—которые, конечно, отражались въ ихъ дѣйствіяхъ болѣе тонкими и менѣе уловимыми признаками, нежели у Сонечки съ матерью или у восточнаго князя и лекаря. Притомъ авторъ задался мыслью, что они всѣ трое хорошіе, порядочные люди—„безъ страха и упрека,“ но такихъ лицъ въ натурѣ нѣтъ, т. е. положительно и безусловно хорошихъ; не должно и не можетъ ихъ быть въ искусствѣ. Еслибъ авторъ, вмѣсто того, чтобы рассказывать о красотѣ Вѣры, о ея туалетахъ, о комфортѣ ея дома, обѣдовъ, и проч.—нарисовалъ бы ея портретъ сначала у себя въ умѣ, что это была за женщина—и постарался образъ ея (моральный) перевести на бумагу, не льстя ей, конечно, а безпристрастно—(какъ она жила, что дѣлала, какъ говорила, и проч.), можетъ быть она успѣла бы въ нѣсколькихъ штрихахъ, сценахъ, разговорахъ вѣрнѣе и ярче нарисовать ее (какъ Сони и княгини, напримѣръ), нежели описывая ее, т. е. рассказывая о ней во многихъ главахъ. Чтобы объяснить, какъ графиня могла попасть въ борьбу со страстью, надо было рядомъ сценъ кокетства приготовить и страсть

посредника и ея собственную любовь къ нему, въ которую, играя съ нимъ, она попала, какъ въ ловушку. Конечно, все это трудно—эти психологическія тонкости и рисовка такихъ характеровъ, но для таланта, если онъ есть, при слѣдующихъ опытахъ, все возможно. Техника, т. е. мастерство явятся у таланта, но ихъ надо вызвать борьбой съ препятствіями и трудомъ. Это легко не дается.

Авторъ любитъ свою графиню Вѣру, между тѣмъ она выходитъ у нея слабой, почти ничтожной женщиной. Она жила богато и праздно въ своемъ Петербургскомъ большомъ кругу, или пожалуй и не праздно: одни визиты чего стоятъ. Сколько времени уходитъ на сборы, приготовленія, туалетъ—къ ежедневному кочеванію изъ салона въ салонъ. Тамъ вечеръ, будутъ всѣ, и не быть нельзя, тамъ обѣдъ, тамъ обязательный спектакль, потомъ случайныя явленія въ родѣ столоверченія, которымъ занимаются тѣ же всѣ, тамъ раутъ, тамъ смотрѣть Росси, потомъ слушать Лорда Редстока или заниматься добрыми дѣлами—а тамъ—а тамъ И все такъ, весь вѣкъ, всѣ дни и вечера сезона и лѣто—заграницу или въ деревнѣ съ паркомъ, со всѣмъ городскимъ комфортомъ и съ гостями и т. п. Вотъ жизнь.

Авторъ даетъ въ Вѣрѣ исключительную, недюжинную натуру, задыхающуюся въ этой свѣтской мельницѣ и ищущую простора, воздуха, настоящей жизни, т. е. дѣла, труда и цѣли

Да, она могла бы найти все это. Для этого надо было только ей быть настоящей женщи-

ной: прежде всего, конечно, любить. . . . Кого? Ей есть кого любить—дѣтей. Одна эта задача можетъ и должна поглощать женщину мать. Она одна можетъ только морально создать людей вторично, какъ создала ихъ матеріально, и эта подготовка людей начинается съ колыбели и кончается у порога возмужалости. Отъ нея же, конечно, зависитъ, наоборотъ, и пренебречь, и слѣдовательно, затушить въ чловѣкѣ чловѣка.

Но у Вѣры, какъ у женщины съ душой, сердцемъ—есть еще другая, чловѣческая задача и долгъ: это подумать, хорошо ли живется людямъ въ ея имѣніяхъ? Она ѣдетъ съ цѣлью устроить ихъ бытъ, учредить школы, больницы и т. п.

Но вотъ тутъ явились: кокетство, фатумъ, онъ, она, свиданіе, объясненіе, потомъ борьба, драма, отъѣздъ въ Ниццу—и послѣ страданій, борьбы въ дальней перспективѣ блещетъ какая то звѣзда. . . . Чего? Сознанія свершеннаго долга по отношенію къ дѣтямъ, потомъ къ бѣднымъ, къ нуждающимся во всякой помощи, въ грамотности, въ работѣ, въ устройствѣ положенія крестьянъ? вообще въ полномъ удовлетвореніи строгимъ и высокимъ требованіямъ и цѣлямъ жизни: въ непрестанномъ и чуткомъ исканіи въ себѣ чувствъ справедливости, гуманности въ отношеніи къ другимъ или, пожалуй, любви къ ближнему (такъ какъ она религіозная женщина), наконецъ, въ непрерывномъ, свойственномъ недюжинной и развитой натурѣ, стремленіи къ самоулучшенію, къ примиренію своего я со всею неурядицею жизни и къ

равновѣсію своихъ силъ душевныхъ и т. д. и т. д. Нѣтъ, впереди у нея блеситъ одна звѣзда: это надежда увѣнчать свою страсть бракомъ съ Дубровинымъ. Эгоистка, дюжинная натура.

Нѣтъ, я не люблю графини Вѣры—мнѣ лучше нравится княгиня, ея подруга, это простой и естественный продуктъ ея почвы, ея воздуха—она не гонится за тѣмъ, что ей не по силамъ и потому, хотя она и пуста, но очень мила.

Я уже назвалъ ихъ всѣхъ космополитами и удерживаю это названіе.

Вы вѣрно замѣтили, графиня, что они должны были говорить между собой по французски—этотъ нейтральный языкъ стираетъ съ нихъ національность, такъ что они, кажется, дѣлаютъ все, чтобы не походить на Русскихъ. Съ колыбели учатъ дѣтей пофранцузски, поанглійски, и послѣ всего уже порусски и то съ учителемъ. А своему языку учатся съ колыбели, отъ кормилицы, няньки, товарищей и т. д., а потомъ уже учителя и отечественные образцовые писатели.

И выходятъ они—ни русскіе, ни французскіе, ни англичане, хотя и говорятъ условнымъ французскимъ и англійскимъ языкомъ, языкомъ дипломатовъ и салоновъ. Но никогда они не будутъ говорить, какъ французъ или англичанинъ говоритъ—въ интимной настоящей жизни, потому что въ ихъ языкѣ, фізіономіи, мимикѣ говоритъ сама ихъ жизнь, кровь ихъ, складъ ума, ихъ нервы, ихъ исторія—и этотъ ихъ языкъ уже вовсе не похожъ на то блѣдное условное

нарѣчіе, какимъ говорятъ наши космополиты. Въ живыя, страстныя минуты имъ надо при-
творяться французами или англичанами, а это
карикатурно. Если когда нибудь будетъ, по
слову Христа, едино стадо и единъ пастырь,
то, можетъ быть (какъ мечтаютъ космополиты)
когда нибудь и всѣ національности сольются
въ одну человѣческую семью: пусть такъ, но
и для этой цѣли, нужно, чтобы всѣ націо-
нальности работали изо всѣхъ силъ и чтобы
каждая изъ нихъ добывала изъ своихъ особен-
ностей—всѣ лучшіе соки, чтобы внести ихъ
въ общую человѣческую сокровищницу, какъ
дѣлали древнія, какъ дѣлаютъ новыя націи. А
для этого нужно русскому—быть русскимъ, а
связываетъ насъ съ своею націею, больше
всего—языкъ.“

Я вдумчиво прочитала это письмо, согла-
шаясь съ многимъ. Я сама понимала, что
слишкомъ много я говорю о моихъ герояхъ
и мало заставляю ихъ говорить самихъ. Это
происходитъ отъ того, что я не владѣю рус-
скимъ разговорнымъ языкомъ, и это препят-
ствіе останется навсегда трудно преодолимымъ,
такъ какъ естественная рѣчь не пріобрѣтается,
а развивается вмѣстѣ съ нами, съ колыбели.
Мнѣ припомнилось читанное раньше у Lanfrey
одно сужденіе, подтверждающее слова моего
критика. Говоря о Пьемонтѣ и о его жите-
ляхъ, онъ пишетъ: „Ils n'ont pas de littérature
et ne peuvent en avoir, car ce sont des Italiens
qui parlent français, ils n'ont donc pas de langue
maternelle.“ Въ тѣхъ же условіяхъ нахожусь я;
я русская, говорящая по французски. Мой

языкъ правиленъ, какъ опредѣлили его Гончаровъ, и можетъ съ упражненіемъ пріобрѣсти болѣе рельефности и силы, но для жизненнаго воспроизведенія живыхъ людей у него всегда не будетъ экспромтнаго выраженія своихъ чувствъ. Вотъ почему стихи, въ которыхъ болѣе непосредственности, чѣмъ въ прозѣ—я могу писать только по французски.

Настоящія записки я пишу по русски и полагаю, что въ этомъ нѣтъ ошибки, и что повѣствовательный языкъ мнѣ доступенъ. „Le style c'est l'homme“, какъ повторилъ Гончаровъ вслѣдъ за Бюффеномъ. Мнѣ кажется, что моя проза отражаетъ меня довольно вѣрно.

Я собиралась отвѣчать Ивану Александровичу, не соглашаясь вполне съ его опредѣленіемъ характера моей героини, но, не успѣвъ дописать своего отвѣта, получила отъ графини Толстой новое короткое письмо Гончарова къ ней. Онъ, очевидно, опасался, что критика его задѣла мое самолюбіе и, спрашивая у графини, не было ли задора въ его первомъ письмѣ, продолжалъ такъ:

„Я не нашелъ въ немъ (въ письмѣ) ничего раздражительнаго для авторскаго самолюбія: я говорилъ живо, горячо, имѣя предъ собой литератора-собрата, а не женщину, и все, что говорено мною, касалось не автора, а романа. Поэтому я и не каюсь въ критикѣ своей—она была искренняя. Такъ, кажется, умный и пріятный авторъ и принялъ ее.

Надѣюсь, что, прочтя эти большіе два листа—она не будетъ имѣть противъ меня дурного чувства. Вѣдь, всѣ эти мои безпокойства дока-

зываютъ, между прочимъ, что я живо заинтересовался (что рѣдко теперь бываетъ со мной) и авторомъ, и его романомъ. Я уже писалъ ей, что меня прежде всего занялъ вопросъ: почему она пишетъ? не изъ нужды, конечно, ибо авторской платы, пожалуй, не станетъ на овесъ ея лошадямъ? Не изъ самолюбія тоже, ибо въ ея кругу за литературными лаврами не погонятся.

Оставалось предположить призваніе, отъ котораго не отдѣлаешься ни въ какомъ кругу: оно вездѣ прорвется наружу. Я предположилъ призваніе и пришелъ слушать съ любопытствомъ первый опытъ автора—дамы. Слѣдующіе опыты укажутъ ей самой, дѣйствительно ли призваніе вызвало ее на писаніе и, если призваніе, то дальнѣйшіе труды обнаружатъ и степень ея таланта. И да благословить ее Аполлонъ и Музы и весь большой свѣтъ.“

Для дополненія картины привожу сохранившійся также у меня мой отвѣтъ Гончарову. Вотъ онъ:

„Графиня Толстая передала мнѣ Ваше письмо. Прежде всего хочу выразить Вамъ, что я была польщена тѣмъ, что Вы отнеслись къ моему труду съ точки зрѣнія литературной. Въ Вашей серьезной критикѣ я чувствую для себя одобрение и доказательство съ Вашей стороны, что Вы признали во мнѣ нѣкоторый талантъ. Дѣйствительно, чего болѣе можетъ ожидать начинающій авторъ, при своей исключительной обстановкѣ, подъ давленіемъ свѣтскихъ условныхъ отношеній,—къ тому же, при полномъ отсутствіи опытнаго литературнаго руководи-

тельства и съ справедливо замѣченнымъ космополитизмомъ въ строѣ мыслей и языка. Единственное руководство мое было: мое инстинктивное чувство правды, и Вы это оцѣнили, находя постройку моей повѣсти естественной и простой. Соглашаюсь съ Вами, что посредникъ не довольно жизненный. Я всегда это чувствовала—но смѣю оспаривать Ваше мнѣніе о графинѣ.

Вы сначала говорите, что она слишкомъ идеализирована, и что безупречныхъ людей нѣтъ въ жизни и не должно быть въ романѣ—и потомъ предполагаете, что она не должна вовсе быть доступной страсти и что материнская любовь и преданность своему долгу должны были застраховать ее отъ увлеченія страстью. Вотъ, въ такомъ случаѣ, она была бы идеализирована и не вышло бы даже никакого романа. Я же хотѣла показать въ ней натуру вполне женскую, т. е. податливую и къ тому великосвѣтскую, возвышенную по стремленіямъ, правдивую, честную съ любящимъ сердцемъ. Космополитизмъ и тепличное ея воспитаніе не выработало въ ней особенной твердости и стойкости, какія встрѣчаются у тѣхъ, которыя съ самаго дѣтства свыкались съ нуждой и прокладывали себѣ путь между препятствіями всякаго рода. Для нея естественна вся эта атмосфера внѣшней роскоши и поклоненія, въ которой она живетъ (оттуда и ея безсознательное кокетство). Но въ ней также живо чувство состраданія и вотъ, съ этими задатками на своей одинокой дорогѣ, она встрѣчаетъ Дубровина, чувствуетъ свое вліяніе на

него, отвѣчаетъ своей симпатіей, подчиняется его руководительству въ своихъ дѣйствіяхъ, и, наконецъ, любитъ его, любитъ всѣмъ сердцемъ. Между тѣмъ, при ея способности къ увлеченію и гибкости, въ ней живетъ природное и развитое религіозное чувство, которое служитъ какъ бы масштабомъ всѣхъ ея дѣйствій и составляетъ ея опору, утѣшеніе и главную подкладку проявленій ея жизни. И въ этомъ религіозномъ чувствѣ заключается тотъ свѣточъ, который озаряетъ ее въ минуту душевной тревоги, рѣшая абсолютно, какъ, сохраняя свои убѣждения, она должна поступать. Чѣмъ слабѣе, сама по себѣ, ея природа, тѣмъ глубже является сила ея религіознаго чувства. Софизмы для нея не существуютъ, она ни минуты не колеблется, какъ ей слѣдуетъ поступать. Съ ея христіанскими убѣжденіями нѣтъ мѣста сомнѣнію. Ея подвигъ состоитъ въ подчиненіи своей воли сознаннымъ долгу. Она не жертвуетъ Дубровину своими стремленіями, идеалами, добрыми дѣлами и т. п., какъ Вы ее въ томъ упрекаете. На время она только перемѣняетъ поле своей дѣятельности и переноситъ его на другую почву. Вѣдь, Отрадное не единственное мѣсто на свѣтѣ, гдѣ можно трудиться, и Отрадное она передаетъ тому, кто лучше всѣхъ можетъ осуществить ея намѣренія. Нѣтъ, тогда бы она пожертвовала всѣмъ этимъ Дубровину и заслужила бы Ваше названіе эгоистки, если бы она уступила своей страсти.

Какъ могла бы она сохранить весь строй своей жизни, основанной на правдѣ Христовой,

когда жизнь ея была бы основана на лжи (если предположить, что она скрывалась) или на поспраніи той истины, которую она исповѣдуетъ, что бы вышло лицемѣріемъ. Тогда бы послѣдовало въ ея жизни раздвоеніе, терзаніе, обезсиленіе, потеря энергіи и даже полное крушеніе ея нравственнаго существа, потому что жизнью ея пересталъ бы управлять прежній идеалъ, а создать новый она была бы не въ силѣ?

Не говорю, что она не могла бы уступить своей страсти, возвратиться къ своему идеалу, съ болѣе или менѣе разбитыми крыльями, но тогда мнѣ предстояло бы описать другую борьбу—именно борьбу возрожденія, и она вышла бы изъ темы моей настоящей задачи.

Лучъ надежды, озаряющій ея жизнь послѣ пятилѣтняго плодотворнаго исполненія своего назначенія, не имѣетъ прямого отношенія къ ея моральной жизни. Онъ является какъ бы сверхъ счета. Не будь его, дѣятельность ея осталась той же по направленію, заложенному сначала. Личное счастье въ большей или меньшей степени не имѣло бы для жизни Вѣры существеннаго значенія, потому что она доказала, какъ послѣ бури, перенесенной ею, жизнь ея не увяла, а напротивъ, окрѣпла и развилась. Вотъ мое оправданіе насчетъ задуманнаго мною характера графини. Руками и ногами предаюсь Вашему суду за возможную неясность и неудовлетворительность въ исполненіи взятой мной на себя задачи.“

Вся эта литературная атмосфера была для меня пріятна. Она меня интересовала и мнѣ

въ ней чувствовалось свободно. Другой маленький инцидентъ изъ той же области произошелъ тогда же. У меня часто бывалъ совѣтникъ французскаго посольства Laboulaye. Я читала книги его отца, и мнѣ нравился его разговоръ. Онъ былъ отозванъ своимъ Правительствомъ, будучи назначенъ посланникомъ въ Испанію и, конечно, пріѣзжалъ проститься съ нами. Я его встрѣтила еще разъ, наканунѣ его отъѣзда въ Австрійскомъ посольствѣ—Онъ уходилъ. Я вошла и въ дверяхъ, мы остановились. Онъ спросилъ меня: не будетъ ли съ моей стороны порученій въ Парижъ? Я отвѣтила ему: „Если Вы вспомните, пришлите мнѣ книгу *Mérimée* о Лжедимитріи“ (Я желала прочесть эту книгу и не могла найти ее въ Петербургѣ.) „Но Вы, вѣрно, забудете, продолжала я, и на этомъ мы разстались. Спустя нѣсколько дней, я получила чрезъ французскаго посла, генерала Леффло, эту книгу съ письмомъ отъ Laboulaye. Распечатавъ конвертъ, я нашла въ формѣ письма пріятный Сонетъ. Онъ начинался такъ: „*Vous avez cru que j'oublierai, Madame*“ и пр. Это стихотвореніе гдѣ нибудь сохраняется въ моихъ бумагахъ; не имѣя подъ руками, я не могу цитировать его на память. Мнѣ этотъ способъ переписки такъ понравился, что я сейчасъ же написала ему отвѣтъ также въ стихахъ, не Сонетъ, такъ какъ не умѣю ихъ писать, но тѣ же двѣнадцать стиховъ и того же размѣра:

„De votre envoi, l'aimable exactitude
„Doit m'inspirer un prompt remerciement
„Démétrius, contre son habitude
„Est cette fois un messenger charmant,

*

„Car au récit de sa sombre imposture
„Se mêlera pour moi le souvenir
„D'un gracieux Sonnet dont la lecture
Hier me causait un si réel plaisir

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ концѣ 80-хъ годовъ Laboulaye вторично былъ въ Россіи, но уже посломъ при Государѣ Александрѣ III. Мы сохранили дружескія отношенія. Онъ много трудился надъ сближеніемъ Франціи и Россіи, и установившійся впослѣдствіи союзъ былъ въ большой степѣни подготовленъ его вліяніемъ. Онъ говорилъ мнѣ: „Il y a bien des choses dans la forme de notre Gouvernement qui choquent les idées d'un Monarque absolu, mais je dis à Sa Majesté: „Sire, ne considérez pas les formes, qui se modifient—Voyez l'âme de la France.“

Я видѣла его въ 1901 году въ Парижѣ, когда была тамъ проѣздомъ, направляясь въ Дюнкирхенъ, куда я была вызвана, чтобы сопровождать Нашу Царственную Чету во время пребыванія Ихъ въ Компьень. Онъ былъ счастливъ, усматривая увѣнчаніе своихъ трудовъ, въ присутствіи Ихъ Величествъ во Франціи на великолѣпномъ военномъ смотрѣ въ Бетини. Увы, близкое будущее должно было разбить столько надеждъ и разсѣять столько иллюзій—но онъ не успѣлъ разочароваться въ могуществовъ Россіи, такъ какъ смерть закрыла вѣки его до переживаемыхъ нами бѣдствій.

Четверги Великой Княгини Елены Павловны прекратились раньше времени, по причинѣ серьезной Ея болѣзни. На Пасхѣ она еще не принимала, однако, по своей постоянной добротѣ

ко мнѣ, она вспомнила обо мнѣ и прислала мнѣ свой фотографическій портретъ вмѣстѣ съ фарфоровымъ яйцомъ.

Въ слѣдующее Воскресенье я поѣхала въ Михайловскій Дворецъ къ обѣднѣ, надѣясь видѣть Ее и лично благодарить за оказанное вниманіе. Дѣйствительно, Она была въ церкви и показалась мнѣ похудѣвшей и измѣнившейся. Приняла она меня съ обычною своею ласкою и сказала мнѣ, что чувствуетъ себя еще очень слабой. Наканунѣ, она пробыла недолго въ своемъ саду, расцвѣтающемъ всею роскошью весенняго наряда, но почувствовала себя дурно, такъ какъ воздухъ утомилъ ее. Это былъ послѣдній мой разговоръ съ нею. Она вскорѣ уѣхала за границу и вернулась въ концѣ Декабря, только для того, чтобы умереть въ своемъ Дворцѣ.

Мы тоже скоро уѣхали въ Надеждино. Здоровье моего отца продолжало насъ серьезно озабочивать. Моя мать поѣхала съ нами. Все было красиво, въ цвѣту и мирно, но воспоминанія о прошлогоднихъ тревогахъ, окончившихся такъ грустно для меня, овладѣли мною, и тоска не покидала души моей, особенно безъ какого либо внѣшняго отвлеченія. Мой мужъ, по обыкновенію, уѣхалъ сперва въ свое Владимірское имѣніе, а потомъ пріѣхалъ къ намъ. Я посвящала себя моему 4-хъ лѣтнему милому мальчику—въ немъ я видѣла всю мою земную будущность. Трудно выразить, но можно понять, какое мѣсто онъ занималъ въ моемъ сердцѣ—и потому можно судить о томъ горѣ, которое меня постигло, когда въ

теченіи лѣта онъ сильно заболѣлъ дизентеріей. Думаю, что эта болѣзнь, имѣвшая эпидемическій характеръ, была въ связи съ прошлогодней холерой. Какая бы ни была причина болѣзни, она страшно сразила насъ. Я была въ отчаяніи, болѣзнь развилась въ сильной степени. Мой бѣдный Кира страдалъ днемъ и ночью и мнѣ раздиралъ сердце его вопль. Господи помилуй меня!“—Какъ! Неужели опять? . . . Я была въ такомъ отчаяніи, что моя мать, которая утѣшала и плакала со мной, говорила: „C'est effrayant de mettre toute sa vie sur une seule tête!“ Но на этотъ разъ Ангелъ смерти миновалъ насъ; мало по малу, онъ поправлялся и, хотя мнѣ тяжело было видѣть его изнуреннымъ до того, что руки и пальцы его стали похожи на птичьи лапки, но всетаки эта была жизнь, а не смерть и я благодарила Бога изъ глубины моего сокрушеннаго сердца. Мы уѣхали въ Сентябрь и закончили осень въ Царскомъ Селѣ, гдѣ взяли дачу и гдѣ оставались до половины Ноября.

Я всегда любила и люблю Царскосельскій воздухъ, въ немъ есть что то особенно живительное. Недавно въ почвѣ его былъ найденъ радій—можетъ быть, этому обстоятельству должно приписать его оздоравливающее свойство. На сей разъ онъ оказалъ намъ свое благотворное дѣйствіе. Мой мальчикъ поправлялся, и, хотя былъ худъ, но силы его возстановились. Моя мать помѣщалась въ Александровскомъ Дворцѣ, но половину своего времени проводила въ Петербургѣ при моемъ отцѣ. Я тоже ѣздила часто въ Петербургъ, особенно по понедѣльникамъ, въ день абоне-

мента моего отца въ Итальянской оперѣ. Доктора посовѣтовали ему это развлеченіе, онъ ѣздилъ съ удовольствіемъ слушать хорошую музыку и любилъ, чтобы мы были съ нимъ. Составъ оперы былъ прекрасный, Нильсонъ пѣла удивительно, и ея появленіе въ Фаустѣ было олицетвореніемъ типа Гретхенъ, до того совершеннымъ, что мнѣ кажется невозможнымъ представить себѣ иначе героиню Гете. Вся поэзія ея изображалась въ наружности артистки, игрѣ, во всѣхъ движеніяхъ и вся страстность этого *Roème d'Amour* выражалась въ ея дивномъ пѣніи. Фаустомъ былъ Николини. Этотъ *ensemble* былъ особенно прелестенъ въ 3-емъ актѣ.

Нильсонъ мы знали не только по сценѣ, она бывала у Принцессы Евгении Максимиліановны и у княгини Барятинской. Вся публика и общество ею восторгались.—Въ это время отецъ прочелъ мой романъ, который удивилъ его и понравился ему. Онъ мнѣ сказалъ по этому поводу: „*Ma chère enfant, c'est toute une révélation pour moi! Quel dommage que nous ayons passé tant de temps avant de faire connaissance.*“ Я была очень близка къ нему. Онъ читалъ мнѣ всѣ свои записки, размышленія, стихи, наполнявшіе нѣсколько толстыхъ тетрадей и находилъ во мнѣ пониманіе и отзывчивость, но я никогда не говорила ему о себѣ.—Теперь вся жизнь прожита, все перестрадано и переборено, вслѣдствіе чего и получилась возможность открыть уста. Можетъ быть, правдивая передача пройденныхъ опытовъ окажетъ пользу начинающему путь жизни, моло-

дому сердцу. Какія бы препятствія ни встрѣтило оно на своемъ пути, все окажется преодолимымъ при сохраненіи путеводной звѣзды и установленіи ориентаціи по ея указанію.

Цесаревна была неизмѣнно добра ко мнѣ и я часто бывала у Нея. Во время послѣдняго моего посѣщенія Ея въ Царскомъ Селѣ, Великій Князь жаловался на сильную головную боль,—это было прологомъ тифа, которымъ онъ опасно заболѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда въ Аничковъ Дворецъ. Тяжелыя впечатлѣнія слѣдовали одни за другими. 12 Декабря, въ день рожденія моего покойнаго брата, мой отецъ причащался въ приходской церкви Св. Пантелеймона. Возвращаясь онъ сказалъ мнѣ: „Какъ ошибочно мы представляемъ наше отношеніе къ Богу,“ и прибавилъ: „Il faut aller à Lui tout simplement comme un enfant va à son père“. Съ этою простою дѣтскою вѣрою, отрѣшившись отъ земныхъ попеченій, душа его предстала предъ Небеснымъ своимъ Отцомъ. Ровно черезъ недѣлю, 19-го съ нимъ случился ударъ, а въ ночь на 20-е онъ скончался.

Не стану описывать нашего потрясенія. Какъ часто въ этихъ запискахъ приходится мнѣ регистрировать тяжелыя утраты, которымъ подвергалась наша семья, но, вѣря въ личное безсмертіе, уповаю на соединеніе съ умершими въ вѣрѣ и хочется воскликнуть съ Апостоломъ Павломъ: „Смерть! Гдѣ твое жало? Адъ! Гдѣ твоя побѣда?“ Временно находясь посреди тяжелыхъ смятеній нашей современ-

ной жизни, утѣшаю себя мыслями, выраженными въ слѣдующихъ стихахъ:

Qu'importe que la vie inégale ici bas
Pour l'homme et pour la femme
Se dérobe et soit prête à rompre sous vos pas?
N'avez vous pas votre âme?
Votre âme qui bientôt fuira peut être ailleurs
Vers ces régions pures
Et vous emportera plus loin que nos douleurs
Plus loin que nos murmures!
Soyez comme l'oiseau perché pour un instant
Sur des rameaux trop frêles
Qui sent ployer la branche et qui chante pourtant
Sachant qu'il a des ailes!

Великая Княгиня Елена Павловна только что вернулась изъ Флоренціи, гдѣ была очень больна. Мы ее еще не видѣли, такъ какъ были поглощены нашимъ горемъ. Великая Княгиня Екатерина Михайловна была у меня, и, на мой вопросъ о состояніи здоровья ея матери, съ безпокойствомъ и тревогой сказала мнѣ, какъ опасно оно ей представляется. Дѣйствительно, 9 Января утромъ насъ увѣдомили, что Ея Высочество находится въ отчаянномъ положеніи. Мы поспѣшили въ Михайловскій Дворецъ. Все уже носило печать ожиданія близкой кончины. Въ гостиной близъ спальни, двери которой были открыты, собирались приближенные, грустно переговаривавшіеся между собой о готовящемся событіи. Я вспомнила всю ея доброту ко мнѣ, почти со времени моего дѣтства. Рядомъ со мной, Юлія Ѳеодоровна Абаза рыдала, вся ея жизнь сплеталась около Ми-

хайловскаго Дворца, она переживала въ то время свое собственное большое горе и слезы ея были выраженіемъ совокупности ея тоски. Съ княжной Львовой сдѣлалось дурно. Прощель о. Янышевъ съ Святыми Дарами. Мы всѣ пали на колѣни и оставались такъ во время Св. Причастія. Я находилась въ дверяхъ у Ея спальни и встала, чтобы пропустить Государя и Императрицу, которые вошли къ Ней. Потомъ все было кончено и всѣ разъѣхались. Начались панихиды, дежурства. Она лежала, покрытая цвѣтами въ малой церкви Дворца, гдѣ я такъ часто видѣла Ее при жизни. Въ залахъ, примыкающихъ къ церкви съ обѣихъ сторонъ, собиралась огромная масса официальныхъ лицъ на панихиды. Потомъ перенесеніе гроба въ Петропавловскую крѣпость, отпѣваніе, послѣдняя вѣчная память и чувство пустоты въ городѣ и въ жизни многихъ отъ исчезновенія этой высокой и свѣтлой крупной личности.

Не говоря о семьѣ, болѣе всѣхъ ощущала эту потерю самая приближенная къ покойной Великой Княгинѣ фрейлина Эдита Федоровна Раденъ. Болѣе двадцати лѣтъ, проведенныхъ ею въ тѣсномъ общеніи съ обширнымъ умомъ и высокимъ характеромъ Елены Павловны, сроднили ее съ духомъ Великой Княгини, развивая природныя ея исключительныя способности. Она благоговѣла предъ Ея памятью и направляла всю свою дѣятельность къ осуществленію Ея замысловъ, къ приведенію въ исполненіе Ея предначертаній, къ одухотворенію Ея духомъ всѣхъ оставшихся послѣ Нея памятниковъ Ея

просвѣщенныхъ заботъ. Великая Княгиня желала создать врачебную клинику и предполагала передать веденіе ея своему врачу профессору Эйхвальду. Эдита Федоровна знала всѣ планы и подробности этого дѣла и могла передать его съ точностью Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, которая исполнила послѣднюю волю Своей Родительницы, основавъ клинической институтъ имени Великой Княгини Елены Павловны.

Я очень часто видѣла Эдиту Федоровну во все это время, сама не выѣзжала по причинѣ нашего траура и часто проводила у нея вечера. Иногда, третьимъ лицомъ былъ докторъ Эйхвальдъ. Мы много говорили о быломъ. Она была чрезвычайно грустна. Я также была подавлена послѣдовательностью столькихъ тяжелыхъ впечатлѣній. Мы жили въ одномъ домѣ съ моею матерью (хотя независимо въ хозяйственномъ отношеніи) и я раздѣляла ея интересы. Мой братъ, глубоко потрясенный смертью отца пріѣхалъ на короткое время изъ Кіева, гдѣ онъ служилъ адъютантомъ при Генераль-Губернаторѣ, князѣ Дондуковѣ. Моя сестра была въ Ниццѣ со своимъ мужемъ.

Въ свѣтъ я конечно не ѣздила, но мои друзья меня не покидали—я даже расширила кругъ моего знакомства. Въ него вошли трое очень извѣстныхъ судебныхъ дѣятелей: Андрей Александровичъ Сабуровъ, Петръ Демидовъ и Иванъ Ивановичъ Шамшинъ. Послѣдняго я встрѣтила у Александры Александровны Воейковой въ Маріинскомъ Дворцѣ. Мы провели вечеръ втроемъ. Иванъ Ивановичъ много гово-

рилъ прекрасною русскою рѣчью, очень содержательною. Я была сильно заинтересована. Онъ потомъ бывалъ у меня часто. Я всегда была проникнута ясностью его взгляда на современныя событія и пониманіемъ нуждъ Государства. То время было золотымъ вѣкомъ судебного вѣдомства. Оно притягивало лучшія силы страны. На призывъ къ дѣятельности не одинъ блестящій талантъ откликнулся горячимъ патріотизмомъ и посвященіемъ своихъ силъ серьезной работѣ.

Раннею весною, 14 Апрѣля, я уѣхала за границу съ моимъ мальчикомъ. И ему послѣ прошлогодней болѣзни, и мнѣ, послѣ моихъ нравственныхъ потрясеній, необходима была перемѣна впечатлѣній. Погода была отвратительная, холодная и мятельно-снѣжная. Я жаждала увидѣть признаки весны, мнѣ удалось уѣхать въ поѣздѣ, высылаемомъ на встрѣчу Императору Вильгельму, прибывавшему въ Петербургъ; я находилась подъ покровительствомъ дяди моего, князя Бориса Федоровича Голицына, назначеннаго состоять при иностранномъ Государѣ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ графомъ Бергомъ, княземъ Суворовымъ и графомъ Кутузовымъ. Путешествіе наше было очень пріятное, мы вмѣстѣ обѣдали и разговаривали, когда я бывала въ вагонъ-салонѣ. Они остались въ Вержболовѣ, гдѣ должны были на слѣдующее утро встрѣтить Высокаго Гостя Россіи, а мы продолжали свой путь до Берлина. Мои любезные кавалеры проводили меня до Эйдкунена и усадили въ вагонъ. Въ Висбаденѣ, еще ранѣе моего

пріѣзда, прибыла добрѣйшая княжна Львова (Михайловскаго Дворца) и взяла для меня комнаты около своихъ. Весна здѣсь уже наступила въ своемъ очаровательномъ молодомъ нарядѣ, все зеленѣло и фруктовыя деревья были въ полномъ цвѣту. Мы вышли изъ вагона, какъ русскіе медвѣди въ нашихъ шубахъ и съ радостью превратились по наружности въ жителей умѣренныхъ странъ.

Въ Висбаденѣ мой образъ жизни былъ спокойный и уединенный. Мы много гуляли и катались съ моимъ мальчикомъ по красивымъ холмамъ Таунусовой горной цѣпи. На одной изъ возвышенностей стоитъ поэтическая русская церковь, построенная Великой Княгиней Еленой Павловной въ память усопшей дочери Своей, Великой Княгини Елизаветы Михайловны, гдѣ Она и похоронена. Около церкви буквально цвѣтеть весь склонъ спускающейся горы. Между роскошнымъ, прекрасно содержавшимся цвѣтникомъ мелькають кресты надгробныхъ памятниковъ. Это русское кладбище. Здѣсь не охватываетъ Васъ обычное тяжелое впечатлѣніе. Подъ солнечными лучами и синевой неба, въ благоухающей атмосферѣ цвѣтовъ, смерть не говоритъ объ уничтоженіи, но о возрожденіи и вѣчной жизни. По крайней мѣрѣ, таково было мое ощущеніе при посѣщеніи этого кладбища.

Мое уединеніе было произвольное, такъ какъ здѣсь, какъ и вездѣ, обрѣталось веселящееся общество. Центромъ его въ то время былъ принцъ Николай Нассаускій со своей супругой графиней Меренбергъ. Разъ вечеромъ, графиня

Редигеръ, съ цѣлой гурьбой, влетѣла ко мнѣ, отъ имени всей coterie крича: „Nous venons Vous enlever, tout notre monde est au Cirque, venez!“ Оказывается, что въ циркѣ должны были подвизаться какіе то особенные акробаты. Я въ циркѣ? Съ ними? При моемъ траурѣ и безъ мужа? Поблагодарила и наотрѣзъ отказалась.

Однако, я видала съ удовольствіемъ нѣкоторыхъ изъ пріѣзжающихъ русскихъ—что случалось довольно часто, такъ какъ Висбаденъ по пути ко всему. Кирѣ минуло пять лѣтъ, и я подарила ему по этому случаю пять игрушекъ. Онъ сидѣлъ на полу посреди ихъ, когда мнѣ доложили объ Иванѣ Ивановичѣ Шамшинѣ. Я не знала, что онъ собирался за границу и была рада его видѣть.—Часто мы припоминаемъ съ нимъ, сколько воды утекло и сколько перемѣнъ произошло въ насъ и вокругъ насъ со времени тѣхъ мирныхъ дней, когда Кира сидѣла на полу, ломая свои игрушки, а мы съ такой надеждой бесѣдовали о великой будущности Россіи.

Мы ѣздили въ Соденъ, куда княжна Львова переселилась, чтобы пройти курсъ лѣченія и вскорѣ затѣмъ, въ Баденъ, гдѣ я намѣревалась провести нѣсколько дней вмѣстѣ съ Принцессами, которыя уже тамъ находились. Я взяла на дорогу только что появившееся въ печати новое сочиненіе Тургенева: „Вешнія воды“. Эта прелестная повѣсть связана въ моемъ воспоминаніи съ плаваніемъ на пароходѣ по Рейну въ дивное весеннее утро. Я выбрала этотъ путь ради его живописности.

Въ Баденѣ, по моей просьбѣ, Евгенія Максиміліановна уже взяла намъ комнаты въ Hôtel d'Angleterre, въ которомъ обѣ Принцессы сами обитали вмѣстѣ съ графиней Екатериной Петровной Клейнмихель, присоединившейся къ нимъ. Мнѣ было такъ пріятно окунуться снова въ ихъ дружескій кружокъ, что безъ труда уступила желанію ихъ перекочевать окончательно въ Баденъ. На другой день, я послала мою дѣвушку съ курьеромъ въ Висбаденъ, чтобы расплатиться по моимъ счетамъ и перевести мой багажъ. Мы прекрасно устроились вчетверомъ. Каждая изъ насъ имѣла свое помѣщеніе — завтракали и обѣдали вмѣстѣ въ большомъ салонѣ Евгеніи Максиміліановны, дѣля расходы. Вечера проводили въ той же комнатѣ. Постоянно присутствовала принцесса Монако, мать которой, герцогиня Гамильтонъ, была рожденная принцесса Баденская и потому приходилась родственницей нашимъ Принцессамъ. Эта герцогиня имѣла брата, умершаго, какъ говорятъ, въ дѣтствѣ, но она сама была убѣждена, что этотъ братъ никто иной, какъ загадочный Гаспаръ Гаузеръ, заключенный, какъ извѣстно, съ первыхъ лѣтъ его жизни и выпущенный на волю уже возмужалымъ, но полудиотомъ. Когда вслѣдствіе терпѣливаго и ласковаго обращенія съ нимъ, въ немъ начинало пробуждаться сознаніе и память, онъ былъ внезапно убитъ. Эта загадочная драма интересовала многихъ въ свое время. Я читала любопытныя дознанія, произведенныя по этому дѣлу. Замѣчательно, что, когда слѣдствіе приходило къ концу и начинали выясняться обстоятельства

этой темной драмы, ударъ кинжала внезапно прекратилъ всякую возможность возстановить его личность. Я помню, какъ исторія Гаспера Гаузера, о которой я слыхала въ дѣтствѣ столько сужденій, возбуждала во мнѣ животрепещущее любопытство и меня интересовало знакомство съ предполагаемыми его родными. Наши дѣти (двое Баденскихъ, одинъ Евгеніи Максимилиановны, одинъ Монако и мой) проводили дни вмѣстѣ и раздѣляли всѣ свои прогулки и игры. Мы ѣздили въ экипажахъ, по красивымъ окрестностямъ, въ Старый Замокъ съ его эоловыми арфами, которыя, какъ кажется, приносятъ въ своихъ протяжныхъ нотахъ жалобу душъ, любившихъ или страдавшихъ на этихъ мѣстахъ, также въ Эберштейнъ и на Цецилиенбергъ и проч. съ остановками для чаепитій по пути въ любомъ изъ многочисленныхъ малыхъ ресторановъ, изобилующихъ въ каждомъ Германскомъ курортѣ. Въ Баденѣ въ то время многіе русскіе имѣли свои виллы и жили въ нихъ. Показывали стоящія подъ рядъ виллы Тургенева и M-me Viardot. Обѣ опустѣли со времени отъѣзда ихъ владѣтелей въ Парижъ, но Меньшиковы, Гагарины, Хребтовичи жили въ своихъ роскошныхъ дачахъ, обставленныхъ со всѣмъ вкусомъ и элегантнымъ комфортомъ, доступнымъ имъ по ихъ широкимъ средствамъ.

Я начинала чувствовать себя очень дурно, такъ какъ замѣчала, что мнѣ предстоитъ новый тяжелый кризисъ. Роды въ моемъ ожиданіи являлись мучительными и опасными. Притомъ мы заѣхали такъ далеко отъ дома и

примѣръ прошлаго раза, отъ котораго я содрогалась мысленно, показалъ, съ какими послѣдствіями могутъ быть сопряжены для меня далекіе переѣзды. Мои нервы были удручены тревогами, физическими и нравственными, чтобы реагировать противъ упадка духа, я стала писать, испытавъ уже, что такое занятіе составляетъ для меня лучшее отвлеченіе отъ дѣйствительности и способствуетъ приведенію моихъ нервовъ въ уравновѣшенное состояніе. Моимъ сочиненіемъ была въ этотъ разъ повѣсть на французскомъ языкѣ, которую я назвала „Eureka“.

Дѣйствіе происходило въ Баденѣ среди обстановки, позаимствованной изъ нашей жизни, гдѣ играла роль дѣтская игра въ филипхенъ, которая была у насъ въ модѣ. Каждый день было нѣсколько проигранныхъ штрафовъ и мы то и дѣло ходили въ лавки подъ галереями, гдѣ покупали красивыя бездѣлушки, назначенныя для уплаты проигранныхъ *discrétions*. У меня до сихъ поръ сохраняется нѣсколько такихъ вещицъ. Моя „Eureka“, которую я имъ прочитала наканунѣ ихъ отѣзда, должна была покрыть мой долгъ Евгеніи Максимилиановнѣ. Каждый день послѣ завтрака, я проводила у нея время до общей прогулки. Она сидѣла въ своемъ креслѣ и читала, а я лежала на кушеткѣ и писала карандашемъ свою повѣсть. Отъ времени до времени мы обмѣнивались нѣсколькими словами. Героиня называлась Eugénie, Катя Клейнмихель превратилась въ Lady Catherine Clenmore. Герой получилъ имя Акселя, какъ принцессы называли

незнакомаго офицера, котораго встрѣчали во время прогулокъ и которому онѣ придумали это имя. Его настоящее имя онѣ узнали, когда онѣ былъ имъ офиціально представленъ Императрицей Германской Августой, въ свитѣ которой онѣ, какъ оказалось, находился. Моя повѣсть вышла удачная, по крайней мѣрѣ мои слушательницы остались ею довольны.

Изъ числа дамъ, часто бывавшихъ у Принцессъ, были двѣ сестры Таль; одна изъ нихъ была замужемъ за барономъ Цобелемъ, вторая Видма была умна, культурна и артистична. Марія Максимиліановна ее впослѣдствіи приблизила къ себѣ. Отецъ ихъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ братьевъ Таль, которымъ графъ Віельгорскій далъ когда то по прозвищу. Другой братъ, Робертъ, котораго мы часто видѣли въ Парижѣ, такъ распредѣлялъ эти прозвища: „Mon frère aîné;“ говорилъ онъ, „s'appelle Capital, mon second frère qui a voyagé en Orient est Oriental, le troisième qui ne reste jamais en place s'appelle Taleyrant, un autre qui est joli garçon est Fatal et moi, qui suis musicien on m'a appelé Instrumental mais comme j'ai perdu ma fortune je suis devenu Promatal.“

Онъ у насъ назывался всегда этимъ послѣднимъ именемъ.

Послѣ отъѣзда Принцессъ съ ихъ свитами наше милое общество распалось. Я чувствовала себя все хуже и хуже. Жара наступила сильная—я проводила дни на террасѣ у гостиной и меня навѣщали мои многочисленные и пріятныя знакомыя. Между ними первое мѣсто

занимала княгиня Меншикова, умная, блестящая, которую мы такъ хорошо знали въ Парижѣ, гдѣ она меня видѣла ребенкомъ, теперь же она перенесла на меня дружескія отношенія, которыя связывали ее съ моими родителями. Моя мать пріѣхала ко мнѣ, узнавъ о моемъ болѣзненномъ состояніи, и я была такъ рада, что могла предложить ей помѣщеніе у себя, такъ какъ мой мужъ еще не пріѣхалъ и комната его была пустая. Она сопровождала Цесаревну въ Вѣну и должна была черезъ нѣсколько дней присоединиться къ Ихъ Высочествамъ для предполагаемаго визита Королевѣ Викторіи въ Англію. Какъ я рада была видѣть мою милую добрую мать и говорить съ ней о всѣхъ моихъ опасеніяхъ и тревогахъ! Уже было рѣшено, что мы не возвратимся въ Россію, оставалось выбрать мѣсто для зимованія. Я желала ѣхать въ Парижъ, такъ какъ тамъ была какъ дома и знала пользовавшаго уже меня доктора Кампбеля, знаменитаго по своей спеціальности. Но нашъ посоль князь Орловъ, котораго моя мать видѣла—опасался политическихъ осложненій во Франціи и совѣтывалъ ѣхать въ Брюссель, гдѣ онъ прежде былъ посланникомъ и гдѣ могъ помочь намъ устроиться. Но этотъ городъ мало меня прельщалъ и вопросъ оставался открытымъ въ отсутствіи моего мужа, вскорѣ потомъ пріѣхавшаго.

Великая Княгиня Марія Николаевна пріѣхала въ то время въ Баденъ съ дочерью своей двѣнадцатилѣтней Еленой Строгановой и въ сопровожденіи Александры Александровны Воей-

ковой. По этому случаю возвратилась Принцесса Марія Максимиліановна и пріѣхалъ Николай Максимиліановичъ, котораго мать не видѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Россіи съ г-жей Акинфіевой, на которой онъ впоследствии женился, по полученіи ею развода, она была родная сестра фрейлины Анненковой, игравшей одно время извѣстную роль въ Мраморномъ Дворцѣ, и была такая же красавица, но бѣлокурая и съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица. Присутствіе Великой Княгини внесло новое оживленіе въ общество. Герцогиня Гамильтонъ дала первый вечеръ въ честь Ея Высочества. Было тепло, какъ подобаетъ быть лѣтомъ: садъ былъ иллюминированъ, все устройство вечера очень изящно, и, такъ какъ всѣ гости были хорошо знакомы другъ съ другомъ, всѣмъ было пріятно. Принцесса Мери Монако принимала со своей матерью. Она жила у нея въ ожиданіи, что Папа своею властью расторгнетъ ея бракъ съ Принцемъ, къ которому она чувствовала неодолимое отвращеніе. У католиковъ развода нѣтъ, и стоило большаго труда, чтобы уговорить Св. Отца исполнить настоятельную просьбу матери и дочери. Получивъ разводъ, она вышла замужъ за графа Фестетичъ и дочь ея княгиня Фюрстенбергъ находится теперь въ Петербургѣ, гдѣ мужъ ея состоитъ членомъ Австрійскаго посольства.

На вечерѣ у княгини Гагариной Великой Княгинѣ былъ представленъ извѣстный Французскій писатель Maxime du Camp. Я тоже съ нимъ познакомилась, и, приглашенная Великой Княгиней, приняла участіе въ интерес-

номъ разговорѣ съ нимъ о поддонкахъ Парижа. Никто лучше его не былъ освѣдомленъ о всѣхъ пружинахъ, приводящихъ въ жизнь этотъ всемірный городъ, чему свидѣтельствуеъ его обширное описаніе Парижа, составляющее нѣсколько большихъ книгъ. Этотъ трудъ былъ изданъ немного позднѣе и я нашла въ немъ многое, что рассказывалъ намъ въ Баденѣ авторъ. Великая Княгиня была такъ заинтересована его разговоромъ, что приглашала его потомъ запросто каждый вечеръ. Я была всегда въ числѣ присутствующихъ и несказанно наслаждалась, изящной и содержательной его рѣчью. Онъ зналъ очень многое. Его рассказы были полны жизни, говорилъ ли онъ о драмѣ убійства герцогини De Praslin своимъ мужемъ, или о впечатлѣніяхъ своего путешествія въ Сахару, или же о казни Тропмана и объ ужасномъ нервномъ состояніи Тургенева, пожелавшаго присутствовать, и рассказавшагося о томъ послѣ. Кромѣ того, во всѣхъ его сужденіяхъ, я находила печать сердечной доброты и любви къ человѣчеству, даже когда рѣчь шла о безусловно порочныхъ людяхъ; эта черта была мнѣ очень симпатична. Онъ былъ у меня, мы разговорились. Я говорила непринужденно, потому что онъ умѣлъ, какъ всѣ умные люди, выдвигать способности другихъ. Милая добрая умная Великая Княгиня уѣхала вскорѣ, къ моему большому сожалѣнію. Maxim du Camp также уѣхалъ въ Парижъ и наше знакомство должно было прерваться.—Я сохраняю объ этихъ короткихъ дняхъ самое лучшее воспоминаніе.

Наши планы выяснились. Докторъ нашель необходимымъ для меня горный воздухъ, и мы рѣшили ѣхать въ Люцернъ, чтобы оттуда выбрать возвышенность, гдѣ бы могло найтись для насъ свободное жилище при огромномъ наплывѣ туристовъ всѣхъ странъ на горныя станціи Швейцаріи. Княгиня Барятинская пріѣхала на короткое время въ Баденъ, остановившись у дяди своего графа Хрептовича, владѣльца чудной виллы Зелахъ на возвышенности за Лихтенталемъ. Графъ былъ братъ ея матери и женатъ на графинѣ Нессельроде (дочери канцлера). Не имѣя дѣтей, онъ оставилъ имя свое и маіоратъ брату княгини Бутеневу, а ей завѣщалъ эту прелестную виллу, въ которой она теперь гостила. Для меня было счастьемъ видѣть ее каждый день. Она утвердила насъ въ нашемъ предположеніи поѣхать на зиму въ Женеву. Разъ ужъ я не могла быть ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ, мнѣ улыбалась мысль войти въ кружокъ лицъ, уже извѣстныхъ мнѣ такъ же, какъ и я не была имъ чужой въ силу принципа: „друзья нашихъ друзей—наши друзья.“

Я еще никогда не была въ Швейцаріи; послѣ короткой остановки въ Люцернѣ, мы переѣхали на ту сторону озеръ и поселились на горѣ Бюргенштокѣ, гдѣ недавно была открыта гостинница. Въ то время, чтобы добраться къ ней, нужно было подниматься довольно долго въ экипажѣ, по извилистой дорогѣ, открывавшей при каждомъ поворотѣ дивную панораму; теперь какъ я слышала устроенна узкоколейная желѣзная дорога и доступъ

до нея сдѣлался легче. Я была въ восхищеніи отъ дивнаго горнаго воздуха, сразу поднявшаго энергію моихъ легкихъ, и отъ видовъ, окружающихъ насъ. Съ одной стороны озеро, отражающее въ своихъ зеленыхъ, какъ свѣтлый изумрудъ водахъ, оранжевыя и темнолиловыя тѣни высокихъ горъ Риги и Пилатъ, а съ другой зеленая долина съ пасущимся скотомъ, звенящимъ своими типичными швейцарскими колокольчиками, и темныя лѣса, покрывающіе возвышенности. Эти картины мирной природы были мнѣ удивительно симпатичны. Наша гостинница стояла одиноко посреди красоты, не созданныхъ человѣческою рукою; въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ я чувствовала себя какъ бы птицей и мечтала о томъ, что было бы хорошо имѣть крылья и улетѣть въ пространство, или я думала о столпникахъ древнихъ временъ, которые удалялись отъ смуты земной и предавались на своихъ башняхъ, съ которыхъ никогда не сходили, тайнамъ созерцанія и постоянной молитвѣ о грѣшномъ мірѣ, лежащемъ у ихъ ногъ. Этотъ міръ могъ представить въ моемъ воображеніи Люцернъ, сверкающій на противоположномъ берегу своими вечерними огнями. На нашу гору, какъ въ настоящее гнѣздо, прилетѣли съ разныхъ сторонъ близкіе мнѣ, для свиданія со мною.

Первая пріѣхала моя мать послѣ Царскаго пребыванія въ Англіи и скоро потомъ моя сестра съ мужемъ, наши друзья Зубовы и совершенно случайно бывшая фрейлина Великой Княгини Елены Павловны, Елена Стааль, вышедшая замужъ за француза графа d' Нау-

terive. Къ намъ присоединялся иногда изъ города нашъ общій другъ Егоръ Ивановичъ Бревернъ, членъ Государственнаго Совѣта и одинъ изъ завсегдателей Михайловскаго Дворца. Мы составляли однородное обособленное общество посреди Англичанъ, Американцевъ, Перувьянцевъ и прочихъ разноплеменныхъ обитателей Отеля. Здѣсь мы окончательно рѣшили, что проведемъ зиму въ Женевѣ и добрая Мари Зубова взяла на себя трудъ пріискать для насъ квартиры.

Я чувствовала себя прекрасно и спустилась съ гостепріимной нашей горы по окончаніи сезона съ бодрыми силами и спокойными нервами.

Въ воздухѣ на Бюргенштокѣ было уже очень прохладно, когда мы его оставили, но, пріѣхавъ въ Монтре, мы нашли тамъ совершенное лѣто. Голубое озеро блестѣло подъ лучами солнца, высокая гора Dent du Midi прорѣзывала легкія бѣлыя тучки, которыя плавали по горизонту и замокъ Шильонъ выступалъ окруженный прозрачнымъ туманомъ. Картина была чудная и вызвала воспоминанія о поэтахъ, воспѣвшихъ ее, и о герояхъ, созданныхъ ихъ фантазіей. Байронъ, Руссо, Julie, S-t Preux— всѣ эти тѣни невольно мелькали въ воображеніи. Пробывъ въ Монтре недѣли три, вмѣстѣ съ моей сестрой и ея мужемъ, мы отправились въ Женеву, гдѣ стали устраиваться на зиму. Мы наняли очень симпатичный вновь отдѣланный домъ, напротивъ нашей церкви и обставили его уютно, при помощи взятой на прокатъ мебели у обойщика и покупки необходимой домашней утвари, наняли кухарку и

лакея и, переѣхавъ изъ отеля, чувствовали себя какъ дома. Еще до переселенія нашего, Марія Зубова привела ко мнѣ въ Hotel des Bergus, гдѣ мы остановились, своихъ друзей, которые стали и моими друзьями. Главный изъ нихъ былъ M-r Naville. Онъ былъ профессоромъ философіи. Его обширный умъ и огромное знаніе были проникнуты высокимъ религіознымъ направленіемъ. На каедрѣ онъ удивительно говорилъ,—въ рельефныхъ и какъ бы отчеканенныхъ выраженіяхъ, спокойно, авторитетно, голосомъ, не терявшимъ до конца своей звучности и рѣчью, не знавшей торопливости или смущенія. Онъ болѣе всего любилъ порядокъ, выражая этимъ словомъ совокупность отношеній человѣка съ Богомъ и природой и указывая на единство законовъ, управляющихъ физическимъ міромъ и существомъ человѣка. Сравненія свои онъ часто бралъ изъ области геометріи и астрономіи и нерѣдко приводилъ цитаты изъ древнихъ философовъ, дошедшихъ путемъ работы ума до вывода нѣкоторыхъ истинъ, почерпанныхъ нами путемъ откровенія свыше.

Сергѣевъ былъ другимъ нашимъ другомъ. Въ бытность его офицеромъ и еще молодымъ, съ нимъ случился параличъ глазного нерва въ одномъ глазу и вскорѣ потомъ та же участь постигла и второй глазъ, и онъ безусловно и непоправимо ослѣпъ. Понятно отчаяніе его, вслѣдствіе такого ужаснаго несчастія, но, онъ не упалъ окончательно духомъ, а со всей своей энергіей предался научнымъ занятіямъ. Живя въ Парижѣ, онъ познакомился со

многими учеными, въ томъ числѣ съ Claude Bernard и переписывался потомъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Его секретарь читалъ ему много изъ области естественныхъ наукъ и физиологіи. Память его была изумительна. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ писалъ обширную книгу о снѣ. Онъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ съ родственниками своими, генераломъ Безобразовымъ и его дочерью Александрой Сергѣевной, умной, даровитой, красивой, для которой, конечно, пребываніе также въ городѣ, было слишкомъ серьезно, и она съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ выносила его. Сергѣевъ былъ большимъ другомъ всѣхъ Барятинскихъ. Онъ былъ очень красивъ и пріятенъ въ разговорѣ. Ко мнѣ былъ дружески привязанъ, читалъ мнѣ отрывки своего сочиненія и объяснялъ умно и ясно, чего я не понимала. Мнѣ нравилось то, что его несчастіе не замкнуло его отъ интересовъ и даже наслажденій жизни. Онъ приходилъ ко мнѣ, напримѣръ, и говорилъ: „Вотъ я былъ въ такомъ то мѣстѣ, непременно Вы должны туда съѣздить. Представьте себѣ“ . . . И онъ рисовалъ мнѣ картину открытаго имъ пейзажа, какъ будто онъ его видѣлъ своими глазами, и съ такимъ увлеченіемъ и любовью и глубокимъ чувствомъ красоты природы, какъ рѣдко встрѣчается даже между зрячими людьми. Другой разъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ ходилъ на Риги-Кульмъ вмѣстѣ съ другими обитателями гостиницы смотрѣть на восхожденіе солнца и описывалъ мнѣ величіе этого явленія. Слушая его, я представляла себѣ этого бѣднаго слѣпца,

стоящаго одиноко, въ своей вѣчной темнотѣ, отдаленнаго отъ ощущеній всѣхъ прочихъ, и мнѣ стало страшно жаль его. Я ему сказала: „Но не увеличиваютъ ли такіе моменты обыкновеннаго чувства Вашего лишенія“. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Нѣтъ. Я стою въ группѣ лицъ, наблюдающихъ это великолѣпное явленіе, и ловлю первое ихъ впечатлѣніе, первый ихъ знакъ восхищенія. Каждый поражается той или другой подробностью: изъ всѣхъ ихъ возгласовъ, мое воображеніе создаетъ общую картину и представляетъ ее себѣ такъ ясно, что иллюзія почти полная. Къ тому прибавляется живительность горнаго утренняго воздуха, ощущеніе первыхъ лучей солнца и все вмѣстѣ — прекрасно„ . . . ,

Нѣсколько другихъ пріятныхъ знакомствъ доставила мнѣ гостепріимная Женева, при моемъ вступленіи въ ея черту. Общество ихъ, и занятія мои объективнаго свойства, интересныя, но лишенныя всякаго элемента страстности, залѣчивали мои возбужденные нервы и я чувствовала давно неиспытанное мирное отдохновеніе.

Около этого времени, если не ошибаюсь, вышли первыя книги Макса Мюллера о сравнительной филологіи, объ общемъ корнѣ всѣхъ арійскихъ нарѣчій и о развѣтвленіи его въ трехъ главныхъ подраздѣленіяхъ — санскритскомъ, греческомъ и латинскомъ. По крайней мѣрѣ, для насъ это было открытіемъ. Мы слушали очень интересные курсы по этимъ предметамъ, и также по изученію древнихъ индійскихъ религій, особенно буддизма. Позна-

комились съ очень ученымъ раввиномъ, который читалъ намъ дополнительныя лекціи, по этимъ предметамъ, равно какъ и о еврейской кабалѣ. Въ то же время, присутствовали на публичныхъ лекціяхъ М-г Навиля, развивавшаго исторію греческой философіи и останавливающагося особенно на Пиеагорѣ и Платонѣ. Для меня эти занятія имѣли огромный интересъ. Исторія человѣческой мысли меня всегда завлекала, и здѣсь я имѣла такое богатое представленіе о самыхъ высокихъ проявленіяхъ человѣческаго разума. Моя религія была слишкомъ твердо основана на камнѣ вѣры и познанія, и при томъ запечатлѣна побѣдой, одержанной надъ сомнѣніями, чтобы эти изученія ее могли поколебать. Они только открывали мнѣ огромный, широкій горизонтъ. Мнѣ казалось, что вмѣсто низкаго потолка надъ моей головою, поднимаются высокіе своды, какъ у готическихъ соборовъ, доходящихъ только почти, но не до неба—такъ какъ это все таки не было христіанство. А христіанство одно содержитъ для меня абсолютную истину.

Въ воображаемой мною схемѣ по этому предмету я представляю ее себѣ такъ: каждая изъ религій, которыми жило и живетъ нехристіанское человѣчество, въ теченіе долгихъ вѣковъ, безъ сомнѣнія, содержитъ въ себѣ большую или меньшую часть истины, подобно тому, какъ въ отдѣльныхъ лучахъ свѣта, разбивающихся въ радугу, содержится тотъ же свѣтовой элементъ, несмотря на разность внѣшняго проявленія каждой изъ его частей. Эти лучи въ соединеніи производятъ

абсолютный свѣтъ—какъ и отдѣльныя доли истины, соединенныя въ свѣтъ Божескаго откровенія, получаемаго въ христіанствѣ, сіяють вмѣстѣ сіяніемъ вѣчнымъ. Мы чувствуемъ со всѣмъ человѣчествомъ однородность въ нашей потребности вѣрить; поэтому изученіе этихъ таинственныхъ религій такъ завлекательно. Къ сожалѣнію, ему предаются большею частью, лица, не изучившія серьезно глубины христіанства, смѣшивая его съ ежедневнымъ отправленіемъ его обрядовъ, тогда какъ они видятъ древнія религія въ ореолѣ ихъ идеальной высоты и восторгаются ими. Какія бы то ни были теченія философской мысли (и эти теченія сильно колеблютъ въ настоящее время основы нашихъ вѣрованій), истина останется истиной и не разъ придется повторить слова Спасителя: „Камень, которымъ пренебрегли зиждущіе, тотъ стоитъ во главѣ угла.“ Въ этихъ бѣглыхъ страницахъ касаюсь моихъ личныхъ воззрѣній, не болѣе. Поэтому ни съ кѣмъ не полемизирую и никому моихъ мнѣній не навязываю, но считаю долгомъ открыто исповѣдывать то, чему вѣрю глубоко.

Мы видѣлись съ нашими друзьями постоянно, то занимаясь нашими общими научными интересами, то, проводя время въ непринужденныхъ бесѣдахъ, оживленныхъ ихъ блестящими умами.

Дома я долго занималась живописью, масляными красками, до сихъ поръ я не писала пейзажей, но здѣсь, посреди дивной природы, мнѣ захотѣлось пріобрѣсти возможность воспроизводить нѣкоторые изъ ея моментовъ. Я

пригласила отличнаго учителя Guigon и, подъ его руководствомъ, написала сначала нѣсколько копій, а потомъ лѣтомъ самостоятельно стала писать съ натуры. У меня мало развито чувство пластики и формы, поэтому я не хорошо рисую, но во мнѣ очень ясно чувство колорита, а въ изображеніи горизонта, неба, воды, дали, это дарованіе находитъ свое примѣненіе. Каждое утро, часа два я рисовала предъ своимъ мольбертомъ, находя въ этомъ безмолвномъ занятіи какое то пріятное успокоеніе. Вечеромъ я играла на фортепьяно; вся партитура Локенгрена была моею любимой темой; до сихъ поръ эта опера является для меня высшимъ выраженіемъ поэзіи въ звукахъ. Все это составляло мирную атмосферу, которою я особенно дорожила въ виду ожидаемаго мною ребенка. Теперь я страстно желала имѣть дѣвочку, взамѣнъ моею бѣдной дѣвочки, только промелькнувшей въ жизни, и противъ которой я чувствовала себя виноватой. Изъ за ея замѣстительницы я старалась быть спокойной, чтобы не передать ей въ наслѣдство мои мятежные нервы. Я желала, чтобы она была бодра, какъ вдыхаемый мной живительный воздухъ Женевы, уравновѣшана, какъ синтезъ слышанныхъ мною философскихъ ученій, который я находила въ вѣрѣ въ Великаго Бога и Отца вселенной и въ братствѣ людей,—радостна, какъ лучи солнца, играющіе на поверхности голубаго озера и ярко окрашивающіе вершины Салева. У меня было внутреннее убѣжденіе, что родится дѣвочка, и мы уже заранѣе назначили ей имя Вѣры, по имени

героини моего романа и моей любимой добродѣтели. И все это сбылось. Явились моя маленькая Вѣра $\frac{4}{16}$ Января и была записана *citoyenne de Genève* съ правомъ на *pension alimentaire* отъ города, если бы она впала въ нищету. Таковъ законъ касательно всѣхъ, родившихся въ этомъ гостепріимномъ городѣ. Моя мать пріѣхала къ намъ по этому случаю вмѣстѣ съ моимъ братомъ, но должна была уѣхать черезъ нѣсколько дней, когда я уже поправлялась, такъ какъ ей было необходимо присутствовать на бракосочетаніи Великаго Князя Владиміра Апександровича съ Принцессой Маріей Мекленбургъ-Шверинской.

Съ рожденіемъ моей дѣвочки кончилась темная полоса, захватившая нѣсколько лѣтъ моей молодой жизни. Пройденныя испытанія были очень тяжелы, но я вышла изъ нихъ, благодаря Бога, съ обновленнымъ духомъ и съ укрѣпленными силами и не разъ припоминала слова, сказанныя M-me André: „Croyez moi, mon enfant, la vie la mieux gardée est celle que gardent les peines!“

На лѣто мы взяли прелестную загородную виллу: la petite Pierrière, домъ, красиво устроенный для самихъ владѣльцевъ, стоялъ сравнительно съ садомъ на возвышенности, садъ спускался по склону къ озеру и оканчивался каменной набережной, вдоль которой аллея, окаймленная розами, вела къ каменной же пристани.

Въ стоящей вблизи бесѣдки моя милая дѣвочка проводила дни съ кормилицей своей, Jeannette Reverchon, и съ нашей русской

няней. Мнѣ представлялось, что великая природа, окружавшая эту начинающуюся маленькую жизнь, должна была проникнуть безсознательно въ ея существо и зародить въ ней чувство красоты. Озеро съ его удивительными переливами красокъ и тѣней было то ярко синее, то зеленоватое, а въ дремлющіе жаркіе дни принимало оттѣнки опала. За нимъ двойной рядъ горъ съ мелькающими домиками на первомъ планѣ. Между ними выдѣлялась villa Diodati, гдѣ жилъ лордъ Байронъ, я ее видѣла изъ моихъ оконъ и думала о его твореніяхъ, навѣянныхъ красотой окружающей природы. А позади величавый Монбланъ стоялъ укутанный въ своемъ вѣчноснѣжномъ покровѣ, то искрящійся подъ сіяніемъ солнечныхъ лучей, то загорающійся въ часы заката ярко пурпуровымъ свѣтомъ и потомъ постепенно потухающимъ, подобно организму, покидаемому жизнью, которая запечатлѣваетъ на немъ синеватую блѣдность смерти.

Изъ мѣстныхъ жителей, чаще всего этимъ лѣтомъ я видѣла William de la Rive, сына извѣстнаго ученаго, очень умнаго человѣка, впрочемъ болѣе парижанина, чѣмъ швейцарца, и представлявшаго собой свѣтскій элементъ нашего общества. У него были двѣ прелестныя виллы и виноградники въ окрестностяхъ города, гдѣ онъ насъ принималъ, самъ бывая у насъ очень часто. Юсуповы жили въ своей дачѣ Татьянаѣ, тоже на берегу озера, но ближе къ Лозаннѣ. Мы бывали другъ у друга оставаясь, не менѣе, чѣмъ на цѣлыхъ полдня, какъ настоящіе деревенскіе сосѣди, такъ какъ

разстояніе было довольно большое и нужно было ѣхать на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ, кромѣ того масса русскихъ знакомыхъ проѣзжало черезъ Женеву, останавливаясь, болѣе или менѣе, продолжительно, бывая всегда у насъ. Такъ, мы видѣли: тетю мою, княгиню Прозоровскую съ дочерьми и вмѣстѣ поднимались на самый верхъ Салева къ Навилу, жившему тамъ въ своемъ Chalet Grange Gaby; друзей нашихъ, Сакеновъ, покидающихъ Флоренцію и направляющихся къ мѣсту новаго назначенія графа, Дармштадту; двоюродную сестру моего мужа, княгиню Шаховскую, которая помѣстила сына своего Володю въ пансіонъ въ Лозаннѣ, поручивъ его нашему наблюденію и прося брать его къ намъ въ праздничные дни. Онъ женился въ послѣдствіи на племянницѣ моей, княжнѣ Маріи Анатоліевнѣ Куракиной, и сдѣлался вдвойнѣ моимъ племянникомъ.

Разъ, по возвращеніи моемъ съ прогулки, я была неожиданно обрадована, заставъ у себя принцессу Евгенію Максимиліановну съ фрейлиной своей Софіей Ивановной Нелидовой. Я не знала о пріѣздѣ Принца Ольденбургскаго въ Женеву, куда они только что пріѣхали, и радость моя была огромна при свиданіи съ нею. Она рассказала мнѣ живо и умно о всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ и интересныхъ для меня эпизодахъ Петербургской жизни Пахло роднымъ отъ ея рассказовъ, переносившихъ меня въ нашу обычную среду. Настроенія и лица такъ быстро мѣняются, что нѣкоторые эпизоды казались почти невѣроятными. Можно было отгадать изъ группировки фактовъ, что

въ умахъ совершается какой то процессъ броженія. Мое сердце рвалось къ Россіи и жаждало принять участіе въ интересахъ нашей современной жизни. Но покамѣстъ надо было оставаться въ Женевѣ, и жить интересами нашей созерцательной жизни. Въ то время гремѣлъ своимъ краснорѣчіемъ бывший монахъ Патеръ Hyacinthe. Послѣ разрыва своего съ Римско-Католической церковью онъ поселился въ Женевѣ и съ замѣчательнымъ даромъ слова проповѣдывалъ о какой то единой церкви будущаго, долженствовавшей въ его представленіи соединить всѣ Христіанскія религіи. Рѣчь его была эффектна, но мысли туманны.

Тѣмъ не менѣе это былъ крупный талантъ и замѣчательный ораторъ. Евгенія Максиміановна была на его проповѣди, послѣ чего пріѣхала завтракать къ намъ. День былъ дивный, теплый; мы сидѣли въ саду и говорили о вѣчныхъ предметахъ передъ вѣчными красотоми природы. Вскорѣ Принцесса переѣхала со всѣмъ домомъ въ Evian, гдѣ уже находился старшій братъ Принца, Николай Петровичъ, съ его супругой графиней Остернбургъ.

Я ѣздила туда съ моимъ мальчикомъ, дружнымъ съ колыбели съ Петромъ Александровичемъ. Мы очень любили наши поѣздки. Въ 8 часовъ утра мы отправились въ нашей одноконной коляскѣ на пароходную пристань въ Женеву. Когда я вставала раннимъ утромъ и открывала окна, то готова была ахнуть отъ восхищенія при видѣ величественной картины восхода солнца надъ вершинами горъ. Весь

путь во время нашей быстрой ѣзды вдоль чуднаго озера, при свѣжести благоухающаго утра, давалъ намъ прелестныя впечатлѣнія. На пристани въ Evian Евгенія Максимиліановна встрѣчала насъ и увозила съ собой, а послѣ завтрака мы ѣздили иногда всѣмъ обществомъ по живописнымъ мѣстамъ, окружающимъ насъ. Я читала тогда романъ Шербиллье, мѣстомъ дѣйствія котораго онъ избралъ какъ разъ эту мѣстность, и могла убѣдиться въ вѣрности его описаній. Мы возвращались къ обѣду. Иногда я заставала у мужа de la Rive и мы проводили вечеръ на террасѣ въ оживленныхъ разговорахъ, слѣдя за вспыхивающимъ яркимъ пурпуромъ Монбланомъ, за постепеннымъ его угасаніемъ и за наступленіемъ сумерекъ. А лунныя ночи! Что эта была за прелесть и за поэзія. Впечатлѣнія отъ нихъ просились выразиться стихами, но стиховъ я не хотѣла писать: мои нервы были спокойны, я не желала будить ихъ. Мое здоровье, дѣйствительно, поправилось, я ощущала неожиданный приливъ силы и бодрости духа. Говоря словами Псалма, я чувствовала „Обновленія яко орля юности моей“. Съ улыбкой вспоминала, какъ во время пріѣзда моего въ Парижъ осенью 1869 г. на вопросъ: почему я одѣваюсь въ черномъ, не въ траурѣ ли я, отвѣчала: „je porte le deuil de ma jeunesse“ Нѣтъ! Не умерла моя молодость, она только прошла черезъ горнило испытаній, гдѣ оставила много эгоистичнаго, мѣшающаго исполненію призванія моего на землѣ, и, облегченная, она свободнѣе могла стремиться теперь къ назначенной сознанной цѣли. Цѣль эту я видѣла

въ томъ, что называется нынче альтруизмомъ. Опытъ всего пережитаго и еще болѣе передуманнаго долженъ былъ служить на пользу моихъ ближнихъ. Я думала о моей великой Родинѣ. Въ отношеніе ея я все еще стояла на впечатлѣніяхъ шестидесятихъ годовъ; мои личныя скорби слишкомъ поглощали меня и я уже не слѣдила за политическими измѣненіями. Поэтому, я съ прежнимъ энтузіазмомъ относилась къ настоящему „освободительному движенію“, получившему начало съ высоты Престола и съ нетерпѣніемъ ожидала возможности примѣнить къ дѣлу его начертанія въ скромной предоставленной мнѣ аренѣ въ Тверской губерніи. Наши элементарныя школы въ Степановскомъ, гдѣ учили по азамъ, могли дать дѣтямъ только механизмъ процесса чтенія, оставляя въ сторонѣ всякую идею о развитіи. Моя мечта была устроить настоящую воспитывающую школу, направляющую въ желаемомъ смыслѣ развитіе будущаго поколѣнія. Познакомившись въ Женевѣ съ барономъ Корфомъ, извѣстнымъ дѣятелемъ Екатеринославской губерніи по земскимъ и особенно школьнымъ дѣламъ, я получила отъ него много полезныхъ указаній, резюмированныхъ въ книгѣ его, которую онъ мнѣ далъ на память. По этому же вопросу Навиль говорилъ мнѣ объ отцѣ Жирарѣ, устроившемъ въ Фресбургѣ образцовыя начальныя школы и далъ мнѣ свою собственную записку, гдѣ онъ развивалъ ту же мысль, которую Жираръ осуществлялъ на дѣлѣ, именно: что образованіе и воспитаніе должны быть неразрывно связаны, иначе получается уродство, въ родѣ того, какъ

еслибъ въ человѣческомъ тѣлѣ, одинъ органъ развивался чрезмѣрно на счетъ другого, отъ чего бы произошла для послѣдняго атрофія, засимъ слѣдуетъ опредѣленіе основъ воспитанія и направленіе школы по избранной оріентаціи. Эта записка такъ мнѣ понравилась, что я перевела ее на русскій языкъ и въ послѣдствіи передала ее моимъ учителямъ въ руководство.

Однимъ изъ яркихъ впечатлѣній этого лѣта была поѣздка въ Шамуни и горныя экскурсіи отъ этого пункта. Воздухъ на этихъ высотахъ до того живителенъ, что онъ, какъ будто, васъ приподнимаетъ и не чувствуешь усталости. Ходишь весь день опираясь на свой *Alpenstock* по крутизнамъ, то вверхъ то внизъ, то спускаясь по узкой тропинкѣ, высѣченной въ скалѣ, и носящей даже названіе—*Le Mauvais pas*. Надъ зіяющей голубой ледяной бездной, въ которую жутко было бы посмотреть при неумолкаемомъ ревѣ потоковъ, стремящихся бѣгущими другъ за другомъ волнами мимо огромныхъ неподвижныхъ скалъ на подобіе людскихъ поколѣній, тоже стремительно бѣгущихъ мимо неподвижныхъ безмолвныхъ вѣковъ. Въ этой титанической пустынѣ, гдѣ я была большею частью одна, съ моимъ старымъ гидомъ, все условное, казалось, отпадало и я чувствовала себя въ близкомъ общеніи съ великою природой, и, смѣю сказать, съ Творцомъ столькихъ чудесъ. Трудно мнѣ выразить радостное доброе чувство, меня охватившее, благодаря которому я легко и безбоязненно проходила по всѣмъ опаснымъ мѣ-

стамъ. Я какъ то разъ сказала моему гиду, что у меня дома шестилѣтній мальчикъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: „Ah! Madame a un petit garçon de six ans? Ah bien s'il est aussi dégourdi que sa maman, il doit être bien gentil!“ Признаюсь, комплиментъ его былъ мнѣ пріятенъ.

Я ѣздила въ Кирхбергъ къ принцессѣ Маріи Максимилиановнѣ. Это имѣніе, принадлежавшее Ея супругу принцу Вильгельму Баденскому, находится на самомъ берегу привѣтливаго свѣтло - голубаго Констанскаго озера. Жили они въ прекрасно устроенномъ зданіи давно упраздненнаго католическаго монастыря, носящаго характеръ XV столѣтія и высѣченнаго изъ старыхъ сѣрыхъ камней. Другой монастырь еще обширнѣе находится въ центрѣ другого большого имѣнія принца, Салемъ. Мы туда ѣздили; мѣсто очень живописно и внушительно. Вообще, около Констанскаго озера сосредоточивалось въ былыя времена много аббатствъ и монастырей. Волна реформаціи разсѣяла живущихъ въ нихъ монаховъ, но камни говорятъ о прежней жизни, такъ странно совмѣщающей страстное стремленіе къ всемірному владычеству съ самоумерщвленіемъ исполняемыхъ монашескихъ обѣтовъ.

Княгиня Бяратинская пріѣхала на нѣкоторое время. Она была живымъ членомъ нашего кружка и одинаково дружна съ Маріей Николаевной Зубовой и со мною. Съ ней мы ѣздили къ княгинѣ Витгенштейнъ (ея belle soeur) въ ея виллу Монабри, недалеко отъ Уши. Княгиня была по прежнему великолѣпно

хороша съ высокимъ гордымъ станомъ и чудными черными глазами. Въ одинъ изъ моихъ приѣздовъ я встрѣтила у нея M-me Craven, рожденную La Ferronaus, женщину большого ума и автора нѣкоторыхъ интересныхъ біографій и менѣе удачныхъ романовъ, впрочемъ прекрасно написанныхъ. Она провела въ Россіи нѣсколько лѣтъ своей первой молодости, такъ какъ отецъ ея былъ французскимъ посломъ въ Петербургъ и знала всѣхъ моихъ родныхъ, домъ Татьяны Борисовны былъ ей особенно знакомъ по дружбѣ, соединяющей ея отца съ моей тетушкой; сама же она училась танцевать вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и сказала мнѣ, что она бы узнала меня по моему сходству съ нимъ. Эти воспоминанія сблизили насъ съ перваго раза. Ея умный и тонкій разговоръ и общая наша любовь къ литературѣ довершили мою симпатію къ ней, уже давно зародившуюся при чтеніи семейной хроники, собранной ею и выпущенной въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Récits d'une Soeur*“.

Мы рѣшились оставаться еще зиму въ Женевѣ для укрѣпленія нашего здоровья и, главнымъ образомъ, въ виду предстоящаго отнятія отъ груди маленькой Вѣры, что было бы опасно совершить при переѣздахъ и перемѣнѣ климата. Жизнь потекла въ тѣхъ же рамкахъ, но въ ней образовался для меня новый элементъ, въ лицѣ княгини Горчаковой, которую въ прошломъ году мнѣ приходилось видѣть еще рѣдко. Княгиня Агафоклея Николаевна была вдова Князя Михаила Дмитріевича, главнокомандующаго нашей арміей во время Крым-

ской войны. Выбравъ Женеву своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, лѣтомъ она уѣзжала въ курорты Германіи, гдѣ встрѣчалась со своими дочерьми, изъ которыхъ старшая была замужемъ за генераломъ Столыпинымъ (мать нынѣшняго нашего премьеръ-министра). Она меня полюбила такъ горячо и матерински, что я была тронута и отъ души платила ей тѣмъ же. M-r de La Harpe, племянникъ воспитателя Государя Александра Павловича, былъ ея другомъ и частымъ посѣтителемъ. Онъ былъ удивительно ученъ, особенно какъ знатокъ еврейскаго языка и литературы и проводилъ все время за книгами и въ великолѣпной библіотекѣ, занимавшей одну изъ главныхъ залъ его красивой виллы. Жена его была сестра извѣстнаго префекта Парижа Гаусмана, перестроившаго весь городъ во время второй Имперіи, но она не раздѣляла свѣтскихъ взглядовъ семьи ея брата, будучи строгой Методисткой. Мужъ ея былъ Кальвинистъ. Княгиня Горчакова приглашала меня по вечерамъ съ ними, при чемъ разговоръ былъ всегда на библейскія темы, гдѣ ля-Гарпъ являлся специалистомъ и учителемъ. Съ кальвинистской доктриной предопредѣленія я, конечно, не могла согласиться и горячо съ нимъ спорила. Княгиня Горчакова, улыбаясь, говорила мнѣ потомъ: „C'est à payer, ses places de vous voir vous débattre avec lui—avec vos yeux noirs“. Онъ даже разъ обидѣлся и сказалъ, что мы должны остерегаться, чтобы не походить на тѣхъ женщинъ, о которыхъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Тимо-

ею—всегда учащихся и никогда не могущихъ дойти до познанія истины. Мы видѣли другихъ пасторовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ очень умныхъ, высокохристіанскихъ и широко образованныхъ, и я ѣздила съ княгиней на ихъ конференціи. Эта атмосфера была для меня очень симпатичной и я много работала сама по возбуждаемымъ вопросамъ и темамъ.

Въ Женеву на короткое время приѣхалъ графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій (бывшій Министръ Путей Сообщенія). Я его мало знала, встрѣчаясь съ нимъ только въ свѣтѣ; онъ мнѣ даже не нравился, такъ какъ я находила случайно слышанные его разговоры съ нѣкоторыми дамами не слишкомъ корректными. Тутъ, къ удивленію моему, онъ показался мнѣ въ новомъ видѣ. Съ нимъ сдѣлалось полное превращеніе. Одно время, какъ онъ объяснялъ мнѣ, онъ былъ полнымъ атеистомъ, теперь же, подъ вліяніемъ Радстока и Пашкова, онъ сдѣлался убѣжденнымъ христіаниномъ. Мнѣ симпатично было его признаніе, что это новое направленіе привело его къ пониманію ученія нашей церкви, и что онъ привязался къ ней вслѣдствіе сдѣлавшагося съ нимъ религіознаго переворота. Но, къ сожалѣнію моему, онъ не остался на этой точкѣ; когда я съ нимъ встрѣтилась въ Петербургѣ, онъ отдѣлился уже мысленно отъ церкви и нравственно принадлежалъ къ сектанству. Тогда мы были вполне единомышленны. Мы проводили пріятные вечера у княгини Горчаковой, послѣ которыхъ онъ провожалъ меня пѣшкомъ до нашего дома, находившагося вблизи.

Барятинскіе провели эту зиму въ Женевѣ, нужно ли говорить о моемъ счастьи? Мы видѣлись постоянно живя одною жизнью. Князь Викторъ Ивановичъ (мужъ моей подруги), бывшій морякъ, былъ олицетвореніемъ русскаго барина, европейски образованнаго, страстно любящаго свою родину, съ высокимъ понятіемъ о чести, съ простотой обращенія и съ достоинствомъ, лишеннымъ всякой спѣси своего аристократическаго происхожденія. Онъ написалъ живыя и интересныя воспоминанія о Севастопольской оборонѣ, въ которой участвовалъ, и о Кавказѣ во времена князя Воронцова. Братъ его, фельдмаршалъ, помимо своей военной знаменитости, былъ другомъ Императора Александра II. Сохранилась обширная переписка его съ Государемъ, гдѣ затрагивались всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи, представляющая собою огромный историческій интересъ.

Весною мы дѣлали вмѣстѣ экскурсіи по живописнымъ окрестностямъ; одна изъ нихъ осталась живой въ моей памяти. Въ чудную погоду мы отправились на пароходѣ въ Коппе, извѣстное имѣніе г-жи Сталь, гдѣ она пробыла нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи, по распоряженію Наполеона I, и откуда, окруженная всею роскошью природы, она грустно писала: „j'aime mieux le ruisseau de la Rue du Bac,“ такъ какъ ничто не замѣняло для нея умныхъ Парижскихъ салоновъ, составлявшихъ ея жизнь. Я чувствовала себя особенно хорошо съ моей милой Коконою и ея мужемъ, раздѣлявшимъ всегда живо наши удовольствія. Осмотрѣвъ

домъ, мы гуляли по саду, одѣтому всею свѣ-
жестью своего весенняго наряда и наполнен-
ному веселымъ пѣніемъ птицъ. Впереди насъ
бѣжали наши дѣти. Мой Кира посреди двухъ дѣ-
вочекъ Барятинскихъ, нѣсколько старше и выше
его, съ развивающимися бѣлокурыми длинными
волосами, спускающимися на плечи. Я сказала
Коконѣ: „какая прелесть, этотъ садъ, дающій
впечатлѣніе земнаго рая“.—Да, отвѣчала она
и, указывая на дѣтей, прибавила, смѣясь: вотъ
маленькая душа среди своихъ двухъ Ангеловъ-
Хранителей—а тамъ въ кустахъ два демона
(въ лицѣ Володи Шаховскаго и Виктора Ба-
рятинскаго, двухъ мальчиковъ лѣтъ 14), иску-
шающихъ ихъ на шалости. Мы разсмѣялись и
долго звали Лили и Ольгу Барятинскихъ
Ангелами-Хранителями маленькаго Киры.

Скоро мы покинули Женеву, я, благодаря
её въ душѣ за все, что испытала хорошаго
здѣсь въ теченіе этихъ двухъ мирныхъ лѣтъ.
На прощанье я написала для Навиля малень-
кую картину, изображающую заходъ солнца, съ
большимъ деревомъ на первомъ планѣ. Я
мысленно уподобила эту тему съ закатомъ его
жизни, яснымъ и спокойнымъ, примѣнивъ ему
слѣдующій стихъ: „Rien ne trouble sa fin, c'est
le soir d'un beau jour“.

Тридцать лѣтъ послѣ сего, будучи въ Виши,
я нарочно заѣхала въ Женеву, чтобы увидѣть
моего стараго друга (теперь уже ему 90 лѣтъ).
Онъ показалъ мнѣ картину и память его со-
хранила всѣ подробности нашей тогдашней
встрѣчи. Это меня тронуло.

Мой мужъ уѣхалъ въ Россію для обзора

имѣній, а я съ дѣтьми направилась въ Парижъ, а оттуда черезъ недѣлю на морскія купанія въ Ульгатъ. Въ первый разъ, я видѣла Парижъ послѣ ужаснаго пожара. Парижъ имѣлъ тотъ же беззаботный видъ, публика стремилась на бѣга въ Лоншанъ, но мои родственники были страшно грустны. Болѣе всего ихъ огорчала та широкая волна матеріализма, которая затопляла, по ихъ мнѣнію, всякую идею о религіи, о родинѣ, о реваншѣ „Ce n'est pas un grand peuple, qui se relève“, говорили они. Всѣ были благодарны заступничеству нашего Государя, предотвратившаго своимъ могучимъ словомъ новое нападеніе Германіи. Другіе родственники, оставляя на время политику въ сторонѣ, ликовали по поводу семейнаго счастливаго событія. Это были укоренившіеся въ Парижѣ Голицыны. Князь Августинъ Петровичъ состоялъ въ одинаковой степени родства съ моимъ отцомъ по мужеской линіи, какъ и съ моимъ мужемъ по женской. Мать его была полька (Золотницкая), и такъ какъ мужъ ея не оказывалъ ей препятствій, то всѣ ея дѣти были крещены и воспитаны католиками. Августинъ женился на французенкѣ изъ знатнаго рода La Roche Aumon и занималъ мѣсто въ coterie г-жи Свѣчиной вмѣстѣ съ Монталамберомъ, Фаллуи, Лякордеромъ и другими. Самъ онъ писалъ статьи въ Correspondant и его перу принадлежитъ біографія Татьяны Борисовны Потемкиной, очень неполная, такъ какъ ему мало извѣстны были подробности ея богато-дѣятельной жизни. Его дочь, недавно выпущенная изъ воспитавшаго ея монастыря,

была ослѣпительной, поражающей красоты; предъ самымъ моимъ прїѣздомъ въ Парижъ, она вышла замужъ за герцога де Шонъ (Chaulnes) представителя одного изъ первыхъ именъ и первыхъ состояній Франціи. Августинъ былъ въ высшей степени счастливъ этой блестящей свадьбой и принесъ мнѣ портреты молодыхъ. Въ фамиліи его зятя было три герцогскихъ титула, кромѣ того, который онъ носилъ. Старшій братъ былъ герцогомъ де Льюинъ, а вдовствующая мать герцогиней де Шеврезъ. Къ сожалѣнію, этотъ бракъ не принесъ ожидаемаго счастья. Молодая герцогиня была легкомысленна, а ея *belle mère* клерикально строга. Цѣлый рядъ романическихъ, потрясающихъ событій привелъ къ преждевременной смерти молодого герцога и передачи дѣтей его матери. Сама же молодая герцогиня послѣ скандальнаго громкаго процесса, озаглавленнаго въ судебной хроникѣ Гартъ: „Entre Duchesses“, умерла на 26 году отъ рожденія въ бѣдной обстановкѣ отъ чрезмѣрнаго употребленія морфина.

Князь Августинъ, къ счастью своему, не видалъ крушенія блестящаго положенія своей любимой дочери; вскорѣ послѣ нашего свиданія, онъ уѣхалъ на лѣченіе въ Пломбьеръ, гдѣ заболѣлъ и скончался. Княгиня уѣхала въ Россію съ двумя своими сыновьями, которые поступили на службу у себя въ отечествѣ. Младшій Андрей, даровитый и умный, женился на одномъ изъ Ангеловъ-Хранителей маленькаго Киры, княжнѣ Леониллѣ Викторовнѣ Бярятинской.

Въ Ульгатѣ сезонъ еще не начался и мы

были почти одни Мы заранѣе списались насчетъ нашего помѣщенія и наняли цѣлую дачку, очень красиво меблированную съ садикомъ и видомъ на море и устроились въ ней по домашнему, что я всегда предпочитала, оставаясь на продолжительный срокъ, жизни въ пансіонѣ или Отелѣ. Я посвящала себя моему мальчику, такъ какъ гувернантка его Mlle Deventay осталась въ Женевѣ. Мы проводили дни на пляжѣ, вдыхая соленый морской воздухъ, слѣдя за ежедневнымъ приливомъ и отливомъ высокихъ, вѣчно шумящихъ волнъ. Иногда, оканчивая гулянье, мы садились въ оставленную на берегу лодку, и я читала ему вслухъ и отвѣчала на его дѣтскіе пытливые вопросы. Вечеромъ я сидѣла на моемъ балконѣ, любуясь внезапными озареніями волнъ фосфорическимъ блескомъ, производимымъ, какъ говорятъ, особаго рода инфузоріями, получавшими это свойство въ извѣстное время года. Мало по малу, публика подѣзжала. Въ числѣ прибывшихъ была г-жа Бутенева, мать моего друга княгини Бярятинской, со своими сыновьями Михаиломъ Аполлинаріевичемъ, состоящимъ при посольствѣ въ Лондонѣ, и Константиномъ, морякомъ, недавно окончившимъ кругосвѣтное плаваніе. Въ настоящее время, за смертью своего старшаго брата, онъ получилъ большое состояніе вмѣстѣ съ титуломъ и фамиліей графа Хрептовича, брата его матери. Кромѣ того мы познакомились съ нѣкоторыми посѣтителями нашего морскаго побережья. Между французами были люди нашего общества, съ которыми мнѣ было пріятно возобновить знакомство.

Княгиня Горчакова пріѣхала въ Трувилъ вмѣстѣ со своею дочерью Софіей Михайловной Стааль, мужемъ послѣдней (нашимъ посломъ въ Англіи) и дочерью Теклой, немного старше Киры, съ которой мы уже познакомились въ Женевѣ (теперь она замужемъ за графомъ Орловымъ-Давыдовымъ). Я застала мою милую княгиню утомленной шумомъ людного сборища въ Трувилѣ и больной отъ изысканной и пряной отелльной ѣды. Я ихъ пригласила всѣхъ завтракать къ себѣ. У меня была отличная кухарка, *M-me Leroy*, настоящая *Cordon bleu*. Княгиня была такъ довольна ея *vol au vent* и прочими блюдами, что увѣряла, будто мой завтракъ ее вылѣчилъ и ей такъ понравился видъ нашей приморской колоніи, что она тутъ же поручила зятю своему Егору Егоровичу Стааль переговорить съ владѣльцемъ опустѣвшей на дняхъ сосѣдней виллы. Она была взята ими и черезъ день они сдѣлались нашими ближайшими сосѣдями. Я была очень рада. Княгиня относилась ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ съ нѣжностью матери и я ее тоже искренно любила. Общество супруговъ Стааль съ ихъ умомъ, культурой, дипломатическамъ опытомъ было пріятнымъ элементомъ для обмѣна мыслей и разговоровъ на самыя разнородныя темы. Иногда я совершала съ посломъ длинныя прогулки пѣшкомъ, а Кира и Текла весело бѣжали передъ нами. Непосредственно за пляжемъ возвышается гора, поперекъ которой построено два ряда дачъ (наши въ томъ числѣ), а на возвышенности открываются настоящіе деревенскіе поля, луга

и рощицы съ пересѣкающимися красивыми тропинками, сбѣгающими по обрывамъ. Княгиня Горчакова уѣхала немного раньше насъ. Она пришла ко мнѣ въ послѣдній разъ утромъ въ день своего отъѣзда и со слезами на глазахъ простилась со мной, прибавивъ, что, по всей вѣроятности, не увидитъ уже меня на землѣ, такъ какъ я уѣзжала въ Россію, а она возвращалась въ Женеву, куда я врядъ ли приѣду. Дѣйствительно, это была наша послѣдняя встрѣча. Она мнѣ писала первые годы, но когда я заѣхала въ Женеву тридцать лѣтъ спустя послѣ памятнаго для меня пребыванія нашего, добрая любящая меня княгиня уже давно покоилась сномъ вѣчнымъ. Съ любовью и благодарностью вспоминаю о ней всегда.

Въ вагонѣ, мчавшемъ меня на мою родину, я размышляла о томъ, что вступаю въ новую эру. Мнѣ казалось, что я научилась, наконецъ, владѣть собой и ясно опредѣлять оріентацію моей жизни; что періодъ бурь и грозъ кончился и, что пора выдти изъ области фантазіи и идеологій, чтобы облечь эти идеи въ дѣйствительныя формы. Въ этомъ настроеніи я возвратилась въ Петербургъ въ концѣ Октября 1875 года.

